

**ПРОТИВ
ФАШИСТСКОГО
МРАКОБЕСИЯ
И ДЕМАГОГИИ**

СОЦЭКГИЗ
1936

ПРОТИВ
ФАШИСТСКОГО МРАКОБЕСИЯ
И ДЕМАГОГИИ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

*И. Дворкина, А. Леборина, М. Каммар,
М. Митина, М. Савельева*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1936

Сборник «Против фашистского мракобесия и демагогии» посвящен разоблачению идеологии германского фашизма. Идеологическая борьба с фашизмом — настоятельная задача. Сборник имеет своей задачей разоблачить и вскрыть реакционную, демагогическую и крупнокапиталистическую суть наиболее реакционной, германской, разновидности фашизма. В статьях сборника разоблачаются различные стороны «мировоззрения» германского фашизма, его террор против революционного пролетариата, его борьба против культуры и науки, его демагогия, проповедь империалистической войны, грабежа и колониальной эксплуатации, войны против СССР под флагом «расовой теории».

Напечатано по распоряжению Академии наук СССР.

Непременный секретарь Академии наук *Н. П. Горбунов*.

Май 1936 г.

О г л а в л е н и е

Стр.

<i>От редакции</i>	3
<i>И. Дзюркин</i> — Противоречия фашистской диктатуры в Германии . . .	5
<i>А. Деборин</i> — Идеология фашизма	47
<i>Л. Кайт</i> — Внешнеполитическая концепция германского фашизма . .	113
<i>С. Вольфсон</i> — Расовые «теории» германского фашизма	143
<i>М. Каммари</i> — Зверство и мракобесие под маской героизма	179
<i>Г. Баммель</i> — О фашизации истории философии в Германии . . .	216
<i>Б. Бернадинер</i> — Ницшеанство в идеологии фашизма	265
<i>Г. Лукач</i> — Фашизм и теория литературы в Германии	294

Редактор *А. А. Макаровский*

Техред *В. С. Морозов*

Корректура: *Л. Н. Глазунова, А. Д. Кербичкая.*

Сдано в набор 8/III 1936 г. Подписано к печати 8/VII 1936 г. Формат 62×94¹/₁₆. 21 п. л. В п. л. 39744 тип. зн. Огиз № 1708. Зак. № 1185. Тир. 20 000 экз. Уполн. Главл. № Б-26092. Цена книги 4 р. 75 к. Переплет 1 р. 25 к.

1-я Образцовая тип. Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига», Москва, Вавоая, 28.

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Надо
14	1 строка снизу	Volkswirt.	Volkswirt.
52	8 строка сверху	отчаяние; они	отчаяние. Они
84	7 строка снизу	Эти силы сплавива- ются под знаменем марксизма - ленинизма эпохи империализ- ма и пролетарских революций.	Эти силы пролетар- ской революции в эпоху империализма сплавиваются под зна- менем марксизма-ле- нинизма.
200	1 строка снизу	Меринг, Легенда о Лессинге, стр. 22	Ibid., S. 22
244	19 строка сверху	каждое	Каждое
313	2 строка сверху	Гитлера	прихода Гитлера к власти

Против фашистского мракобесия и демагогии

Вместо послесловия

Сборник уже был напечатан, когда обвинительное заключение и процесс контрреволюционного троцкистско-зиновьевского центра, разоблачившие белогвардейски-фашистское террористическое лицо этой банды убийц, вызвали безграничный гнев и возмущение трудящихся нашей великой социалистической родины. Подлые двурушники, люди, потерявшие человеческое обличье, убили трибуна революции, любимого народом, одного из ближайших помощников товарища Сталина — С. М. Кирова. Банда гнусных убийц из троцкистско-зиновьевского блока готовила убийство величайшего из людей, вождя трудящихся нашей страны и всего мира, человека, под руководством которого рабочий класс и колхозное крестьянство нашей страны построили социализм, — товарища Сталина. Эта банда взбесившихся псов готовила убийство соратников товарища Сталина, руководителей нашей партии — тт. Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, Жданова, Постышева, Косиора. Фашистский террорист, негодяй и убийца Троцкий из-за границы слал агентов-террористов и директивы объединенному троцкистско-зиновьевскому блоку об убийстве товарища Сталина. В борьбе с нашей партией и советской властью троцкизм целиком и полностью слился с фашизмом. Расстрел шестнадцати троцкистско-зиновьевских террористов с огромным удовлетворением поддержан всей страной.

Троцкистско-зиновьевская террористическая банда оказалась агентурой фашистской охраны — Гестапо. Троцкизм настолько слился с Гестапо, что различия между ними установить невозможно. Как установлено на суде, фашистская охранка организовывала сама и помогала троцкистам организовывать террористические покушения на руководителей Советской страны. Троцкизм выполняет задания Гестапо. Агенты Троцкого ездили в СССР по явкам Гестапо. Герман-

ские троцкисты заключили тесный союз с фашизмом. Диверсионные акты и террор наряду с подготовкой войны против СССР — эти средства фашистская охранка рассматривает как обычные средства борьбы с коммунизмом. Зверский террор против трудящихся внутри Германии фашистские бандиты дополняют шпионажем, диверсионными актами, провокацией войны вовне. Убийцы Барту были связаны с Берлином. Германские фашисты убивают, не стесняясь, всех своих агентов, когда они становятся для них «неудобными». Так, они убили собственного агента Бэлла, который знал слишком много об их преступлениях. Они убили одного за другим непосредственных исполнителей организованной ими чудовищной провокации — поджога рейхстага. И когда взбесившиеся троцкистско-зиновьевские псы готовились, придя к власти, убить всех исполнителей их кровавых и грязных преступлений, — они лишь подражали своим союзникам-фашистам. Методы кровавой расправы с трудящимися внутри Германии фашизм дополняет борьбой с коммунизмом вовне всеми средствами, которые только способны придумать эти верные слуги германского империализма. Снабжение фашистских мятежников в Испании бомбовозами, летчиками, артиллерией и снарядами — только один из видов деятельности по поджиганию войны, которым занимается германский фашизм. Он раскинул сеть своих шпионских террористических пропагандистских организаций всюду.

Наш сборник имеет своей задачей разоблачение идеологии германского фашизма. Троцкистско-зиновьевская разновидность фашизма не обладала никакой платформой, с которой она могла бы обратиться к массам. Их программой было свержение советской власти и восстановление капитализма в СССР. Для ее осуществления они применяли индивидуальный террор, двурушничество, диверсионные акты; для этой цели они готовились нанести Красной Армии предательский удар в спину на случай войны, проповедывали контрреволюционное пораженчество в отношении Страны советов. Они превратились в шайку уголовных убийц и бандитов. Выступая на защиту троцкистско-зиновьевской нечисти, Ситрин и другие руководители II Интернационала знают, что делают — они сознательно поддерживают эту агентуру германского фашизма, стремившуюся к реставрации капитализма в СССР.

Фашизм германского типа представляет фашизм с «идеологией». Эта идеология — изощреннейшая система демагогии и обмана с целью завоевания масс. С приходом к власти все свои обещания массам фашизм спрятал. Но

от социальной и национальной демагогии фашизм не отказывается и после прихода к власти, меняя лишь ее формы. Фашисты из троцкистско-зиновьевского блока прикрывали свои действительные цели двурушничеством, фашизм германский прикрывает свои цели демагогией. Троцкизм — головной отряд мировой буржуазии в ее борьбе против страны социализма. «Троцкизм, — указывал товарищ Сталин еще в 1931 г. в своем письме в редакцию журнала «Пролетарская революция», — есть передовой отряд контр-революционной буржуазии, ведущей борьбу против коммунизма, против Советской власти, против строительства социализма в СССР».

Суд над троцкистско-зиновьевскими бандитами раскрыл всю гнусность этой просмердевшей насквозь банды уголовных преступников, желавшей войны, готовившейся к борьбе за поражение нашей социалистической родины во время войны. Он в то же время не менее ярко еще и еще раз оттенил и разоблачил перед всем миром звериный лик фашизма — этой кровавой террористической формы буржуазной диктатуры.

В быстро меняющейся международной обстановке за последнее время произошел ряд новых изменений. Важным фактом последнего времени является сближение итальянского и германского фашизма, звеньями которого являются австро-германское соглашение и совместное снабжение оружием фашистских мятежников в Испании. Введение двухгодичной военной службы в Германии, означающее доведение численности германской армии до двух с лишним миллионов человек, бешеная и безграничная в своей злобе антисоветская кампания фашистской печати, усиленные вооружения — все это свидетельствует о том, что провокаторы усиленно действуют, стремясь зажечь пожар войны со всех сторон.

Фашизм — это война, голод, чудовищный террор. На борьбу с этим врагом спланивается единый народный антифашистский фронт в различнейших странах. Испанский народ уже несколько недель ведет борьбу не на жизнь, а на смерть с фашистскими мятежниками, поддерживаемыми германским и итальянским фашизмом. Единый народный антифашистский фронт нанес ряд ударов фашизму во Франции. Многомиллионные массы трудящихся во всех странах ведут самоотверженную борьбу с фашизмом и войной.

Неисчислимы и многообразны выражения любви и преданности нашего народа своему вождю, гению великой пролетарской революции — товарищу Сталину. Безграничны ненависть и презрение трудящихся масс к фашистским раз-

бойникам всех мастей и рангов. И если наш сборник поможет партийному активу в деле разоблачения фашизма, его звериного лица, его идеологии, то мы с удовлетворением скажем себе, что задача, которую мы ставим перед собою выпуском сборника, выполнена.

Редакция

28 августа 1933 г.

От редакции

VII конгресс Коммунистического интернационала в резолюции по докладу т. Димитрова указал на настоятельную необходимость борьбы с идеологией фашизма. «Конгресс обращает серьезнейшее внимание на необходимость систематической *идеологической борьбы против фашизма*. Имея в виду, что главной, наиболее опасной формой фашистской идеологии является *шовинизм*, необходимо вскрывать перед массами, что фашистская буржуазия под предлогом защиты общенациональных интересов осуществляет свою корыстную классовую политику угнетения и эксплуатации собственного народа, как и ограбления и порабощения других народов».

Выпускаемый сборник посвящен главным образом разоблачению *германского фашизма*.

В работе над сборником мы руководствовались указаниями т. Димитрова о необходимости *конкретного* изучения фашизма отдельных стран. «Никакие общие характеристики фашизма, — говорил т. Димитров в докладе на VII конгрессе, — как бы они ни были верны сами по себе, не освобождают нас от необходимости конкретного изучения и учета своеобразия развития фашизма и различных форм фашистской диктатуры в отдельных странах и на различных этапах. Необходимо в каждой стране исследовать, изучить, отыскать национально особенное, национально специфическое в фашизме и в соответствии с этим наметить действенные методы и формы борьбы против фашизма».

Посвящая сборник критике и разоблачению идеологии германского фашизма, редакция по мере сил стремилась выполнить это указание т. Димитрова.

При этом мы не ставили своей задачей осветить в одной книге *все стороны* идеологии германского фашизма. В частности в сборнике отсутствуют статьи по вопросам фашистской «теории» *государства* и «философии» *истории*. В сборнике нет статей, посвященных конкретному разбору того, как фашизм нагло фальсифицирует и искажает на потребу своей звериной диктатуры историю великого герман-

ского народа. Эти вопросы будут освещены в статьях подготавливаемого второго сборника, который будет посвящен одновременно разоблачению идеологии фашизма *других* стран — итальянского, японского, польского, болгарского, испанского, французского, австрийского и др. Необходимо здесь отметить и то обстоятельство, что в некоторых статьях сборника недостаточно конкретно разоблачается изменение идеологии фашизма в ходе фашистской диктатуры.

Если, несмотря на все недостатки, нам удастся этой работой оказать помощь активу нашей партии и братских компартий в деле борьбы с фашизмом, мы сочтем свою задачу выполненной.

Противоречия фашистской диктатуры в Германии

I

Прошло больше трех лет с момента установления фашистской диктатуры в Германии. Эти годы характеризовались серьезными изменениями внутренней и международной обстановки Германии.

Если фашистская диктатура является террористической диктатурой наиболее реакционных, шовинистических и империалистических элементов финансового капитала, то германский фашизм является его наиболее реакционной разновидностью.

Это четко сформулировал в своем докладе на VII конгрессе Коминтерна т. Димитров. Он говорил: «Самая реакционная разновидность фашизма — это фашизм *германского типа*. Он нагло именуется себя национал-социализмом, не имея ничего общего с социализмом. Гитлеровский фашизм — это не только буржуазный национализм. Это звериный шовинизм. Это правительственная система политического бандитизма, система провокаций и пыток в отношении рабочего класса и революционных элементов крестьянства, мелкой буржуазии и интеллигенции. Это средневековое варварство и зверство. Это необузданная агрессия в отношении других народов и стран»¹.

Победа фашизма свергла Германию в состояние средневекового варварства. Великий германский народ оказался под пятой фашистов, обезумевших от крови и желания массовыми убийствами, чудовищным террором спасти господство финансового капитала в стране и подготовить новую империалистическую бойню.

Народ мыслителей и философов, давший миру Маркса и Энгельса, народ, внесший так много в сокровищницу человеческой культуры, оказался под властью кучки людей,

---

¹ Г. Димитрова, Доклад VII конгрессу Коминтерна, стр. 9.

объявивших своим лозунгом борьбу с культурой, преследующих и изгоняющих лучших своих ученых.

Страна, имевшая сильнейшие пролетарские организации, в которой жили и боролись Либкнехт и Люксембург, оказалась под пятой людей, объявивших физическое истребление авангарда пролетариата своей центральной задачей.

Больше трех лет фашизм подрывает и истощает силы Германии в интересах подготовки к войне. Разгром пролетарских организаций, уничтожение легальности всех других политических партий кроме фашистской, установление диктатуры предпринимателей на предприятиях, ограбление крестьянства, ремесленников, служащих — вот что принес фашизм за годы своей диктатуры.

II Интернационал объявил веймарскую Германию обетованной страной социализма, образцовой страной демократии, которая обеспечит бескровное, мирное, спокойное «врастание» капитализма в социализм. Установление фашистской диктатуры раскрыло действительное значение этих утверждений. Германский опыт — показатель того, куда привел социал-демократический путь соглашательства с буржуазией, путь выполнения всех требований буржуазии, путь предательства интересов пролетариата.

Веймарская конституция вела к победе фашизма, социал-демократическая политика подготовила ее. Расколом рабочего класса и всей своей политикой социал-демократия подготовила путь фашизму.

Партия национал-«социалистов» пришла к власти как партия спасения германской буржуазии от угрозы пролетарской революции. Но, чтобы получить возможность выполнить эту миссию, фашистская партия должна была завоевать влияние в массах. На дрожжах мирового экономического кризиса, в обстановке величайшего разорения мелкой буржуазии, разочарования масс в Веймарской конституции, не давшей им ничего кроме голода и безработицы, в обстановке особенно острого действия общего кризиса капитализма на Германию национал-«социалистская» партия сумела превратиться в самую массовую партию германской буржуазии на протяжении трех лет. *Историческую ответственность* за победу фашизма несет германская социал-демократия, вся политика которой содействовала победе фашизма, прокладывая ему путь. Благодаря ее политике отравленная, лживая демагогия фашистской партии могла найти такой отклик в отчаявшихся, озлобленных, разоренных мелкобуржуазных массах, надеявшихся, что фашистская партия спасет их от нищеты и разорения.

Задача, поставленная германской буржуазией перед пар-

тией национал-«социалистов», состояла в том, чтобы удержать мелкобуржуазные массы в колеснице финансового капитала под новыми лозунгами, которые, прикрывая капиталистическую сущность этой партии, были бы близки сердцу мелкого буржуа. Для этого фашизм пустил в ход все средства обмана масс и демагогии. Он раздавал обещания массам, отнюдь не собираясь когда бы то ни было их выполнить.

Фашизм обещал германскому крестьянству избавить его от гнета налогов и долгов. Он обещал конфискацию помещичьих земель и раздачу их крестьянству. В соответствии с этим и было разработано «учение» о борьбе с «процентным рабством». В качестве практического вывода из этого «учения» национал-«социализм» обещал мелкобуржуазным слоям уничтожение долгов и процентов, национализацию банков. Свои обещания борьбы с «процентным рабством» фашизм одновременно называл «социализмом». Банковский капитал объявлялся единственным эксплуататором, одинаково эксплуатирующим и «бедных» Крупнов, и Тиссенов, и трудящихся.

Национал-«социализм» стремился использовать ненависть мелкобуржуазных масс к финансовому капиталу, чтобы под видом борьбы с ссудным капиталом придать себе антикапиталистический облик.

Мелким торговцам фашизм обещал уничтожение конкуренции универсальных магазинов, ремесленникам — государственные заказы. Фашизм обещал безработным работу, рабочим — высокую заработную плату. Одновременно с этой демагогией, предназначенной для широких масс, вожди фашизма в толстых «исследованиях» («Моя борьба» Гитлера, «Миф XX столетия» Розенберга) откровенно рассказывали о своих действительных целях — осуществлении программы финансового капитала и помещиков, заключающейся в ограблении рабочего класса и трудящихся и подготовке к войне.

Фашистская партия сумела привлечь на свою сторону мелкобуржуазные массы небывалым раздуванием шовинизма. «Мелкобуржуазные элементы, — писал Ленин, — колеблются между старым обществом и новым. Они не могут быть двигателями ни старого общества, ни нового. В то же время они являются приверженцами старого не в такой степени, как помещики и буржуазия. *Патриотизм, это — такое чувство, которое связано с экономическими условиями жизни именно мелких собственников.* Буржуазия более интернациональна, чем мелкие собственники»¹. Вот

¹ Ленин, т. XXIV, стр. 117—118 (курсив мой. — И. Д.).

этот-то патриотизм мелкой буржуазии по отношению к капиталистическому «отечеству» фашизм использовал, чтобы разжечь шовинистические страсти мелкобуржуазных масс. Используя гнет Версаля, фашизм объявил, что он уничтожит Версаль. Лозунгами восстановления военной силы Германии фашизм сумел удержать массы под знаменами германского империализма. Националистическая демагогия явилась сильнодействующим средством в руках фашистов для завоевания ими мелкобуржуазных масс, видевших не в капитализме, а в Версале причину кризиса и своего разорения.

Величайшее разорение масс, соглашательская политика вождей социал-демократий, гнет Версаля создали положение, при котором партия беспощаднейшей расправы с пролетариатом и трудящимися массами, их неслыханного ограбления и превращения в бесправных париев, подготовки империалистической войны могла стать партией, с которой мелкобуржуазные массы Германии связывали свои надежды на спасение, на выход из кризиса, разорения и национального унижения Германии.

Победа фашизма в Германии произошла в момент *переходный*. Ко второй половине 1932 г. промышленность страны, потрясенная тремя годами исключительного по глубине и остроте экономического кризиса, достигла, как и в ряде других стран, наиболее низкой точки. Наступил переход к депрессии особого рода.

«... Мы имеем дело, — говорил товарищ Сталин на XVII съезде партии, давая характеристику экономического положения мирового капитализма, — с переходом от точки наибольшего упадка промышленности, от точки наибольшей глубины промышленного кризиса — к депрессии, но к депрессии не обычной, а к депрессии особого рода, которая не ведет к новому подъему и расцвету промышленности, но и не возвращает ее к точке наибольшего упадка»¹.

Кривая безработицы достигла невиданного уровня, экономические условия существования буржуазии были потрясены самым длительным кризисом, который когда-либо знала история капитализма. В ряде стран нарастало острое недовольство масс, питавшееся бешеным наступлением капитала на их жизненный уровень, чудовищной безработицей. Возбуждение в крестьянских массах питалось жестоким аграрным кризисом и разорением крестьянства на почве низких цен на сельскохозяйственные продукты и возрастания тяжести процентных платежей, налогов и рент.

---

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 543.

Резко обострились противоречия между империалистическими странами. Относительная стабилизация капитализма кончилась.

В этой обстановке величайшей неуверенности и страха буржуазии перед пролетарской революцией победа фашистской диктатуры в такой стране, как Германия, не могла не подействовать *ободряющим* образом на международную буржуазию. В расправе германского фашизма с революционным пролетариатом, в разгроме пролетарских организаций мировая буржуазия видела свою победу.

Непосредственным результатом победы фашистской диктатуры в Германии был рост фашистских настроений и течений, *усиление фашизации* в ряде стран буржуазной демократии, рост применения методов террора и насилия над рабочим классом, рост уверенности в рядах буржуазии стран, где у власти уже *стояла* фашистская диктатура (Югославия, Финляндия, Болгария, Польша и т. д.).

Гитлер пришел к власти спустя больше года после начала войны Японии против Китая и захвата Манчжурии. Захватом Манчжурии открывалось фактическое аннулирование вашингтонских договоров, начало нового передела мира.

Обострение борьбы за сократившиеся вследствие беспримерного падения мировой торговли рынки было выражением обострившихся противоречий в лагере буржуазии.

Победа фашистской диктатуры в Германии сразу и в огромной степени усилила *военную опасность*, привела к *перегруппировке сил* между империалистическими странами и между странами капитала и СССР. В центре Европы появилось государство, правительство которого своим важнейшим программным пунктом наряду с разгромом пролетариата внутри страны имело подготовку и проведение новой войны. Самое безудержное разжигание шовинизма, националистическая демагогия были средством завоевания масс фашизмом. Восстановление военной мощи германского империализма было объявлено настоятельной задачей нового правительства. Целью войны был объявлен пересмотр Версальского договора, захват колоний, в первую очередь на Востоке.

Фашизм объявил себя антипролетарской, антибольшевистской силой и внутри страны и на международной арене. Самое восстановление военной мощи германского империализма проходило и проходит под лозунгом захвата территорий на Востоке, войны с страной социализма. Германский фашизм стал *главным поджигателем войны в Европе, стремящимся к гегемонии германского империализма на континенте Европы.*

Это вызвало *перегруппировку сил в Европе*, толкнув ряд буржуазных стран, которым германский фашизм угрожает войной и уничтожением самостоятельности, в лагерь сторонников мира.

Германский фашизм олицетворял и олицетворяет собой страх мирового капитализма перед пролетарской революцией, перед победой социализма в СССР.

Являясь показателем слабости буржуазии, ее неспособности властвовать методами буржуазной демократии, победа фашизма в Германии привела к *временному росту уверенности буржуазно-помещичьей контрреволюции в своих силах*.

Она имела своим результатом *величайший рост военной опасности*.

Новое, небывалое резкое *обострение борьбы двух систем*, капиталистической и социалистической, — *другой результат этой победы*.

Если победа фашизма в Германии подбодрила международную буржуазию, то *спланивание сил контрреволюции* вызвало со своей стороны *спланивание сил пролетарской революции*.

Победа фашистской диктатуры в Германии подействовала на массы с.-д. рабочих, как удар грома, и породила разочарование в своем руководстве. Она была ярчайшим свидетельством банкротства социал-демократической политики и социал-демократизма.

В момент разгрома рабочих организаций, кровавой расправы фашизма с пролетариатом Германии социал-демократические и беспартийные рабочие были в состоянии растерянности. Но очень скоро оно сменилось стремлением бороться с фашизмом и победить его. Как раз тогда, когда фашизм на весь мир провозгласил, что коммунизм в Германии раздавлен, что пролетариат разгромлен, голос Димитрова на лейпцигском процессе прозвучал призывом к международному пролетариату создать единый фронт борьбы с фашизмом и войной. С величайшим мужеством, талантливостью и искусством Димитров не только разоблачил фашистских провокаторов, организовавших поджог рейхстага. Он от обороны перешел к наступлению на фашистском суде и показал германскому пролетариату необходимость и возможность революционного свержения фашистского режима. «Запрещение партии, роспуск массовых организаций, потеря легальности — все это, конечно, тяжелые удары по революционному движению. Но это далеко не означает, что этим все потеряно... Германская компартия, даже будучи нелегальной, может при соответствующей

щей ситуации совершить революцию. Это показывает опыт русской компартии»¹.

Его голос звучал, как набатный колокол, который будил, звал пролетариат к единому фронту борьбы с фашизмом, который всему миру возвестил о силе коммунизма, о его неизмеримом превосходстве над своими врагами.

Борьба Димитрова против фашизма без письменных пактов положила начало единому антифашистскому фронту.

Вооруженное выступление австрийского пролетариата в феврале 1934 г. было непосредственным и прямым отзвуком германских событий. Оно свидетельствовало о том, что австрийский рабочий класс, преданный социал-демократическим руководством, понял необходимость вооруженного отпора фашистской диктатуре. Вооруженное сопротивление австрийского пролетариата, даже разгромленное силами фашизма, явилось могучим призывом к рабочему классу, объединить свои силы для борьбы с фашизмом.

Вооруженная борьба испанского пролетариата в 1934 г. была вторым свидетельством того, что германский урок не прошел даром для международного пролетариата.

Героическая борьба австрийских и испанских рабочих наглядно опровергла капитулянтскую легенду, пущенную в ход социал-демократическими вождями и ренегатами, о наступлении эпохи фашистской реакции, о безнадежности борьбы рабочего класса с фашизмом. Победа единого народного антифашистского фронта на выборах в испанский парламент в феврале 1936 г., освобождение политических заключенных, огромный подъем массового движения, восстановление демократических свобод в Испании — все это показывает пролетариату всех стран, что фашизм может и должен быть побежден объединенными усилиями трудящихся.

Наконец единый фронт французского пролетариата, всеобщая стачка французских рабочих в феврале 1934 г., установление единого фронта компартии с социалистической партией, развитие единого пролетарского фронта в единый народный антифашистский фронт во Франции свидетельствовали о том, что французский пролетариат начал усваивать уроки германского поражения, понял возможность предупредить победу фашистской диктатуры путем объединения своих сил под знаменем борьбы с войной и фашистской реакцией.

Решимостью разгромить фашизм, создать единый анти-

---

¹ Г. Димитров, Речь на лейпцигском процессе. См. Благоева, Георгий Димитров, Партиздат, 1934, стр. 86—87.

фашистский фронт ответил революционный пролетариат на победу фашизма в Германии.

Важнейшим условием этого нарастания сил пролетариата и создания единого фронта является Советский союз, его рост, его укрепление. СССР — несокрушимая крепость мирового пролетариата в борьбе с фашизмом и войной, величайшая надежда трудящихся, живое олицетворение пролетарской солидарности. Пролетариат стран капитала, создавая единый фронт борьбы с фашизмом, исходит все время из существования СССР как оплота этой борьбы.

Придя к власти в момент переломный, в момент перехода к депрессии особого рода, фашизм устами Гитлера объявил в начале февраля 1933 г. программу ликвидации кризиса и его последствий. Германский фашизм рассчитывал, что ему удастся путем государственных заказов создать высокую конъюнктуру, вооружая армию, вытащить хозяйственную машину на путь подъема.

Но если фашизму, используя переход к депрессии, удалось расширить промышленность, сократить к августу 1935 г. путем колоссальных государственных военных заказов и системой «предоставления работы» количество безработных, по официальным данным, на 2,5 млн. чел., то обеспечить экономический подъем он не смог.

Германская промышленность с ее особенно большим избытком основного капитала, огромным обнищанием масс, многомиллионной армией безработных имеет еще меньше предпосылок для перехода к конъюнктурному подъему, чем другие капиталистические страны.

Германский же фашизм всей своей политикой на протяжении трех лет отнюдь не способствовал изжитию тех диспропорций и противоречий, которые имел германский капитализм при переходе от кризиса к депрессии особого рода. Наоборот, *эти диспропорции и противоречия он всемерно обострил.*

Но это определяло и общее положение германского фашизма и его отличие от положения фашизма итальянского. Фашизм итальянский пришел к власти в период перехода к относительной стабилизации капитализма. Имея своей задачей разгром пролетарской революции и усиление военной мощи своего империализма, итальянский фашизм имел достаточный отрезок времени для расправы с рабочим классом, удушения крестьянства, подготовки к войне. В годы относительной стабилизации капитализма итальянский фашизм сумел сковать страну железом террора, опираясь на экономическое укрепление итальянского капитализма, на промышленное оживление, переходящее в отдельных отраслях

промышленности в подъем (автомобильная промышленность, электротехническая и т. д.). Итальянский фашизм имел достаточно времени для того, чтобы укреплять свои позиции в стране до конца относительной стабилизации капитализма.

Германский фашизм этой возможности *не имеет*. Он пришел к власти в обстановке конца относительной стабилизации капитализма, не имея перспектив на промышленный подъем. Экономика Германии потрясена. Пролетариат более многочисленный и имеет серьезные традиции классовой борьбы. При этом пролетариат Германии имеет достаточно закаленную боевую компартию, которую фашизму не удалось разгромить даже зверским террором. Германский фашизм имеет малый срок для подготовки своих военных авантур и планов. Он вынужден был проводить свою программу ликвидации партий на легальной арене, разгрома рабочего класса, подготовки войны, так сказать, в пожарном порядке, с неизбежностью обостряя все противоречия, подготавливая условия собственного банкротства.

II

Вся политика германского фашизма свелась: а) к *укреплению позиций монополистического капитала*, б) к *сверхэксплуатации рабочего класса и трудящихся*, в) к *подготовке войны*.

Обратимся к конкретному рассмотрению результатов фашистской диктатуры в Германии.

Значительное место во всей системе мероприятий фашизма заняла политика *автаркии*. Политика ограничения ввоза сельскохозяйственного сырья, увеличения производства сырья, которое необходимо для обслуживания войны, — все это наложило отпечаток на всю экономическую политику германского фашизма и в то же время стало *источником величайших потрясений для германского хозяйства*.

Германская буржуазия считает одной из важнейших причин своего поражения в мировой войне недостаток военного сырья. Программа автаркии должна была обеспечить запрещение ввоза ряда сельскохозяйственных продуктов из-за границы, контингентирование ввоза других, обеспечить расширение производства стратегического сырья, соответствующую политику цен на продукты сельского хозяйства.

Гитлер, Федер, Фрид объявили программу автаркии альфой и омегой экономической политики германского фашизма.

Германия — страна передовой промышленности. Сокращение ввоза сельскохозяйственных продуктов должно было

соответствующим образом отразиться на состоянии германского вывоза, который является прежде всего промышленным вывозом.

Фактическое государственное банкротство Германии в 1933 и 1934 гг. привело к почти полной потере кредита для германской внешней торговли за границей. Между тем гигантски растущие вооружения требовали все большего и большего ввоза сырья. За три года фашистской диктатуры размеры золотого запаса Рейхсбанка свелись к жалкому минимуму. Вместо среднемесячного золотого запаса в 1931 г. в 984 млн. марок он составил в 1935 г. 82,5 млн. марок. В январе и феврале 1936 г. размеры золотого запаса еще сократились. Но автаркия в условиях современного мирового хозяйства для капиталистической страны — реакционная утопия. Лишенный кредитов за границей, истратив валютные резервы, фашизм искал выхода в *усилении экспорта*. Но усилить экспорт не удавалось. Наоборот, он систематически падал.

Вся эта политика привела к результатам *прямо противоположным тем*, которых желал германский фашизм.

Летом 1934 г. наступила первая катастрофа для германской внешней торговли, когда обнаружилось огромное уменьшение золотого запаса Рейхсбанка, ухудшение положения германской внешней торговли.

Вот как развивалась внешняя торговля Германии за последние годы. Общий *ввоз* составил в 1929 г. 13 447 млн. марок, в 1933 г. 4 204 млн. марок, в 1934 г. 4 451 млн. марок, в 1935 г. 4 159 млн. марок. *Вывоз* составил: 13 483 млн. марок в 1929 г., 4 871 млн. марок в 1933 г., 4 167 млн. марок в 1934 г. и 4 720 млн. марок в 1935 г.¹

Характерной чертой в развитии германской внешней торговли за период фашистской диктатуры является резкое сокращение вывоза, сведенного к жалкому уровню. В то же время показательно, что в первые 5 месяцев 1933 г. *актив* торгового баланса составил 263 млн. марок, а первые 5 месяцев 1934 г. дали *пассив* баланса внешней торговли в 179 млн. марок. Весь 1934 год дал пассив торгового баланса в 284 млн. марок.

Летом 1934 г. перед лицом катастрофического роста пассивности торгового баланса германская буржуазия забила тревогу. Шахт принял draconianские меры по сокращению ввоза и расширению вывоза. В сентябре было принято решение о контингентировании ввоза и расширении вывоза, о валютных ограничениях (так называемый «новый план»).

¹ Данные взяты из журнала «Der deutsche Volkswirt.» за 20 марта 1936 г.

Первые месяцы 1935 г. дают рост ввоза при сокращении вывоза. Один январь 1935 г. дал пассив торгового баланса в 105 млн. марок. В феврале пассив составил 57 млн., в апреле — 19 млн. марок.

Резко сократился вывоз машин. Если осенью 1931 г. вывозилось $\frac{2}{3}$ всех производимых машин, то сейчас едва вывозится 10%.

Удельный вес вывоза в общем производстве страны упал с 24% в 1928 г. до 9,6% в первом полугодии 1935 г. Ввоз упал с 23,3% в 1928 г. до 10,4% в первом полугодии 1935 г.

Летом 1935 г. Шахт ввел ряд новых мер, которые должны были обеспечить резкое усиление вывоза. Фашизм, который требовал в своей программе независимости от заграницы в сырьевом отношении, принужден был в результате бороться за всемерное расширение экономических связей с заграницей. И сам Гитлер, который еще летом 1934 г. угрожал всему миру отказаться от ввоза сельскохозяйственного сырья путем перехода к суррогатам, 21 мая 1935 г. уже выступил в рейхстаге *против автаркии*.

Больше того, он обрушился на те капиталистические страны, которые собираются... осуществлять автаркию. «Все мы убеждены, — заявил он в речи в рейхстаге, произнесенной 21 мая 1935 г., — что полное проведение автаркии... очень неумно и может привести лишь к вредным результатам для всего народа.

С хозяйственной точки зрения мало разумно искусственно превращать естественно существующие сельскохозяйственные сырьевые области в промышленные и, наоборот, промышленные страны с их плотностью и густотой населения принуждать к примитивному производству сырья».

Чтобы усилить вывоз, был принят ряд мер по резкому усилению демпинга. 720-миллионный налог на промышленность, работающую на внутренний рынок, в пользу экспортной промышленности привел к росту цен внутри страны, к обострению отношений с другими государствами, к обострению противоречий между экспортной промышленностью и промышленностью, работающей на внутренний рынок.

Не получая кредитов, германский фашизм принужден покупать сырье за границей на самых невыгодных условиях, втридешева продавая германские товары на заграничных рынках. Рост цен на стратегическое сырье принес дополнительные затруднения германскому фашизму. Трехмесячный обзор Германского конъюнктурного института за январь — март 1936 г. вынужден констатировать, что «напря-

жение между ценами на экспортные и импортные товары увеличивается и уравнивание девизного баланса становится все труднее; чтобы оплатить определенную массу ввозных товаров, приходится экспортировать возрастающую массу наших собственных товаров»¹. Об этих затруднениях германского экспорта в связи с ростом цен на сырье говорил в речи 7 декабря 1935 г. Шахт, сопровождая это заявление просьбой к международному капиталу о кредитах.

Эта речь была прелюдией к усиленным поискам иностранных займов, которыми занялся Шахт в последние месяцы.

Чтобы не ослаблять вооружений, германский фашизм в форме исключительно низких цен на вывозимые товары и покупки за границей по исключительно высоким ценам выбрасывает буквально на ветер многие сотни миллионов и миллиарды денег. Эти мероприятия обострили противоречия между германской буржуазией и буржуазией других экспортирующих стран.

Мероприятия, принятые летом 1935 г., временно и в очень небольшой мере восстановили пока активность германского торгового баланса. Резко сжат импорт, находящийся на более низком уровне, чем в 1934 г. Увеличен за счет бешеного демпинга экспорт, немного превысивший уровень 1934 г. В результате за 1935 г. торговый баланс дал актив в 111 млн. марок. Но принятые летом мероприятия к осени 1935 г. явились лакмусовой бумажкой, выявившей всю остроту внутренних противоречий германского фашизма.

Продовольственный кризис, обнаружившийся в Германии осенью и зимой 1935 г., вскрыл банкротство фашистской политики автаркии.

Вынужденный при резко сократившемся вывозе для выполнения программы вооружений держать на высоком уровне ввоз военного сырья, германский фашизм систематически сокращал ввоз продовольствия. Среднемесячный ввоз продовольствия составил в 1932 г. 124,4 млн. марок. В августе 1935 г. он упал до 69,8 млн. марок. По данным, приведенным журналом «The Political Quarterly» (номер за январь — март 1936 г.), сокращение ввоза продовольственных культур в Германию в 1934 г. по сравнению с 1928 г. составило: по пшенице — 20,9%, ячменю — 28,6%, маису — 30,2%, маслу — 48,8%, сыру — 54,8%, яйцам — 42,5%, мясу — 35,2%. Лишь по тропическим фруктам — предмету потребления буржуазии — имеется рост на 33,4%. В 1935 г. ввоз предметов продовольствия сократился еще больше.

¹ «Vierteljahreshefte zur Konjunkturforschung», Januar 1933, S. 325.

Наступивший в сентябре 1935 г. острый недостаток яиц, жиров, мяса, приведший к ухудшению положения фашистской диктатуры, одновременно вскрыл несостоятельность всех мероприятий фашизма по части удовлетворения потребностей страны в продовольствии и сырье за счет внутригерманских ресурсов.

По признанию Лея в его речи в Лейпциге в начале декабря 1935 г., Германия покрывает потребность в жирах за счет внутренних ресурсов на 60%. По данным Германского конъюнктурного института («Wochenbericht» от 10/IV 1935 г.), Германия вынуждена ввозить до 50% потребного ей леса, до 50% кожи, до 70% промышленных жиров, до 80% потребного табака и до 100% хлопка, конопли, джута, шерсти, шелка, каучука и т. д.

Чрезвычайные усилия по части расширения производства продовольственных культур и сырья внутри страны, которые употребило фашистское правительство в течение трех лет, дали *отрицательный* результат. Посевная площадь под хлебными культурами сократилась в 1935 г. на 1,8 млн. га, или на 7% по сравнению с 1934 г., под овсом — с 3,15 млн. до 2,79 млн. га. Площадь под бобовыми сократилась на $\frac{1}{4}$. Уменьшилась площадь под картофелем. Это сокращение — результат невыгодного соотношения цен. Лишь часть этой площади обращена под технические культуры. Самый недород 1934 г. и низкий урожай 1935 г. имели общественные причины и коренились в условиях с.-х. производства Германии. Но это означает, что все мероприятия по созданию самодовлеющего хозяйства и связанные с ними мероприятия в области внешней торговли потерпели *крах*.

Вся политика германского фашизма в деревне имела своей *целью*, во-первых, обеспечить целиком и полностью интересы помещиков и кулаков, во-вторых, приспособить всю экономику деревни для подготовки и обслуживания войны. Было установлено такое соотношение цен, что все выгоды от повышения цен на сельскохозяйственные продукты получили помещики и кулаки; ведь именно эти классы сосредоточивают производство кормов для скота и зерна в своих руках и ставят в зависимость от себя мелкого и среднего крестьянина, являющегося производителем мясо-молочных продуктов.

В 1933 г. фашистское правительство проводило политику повышения цен на сельскохозяйственные продукты. Это делалось в интересах повышения доходов помещиков и кулаков и расширения продовольственной базы для войны. Но недород 1934 г., резкое сокращение ввоза продуктов

питания из-за границы привели к возникновению острого продовольственного кризиса в стране. Крестьяне вынуждены были покупать у помещиков корма для скота, по крайне вздутым ценам. Так, двойной центнер жмыхов в июне 1933 г. стоил 103 марки, в июне 1934 г. — 153 марки, в июне 1935 г. — 173 марки. Цены на фураж уже в 1933 г. были повышены на 50% по сравнению с ввозными. В 1935 г. они были повышены еще на 20%. Крестьянину невыгодно было при сложившемся соотношении цен на корма и мясо продолжать выращивать скот. Начался массовый убой скота. Стадо свиней сократилось на 10,1% в 1935 г. по сравнению с 1934 г. Политика сумасшедших вооружений, сокращение ввоза продовольствия, недород привели к росту цен на продовольствие. Напуганное перспективой острых классовых столкновений на почве роста дороговизны, фашистское правительство осенью 1934 г. создало специальное министерство продовольствия и учредило должность комиссара по наблюдению над ценами. Теперь правительство пыталось снизить цены.

Острый жировой и мясной кризис, начавшийся летом 1935 г., был не столько результатом недорода 1934 г., последствий которого не мог смягчить низкий урожай 1935 г.: он является прежде всего результатом *всей политики фашистского правительства.*

Крестьянин недоволен *политикой цен* фашистского правительства, которая означает его ограбление в интересах помещика. Это ограбление, правда, проводится под лозунгами «германского социализма», возрождения военной мощи германского империализма, создания могущественной «крестьянской империи». Подобные лозунги еще продолжают действовать на известные слои крестьянства. Но если крестьянин еще не восстает против фашистской диктатуры в целом, то он уже восстает против конкретных мероприятий фашистского правительства в деревне. Борьбу с этими мероприятиями фашистской диктатуры мелкий и средний крестьянин уже начал доступными ему мерами — отказом продавать мясо, скот, масло, жиры по твердым ценам. На политику подготовки к войне и всемерного обогащения помещиков крестьяне ответили *экономической стачкой.*

Фашизм обещал осчастливить крестьянина установлением высоких цен на с.-х. продукты, осуществлением политики автаркии. Результатом этой политики явилось вступление фашистской диктатуры в открытый *конфликт* с крестьянством. Германского крестьянина грабила Веймарская республика, теперь его грабит фашистский режим, прикрывая этот грабеж лозунгами «крестьянского социализма».

Фашизм не выполнил и не думал выполнять ни одного из своих демагогических обещаний крестьянству по части борьбы с «процентным рабством», избавления от аграрного кризиса, конфискации помещичьих земель.

Германский фашизм перед своим приходом к власти обещал дать крестьянам землю, организуя поселения в Восточной Пруссии. В «программе немедленных требований», провозглашенной летом 1932 г., фашистская партия обещала ежегодно организовывать 400 тыс. новых хозяйств в Восточной Пруссии. Но это требовало решительных мероприятий против юнкеров, имеющих там огромные имения. Чтобы не ущемить помещиков, фашистское правительство резко сократило предоставление земель для поселений даже по сравнению с прежними правительствами. В 1932 г. было предоставлено 102 тыс. га и организовано 9046 хозяйств. В 1934 г. количество вновь созданных крестьянских дворов упало, как сообщила в июле 1935 г. «*Völkischer Beobachter*», до 5 тыс. Такова же судьба всех обещаний фашизма трудящемуся крестьянству.

Гигантские субсидии помещикам и кулакам имели своей целью создать для фашизма крепкую социальную опору в деревне. Закон о *наследственном дворе* должен был усилить материальную заинтересованность кулацкой верхушки в существовании фашистской формы буржуазной диктатуры.

Вся аграрная политика германского фашизма по части избавления деревни от процентной кабалы свелась к некоторым облегчениям уплаты долгов наследственным двором. Наследственный двор не может быть продан с аукциона, но в том пункте, где сталкиваются интересы банкира и владельца наследственного двора, германский фашизм *целиком обеспечивает интересы банкира*. В случае неплатежеспособности «крестьянина» — владельца наследственного двора — последний лишается своего имущества постановлением крестьянского суда по представлению крестьянского «вождя». «Крестьянин обязан в рамках закона о наследственных дворах выполнять свои обязательства. Если он их не выполняет, крестьянский суд может... в определенных случаях лишить крестьянина права собственности на наследственный двор. Если он (крестьянин) не хозяйствует как следует, необходимо позаботиться, чтобы лишение его права управления и пользования двором привело к передаче двора в руки другого хозяина, способного вести сельское хозяйство, который сможет погасить *долг из доходов*»¹.

¹ Dr. Martin Busse, статья «Bauer und Boden» в «Jahrbuch für nationalsozialistische Wirtschaft», Stuttgart—Berlin 1935.

Таким образом в пункте, где интересы деревенского кулака сталкиваются с интересами банкира, фашистская диктатура оказывается *целиком на стороне последнего*.

«Неделимость и неотчуждаемость крестьянского двора, — пишет только что цитированный близкий сотрудник Дарре, Буссе, в официальном издании фашистской партии, — *действуют здесь в пользу кредитора*. Он может не бояться, что платежеспособность двора будет снижена частичными распродажами и разделом наследственного двора. Он может быть уверен, что двор, даже при переходе по наследству, окажется в руках платежеспособного наследника... *Национал-социалистская аграрная политика является таким образом гарантом крестьянского кредита*». «Прежняя задолженность, — продолжает он, — должна быть выплачена»¹.

Закон, имеющий целью создать кулацкую опору фашизму в деревне, в то же время целиком удовлетворяет интересы банкира.

650 тыс. наследственных дворов, число которых предположено довести до 700 тыс. (12% общего количества дворов), обеспечивают интересы старших сыновей кулаков, обрекая на пролетаризацию их младших детей.

Фашизм обещал ликвидировать «процентное рабство». Вместо этого общая задолженность деревни сократилась с 11,8 млрд. марок в июле 1933 г. до 11,6 млрд. марок в 1934 г. — всего на 200 млн. марок. По данным, приводимым в ноябрьском номере журнала «Die Bank» за 1935 г., задолженность на 1 га в марках уменьшилась совершенно незначительно, причем общие размеры задолженности на 1 га колеблются от 799 марок в Силезии до 614 марок в Восточной Пруссии и 575 марок в Баварии. Изъятие из общего промышленного оборота 12% крестьянских земель вследствие неотчуждаемости наследственного двора привело к гигантскому *росту цен на землю*, к земельной спекуляции.

Огромное значение в деле помощи кулацкому и помещичьему хозяйству сыграл закон о закреплении батраков в деревне, о государственных субсидиях кулакам и помещикам за применение наемного труда. Кулак по сути дела получает из города почти даровую рабочую силу, и принудительная посылка 165 тыс. «сельскохозяйственных помощников» в 1935 г. на крестьянские поля из города привела к огромному снижению заработной платы сельскохозяйственных рабочих. Помимо высоких цен на фураж и зерно германское правительство обеспечило кулакам и

¹ Ibid., S. 73.

помещикам огромное повышение прибылей за счет повышения эксплуатации с.-х. пролетариата.

Наконец вся система монополизации сбыта с.-х. продукции, организации картелей по скупке яиц, масла, сала и т. д. направлена к тому, чтобы обеспечить подготовку к войне и подчинить всю политику цен на сырье *интересам монополистических предприятий перерабатывающей промышленности.*

Если кредитная политика германского фашизма в деревне соответствует интересам банкира с установлением ряда льгот помещику и кулаку, если соотношение цен на продукты внутри сельского хозяйства установлено в интересах кулака и помещика, то организация сбыта с.-х. продуктов находится в полном соответствии с интересами деревенских эксплуататоров и *перерабатывающей промышленности.* Закупка и сбыт с.-х. продуктов потребителю сосредоточены в руках созданных на основе декрета монополистических объединений под руководством «сословия народного питания», диктующего цены крестьянину и потребителю. Политика фашизма направлена на то, чтобы обеспечить сращивание монополистических организаций по скупке с.-х. продуктов с монополиями по переработке с.-х. продуктов (молоко с молокоперерабатывающими предприятиями, жиры с маргариновой промышленностью, сахарную свеклу с свеклосахарными заводами и т. д.).

Ганс Меркель, сотрудник Дарре, пишет в цитированном выше сборнике: «Во всех областях продовольственного хозяйства конечной целью организации монополистических сбытовых и закупочных объединений является *соединение всех хозяйственных групп, находящихся в пределах одного хозяйственного круга, от производителя до потребителя и руководство этими объединениями в соответствии с общими требованиями хозяйства и общей волей*»¹.

Монополизация сбыта сельскохозяйственной продукции — составная часть системы подготовки фашизма к войне, подготовка военного регулирования крестьянского хозяйства.

Это регулирование сбыта продуктов крестьянского хозяйства объявляется «действительным социализмом в хозяйстве»².

Своей аграрной политикой, политикой цен, фашизм не только вызвал острое недовольство среднего и мелкого крестьянина. Он обострил борьбу между крестьянами и помещиками в связи с ценами на зерно и корма, тем более,

¹ «Jahrbuch für nationalsozialistische Wirtschaft», S. 103.

² Ibidem.

что крестьяне отнюдь не забыли об обещаниях конфисковать помещичью землю в пользу крестьян. Политика фашизма привела к обострению противоречий и борьбы между аграрным и промышленным капиталом вокруг вопроса о соотношении цен на промышленные и сельскохозяйственные продукты, о соотношении внутренних и мировых цен на зерно, корма и т. д. Противоречия между кредитором и должником, между банкиром, с одной стороны, кулаками и помещиками как крупнейшими должниками банков, с другой, не ослаблены. Фашизм обещал создать «единую деревню», в действительности же полным удушением и порабощением эксплуатируемой части деревни и всемерным удовлетворением интересов кулацкой и помещичьей верхушки он еще больше обостряет классовую борьбу в деревне. Социальная демагогия о «крестьянском социализме» должна была прикрыть видимостью единства острые классовые противоречия в деревне. «Единая» деревня нужна фашизму для натравливания трудящихся деревни на пролетариат и для подготовки и проведения войны. Крестьянин, посылая своих сыновей в армию, отдавая масло, яйца, картофель, мясо по твердым ценам, должен быть убежден в том, что это — жертвы в интересах «крестьянского сословия», в интересах нации. Но фашизм «фатально» получает от своих мероприятий *прямо противоположные результаты*. Трудящийся крестьянин еще ослеплен мифом «могущественной» Третьей империи, шовинистической пропагандой фашистских агитаторов и фашистской печати. Он еще может кричать: «Гайль, Гитлер!». Но он уже не хочет продавать свои продукты монополистическим закупочным организациям по низким твердым ценам, с тем чтобы последние продавали их торговцам по вздутым ценам, забирая себе в карман огромную разницу.

За годы своей диктатуры фашизм *обострил противоречия между городом и деревней, между эксплуататорской верхушкой деревни и монополистическим капиталом, между трудящимися массами деревни и кулацко-помещичьими слоями.*

Естественно, что эти противоречия по истечении известного срока должны были проявиться с особой остротой. Понадобилось банкротство фашистской политики автаркии, недород 1934 г., потребовался известный срок, чтобы на рынке и в крестьянском хозяйстве обнаружилось действие экономических мероприятий фашистского правительства, чтобы крестьянин начал в доступной ему и достаточно острой форме проявлять недовольство мероприятиями фашистского правительства.

Продельвая все в спешном порядке, германский фашизм стремится в возможно меньший срок подготовиться к войне. И все мероприятия фашистского режима в отношении деревни рано или поздно должны будут привести к обострению противоречий между фашистским режимом и трудящимся крестьянством.

Фашизм осуществил все мероприятия, необходимые для закрепощения рабочего класса в интересах крупного капитала и подготовки к войне. Милитаризация хозяйства, разгром профессиональных организаций, организация «Рабочего фронта», создание хозяйственного совета имели своей целью обеспечить сверхприбыли капитала и ограбление рабочего класса. Они обеспечивают подчинение мелких монополий крупным, аутсайдеров — монополистам.

Декрет 17 января 1934 г. лишил рабочих права влиять в какой бы то ни было мере на условия своего труда. Рабочее время, заработную плату, штрафы — все определяет капиталист, «вождь предприятия».

Декрет о национальном труде от 14 октября 1934 г. завершал собой цепь декретов фашистского правительства по части закрепощения и порабощения рабочего класса, придав силу закона рабству пролетариата в Третьей империи под флагом «немецкого социализма». Безграничная эксплуатация рабочих капиталом, их бесправие и рабство, крайняя интенсификация труда объявлены «высшим благом», «защитой перед нацией» и т. д. Это порабощение пролетариата изображается фашистской печатью как «социализм», как «победа над капитализмом» и т. д. Об этом распространяются в тысячах речей фашистские вожди, не стесняясь того, что эта наглейшая ложь находится в вопиющем противоречии с действительностью.

Характер демагогии изменился. Теперь уже нет речи об обещаниях материального порядка. Пребывание у власти обязывало бы их выполнить. Взамен прежней демагогии безграничных обещаний всем всего пришли новые формы демагогии и посулы, имеющие целью прикрыть действительный характер мероприятий фашизма и его подлинную суть.

Чем тяжелее обстановка в стране, чем глубже недовольство в рабочем классе, чем острее ненависть рабочих масс к террористической диктатуре капитала, тем бесшабашнее и наглее истерические речи о «социализме», об «уничтожении классовой розни», о «национальной солидарности», сохранении чистоты расы и т. д. Геббельс и Лей в бесчисленных речах убеждают рабочих в том, что в Германии осуществлены справедливость и «свобода». Гит-

лер выступил в декабре 1935 г. в Нюрнберге с речью о том, что железные дороги Германии всегда были... социалистическим предприятием.

Капиталисты объявлены защитниками... социализма. «Немецкий предприниматель», — писал руководитель комиссии хозяйственной политики фашистской партии Бернгард Келер, — понимает все больше и больше, что его будущее в победе социализма»¹.

Эти lamentации о социализме прикрывают безграничное насилие над рабочим классом, превращение его в класс париев.

Подводя «итоги» политике фашистской диктатуры в вопросах труда, журнал «Der deutsche Volkswirt» писал 1 мая 1935 г.: «Стачки и локауты запрещены. И те и другие не имеют места при новом социальном порядке. Они объявлены преступлением. Их организация и возбуждение караются тюрьмой».

Запрещение стачек, установление неограниченной диктатуры предпринимателя на предприятии, уничтожение всяких самостоятельных организаций рабочего класса имели своей целью наряду с уничтожением всякой возможности для рабочего класса сопротивляться воле капитала подготовить предприятия к войне. Вся система мероприятий германского фашизма, направленная на принудительное синдицирование предприятий, на подчинение всей промышленности кучке капиталистов, заседающих в хозяйственном совете и в хозяйственных камерах, имеет своей целью как подготовку хозяйства к войне, так и прямое и непосредственное подчинение всего хозяйства воле кучки королей финансового капитала.

Если в деревне подготовка хозяйства к войне идет по линии создания монополистических закупочных объединений, создания наследственных дворов и т. д., то в области промышленности она идет путем прямого перевода значительной части промышленности на обслуживание войны. Но это означает напряжение всех сил хозяйства, перевод хозяйства на военную ногу в обстановке, когда еще нет войны.

Фашизм до сих пор не осмелился осуществить снижение заработной платы в порядке общегосударственного декрета так, как это провели и Брюнинг и Паппен, но, предоставив право «доверенным по труду» регламентировать ставки заработной платы, он обеспечил предпринимателям полную возможность снижения заработной платы на отдельных пред-

¹ «Bergwerkszeitung» за 22 июня 1934 г.

приятнях. За годы фашистской диктатуры снижение номинальной заработной платы составляло от 12 до 20%. Но *главные удары* по заработной плате рабочего класса были нанесены резким повышением цен на продукты питания. Повышение цен в 1935 г., которое приняло совершенно катастрофические размеры в сентябре—декабре, привело к еще небывалому снижению реальной заработной платы рабочих, острому росту недовольства в рабочих массах.

Резкое повышение цен произошло по *всем* предметам питания. Минимальные цены на яйца в августе 1935 г. были на 25% выше 1934 г., рыбу—на 50%, фрукты и овощи—на 25—75% выше уровня 1933 г.

Острее всего сказался недостаток жиров и мяса. По данным, приведенным «Frankfurter Zeitung» за 13 декабря 1935 г., цены на скот повысились к октябрю 1935 г. на 42% по сравнению с концом 1932 г. Контингент убоя скота установлен в размере 60% уровня октября 1934 г.

Журнал «Das Neue Tagebuch» (за 21 декабря 1935 г.) приводит данные о берлинских ценах в 1933 и 1935 гг. Эти данные получены сравнением цен крупнейших берлинских универсальных магазинов Тица, Вертгейма, Карштадта за 1933 и 1935 гг. Повышение цен на телятину разных сортов с апреля 1933 г. до конца сентября 1935 г. колеблется от 30 до 190%. Свиное мясо за тот же период повысилось в цене от 20 до 50%, цены на говядину—от 30 до 100%. Колбасные изделия повысились в цене на 50%, картофель—больше чем на 50%, сало—на 60%. На масло рост цен составил от 40 до 50%.

Такое неравномерное, но всеобщее повышение цен привело к резкому сокращению реальной зарплаты рабочих и служащих. Отсюда рост ненависти к фашистской диктатуре, обрекающей народ своей политикой на голод.

Недовольство рабочих масс, несмотря на террор и объявление участия в стачках государственным преступлением, на протяжении трех лет фашистской диктатуры не находило свое выражение в стачечной борьбе на ряде предприятий.

Ряд стачек на предприятиях в сентябре—ноябре 1935 г. шел под лозунгом борьбы с дороговизной, требований повышения заработной платы.

На этот рост возмущения масс Гитлер реагировал на Нюрнбергском съезде 1935 г. «Ни при каких условиях,—заявил он,—мы не можем разрешить повышения заработной платы или жалованья и ни при каких условиях мы не можем допустить повышения цен».

Пытаясь обычными демагогическими трюками потушить недовольство в массах, Гитлер в своем выступлении в Букеберге 7 октября 1935 г. вынужден был по существу признать наличие острых противоречий, раздирающих фашистскую диктатуру. «Рабочие, — говорил он, — приветствовали бы наше заявление о том, что мы повышаем заработную плату; крестьяне ликovali бы, если бы они узнали, что мы повышаем сельскохозяйственные цены. Но уже через некоторое, небольшое количество месяцев и те и другие нас прокляли бы, потому что и те и другие поняли бы, что это стало бесконечным винтом... Повышенная заработная плата ведет к повышенным ценам; повышенные цены ведут к повышенной заработной плате; обе ведут к обесценению нашей марки, обе ведут к обесценению наших сбережений, к потрясению нашего существования»¹.

Трехлетней диктатурой фашизм довел страну до голода. Продовольственный кризис, угрожающий перейти в продовольственную катастрофу, затрагивает коренные интересы рабочих, служащих, крестьян, ремесленников, интеллигенции, создавая основу для единства действия непролетарских трудящихся слоев под руководством пролетариата в борьбе с фашизмом.

Конечно и в Германии переход от кризиса к депрессии особого рода был вызван и действием внутренних экономических сил капитализма. Но военные заказы сыграли в деле расширения тяжелой промышленности в Германии особенно большую роль, значительно большую, чем в других странах.

Германский фашизм сумел значительно расширить военную промышленность, что привело к временному вовлечению пары миллионов безработных в производство. Сокращение безработицы, выражавшее не столько нормальное улучшение конъюнктуры, сколько ее искусственное «накручивание», основанное на расширении работы военных предприятий, фашизм использовал для своих демагогических целей.

В вышедшей недавно книге одного из видных руководителей германской национал-«социалистской» партии — Альбрехта Форстмана — дается резкая критика всей экономической политики Шахта и современная германская конъюнктура откровенно характеризуется как «псевдо-конъюнктура». Импульс ей, по заявлению Форстмана, дается общественными работами, вооружениями, и она таким образом «не может развиваться путем естественного вос-

---

¹ «Frankfurter Zeitung» за 8 октября 1935 г.

становления»¹. Фашист Форстман признает, что, несмотря на огромные ассигнования, действительного подъема промышленности фашизм обеспечить не может.

Но каковы непосредственные *источники*, из которых черпал и черпает фашизм финансовые ресурсы для вооружений и подготовки к войне? Действительные размеры военных затрат фашистское правительство тщательно скрывает, всемерно фальсифицируя относящиеся сюда данные. С 1935 г. фашистское правительство прекратило опубликование бюджета. По данным, опубликованным германским министром финансов Шверин-Крозигком в конце 1935 г. в журнале «Die deutsche Volkswirtschaft», общий размер государственной задолженности Германии составлял 30 млрд. марок с лишним. По этим данным, размер государственной задолженности Германии с 1932 г. увеличился почти на 6 млрд. марок. Сюда входят налоговые обязательства (Steuerergutscheine). В действительности же, по данным «Экономиста», опубликованным в августе 1935 г., за 30 месяцев своей диктатуры германский фашизм увеличил свою задолженность на 23,5 млрд. марок (данные «Экономиста» о задолженности на 31 июля 1935 г.). По данным иностранной печати, общая задолженность государства и городов составляет теперь не меньше 50 млрд. марок.

Финансирование вооружений и военной промышленности проходило через учет краткосрочных векселей казначейства путем изъятия денег из кредитных, страховых учреждений и сберегательных касс. В этом признавался Германский конъюнктурный институт, заявляя, что «военные расходы финансируются не через налоги, а через посредство *кредита*»².

Но выкачивание миллиардов путем векселей не могло и не может продолжаться без конца. Средств сберегательных касс и страховых обществ в мае 1935 г. находилось: 10,2 млрд. марок в ипотеках, 2,6 млрд. марок в коммунальных займах, 5,4 млрд. марок в ценных бумагах. Таким образом 18,2 млрд. марок — значительно больше половины средств банков — представляют замороженные кредиты³. Если сюда прибавить значительный рост военных расходов, связанных с введением всеобщей воинской повинности после марта 1935 г., которые покрывались также путем изъятия денег из банков, то окажется, что средств сберкасс и страховых обществ могло хватить совсем не надолго.

¹ «Der Kampf um den internationalen Handel», Berlin 1935, S. 242.

Цит. по журналу «Social Research», November 1935.

² «Vierteljahrshefte», Teil B, H. A., 1935, S. 192.

³ Ibid., S. 193.

Не лучше обстоит дело и с другими кредитными институтами. Отсюда печальный вывод Германского конъюнктурного института о том, что «до сих пор практиковавшаяся форма финансирования имеет свои границы. Достигнута ли граница до сих пор практиковавшихся методов финансирования — в этом нет уверенности»¹. Так заявлял институт в сентябре 1935 г. Это было признанием того, что фашизм приходит к исчерпанию своих резервов по линии кредитования, между тем как требования военной машины растут из месяца в месяц. Приближается момент, когда все до сих пор использовавшиеся источники финансирования военной промышленности исчерпаются.

В мае и августе 1935 г. разгорелись бои в лагере фашистской диктатуры по вопросу о том, откуда брать средства для дальнейшего финансирования войны в связи с приближающимся исчерпанием кредитных источников. Тогда Шахт открыто заявил о том, что ни в коем случае не допустит инфляции. Его поддержал Гитлер на Нюрнбергском съезде 1935 г. В своих речах и выступлениях в ноябре и декабре Шахт открыто поставил вопрос о необходимости постепенного отказа от системы государственного финансирования и перехода промышленности на «самофинансирование».

В связи с этим в германской печати разгорелась серьезная полемика по вопросу о переходе на «самофинансирование» и отказе от «государственной конъюнктуры». Эти споры приняли тем более ожесточенный характер, что теперь вследствие роста цен приходится для поддержания прежнего уровня вооружений тратить *значительно больше средств*. Журнал «Die deutsche Volkswirtschaft» от 2 ноября 1935 г., выступая против перехода хозяйства на систему «самофинансирования», заявил, что «нельзя из нужды делать добродетель, хозяйственный постулат. Если во всем хозяйстве перейти к самофинансированию, то это может привести к чрезвычайно тяжелым последствиям. Ряд хозяйственных областей был бы лишен долгосрочного кредита». В частности журнал восставал против применения этого принципа к сельскому хозяйству, заявляя о том, что без государственных субсидий помещикам и кулакам будет трудно жить. На этом же вопросе журнал останавливается в своем декабрьском номере, где он пишет об опасности кризиса в промышленности в связи с сокращением государственного финансирования. «Налицо опасность, что вследствие наличия слабых мест в построении кредитной системы *разразится кризис...* Тот, кто рассматривает диспропорции,

¹ «Vierteljahreshefte», Teil B, H. A., 1935, S. 194.

которые нарушают хозяйственное равновесие... тот должен конечно указать на повысившуюся опасность недостатка капитала, которая связана с недостатком финансирования». Это было признанием того, что фашизму не удалось вытащить хозяйственную машину на путь конъюнктурного подъема. В достаточной степени откровенно признался в исчерпании старых источников финансирования в своем обзоре за первый квартал 1936 г. Германский конъюнктурный институт. Он писал, что сверх многомиллиардной краткосрочной задолженности, которая имелась к осени 1935 г., за осенние и зимние месяцы краткосрочная задолженность повысилась еще больше. «Возникает вопрос, — спрашивал институт, — как долго может вообще длиться краткосрочное кредитование? Не будут ли исчерпаны источники, питавшие до сих пор денежный рынок?»

Конъюнктурный институт пришел к следующему выводу: «Государству все труднее проводить финансовые операции в порядке краткосрочного кредитования. В авторитетных государственных кругах уже заявлялось, что дальнейшее финансирование государственных заказов должно проводиться только в бюджетном порядке».

Перед лицом исчерпания кредитных источников германский фашизм стал искать новых методов финансирования военной подготовки, тем более что расходы на вооружения колоссальны.

«Фаза кредитной экспансии, — писал журнал «Die deutsche Volkswirtschaft» 13 декабря 1935 г., комментируя речь министра финансов Шверин-Крозигка в Берлине, — построенная на системе предоставления работы большого стиля, должна считаться в существенных чертах законченной, и здесь встают новые задачи, которые ставит восстановление военной мощи... Кредиты (на военные нужды. — И. Д.) должны получаться или за счет консолидации действительно сберегаемого капитала или за счет налогов».

В ноябрьских — декабрьских (1935 г.) выступлениях Шахта была достаточно ясно очерчена «новая» программа. Она сводилась к резкому повышению налогового пресса, к настойчивому подчеркиванию, что «капиталистическая хозяйственная форма является жизненной необходимостью германского хозяйства».

Чтобы получить деньги на вооружения, Шахт требовал всемерной экономии. Он объявил очень важным средством борьбы с отсутствием частного капиталовложения привлечение мелких капиталов через посредство акционерных обществ.

Но на финансирование вооружений нужны *многие миллиарды*. Конечно ни увеличение количества акционеров, ни увеличение налогов не может само дать эти средства, хотя фашизм за годы своей диктатуры гигантски усилил давление налогового пресса, собрав в 1934/35 г. почти на 1400 млн. марок больше с налогоплательщиков, чем в 1933/34 бюджетном году (6844 млн. марок в 1933/34 г. и 8223 млн. марок в 1934/35 г.).

Шахт развернул целую программу *нового ограбления рабочего класса* для финансирования вооружений. Острая полемика Шахта против антитехнической проповеди ряда фашистских «вождей», их прославления кирки и лопаты, требование применения новых машин скрывали за собой *программу беспощадной капиталистической рационализации, снижения себестоимости за счет снижения заработной платы и всемерного повышения интенсивности труда*. Программа Шахта сводится к жестокому наступлению на рабочий класс, осуществлению рационализации, не останавливаясь перед резким сокращением количества работающих в интересах снижения себестоимости. Требования крупных промышленников, боящихся инфляции, кратко и ясно сформулировал орган Ревентлова «Wirtschafts-politischer Dienst» в номере за 14 февраля 1936 г.: *«Рационализация с целью снижения цен — таково требование момента»*.

Драка, которая развернулась на страницах фашистской печати вокруг этих вопросов, свидетельствует о глубине противоречий в фашистском лагере.

Фашистская бюрократия боится проведения этой программы, так как рост безработицы и новое наступление на заработную плату, да еще в обстановке бешеного роста цен, могут привести к *потере фашизмом своей социальной базы*. В ответ на речь Шахта один из виднейших фашистских чиновников Бернгард Келер заявил в речи в Берлине 6 декабря: «Намерения о борьбе против машин лишь тогда исчезнут, когда берегающие труд машины не будут превращать соплеменников в безработных».

Против этой программы выступил в ряде своих речей и Лей. Выступления Лея и Гитлера и других вождей национал-социалистской партии были образцами обычной демагогии: вожди фашизма выставляли себя противниками сокращения безработицы в интересах «защиты рабочих».

В рядах германского фашизма идет острая борьба по вопросу о том, идти ли по линии дальнейшего увеличения безработицы, не останавливаясь перед теми социальными потрясениями, которые может вызвать рост безработицы. Требование экономии Шахт, прямо выражаю-

ший экономические интересы предпринимателей, дополнил требованием «упрощения» организации, прекращения вмешательства «коллективных организаций» в «дела предпринимателей». Как конкретизация этого заявления в интересах «облегчения хозяйства» в ряде органов печати («*Deutsche Zukunft*» от 22 декабря 1935 г. и др.) уже выставлено требование ликвидировать NSHAGO — организацию ремесленников и торговцев.

Таким образом в лагере германской буржуазии идет борьба вокруг ряда узловых вопросов политики фашизма.

В рядах германского фашизма имеется течение за то, чтобы не останавливаться перед прямой и открытой инфляцией. Уже цитировавший выше *Альбрехт Форстман* в своей книге прямо ставит вопрос о необходимости обесценения марки на 30% ее нынешней стоимости путем соответствующего увеличения размеров денежного обращения. Он требует далее общего повышения цен на 100%, снижения издержек производства путем рационализации, уменьшения излишних затрат, наконец удлинения рабочего времени на 50%.

Если Шахт требует сейчас лобового удара против пролетариата, то некоторые круги германского фашизма, боясь потери влияния в массах, предпочли бы инфляцию. В марте 1936 г. резко усилились настроения в пользу осуществления девальвации марки одним ударом, пользуясь новой волной шовинизма, раздуваемой фашизмом в связи с ремилиитаризацией Рейнской области и отказом Германии от Локкарнского договора. В экономической прессе уже идет оживленное обсуждение того, что принесет девальвация марки.

Сопровождаемая внутренней борьбой в лагере фашизма, основная линия дальнейшей политики, как этого требуют руководящие круги финансового капитала, сводится к постепенной реализации плана Шахта. Рационализация, не останавливающаяся перед новым ростом безработицы, сопровождаемая бешеным снижением жизненного уровня рабочего класса, — таков ее главный стержень. Германский фашизм, попав в тиски противоречий военного хозяйства, ведущегося еще без войны, обостряет всемерно классовые противоречия, идет по линии нового наступления на рабочий класс — наступления, могущего вызвать новое обострение положения в стране.

Через несколько дней после прихода фашизма к власти Гитлер выступил со своим знаменитым «четырёхлетним планом». Его важнейшей частью было обещание уничтожить в этот срок безработицу.

Сокращение безработицы было серьезнейшим доводом в руках фашизма, который он демагогически использовал в своей агитации и уверениях, что он приведет страну к подъему.

Теперь это поворачивается своей оборотной стороной. Рационализация наряду с ликвидацией системы предоставления работы и сокращением легкой промышленности вследствие сокращения покупательной способности масс приводит к *новому росту безработицы*. Уже в октябре количество безработных увеличилось на 114 тыс. чел., в ноябре — на 156 тыс., в декабре — на 560 тыс. Январь дает новый рост безработицы. «Völkischer Beobachter» в номере за 20 марта 1936 г. исчисляет рост безработицы в феврале 1936 г. по сравнению с августом 1935 г. в 1 240 тыс. чел. Это значительно превышает всякие сезонные колебания. Рост армии безработных, превысивший теперь 4 млн. чел., выражает обострение экономических противоречий, которых фашизм не разрешил и разрешить не мог.

Недаром даже фашистские органы говорят о приближении нового экономического кризиса. По сути дела увеличение безработицы за последние месяцы носит глубоко *кризисный* характер. Рост безработицы подрывает почву для фашистской демагогии.

Главная масса безработных выброшена из *легкой* промышленности. Сокращение покупательной способности масс, огромное снижение реальной заработной платы привели к сокращению отраслей промышленности, обслуживающих широкий рынок.

Положение промышленности, производящей предметы широкого потребления, особенно обострилось еще потому, что вследствие повышения цен на продовольствие все большая часть зарплаты идет на покупку средств питания, а все меньшая часть на покупку промышленных товаров. В результате мы наблюдаем беспримерно резкую диспропорцию между расширением тяжелой промышленности, питающейся за счет военных заказов, и сокращением легкой промышленности. Эта диспропорция приводит к обострению противоречий между соответствующими группами буржуазии. Но сокращение легкой промышленности рано или поздно потянет за собой тяжелую промышленность, рационализация в последней еще больше увеличит ряды безработных. Так фашизм своей политикой приближает новое обострение общеэкономического кризиса.

Германский фашизм бьется в тисках противоречий, унаследованных им от Веймарской республики. Эти унаследованные противоречия он не разрешил, а лишь обострил всей своей политикой, присоединив к ним немало новых,

В фашистском лагере это находит свое выражение в обострении противоречий как между фашизмом и его социальной базой, так и в лагере самой буржуазии.

III

Политика самого безумного «закручивания» хозяйства, всемерного расширения промышленности для восстановления военной мощи германского империализма в обстановке резкого сокращения покупательной способности масс и суживающегося внутреннего рынка, при отсутствии перспектив на расширение внешнего рынка, приводит к накоплению и обострению целого ряда противоречий, которые с неизбежностью рано или поздно *должны будут взорваться в новом кризисе.*

Не могут не обостряться и *классовые* противоречия. Фашизм ликвидировал другие буржуазные политические партии, обеспечив за собою монополию представлять интересы капитала. Лишив классовые противоречия возможности легального выражения, загнав их вглубь, фашизм в то же время эти противоречия обостряет.

Фашизм ослепил и обманул мелкобуржуазные массы безудержной национальной и социальной демагогией. Он не выполнил ни одного из своих обещаний мелкобуржуазным массам. С приходом к власти фашизм еще продолжал в течение первых месяцев пропагандировать старые демагогические лозунги. И Геббельс говорил еще в мае и июне 1933 г. о «второй революции». Но очень скоро фашистскому руководству пришлось эти лозунги свернуть и спрятать, так как мелкобуржуазные массы приняли их за чистую монету. Штурмовиков, которые требовали исполнения старой программы, отправляли в концентрационные лагеря. Одновременно фашизм в соответствии с новой обстановкой — превращением в господствующую партию, обладающую монополией власти, — начал изменять форму и характер своей демагогии. Теперь демагогия призвана служить удержанию массовой базы, завоеванной фашизмом, попыткам завоевать рабочие массы.

Уже 1 мая 1933 г. ознаменовалось разгулом демагогии насчет «святости труда», «труда как основы нации», «подчинения частных интересов общим» (т. е. интересам монополистического капитала), насчет единения рабочего и предпринимателя. Комментарием к этим демагогическим выступлениям был разгон профсоюзов на другой день после 1 мая, объявленного фашизмом «днем труда».

Образование «Рабочего фронта», создание массовых фашистских организаций вроде «Сила через радость» и др. имели целью охватить рабочих организационно. Демагогия о «социализме», священном единении труда и капитала, мнимом уничтожении классов, о том, что фашизм «чтит труд и уважает рабочего», продиктована была стремлением «завоевать душу рабочего», подчинить рабочие массы фашистскому влиянию. Благодаря политике социал-демократии фашизм сумел обмануть своей демагогией отдельные прослойки отсталых рабочих. Но завоевать рабочие массы, пролетариат, фашизму не удалось. Изощреннейшая демагогия Лея и Геббельса не помогла. Рабочий класс Германии, ограбленный фашистской диктатурой, лишенный самых элементарных прав, ненавидит режим каторги, безграничной диктатуры финансового капитала.

Фашистская диктатура *боится рабочих масс*. Об этом свидетельствуют просачивающиеся в заграничную печать, а иногда и на страницы фашистской печати сведения о положении на предприятиях.

То обстоятельство, что коллективные договоры, несмотря на правительственный декрет, до сих пор не уничтожены, свидетельствует о том, что фашистское правительство, как огня, боится вызвать солидарное выступление рабочих масс в большом масштабе. Иными словами, фашизм боится *образования единого фронта* рабочих как на предприятиях, так и в большем масштабе.

Чем больше ухудшалось внутреннее положение германского фашизма, тем более острыми становились противоречия между его словами и делами, между его программными обещаниями и практической политикой. Чем больше росло недовольство в обманутых фашистами штурмовых отрядах, тем острее становилась демагогия о национальной революции, о превращении Германии в крестьянскую империю и т. д. Чем труднее положение фашистской диктатуры, чем острее террор, тем больше это прикрывается демагогией о «социализме» и «единстве нации».

Как откровенно выразился в передовой журнал «Die deutsche Volkswirtschaft» (2 Dezemberheft, 1935), сейчас требуется «больше социализма», т. е. больше демагогии о социализме, ввиду растущих трудностей фашистской диктатуры. И журнал упрекает в близорукости тех капиталистов, которые боятся этой словесности, разъясняя им, что это в интересах их класса.

К элементам демагогии с целью обмана масс прибегали всегда в той или иной мере буржуазные партии.

Социал-демократия не раз пускала в ход национальную

и социальную демагогию с целью обмана масс. Напомним о социал-патриотизме и социал-шовинизме в годы мировой войны, когда социал-демократия под лозунгами защиты отечества помогала германскому империализму гнать массы на бойню во славу прибылей последнего. Лозунги «организованного капитализма», наступления «переходного к социализму периода» (последний особенно был пущен в ход в период мирового экономического кризиса, когда правительство Брюнинга начало опустошать государственный кошелек в интересах спасения капиталистов от банкротства) и т. д. были примерами социальной демагогии. Фашизм использовал этот опыт обмана масс социал-демократией, доводя методы демагогии до последней степени изощренности, виртуозности, наглости.

Массовая база фашизма, которая состоит из самых разнообразнейших слоев мелкой буржуазии, является его ахиллесовой пятой, и саморазоблачение фашизмом своей политики как политики крупнейших магнатов капитала неизбежно должно было привести к недовольству и возмущению в мелкобуржуазных массах, поверивших фашизму.

30 июня 1934 г. было не просто эпизодом, где одна группа фашистов расстреляла другую группу. 30 июня означало острое недовольство в штурмовых отрядах, выражавших настроения мелкой буржуазии, мероприятиями фашизма. Рем, возглавлявший штурмовые отряды, фрондируя против Гитлера, конечно не ставил своей задачей действительную защиту интересов мелкобуржуазных масс. Он лишь хотел использовать это острое недовольство, проявившееся в штурмовых отрядах, для достижения своих политических целей в ущерб рейхсверу.

Расстреляв Рема и его сподвижников, проведя «чистку» штурмовых отрядов, фашистская верхушка лишь выполняла задание, поставленное ей финансовым капиталом и генералитетом, — расправиться с «чернью», которая пришла в движение.

30 июня было первым бунтом мелкобуржуазных масс внутри фашизма. Рабочий класс не сумел тогда использовать 30 июня для углубления кризиса фашистского режима и его свержения. Это мог бы сделать единый фронт рабочего класса, но он не был создан.

30 июня здание фашизма дало серьезную трещину у самого основания. Задача состояла в том, чтобы эту трещину расширить, потянув мелкобуржуазные массы за пролетариатом против фашизма, создав единый народный антифашистский фронт. Его отсутствие не дало возможности использовать острую борьбу в рядах фашистов в интересах его разгрома.

Справившись с руководством штурмовых отрядов и реорганизовав самые штурмовые отряды, сблизившись с рейхсвером, фашистская диктатура после 30 июня *сумела укрепить свои позиции.*

30 июня было первым серьезным потрясением фашистской диктатуры после прихода к власти. Это потрясение *могло бы перерасти в кризис* фашистской диктатуры, если бы на сцену выступили массы во главе с пролетариатом. Этого не случилось. В то же время события 30 июня озаменовали *начало отхода* от фашизма некоторых групп мелкой буржуазии. Чтобы удержать за собою недовольную мелкобуржуазную массу, Гитлер пустил в ход не только безграничную социальную демагогию. Всемерное пропагандирование расовой теории, преследование евреев должны были внушить надежды мелким торговцам и лицам «свободных» профессий на то, что их положение улучшится после устранения еврейских конкурентов. Бешеный разгул официального антисемитизма, далеко оставивший за собой разгул русских черносотенцев, законы против евреев, принятые рейхстагом во время Нюрнбергского съезда, которые вся мировая печать оценила как восстановление средневековья, были способом спасти свое влияние в массах, удержать их за собою все новым и новым разжиганием антисемитизма.

Законы, опубликованные после съезда для выполнения решений рейхстага о превращении евреев в граждан второго разряда, превосходят самые дикие фантазии черносотенцев царских времен. По составу крови различаются полуевреи, четвертьевреи и т. д. Браки и интимные отношения евреев и полуевреев с «арийками» наказываются концлагерем. «Ариек», заподозренных в интимных отношениях с евреями, заставляют ходить голыми по улицам с соответствующими, позорящими их надписями и т. д.

До поры до времени черносотенная демагогия фашизма на известную часть мелкобуржуазных масс оказывает свое влияние. Но главным козырем, который дал фашизму до сих пор возможность удержать за собою мелкобуржуазные массы, была политика восстановления военной мощи германского империализма и воспевание этой мощи.

Исход голосования в Сааре и присоединение Саара, введение всеобщей воинской повинности в марте 1935 г., последовавшее за этим соглашение с Англией о праве Германии построить морской флот, равный 35% всего английского морского флота, — все это было сильными козырями в руках фашистского режима. Этим он создал в

мелкобуржуазных массах впечатление, что фашизм воссоздал военную мощь германского «отечества», восстановил международный «престиж» Германии.

Фашизм в течение длительного периода мог одурманивать массы, в частности молодежь, иллюзиями милитаристической романтики. Переговоры между французским и английским генштабами о совместных действиях на случай итальянского нападения на английский флот послужили для германского фашизма поводом к новому взрыву шовинистической пропаганды. Шовинистическая пропаганда, опирающаяся на восстановление военной мощи германского империализма, присоединение Саара, введение всеобщей воинской повинности — все это дало возможность фашизму до поры до времени *затормозить развитие противоречий в буржуазном лагере*, сблизившись с частью армии и смягчив тем самым одно из опасных противоречий внутри фашистской диктатуры Гитлера. Ремилитаризация Рейнской области, срыв Локарно призваны отвлечь внимание масс от внутреннего положения. Воинственные завывания фашистской прессы должны еще и еще раз удержать массы под влиянием фашизма.

Но шовинистической трескотней нельзя замазать все трещины, обманывать без конца массы, которые войны не хотят. На почве ухудшения экономической обстановки, резкого обострения продовольственного кризиса, явившегося лишь наиболее острым проявлением противоречий капиталистической экономики Германии, противоречия режима фашистской диктатуры вспыхнули с новой силой.

Каковы важнейшие *линии* противоречий фашистской диктатуры? Конечно противоречие между пролетариатом и буржуазией является определяющим и основным противоречием. Важнейшим противоречием *в лагере фашизма* является противоречие между его разнородной социальной базой и фашистской верхушкой, осуществляющей политику монополистического капитала.

В ограбленных и обманутых массах перед лицом острого продовольственного кризиса растет недовольство фашистским режимом. Сейчас оно является *более глубоким*, чем оно было 30 июня. Оно охватывает сейчас значительно *более широкие массы*, чем тогда.

Более острое и глубокое, чем 30 июня 1934 г., недовольство мелкобуржуазных масс не находит пока еще такого ясного выражения, не принимает еще таких драматических форм, как это имело место 30 июня. Тогда недовольство находило свое непосредственное выражение в брожении в штурмовых отрядах — вооруженной силе фашистского ре

жима. С тех пор штурмовые отряды тщательно и неоднократно «очищались» от недовольных элементов. Постановление о привлечении запасных в штурмовые отряды, изданное во второй половине декабря 1935 г., превращает штурмовые отряды в солдатскую организацию, придаток армии. Для расправы с внутренним врагом начинает привлекаться армия.

Фашизм стремится успокоить массы испытанными средствами демагогии. Выступления насчет «социализма» Третьей империи бесчисленны. Лей и Геббельс усиленно разъясняют, что ввоз недостающего продовольствия (масла, сала, яиц и т. д.) означает сокращение вооружений, на что фашизм идти не хочет. «Пушки или масло» — таков новый лозунг фашизма, производящий отвратительное впечатление своей гнусной циничностью, но долженствующий подействовать на мелкобуржуазные массы. В речи в Лейпциге 7 февраля 1935 г. Лей говорил: «Хотите ли вы на четыре недели иметь избыток в жирах и тогда капитулировать или вы хотите удержаться и иметь свободу?»

Он обратился в этой речи к богачам (1) с призывом отказаться от их жировых рационов в пользу рабочих тяжелого физического труда. Смысл этого «обращения» слишком ясен, чтобы его стоило расшифровывать здесь. Мы его привели для характеристики тех методов бесшабашной демагогии, которые применяет фашизм, чтобы потушить недовольство масс. По этой же линии идет проповедь аскетизма, требования воздержания от мясной пищи и жиров во имя «интересов нации». В своей речи 6 декабря 1935 г. в том же Лейпциге Лей заявил, что, если вместо военного сырья ввозить продовольствие, образуется армия безработных в 4½ млн. чел. Так фашизм пускает в ход все средства демагогии, чтобы успокоить массы. Но это удастся уже видимо все с большим трудом. Чтобы увеличить количество продаваемого в одни руки масла, фашизм вынужден был пустить в ход накопленные им военные запасы. Но и этого не может хватить надолго. Положение с остальными жирами осталось таким же. Нет яиц, нехватает мяса. В последнее время снова ухудшилось положение с маслом.

Что фашизм чувствует себя теперь далеко не так уверенно, как он чувствовал себя после 30 июня, видно из сравнения съездов фашистской партии в Нюрнберге в сентябре 1934 и 1935 гг. В сентябре 1934 г. фашизм полагал, что физическим истреблением актива рабочего класса, разгромом рабочих организаций, наконец расстрелами 30 июня его положение укрепились надолго.

Это нашло свое выражение в хвастливом заявлении Гитлера на съезде в сентябре 1934 г.: «В ближайшие тысячу лет в Германии больше не будет революций».

В противоположность этой хвастливой самоуверенности уже летом 1935 г. фашистские вожди сбавляют тон. В своей речи во Дворце спорта в начале июля 1935 г. Геббельс признал: «*Со всех сторон требуют устранения национал-социалистской партии*».

В сентябре 1935 г. на Нюрнбергском съезде фашистской партии с полной ясностью обнаружились серьезные разногласия между новой, «коричневой» бюрократией, с одной стороны, и старой, консервативной бюрократией и частью буржуазии — с другой. Если старая бюрократия, недовольная опасным, с ее точки зрения, заигрыванием национал-«социализма» с мелкобуржуазными массами, хотела бы роспуска массовой партии или ее преобразования в узкий орден немногочисленных избранных лиц, то новая, национал-«социалистская» бюрократия отнюдь не испытывает склонности отказаться от своих массовых организаций, считая их, несмотря на опасности, связанные с их существованием, необходимыми для удержания своей власти.

Выступление Гитлера на Нюрнбергском съезде гласило буквально следующее. «Национал-социалистское государство, — говорил он, — будет шествовать дальше, лишь преодолев эту опасность (т. е. марксизм). Я мог бы здесь установить, что борьба против внутреннего врага... была успешной только тогда, когда формальная бюрократия оказывалась недостаточной и немецкий народ выставлял другие организации, чтобы помочь жизненной необходимости германского народа».

В другой речи на съезде он выразился еще яснее, не скупясь на угрозы: «Это должно быть уроком для тех, которые так охотно могут попытаться *оторвать вождя от его дружины* (Gefolgchaft), которые не понимают, что между нами больше не может быть разрыва, которые с таким удовлетворением могли бы сказать: вождь — да! Но партия — разве это необходимо? Подководец без офицеров и солдат — это многим улыбалось бы! Но я не буду полководцем без войск, а останусь вашим вождем».

Это было открытым заявлением о том, что фашистский режим не откажется от массовой партии и попрежнему будет использовать созданные им массовые организации для осуществления террора и борьбы с трудящимися, не смотря на сопротивление старой чиновничьей верхушки.

Необходимо учитывать наличие противоречия между фашистской верхушкой и *армией*. Конечно это противоречие

так же, как и противоречие между старыми и новыми чиновниками, есть противоречие внутри фашистского режима. Армия благодарна фашистской диктатуре за то, что она сумела ликвидировать легальность партий, разгромить организации рабочего класса, загнать в подполье компартию, осуществить вооружение Германии.

Но если фашистский режим сумел восстановить военную мощь германского империализма, то это отнюдь не значит, что он сможет вести победоносную войну.

Часть генералитета боится, что фашизм будет все больше терять влияние в массах и тем самым против своей воли подрывать боеспособность армии, которая сейчас создается в порядке всеобщей воинской повинности. Еще опасней будет положение во время войны, когда в армию пойдут миллионы рабочих, крестьян, ремесленников и когда состояние тыла будет одним из важнейших условий ведения войны. Кое-кто из генералов не прочь был бы привлечь для этого социал-демократию, дав ей известное место в системе фашистской диктатуры.

Реакционная часть вождей социал-демократии, выступающая против единого фронта, ставит ставку на то, что генералитет сумеет заставить фашистскую верхушку привлечь социал-демократию к фашистскому государственному пирогу. Надежды, что фашизм согласится легализовать социал-демократию, что к этому его вынудит армия, являются утопическими. Расчет реакционных социал-демократов построен на песке. Фашистский режим на это пойти не может, так как этим он подорвал бы монополию собственной власти. Сами разногласия внутри генералитета тщательно спрятаны, чтобы их не видел посторонний взгляд. Но противоречия между фашистской верхушкой и частью генералитета, развивающиеся в рамках фашистского режима, учитываются компартией Германии как одно из противоречий, которое следует использовать в борьбе за свержение фашистской диктатуры.

Противоречием большой важности, которое может стать серьезным моментом разложения фашистской диктатуры, является *противоречие между католической (и, в меньшей мере, протестантской) церковью и фашистским режимом.*

Германский фашизм не терпит и не может терпеть *никакой конкурирующей с ним массовой организации*, понимая, что она может стать центром кристаллизации враждебных фашизму сил. Единственными еще сохранившимися массовыми организациями, существующими параллельно фашистским массовым организациям, являются католические организации.

Несмотря на наличие конкордата между фашистской диктатурой и Римом, фашистский режим не останавливается перед применением самого свирепого террора по отношению к католическим организациям.

Князья церкви конечно не являются принципиальными противниками фашистского режима. Но, учитывая необходимость удержания и расширения своего массового влияния, они не отказываются от фрондирования против фашистского режима, выступая с проповедями против идиотских теорий Розенберга, становясь в открытую оппозицию к фашистскому режиму.

В свою очередь фашизм боится конечно не князей церкви, а *масс*, которые входят в состав католических организаций и объединяются католической церковью. Отсюда борьба с католическими организациями. Отсюда в свою очередь сопротивление князей церкви сращиванию государственного аппарата с национал-«социалистской» партией. 1935 год и первые месяцы 1936 г. характеризуются обострением борьбы фашистского режима против католической церкви, рядом арестов католических попов, закрытием католических организаций.

Фашистским режимом недовольна некоторая часть буржуазии, которая оставляет позиции про запас, на случай краха фашистского режима и его банкротства.

Это недовольство части буржуазии в достаточной степени ясно выразил журнал «Der deutsche Volkswirt» в первых числах марта: «Много говорят об окружении (Германии). Германские вооружения принудили народ к новым жертвам, и возникает вопрос — *не компрометирован ли или, по меньшей мере, не поставлен ли под вопрос выигрыш от вооружения вследствие действия внешнеполитических факторов?*»

Яснее выразить недовольство и боязнь в условиях фашистской Германии — трудно.

Конечно неправильно думать, что фашистский режим держится помимо террора одним лишь обманом.

Окружая себя ореолом восстановителя «национальной чести» Германии, фашистский режим создал в лице своих массовых организаций реальную базу, на которую он опирается. «Рабочий фронт», спортивные организации, юношеские и женские организации, организация «Сила через радость» — все это создано с целью организационного охвата масс. Опираясь на эти организации, фашистский режим имеет возможность, несмотря на растущее всеобщее недовольство в стране, несмотря на ненависть к нему со стороны разнообразнейших классов и групп населения, удерживать

власть, пуская в ход изощреннейшие и варварские средства террора и насилия. Опираясь на эти массовые организации, фашизм твердо рассчитывает на разъединенность оппозиционных и враждебных ему сил в стране.

В соответствии с решениями VII конгресса Коминтерна коммунистическая партия Германии стоит перед задачей возглавить антифашистский народный фронт, создать единый фронт коммунистических и социал-демократических организаций, объединить на борьбу под руководством пролетариата оппозиционные фашизму группы в Германии. Решения Брюссельской конференции германской компартии в октябре 1935 г., конкретизирующие решения VII конгресса Коминтерна, являются свидетельством того, что компартия преодолевает остатки сектантских настроений, которые мешали созданию единого антифашистского фронта. Но условием создания единого пролетарского и народного антифашистского фронта является установление единого фронта с социал-демократией.

Пражский ЦК германской социал-демократии до сих пор остается на позициях отказа от единого фронта. Реакционные вожди социал-демократии понимают под единым фронтом не единство действий для борьбы с заклятым врагом пролетариата — фашизмом, а «пакт о ненападении». Они хотели бы, не устанавливая действительного единого фронта борьбы, добиться отказа компартии от критики их реакционной политики, их саботажа единого пролетарского фронта. Они против мобилизации рабочих масс под знаменем единства рабочего класса. Под флагом «пакта о ненападении» реакционные вожди социал-демократии *саботируют единый фронт*.

Для заключения единого фронта реакционные социал-демократические вожди хотели бы «гарантий», под которыми они понимают признание коммунистами «ошибочности» их борьбы с социал-демократией в последние годы.

Реакционные лидеры социал-демократии из пражского ЦК делают веселую мину при скверной игре. Именно они своей политикой проложили дорогу фашизму. Социал-демократия своей политикой удушения революции после ноября 1918 г., участием в коалиционных правительствах с буржуазией, содействием всякому наступлению на рабочий класс и трудящихся в период Веймарской республики и в годы кризиса в частности помогла победе фашизма. Социал-демократическая партия Германии спасала буржуазное государство от кризиса, защищала лозунг классового сотрудничества, провозглашая надклассовый характер буржуазного

государства, поставляя идеи, которые фашизм потом ввел как составные части в свою идеологию.

Веймарская республика породила фашизм, и победа Гитлера в Германии была политическим и идейным *банкротством* социал-демократизма.

Социал-демократия саботировала единый фронт рабочего класса, осуществляла его *раскол*. Перед лицом надвигавшейся фашистской диктатуры ЦК компартии, который вел правильную политическую линию, обращался к социал-демократическому ЦК с предложениями о едином фронте летом 1932 г., когда правительство Паппена разогнало социал-демократическое правительство Брауна в Пруссии. И в январе 1933 г. вместо согласия на предложение ЦК компартии о едином фронте и всеобщей стачке против правительства Гитлера центральный орган германской социал-демократии «Форвертс» объявил в передовой от 31 января 1933 г., что только что назначенное правительство Гитлера является правительством конституционным.

Наконец — и это было полной мерой предательства — социал-демократическая фракция фашистского рейхстага голосовала 14 мая 1933 г. за внешнеполитическую линию Гитлера.

В рядах компартии Германии были сектантские настроения до прихода фашизма к власти, настроения недооценки фашизма. Такие люди, как Гейнц Нейман, объявляли главным врагом левую социал-демократию как раз тогда, когда нужно было повернуть фронт против фашизма. С остатками сектантства борется германская компартия и сейчас. Но весь исторический опыт германского пролетариата говорит о *правильности* политики германской компартии, ее линии.

Реакционные противники единого фронта из вождей социал-демократии спрашивают о том, что будет на другой день после свержения фашистской диктатуры в Германии. На это дал ответ VII конгресс Коминтерна, объявивший устами т. Димитрова, что правительство единого народного антифашистского фронта может стать формой перехода к пролетарской диктатуре. Реакционные вожди социал-демократии хотели бы возврата к Веймарской республике, похороненной фашистской диктатурой. II Интернационал объявил Веймарскую республику демократическим раем, который он противопоставлял большевистскому СССР. Германская социал-демократия была образцовой партией II Интернационала. Она проповедовала хозяйственную демократию, врастание капитализма в социализм. Результатом было вращение Гитлера в Веймарскую республику, ее уничтожение

фашистской диктатурой, банкротство социал-демократической идеологии и политики.

Исторический опыт показал правоту линии большевизма. СССР превратился в могучую страну с мощной индустрией, с коллективизированным сельским хозяйством. Пролетариат СССР под руководством партии уничтожил эксплуататорские классы, обеспечил систематический подъем материального и культурного уровня трудящихся. Победа социализма, социалистического общества, ликвидация эксплуататорских классов и групп в СССР — победа ленинизма, осуществленная под руководством товарища Сталина, победа мирового пролетариата. Победа фашизма в Германии — означает банкротство реформизма, социал-демократизма, есть иллюстрация того, как политика социал-демократии выдала пролетариат на растерзание его злейшему врагу — фашистскому зверю. Самая победа фашистской диктатуры в Германии может быть правильно объяснена, лишь исходя из марксистско-ленинской теории.

После победы над Гитлером компартия Германии будет вести борьбу в массах за то, чтобы от правительства единого фронта идти *к германской советской республике, к свержению капитализма.*

Постановкой вопроса о «гарантиях», о том, что будет на завтра *после* свержения фашизма, реакционные вожжи социал-демократии стремятся смазать, сорвать единство действий против смертельного врага пролетариата — фашистской диктатуры — *сегодня*. Это — политика срыва и саботажа единого фронта, прикрытая самыми неблагоприятными предложениями. Но эти шитые белыми нитками доводы не встречают сочувствия масс. Социал-демократические рабочие в Германии за единый фронт с коммунистами, и организации социал-демократии внутри Германии, вопреки воле реакционных вождей, устанавливают единство действий с компартией в огне борьбы в труднейших условиях глубокого подполья.

Предложения, сделанные германской компартией пражскому ЦК относительно единого фронта, им были отвергнуты. Но в рядах левых социал-демократов имеется течение революционных социалистов (группа Ауфгейзер — Бехель), выступающих за единый фронт, за организацию единых профсоюзов. Они начинают ставить вопрос о диктатуре пролетариата, ими признано величайшее, всемирно-историческое значение социалистического строительства в СССР. Они открыто — хотя далеко еще не с достаточной решимостью — выступают против позиции пражского ЦК. Ряд социал-демократических организаций во Франкфурте,

Вюртемберге, Пфальце и др. выступил за создание единого фронта. Даже в рядах сторонников пражского ЦК намечается дифференциация.

Компартия Германии борется за создание единого фронта рабочего класса, вопреки воле реакционных вождей социал-демократии, вместе с теми вождями и руководителями социал-демократии, которые искренно хотят бороться с фашизмом. Компартия Германии борется за сплочение сил революционного пролетариата, за присоединение к пролетариату обманутых и ограбленных фашизмом мелкобуржуазных масс и объединение их под лозунгами свержения диктатуры фашизма, за создание свободной Германии, за мир, против фашистской политики военных авантюр.

Октябрьская конференция компартии Германии показала антифашистской оппозиции, как найти общий язык, и создала общую платформу для борьбы против фашистской диктатуры, за повышение зарплат, за требования крестьян и городских средних слоев, против расовых и религиозных преследований.

Фашизм создал огромные массовые организации, насильственно объединив в рядах «Рабочего фронта» 23 млн. немцев. На основе повседневной и конкретной работы компартия Германии согласно решениям VII конгресса Коминтерна и Брюссельской конференции будет разоблачать каждое мероприятие фашистской диктатуры вопреки условиям, созданным фашистским режимом. Задача заключается в том, чтобы работать внутри массовых организаций фашизма для мобилизации рабочих, крестьянских и мелкобуржуазных масс на борьбу против фашистской диктатуры.

Путь свержения фашистской диктатуры — это путь *троянского коня*, о котором говорил т. Димитров на VII конгрессе Коминтерна. Этот лозунг вызвал в рядах фашистов исключительный припадок бешенства, и как бы в ответ на это Гитлер выразил надежду, что объединить все силы противников фашистского режима в Германии не удастся.

«...Для коммунистов в фашистских странах, — говорил т. Димитров в своем докладе на конгрессе, — особенно важно быть повсюду, где имеются массы. Фашизм отнял у рабочих их собственные легальные организации. Он навязал им фашистские организации, и там *находятся* массы — вынужденно или отчасти добровольно. Эти массовые организации фашизма могут и должны быть нашим легальным или полулегальным полем действия, где мы будем общаться с массами. Они могут и должны стать для нас легальной или полулегальной отправной точкой для защиты повседневных интересов масс...

Массовое движение единого фронта, рождающееся *извне и изнутри* фашистских организаций Германии, Италии и других стран, где фашизм имеет массовую базу, отправляясь от защиты самых элементарных нужд, меняя свои формы и лозунги борьбы по мере расширения и нарастания этой борьбы, будет тем *тараном*, который разрушит кажущуюся теперь многим неприступной крепость фашистской диктатуры»¹.

Фашизм еще не потерял своей массовой базы. Несмотря на разъедающие его противоречия, на растущее недовольство масс, на растущую ненависть к нему, внутри страны, он не упадет автоматически.

Работа внутри массовых фашистских организаций, создание и сплочение единого антифашистского фронта, всех оппозиционных фашизму групп под руководством революционного пролетариата будут содействовать уходу мелкобуржуазных масс из-под влияния фашизма, их переходу в лагерь пролетариата, свержению фашистского режима.

Необходимость разоблачения фашистской демагогии, борьбы с идеологией фашизма, разоблачения его реакционной сущности, его мракобесия и варварства вытекает из решений VII конгресса Коминтерна. Разоблачение идеологии *германского* фашизма — особенно настоятельная задача. Это будет вооружать революционный пролетариат в борьбе с его злейшим врагом.

Фашизм понимает, что единый антифашистский фронт под руководством пролетариата будет его могильщиком. Отсюда его ужас перед самой возможностью образования единого антифашистского народного фронта.

Отнюдь не исключено, что перед лицом растущих трудностей, голода, нарастания политического кризиса внутри страны германский фашизм бросится в отчаяннейшую внешнеполитическую авантюру, зажжет пожар новой мировой войны. Фашизм — это война, чудовищный террор, голод.

Кровавый фашистский режим будет свергнут объединенными силами трудящихся масс города и деревни, единым антифашистским народным фронтом под руководством пролетариата.

---

¹ Г. Димитров, Речь на VII конгрессе Коминтерна, стр. 52—54.

Идеология фашизма

I

Фашизм есть «открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала»¹. Это определение подчеркивает, что перед угрозой пролетарской революции буржуазия выделяет из своей среды наиболее воинственные, наиболее реакционные группы, отстаивающие методами террора капиталистический строй и *частную собственность магнатов капитала*. Фашизм, как и всякая буржуазная партия, призван защищать интересы буржуазии как класса, однако в центре его внимания стоят интересы именно наиболее империалистической, реакционной и контр-революционной части *крупной* финансовой, промышленной и аграрной буржуазии.

«В условиях разразившегося глубочайшего экономического кризиса, — сказал в своем докладе на VII конгрессе Коминтерна т. Димитров, — резкого обострения общего кризиса капитализма, революционирования трудящихся масс фашизм перешел к широкому наступлению. Господствующая буржуазия все больше ищет спасения в фашизме в целях осуществления исключительных грабительских мер против трудящихся, подготовки хищнической империалистической войны, нападения на Советский союз, порабощения и раздела Китая и на основе всего этого предотвращения революции.

Империалистические круги пытаются переложить всю тяжесть кризиса на плечи трудящихся. *Для этого им нужен фашизм.*

Они стараются разрешить проблему рынков за счет порабощения слабых народов, увеличения колониального гнета и нового передела мира путем войны. *Для этого им нужен фашизм.*

---

¹ Из резолюции XIII пленума ИККИ.

Они стремятся опередить нарастание сил революции путем разгрома революционного движения рабочих и крестьян и военного нападения на Советский союз — оплот мирового пролетариата. Для этого им нужен фашизм»¹.

Фашизм всюду выступает как партия контрреволюции, ставящая себе целью подавление назревающей революции. Общий кризис капитализма, углубленный экономическим кризисом, обостряющим классовые противоречия до небывалой степени, является причиной процесса ускоренной поляризации классов, при которой партия крайней реакции выступает застрельщиком в борьбе с партией революции. Промежуточные средние партии при этом «вымываются», отступают на задний план или «унифицируются», ибо речь идет в этих условиях о борьбе на жизнь и смерть. Для буржуазии речь идет о спасении своего строя методами кровавого террора и реакционнейшего насилия. Для рабочего класса речь идет о насильственном свержении власти капитала, ибо иного пути нет. Реакционное насилие над трудящимися может быть сломлено лишь пролетарской революцией и диктатурой пролетариата.

Одной из особенностей фашизма является то, что, будучи партией крупной буржуазии по своему классовому содержанию, он вместе с тем использует в своих контрреволюционных целях широкие слои городской мелкой буржуазии и крестьянства, где он ищет и находит при известных условиях массовую социальную базу. Фашизм повсюду и везде демагогически использует в целях завоевания масс их антикапиталистические настроения, порожденные потрясениями капитализма, кризисом капиталистической системы, вызвавшим небывалое обнищание и разорение трудящихся масс. Мелкобуржуазные слои стоят на распутии. С одной стороны, они разочаровались уже в капитализме, с другой — они мечтают о сохранении частной собственности.

Эти условия в результате предательской политики социал-демократии создают благоприятную обстановку для фашистской демагогии, для разжигания инстинктов мелкого собственника, для «антикапиталистической» фразеологии фашистов, для обмана масс лживыми контрреволюционными теориями специфического немецкого «социализма» и т. д. Разоряющаяся в условиях кризиса мелкая буржуазия поддается влиянию этой лживой фашистской фразеологии. Фашистская демагогия имеет успех тогда, когда пролетариат,

¹ Г. Димитров, Наступление фашизма и задачи Коммунистического интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма, 1935, стр. 7.

будучи расколот политикой социал-демократии, не успел еще завоевать гегемонии над мелкой буржуазией. Социал-демократия сеяла в массах иллюзии своими «теориями» мирного вращающегося капитализма в социализм через буржуазную демократию, теориями «организованного капитализма» и т. д. Эти «теории» социал-демократии, пропаганда национализма, ревизия марксизма питали фашистскую идеологию и подготавливали в массах почву для демагогии фашизма.

Социальная демагогия фашистов черпает свои «аргументы» против марксизма отчасти из социал-демократических теорий организованного капитализма, сотрудничества классов, националистических теорий О. Бауэров, Реннеров, Каутских, Куновых, из идей этического социализма Бернштейнов, Форлендеров и т. д., обвинявших марксизм в «грубом материализме», «переоценке» экономики, «недооценке» этики и тому подобных «идеальных факторов».

Социал-демократические партии повсюду, во всех странах не только не вели борьбы против капитализма, но всячески защищали его устои, прокладывая путь фашизму. Коммунистические же партии не успели завоевать большинства рабочего класса на свою сторону, ни в Италии, ни в Германии до прихода к власти фашистов.

Фашизм пришел к власти в Италии, Польше, Германии, Австрии, Финляндии и других странах благодаря политике раскола социал-демократией рядов рабочего класса. Фашизм приходит к власти благодаря социал-демократической политике соглашения с буржуазией и борьбы с революционным пролетариатом, политике, ослабляющей пролетариат и подрывающей его гегемонию среди мелкой буржуазии. Однако «...победу фашизма в Германии, — говорил товарищ Сталин, — нужно рассматривать не только как признак слабости рабочего класса и результат измен социал-демократии рабочему классу, расчистившей дорогу фашизму. Ее надо рассматривать так же, как признак слабости буржуазии, как признак того, что буржуазия уже не в силах властвовать старыми методами парламентаризма и буржуазной демократии, ввиду чего она вынуждена прибегнуть во внутренней политике к террористическим методам управления, — как признак того, что она не в силах больше найти выход из нынешнего положения на базе мирной внешней политики, ввиду чего она вынуждена прибегнуть к политике войны»¹.

---

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 545.

Фашизм — это открытая террористическая диктатура финансового капитала, *объявление пролетариату гражданской войны под видом шулерской проповеди единства и солидарности нации, под видом «уничтожений классовой борьбы».*

«Германский фашизм, — говорит т. Димитров, — выступает как ударный кулак международной контрреволюции, как главный поджигатель империалистической войны, как зачинщик крестового похода против Советского союза, великого отечества трудящихся всего мира»¹.

Фашизм является злейшим врагом оплота международной революции — Советского союза, одно существование которого подтачивает основы капитализма и угрожает власти фашистов в первую очередь. Но между фашистами разных стран неизбежны противоречия, поскольку они выражают сталкивающиеся интересы империалистов в борьбе за передел мира.

Фашизм проводит кровавый террор против пролетариата и трудящихся под флагом шулерской проповеди о единстве и солидарности нации, о «включении» пролетариата в единую нацию. Фашизм объявил пролетариату гражданскую войну под звон демагогических фраз об «уничтожении» классовой борьбы. Фашизм стремится повсюду к развязыванию войны, ведет широкую идеологическую подготовку войны. Идеологическим прикрытием в руках фашистов являются зоологический национализм и звериный шовинизм. Идеология национализма и шовинизма призвана отвлечь широкие трудящиеся массы от их подлинных интересов, от священной классовой войны со своими «национальными» палачами и эксплуататорами. Для завоевания новых рынков сбыта буржуазия хочет бросить десятки миллионов людей друг на друга для взаимного истребления. Идеология национализма, шовинизма и расизма представляет собой лживую и отвратительную маску, под которой скрываются интересы наиболее хищных, империалистических элементов буржуазии.

Идеология фашизма есть прикрытия и оправдание террористической диктатуры наиболее хищных, империалистических элементов буржуазии методами национальной и социальной демагогии.

В своем историческом докладе на VII конгрессе Коминтерна т. Димитров специально остановился на вопросе об идеологической борьбе против фашизма.

¹ Г. Димитров, Наступление фашизма и задачи Коммунистического интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма, стр. 9.

«Одна из наиболее слабых сторон антифашистской борьбы наших партий, — сказал он, — заключается в том, что они *недостаточно и несвоевременно реагируют на демагогию фашизма* и продолжают до сих пор пренебрежительно относиться к вопросам борьбы с фашистской идеологией. Многие товарищи не верили, что столь реакционная разновидность буржуазной идеологии, как идеология фашизма, доходящая в своей нелепости зачастую до сумасбродства, вообще способна завоевать массовое влияние. Это была большая ошибка. Далеко зашедшее гниение капитализма проникает до самой сердцевины его идеологии и культуры, а отчаянное положение широких народных масс делает известные слои их восприимчивыми к заражению идеологическими отбросами этого гниения»¹.

Фашизм представляет собой *особую форму буржуазной реакции*, прикрывающуюся *национальной и социальной демагогией*. Без последней фашизм никогда бы не мог стать массовой партией.

Это обстоятельство объясняет *специфическую форму и особый характер фашистской идеологии*. Фашизм, будучи партией крайней реакции, вынужден обволакивать реакционное *содержание*, составляющее *сущность* его программы и деятельности, в мнимо антикапиталистическую *форму*, чтобы привлечь на свою сторону массы и иметь возможность использовать их в интересах крупного капитала. Идеология фашизма является идеологией крупного капитала в эпоху распада капиталистических производственных отношений и крайнего обострения классовых противоречий капитализма и борьбы двух систем. Эти условия налагают особую печать на фашистскую идеологию. *Социализм стал огромной силой*. Мировой пролетариат видит единственный выход из капиталистического рабства в пролетарской диктатуре, в построении социалистического общества. Советский союз является для всех трудящихся мира путеводной звездой в их борьбе за лучшее будущее. И фашизм *стремится использовать симпатии масс к социализму и ненависть к капитализму при помощи антикапиталистической фразеологии в целях спасения и укрепления капитализма*. В этом-то и состоит специфическая особенность фашизма, прибегающего к сознательному обману масс и спекулирующего на социализме, как на «ходком товаре».

Но как могло случиться, что широкие непролетарские

---

¹ Г. Димитров, Наступление фашизма и задачи Коммунистического интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма, стр. 80.

трудящиеся массы, эксплуатируемые крупным капиталом, дали себя увлечь своим злейшим врагам — фашистам? Подробно изложить все условия, определившие завоевание фашизмом широких масс мелкой буржуазии, не входит в задачу нашей статьи. Подчеркнем лишь, что в результате войны и поражения Германии, в результате инфляции и экономического кризиса широкие массы средних слоев были ввергнуты в ужасающую нищету и отчаяние; они видели в социал-демократической партии партию рабочего класса.

Но всей своей политикой социал-демократия порождала недоверие мелкобуржуазных масс к силе пролетариата; она прокладывала путь победе фашизма. Для фашистов в целях борьбы с марксизмом было конечно выгодно не делать различия между социал-демократическими политиками и коммунистами, ведшими ожесточенную борьбу, с предательской политикой социал-демократического руководства.

Теоретики социал-демократии давно уже проповедовали идею *единства нации*. Между рабочим классом и буржуазией, писал де Манн, существует прочная *национальная солидарность*. На Герлицком партийтаге (1921 г.) германская социал-демократия открыто выступила против *классовой борьбы за диктатуру пролетариата и против социалистической революции во имя «единства» и «целостности» нации*. Социал-демократическая партия положила в то время в основу своей политики *сотрудничество классов*, что явилось исходным пунктом для фашистской демагогии.

Вожди социал-демократии проводили политику «соглашения» с буржуазией, т. е. политику подчинения интересов пролетариата интересам буржуазии.

С 4 августа 1914 г. социал-демократия обнаружила себя открыто как партия *социал-шовинистская*. Идеологически политика социал-демократии обосновывалась тем, что судьба рабочего класса самым тесным образом связана с судьбой *нации*. Ряд элементов социал-демократической идеологии фашизм «развил», используя их для обмана масс.

На Кильском партийтаге (1927 г.) Гильфердинг выступил со своей теорией «организованного капитализма», согласно которой необходимо *возрождение* потрясенного последствиями мировой войны *капитализма* «для построения социализма». Переход к социализму с точки зрения социал-демократических теоретиков совершается в *рамках капитализма*. Социализм, писали Нельтинги, ежедневно и ежечасно врастает в капитализм. Другие представители социал-демократии вроде Зеверинга давно уже провозгласили принцип *«братского сплочения и солидарности всех сословий»*.

Социал-демократы в качестве идеологов «хозяйственной демократии» выдвинули идею совместного ведения хозяйства рабочими профсоюзами и союзами предпринимателей под верховным контролем государства. Идея «хозяйственной демократии» таким образом подготовила почву фашистской демагогии, фашистским идеям солидарности интересов рабочих и капиталистов в целях осуществления идеи «всеобщего блага» и т. д.

Разочаровавшись в социал-демократической партии, массы пролетаризированной мелкой буржуазии надеялись на удовлетворение их нужд со стороны новой, национал-«социалистской» партии, которая обещала всем слоям мелкой буржуазии удовлетворение их требований, спасение от кризиса, обнищания и разорения.

Германская социал-демократия с присущими ей *методами* управления могла держаться только до определенного времени. После наступления мирового экономического кризиса обострились классовые противоречия в стране, усилилась в огромной степени коммунистическая партия, выставившая на своем знамени идею пролетарской революции и диктатуры рабочего класса. В целях предотвращения пролетарской революции и разгрома революционных пролетарских организаций буржуазия сочла необходимым отказаться *от буржуазной демократии* и перейти *к открытой кровавой диктатуре*. В этих условиях социал-демократическая партия, за которой стояли миллионы рабочих, отнюдь не настроенных в духе лидеров партии и готовых бороться вместе с коммунистическими рабочими против буржуазной реакции во имя социализма, потеряла свою роль главной опоры буржуазии. Власть перешла в руки фашистской партии, сумевшей стать благодаря национальной и социальной демагогии самой массовой партией германской буржуазии. Она добилась власти благодаря своему кровавому террору и особенно безудержной демагогии, обещая крестьянам земли и уничтожение процентного рабства, ремесленникам — заказы, мелким торговцам — уничтожение конкуренции универсальных магазинов, рабочим — высокую зарплату и уничтожение безработицы.

В то же самое время фашисты обещали финансовому капиталу и помещикам разгром революционного рабочего движения, порабощение пролетариата и трудящегося крестьянства. Массы трудящихся были обмануты социальной демагогией фашизма. Надо сказать, что социальная демагогия в новой форме продолжает играть значительную роль у фашистов и по сей день. Если в своих «ученых» и «солидных» изданиях Гитлер и Розенберг позволяют себе рос-

кошь выступать как откровенные реакционеры, то в фашистских газетах («Völkischer Beobachter» и др.) и журнальчиках социальная демагогия занимает «почетное место». Но и в отдельных изданиях, предназначенных для масс, «социалистическая» и антикапиталистическая фразеология играет огромную роль.

Возьмем выпущенную совсем недавно с благословения господина Геббельса книгу под названием «Немецкие социалисты за работой»¹. Геббельс в своем предисловии к этой книге пишет: «Что сделали прежние правительства, утверждавшие, что они представляют рабочий класс и ведут борьбу за права бедных, для практического осуществления своих красивых фраз? Мы же доказали нации и всему миру, что стремимся действительно к созданию истинной народной общности (Volksgemeinschaft) и что наше национал-социалистское движение недаром носит почетное имя социалистической партии». Господин Геббельс играет, как известно, согласно разделению труда между фашистскими лидерами роль «левого», несущего заботу об интересах трудящихся. Употребляя на каждом шагу слово «социализм», этот демагог ловко подставляет под него прямо противоположное понятие, а именно *национализм*.

В другой статье уже цитированной нами книги фашистский автор незаметно для себя самого выдает секрет «приверженности» германских фашистов к социализму. Он пишет: «Великое доверие так поздно завоеванных на сторону национал-социализма рабочих (ложь, рабочие не завоеваны фашизмом. — А. Д.) покоится на социализме». «Социализм, — пишет он, — является живым убеждением масс, которые отрелись от всех других ценностей — нации, армии и церкви. Социализм есть последняя надежда, оставшаяся массам; за эту последнюю надежду они всеми силами цепляются»².

Таким образом фашисты откровенно признают, что так как *социализм* есть *последняя надежда масс*, то для завоевания их на свою сторону необходимо «прикрыться» «социализмом». Но так как на деле фашисты являются злейшими врагами трудящихся и их последней надежды — социализма, то искусство демагогов сводится к умению сочетать словесное «*приятие*» социализма с ожесточенной борьбой против него. А это может быть достигнуто в идеологической сфере путем демагогии и *фальсификации социализма*. Оказывается,

¹ «Deutsche Sozialisten am Werk». Ein sozialistisches Bekenntnis deutscher Männer, 1935.

² Ibid., S. 13—14.

что социализм вовсе не представляет собой определенную социально-экономическую систему, а лишь «нравственное самоутверждение народа».

«Нет социалистической свободы без политической свободы», — пишет фашистский публицист Шварцман-Берк. Этот лозунг объединяет, по мнению фашистов, рабочих и солдат. «Немецкий социализм», пишут все фашистские демагоги, родился в *окопах*. И смысл его состоит в том, что *единство нации*, которое было-де рождено войной и которое, кстати, было провозглашено социал-демократией, составляет *суть* «немецкого социализма». Таким образом фашистский «социализм» неразрывно связан с идеей агрессии, с идеей реванша и новой империалистической войны.

Социальная демагогия фашистов чрезвычайно ярко выступает в их трактовке *понятия труда*.

Фашисты демагогически объявляют труд *священным делом*, рассчитывая этим воздействовать соответствующим образом на рабочих, трудовое крестьянство и ремесленников. Но, объявив труд при капитализме священным, выставив в демагогических целях этот тезис, фашисты немедленно начинают разъяснять *понятие* труда, и тогда оказывается, что рабочими являются и Тиссен, и Крупп, и Адольф Гитлер. «Между понятиями капитала и труда, — пишет фашист Бергер, — нет никакого противоречия. Мы все являемся немецкими рабочими немецкого народа, начиная от президента и кончая последним трудящимся»¹. Итак, Тиссен и Крупп так же являются великими «тружениками», как и рабочие их заводов. Труд обнимает все, труд есть жизнь. И с этой точки зрения «мы должны пропитать труд немецкого предпринимателя ответственностью и достоинством», — пишет он.

С точки зрения фашистов «Тиссен, Крупп, Бенц являются великими полководцами подобно Наполеону, а Гете, Шиллер и Адольф Гитлер — работодателями...»². Все беды Германии в прошлом имели якобы своим источником марксизм, который навязал-де немецкому народу чуждые ему понятия. Фокуснические «разъяснения» фашистами таких понятий, как социализм, труд, предприниматель, рабочий, капитализм и т. д., приведут к полному торжеству «немецкого духа». Достаточно например разъяснить понятие труда или рабочего в таком смысле, чтобы Тиссен и Круппы оказались такими же пролетариями, как и эксплоа-

¹ «Deutsche Sozialisten am Werk», S. 72—73.

² Ibid., S. 75.

тируемые ими рабочие, и всякая классовая борьба прекратится, доказывают фашистские демагоги.

«Смысл труда состоит в формировании вещей, — заявляет Лей, умалчивая об эксплуатации наемного труда капиталом. — О людях, которые целиком уходят в свою работу, говорят, что они забывают есть и пить. Это простое убеждение и знание народа. Но это истинно. Чем больше я погружаюсь в свою миссию, тем меньше я думаю о еде, о вопросах желудка. Есть конечно также надо, но *лишь постольку*, поскольку это необходимо для *поддержания тела*... Наша задача будет состоять в том, чтобы *удовлетворить голод*, но мы *не допустим, чтобы желудок стал нашим господном*. В этом состоит смысл нашей работы в партии и на рабочем фронте»¹.

Таким образом фашистский «вождь» рабочего фронта совершенно открыто заявляет, что *рабочий должен жить впроголодь*. Но фашисты не были бы фашистами, если бы они одновременно не стремились эту центральную свою задачу удушения рабочих костлявой рукой голода во имя интересов Круппов и Тиссенев облечь в *демагогическую форму*, в высокопарные фразы о «немецком социализме», которые должны скрыть от рабочих истинный смысл стремлений фашистов.

За три года своей диктатуры фашизм не сделал ничего для выполнения своих обещаний мелкобуржуазным массам. На смену старой демагогии, безграничным обещаниям, которые давал национал-«социализм» массам, пришла новая форма демагогии, избегающей старательно конкретных обещаний. Демагогия в ее новой форме больше всего щеголяет словом «социализм», для того чтобы словесной трескотней одурманить массы, обмануть их, не дать им разобраться в действительном смысле фашистской диктатуры.

Фашисты и в частности «вождь» «крестьянского фронта» Дарре развивают в обширных размерах демагогию насчет осуществления в гитлеровской Германии «крестьянского социализма». Мало того, на состоявшемся в Госларе в середине ноября 1935 г. съезде имперских крестьян, на котором присутствовали крестьянские делегаты некоторых иностранных государств, Дарре выступал с речью «о межнациональной миссии крестьянства», призывая крестьян к борьбе с коммунизмом и большевизмом. Господин Дарре много говорил о крестьянской сущности, о значении крестьянства вообще и о тех обязанностях, которые на нем лежат. Само собой разумеется, что господин Дарре много

¹ «Deutsche Sozialisten am Werke», S. 66.

говорил о мире, в котором нуждается крестьянство. Но это были обычные фразы. Они должны были скрыть истинный смысл его выступления, в котором сквозила ненависть к Советскому союзу и к коммунистическому движению. «Я уверен, — сказал он, — что выражу мнение всех присутствующих, если скажу, что нет более серьезной задачи, чем борьба с большевизмом»¹.

Проводимая Коминтерном тактика единого рабочего фронта и антифашистского народного фронта вызывает поистине животный страх среди фашистов. Этот факт доказывает лишний раз абсолютную правильность принятых VII конгрессом Коминтерна решений. Германские и итальянские фашисты открыто признают опасность для них единого фронта. Итальянская фашистская газета «Osservatore Romano» в специальной статье бьет тревогу по поводу новой тактики Коминтерна, опираясь на клеветнические антисоветские выступления на Нюрнберском съезде германских национал-социалистов мастера лжи и демагогии — господина Геббельса.

Разоблачение фашистской социальной демагогии является для нас одной из самых важных задач. Необходимо сорвать маску с лица фашизма и показать массам его реакционную сущность, его подлинную природу, цели и стремления как злейшего врага трудящихся масс. Показ реакционной сущности фашизма и является основной задачей дальнейшего нашего анализа идеологии фашизма.

II

Все разновидности германского фашизма спекулируют фразами о необходимости слияния национализма с «социализмом».

Мы здесь имеем *сознательно* рассчитанный план обмана трудящихся масс, мошенническую *эксплоатацию* в области идеологии антикапиталистических настроений широких масс для их закабаления и дальнейшего закрепощения. Вся идеология фашизма поэтому внутренне лжива, противоречива, эклектична, ибо фашизм *не смеет* говорить правду, он вынужден вести постоянно двойную «итальянскую» бухгалтерию.

Не имея возможности держаться собственными силами, буржуазия нуждается в *массовой опоре*. И вот для обмана масс она строит *идеологические* концепции, которые хотя бы словесно, по видимости, в какой-нибудь степени отражали их настроения и стремления. «Немец не имеет ни малейшего

¹ «Berliner Börsenzeitung», 1935, S. 539.

представления о том, — писал Гитлер в «Mein Kampf», — как должен быть обманут народ, для того чтобы привлечь его на свою сторону». Это искусство обмана составляет органическую часть, мы бы сказали, фундамент всех идеологических построений и политических программ фашизма. Тот факт, что буржуазия вынуждена жонглировать подобно пляшущим на канате паяцам опасным для нее словом «социализм», свидетельствует об ее слабости и мощной силе подлинного социализма.

Буржуазия в своей борьбе с социализмом не может не считаться с существованием нашей социалистической системы, которая является для всех рабочих и трудящихся мира тем общественным строем, который они стремятся осуществить в своей собственной стране. Для воздействия на массы фашисты ныне не могут обходиться без фраз о «социализме». Шарлатанство и лживость фраз о «национал-социализме» и т. п. обнаружить нетрудно. Шпенглер например считал возможным спасти германский капитализм и осуществить мировую гегемонию Германии при условии объединения консервативной партии с пролетариатом под руководством «социалистического» монарха. Шпенглер под «социализмом» понимал не что иное, как империализм и прусскую казарму. Подобно итальянскому вождю национализма Коррадини он объявил германский народ «пролетариатом» («бедный» Крупп. — А. Д.). Западные же народы, в особенности англичан, Шпенглер объявил буржуазией и призывал немецких рабочих идти во главе с германскими «пролетариями» — Круппами и Тиссенами — против «буржуазных» народов других стран.

Фашистские фокусники-жонглеры ухищряются свести «социализм» к дикому расовому шовинизму и антисемитизму. Отождествить этот свой «социализм» с империализмом и даже с полицией после этого им не стоит никакого труда. Главный «теоретик» германского фашизма Розенберг прячо, без всяких дальнейших умствований, говорит о полиции как о социалистическом учреждении¹. Все разновидности фашизма, начиная от католической и кончая гитлеровской, вынуждены так или иначе в целях обмана масс подносить им насквозь лживые фразы о своем «социализме». В этом факте также обнаруживается одна из специфических особенностей борьбы империалистической буржуазии с пролетариатом. Фашизм приходит к власти в условиях всеобщего кризиса капитализма, от которого страдают прежде всего

¹ Rosenberg, Der Mythos des XX Jahrhunderts, 1934, S. 533—537.

рабочие, все трудящиеся, крестьянство, городская мелкая буржуазия, служащие и т. п. Поэтому он вынужден сыпать всевозможными обещаниями «социалистических» преобразований. Но действительная цель фашизма сводится к спасению и укреплению позиций крупного капитала. Отсюда внутренняя фальшь идеологии фашизма.

Германский фашизм в центре своей пропаганды шовинизма ставит пропаганду расизма и антисемитизма. Расовая идеология германского фашизма третирует всех людей, не принадлежащих к «арийской» «северогерманской» расе, как ублюдков, людей низшей породы, как «унтерменшен». Эта «идеология» призвана обосновать господство германского империализма над всеми народами земли. Ведь германский империализм претендует на *мировую гегемонию*. «Кто от всего сердца действительно стремится к победе пацифизма, должен всеми средствами стремиться к завоеванию мира немцами»¹, — писал Гитлер. И дальше: «Фактически пацифистско-гуманная идея хороша тогда, когда *высший человек* предварительно *завоевывает и подчиняет себе мир* в таком объеме, что он становится *единственным господином земли*»².

Господин Гитлер, если верить его фразам, заботится *только* о высоких идеалах, о вечных ценностях, о торжестве и процветании «великой культуры». И вот во имя этой культуры и вечных ценностей он требует обращения в *рабство* и подчинения всех народов земли германскому империализму. Подобно тому как культурный человек нуждается в животных, так он нуждается и в рабах. Культуры рождаются и процветают только там, где ариец в качестве человека *высшей породы* получает возможность пользоваться людьми *низшей породы как рабами*. Единственными же арийцами, оставшимися на земле, являются, как известно, немцы и то лишь их «ядро», ибо все прочие давно уже стали «ублюдками». Еще первый апостол фашизма Шпенглер при помощи сложнейшей «ученой» софистики стремился доказать всему миру, что англичане и французы, не говоря уже о других народах, лишились всех творческих сил, но что на земле — слава Вотану! — остались еще немцы, которые и призваны спасти мир от гибели с гарантией по крайней мере на сотни лет. Таким образом расовая «теория» должна служить оправданием, с одной стороны, угнетения трудящихся, а с другой — завоевания германским империализмом новых колоний.

¹ *Hitler, Mein Kampf, 1933, S. 315* (подчеркнуто мною. — А. Д.).

² *Ibidem.*

Германские фашисты доказывают, что в немцах воплощена особая порода *сверхчеловеков*, призванных самим богом властвовать над чужими народами, над всем миром. Однако не следует никогда упускать из виду, что немецкие *рабочие и трудящиеся массы*, с одной стороны, и капиталисты, крупные аграрии, банкиры и т. п., с другой стороны, принадлежат, по «концепции» фашистов, к *различным расам*. Если к «северной расе» относятся магнаты капитала, то рабочие и трудящиеся массы относятся ими к так называемой *остической (восточной) расе*, низшей по сравнению с высшей, северной расой.

Фашистский философ Макс Вундт, опираясь, с одной стороны, на расовых теоретиков фашизма вроде Гюнтера, а с другой — на философию Платона, пишет, что «...северная раса призвана к господству, а остическая — к подчинению», что «способность к чистому созерцанию и ясному мышлению присуща северной расе». Она призвана быть вождем, ибо обладает высшей мудростью, отличается героизмом, храбростью и чувством справедливости, т. е. подлинной *политической добродетелью*; только она одна *способна отвести каждому сословию подобающее ему место в обществе*¹. Империалистическую войну вели северные люди, революцию же после войны совершили люди низшей, «остической» расы, т. е. рабочие. Северная раса и ее душа по самой природе своей привержены к *идеализму*, остическая же раса — к материалистическому мировоззрению. Остическая раса, т. е. рабочие и трудящиеся массы, нуждается в руководстве со стороны северной расы — магнатов капитала, этих прирожденных «вождей», миссия которых сводится к *господству над своим народом и к угнетению его*.

Германские фашисты третируют немецких рабочих и трудящиеся массы как «красных унтерменшен», которых нужно безжалостно *уничтожать*, когда этого требуют интересы капитала. Идеологическим оправданием для этой *разбойничьей* политики по отношению к трудящимся служит фашистская «теория» полноценности и неполноценности человека. «Природа, — пишет фашист Мейер, — не терпит ничего неполноценного. Природа стремится к сохранению крепких индивидов и их высшей продуктивности. *Неполноценное и гнилое не имеет права на существование в природе*»². Эти аристократические законы природы должны быть осуществлены и в человеческом обществе. Следовать этим законам, *требующим безжалостного уничто-*

¹ Max Wundt, Deutsche Weltanschauung, S. 162.

² H. Meyer, Der deutsche Mensch, Buch. I, S. 117.

жения всего слабого и неполноценного, необходимо потому, что они являются не только биологическими законами, но нравственным долгом, категорическим императивом. Идеалом англо-французского просвещения и марксистского коммунизма, пишет Мейер, являются чистая *человечность* и *вечный мир народов, равенство людей и рас*. Но это-де противоречит всем законам природы и нравственности. «Они и не подозревают о существовании естественного закона, предписывающего борьбу за существование; смысл этого закона состоит в том, что только *лучшие индивиды* и только сообщества лучших, т. е. *лучшие народы, имеют право на существование...*»¹.

Природа не считается с беспочвенными идеалами гуманистов и пацифистов. Она *поднимает свой меч и уничтожает неполноценных индивидов*. Точно так в сущности должно поступать государство, а между тем неполноценные элементы ныне претендуют даже *на помощь государства*. Таким образом рабочие и трудящиеся массы квалифицируются как *неполноценные* люди уже по тому одному, что они обречены на нищету и безработицу, а буржуазия, эксплуатирующая и угнетающая их, относится расовой «теорией» к «лучшим» и «мудрым» элементам нации.

Расовая идеология следовательно является в руках германских фашистов идеологией оправдания эксплуатации, рабства и угнетения трудящихся масс как «неполноценных» людей. С другой стороны, та же расовая идеология служит для них орудием мобилизации масс для военных походов, для оправдания колониальной политики и т. п.

Предтечи современного фашизма — Ницше, Чемберлен², Лангбейн и многие другие — *проповедовали неравенство рас и людей как в физическом, так и в духовном отношении*. Ницше утверждал, что *массы — толпа, стадо, как он выражается, — принадлежат к низшей расе в отличие от аристократии, которая составляет высшую расу*. Смешение крови господ с кровью рабов, низших классов, ведет к понижению типа человека и к порождению демократических и социалистических идей и движений. Расовая идеология в эпоху промышленного капитализма не пользовалась среди буржуазии популярностью, так как либеральная буржуазия тогда стояла на почве унаследованной от буржуазной революции *идеи формального равенства людей, наций и даже рас*. Разумеется, это нисколько не мешало буржуазии

¹ Ibid., S. 134.

² H. H. Chamberlain, Die Grundlagen des XIX Jahrhunderts, 1899; Die arische Weltanschauung (имеется русский перевод) и др.

великодержавных наций угнетать народы колониальных и полуколониальных стран. В эпоху же империализма и в особенности на нынешнем этапе кризиса капиталистической системы фашистская буржуазия находит в расовой идеологии те «идеи», которые более приспособлены к защите ее интересов: *идею неравенства людей, неравенства наций и рас*. Уже Лангбейн защищал и обосновывал тезис, согласно которому между людьми разных рангов существует качественное различие.

Современные фашисты всю мудрость свою заимствовали от реакционных писателей прошлого. Если мы обратимся к писаниям Гитлера и Розенберга — этих главных столпов национал-«социализма», то мы убедимся в исключительном убожестве и нищете их идей. *Паразитизм* в области идеологии является подлинным отражением паразитического характера империалистической буржуазии.

Гитлер изображает государство «живым организмом расы», имеющим своей задачей сохранение и развитие заложенных в расе задатков и способностей. Однако в пределах самой расы Гитлер спешит выделить ценное ее «ядро». Это «ядро» в свою очередь распадается на две части. Одна часть обеспечивает сохранение физической жизни расы, другая — содействует духовному ее развитию. Последние составляют наиболее «благородную» часть народа, которая в то же время является и наиболее благородной частью *всего человечества*. Само собой разумеется, что наиболее «благородной частью» нации и человечества согласно воззрениям Гитлера и его единомышленников является *аристократия капитала*.

Расовая идеология должна служить орудием «идейной» мобилизации широких масс для милитаристических, империалистических целей, и та же идеология служит для обоснования и оправдания господства крупной буржуазии, аристократии капитала, под видом господства «лучших голов». В первом случае фашисты вынуждены говорить о *всей расе* (германской, разумеется) как о высшей среди всех других, как о расе господ (Herrenrasse), во втором случае *раса господ сводится к аристократии самой расы, к аристократическому меньшинству*.

«Мировоззрение, — пишет Гитлер, — которое стремится отказом от демократической идеи массы отдать землю лучшему народу, т. е. высшим людям, логически должно также внутри этого народа следовать тому же аристократическому принципу и обеспечить за лучшими головами руководство и максимальное влияние среди этого

народа. Этим оно стоит не на идее большинства, а на идее личности»¹.

Марксизм, говорит сам Гитлер, исходит из массы, ее значения и роли, между тем как масса, мол, действует разрушительно на культуру, хозяйство, политику. Разумеется, грубой ложью является утверждение фашистов, будто марксизм отрицает роль и значение личности вообще. Но марксизм действительно ставит в центре своего мирозерцания и своих практических стремлений интересы пролетариата и интересы трудящихся масс — интересы подавляющего большинства народа в каждой стране. Фашисты же защищают интересы ничтожного меньшинства эксплуататоров, которые и возводятся в ранг выдающихся «голов», «талантливых» руководителей, организаторов и «вождей».

Идея неравенства людей, являющаяся выводом из проповедуемого фашистами расового принципа, должна быть, по их мнению, положена в основу хозяйственной, политической и всей культурной жизни народа. Это требуется для отрицания парламентаризма, так называемых «свобод» буржуазной демократии. «Либерализм, — писал Розенберг, — признавал свободу — свободу передвижения, свободу торговли, парламентаризм, эмансипацию женщин, равенство людей и полов и т. п. Он грешил этим против законов природы... Германская идея требует... авторитета, типобразующей силы, ограничения, дрессировки, автаркии, защиты расового характера, признания вечной полярности полов»².

Гитлер также вполне откровенно доказывает, что как в хозяйственной жизни, так и в государстве «принцип масс» должен быть радикально искоренен. Повсюду должен быть осуществлен в противоположность марксистскому принципу массы и господству большинства принцип аристократической личности. Как хозяйство, так и государство должны быть построены по образцу прусской армии.

Вот собственно истинная и конечная цель германского фашизма. По заявлению Гитлера, тот принцип, который сделал в свое время из прусской армии чудесный инструмент немецкого народа, должен лечь в основу фашистского государства. Этот принцип гласит: авторитет каждого вождя по отношению к низшим и ответственность перед высшими³.

Что же касается самого Гитлера как вождя «божьей милостью», то он, естественно, ни перед кем не ответ-

¹ Hitler, Mein Kampf, S. 493.

² Rosenberg, Der Myt aus des XX Jahrhunderts, 1934, S. 503.

³ Hitler, Mein Kampf, S. 501.

ственен, если не считать бога и его, Гитлера, собственной совести. Государство в Германии стало *вотчиной Гитлера*, а философы права, юристы, публицисты, словом, целая армия писак добывают хлеб свой обоснованием тезиса: *государство — это Гитлер*. Германия ныне просто именуется «государством Адольфа Гитлера». Разумеется, Гитлер — это *вывеска фирмы* Круппа, Тиссена и других магнатов капитала, к которым впрочем следует причислить ныне и самого Гитлера, который, как известно, является крупным акционером издательского треста, загребаящего миллионы¹.

Вождь — «живое воплощение» нации и государства, он народный герой, пишет например «философ» Бек. «До тех пор пока мы стремились формировать нашу жизнь согласно формулам марксистской демократии, — продолжает он, — мы не могли прийти к этой идее германского национального государства»².

Что же касается гражданских и политических прав, то «дарование» их обуславливается признанием фашизма, признанием «государства Адольфа Гитлера». Всякий, кто враждебно настроен против фашистов, именующих себя «немецкой нацией», т. е. кто исповедует идеи интернационализма, кто чувствует себя связанным с другими народами, тот лишается политических прав, заявляет фашист Ребдинг, комментируя соответствующий пункт программы национал-«социалистской» партии³.

Вряд ли можно найти более тупоумные аргументы против марксизма, чем аргументы расовиков. Так, некий Штюрдц доказывает, что если большевизм и коммунизм даже оказались бы приемлемой «хозяйственной, государственной и культурной формой для народов России», то они совсем не подходят для арийцев — немцев. «*Расовое различие обоих народов делает вполне вероятным, что то, что для одних хорошо, далеко не является хорошим для других*»⁴. «Арийская кровь» не приемлет большевизма.

Таковыми заклинаниями фашизм хочет спастись от угрозы пролетарской революции, от коммунизма, который в лице германской компартии борется против фашистской диктатуры, создает единый антифашистский фронт для свержения кровавой фашистской диктатуры.

¹ Злые языки утверждают, что в «унификации» прессы, издательского дела, лично заинтересован Гитлер.

² «Hochschule für Politik», 1934, S. 31.

³ Ibid., S. 105.

⁴ Ibid., S. 158 (подчеркнуто мною. — А. Д.).

Фашисты клеветают на Советский союз даже тогда, когда некоторые из них вынуждены со скрежетом зубным признать успехи Страны советов.

Однако история Советского союза, столь кратковременная с точки зрения исторических масштабов, есть живое свидетельство того, что освобожденный от эксплуатации и рабства народ под руководством марксистско-ленинской партии строит на почве критического освоения всего наследства, доставшегося ему от прошлого, совершенно новую культуру, новый мир.

Марксизм видит задачу социализма «в выведении трудящихся на дорогу *самостоятельного* творчества новой жизни» (Ленин). «Перед победившим пролетариатом, — говорил Ленин на III Всероссийском съезде советов, — открылась земля, ныне ставшая общенародным достоянием, и он сумеет организовать новое производство и потребление на социалистических принципах. Раньше весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого — просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации. Мы это знаем, — и разве во имя этой величайшей исторической задачи не стоит работать, не стоит отдать всех сил? И трудящиеся совершат эту титаническую историческую работу, ибо в них заложены дремлющие великие силы революции, возрождения и обновления»¹.

Под руководством партии и вождя нашего советского народа товарища Сталина наш великий Советский союз доказал миру, что он *практически* осуществляет дело освобождения творческих способностей и талантов, заложенных в народных массах для строительства новой культуры, которая ныне на советской почве уже распустилась пышным цветом. В своей прекрасной речи о «Пути украинской советской литературы» на пленуме правления союза советских писателей Украины г. Постышев имел полное право сказать, что новой чертой «души» советского человека является *«тяга к творчеству, к созидательной работе»* и что *«на ваших глазах родилось, развивается и все больше развивается силой, здоровьем, культурой, красотой жизни новое, социалистическое общество»*².

¹ Ленин, Соч., т. XXII, стр. 225.

² «Правда» от 10/VI 1935.

Фашисты, эти истинные могильщики культуры, «аргументируют» ныне уже не от невозможности руководства большевиками хозяйственной жизнью страны (эта карта бита, что чрезвычайно важно, ибо это обстоятельство свидетельствует о *нашей силе и об ослаблении фронта наших врагов*), а от несовместимости социализма с «арийским духом», с расовой природой немцев. И такая, с позволения сказать, аргументация рассчитана на круглых дураков, ибо уже слишком прозрачно она прикрывает *интересы капитала*. Что же касается неспособности марксизма построить новую «культуру», то этот «аргумент», ставший ныне среди фашистов столь ходким товаром, также разбит жизнью вдребезги. Стоит только сопоставить нынешнюю фашистскую «культуру» с подлинным расцветом советской культуры, чтобы самые отсталые элементы убедились в том, что жонглирование культурой у фашистов носит тот же характер сознательного обмана масс, что и их жонглирование словом «социализм».

Марксизм объявляется «еврейским мирозерцанием». Погромный, черносотенный *антисемитизм* служит оружием «идеологической» борьбы с марксизмом и с революционным движением пролетариата. Антисемитизм служил в руках царской охранки «громоотводом» в острые периоды революционной борьбы. Германские фашисты прибегают к этому «испытанному» средству для спасения капитализма, для отвлечения внимания масс от их подлинных угнетателей и для направления их ненависти к своим угнетателям в русло антисемитизма.

Если существует эксплуатация, то в этом повинны евреи, демагогически твердят фашисты, ибо «арийцы», т. е. германские империалисты, никогда этим делом не занимались. Это чуждо их «чистой крови» и их «арийскому мирозерцанию», согласно которому ариец-де никогда не заботился о личных интересах, а всегда только об интересах «нации».

Антисемитизм фашистской формации «учит», что капитализм, либерализм, парламентаризм, коммунизм, марксизм, большевизм — продукты еврейства, что подлинным арийцам все эти учреждения и учения чужды. Это обстоятельство однако не мешает господину Гитлеру тут же утверждать, что евреи вообще неспособны к какому-либо творчеству, что все их идеи заимствованы у других народов. Евреям нехватает идеализма, идеалистического мирозерцания, являющегося-де основой всякой культуры. Еврейский интеллект отличается разрушительным характером. Еврей все разрушает, но ничего не создает. Евреи являются монополистами в области торговли и банковского дела (как

будто совсем нет немцев торговцев и банкиров). Евреи эксплуатируют рабочих и все трудящиеся массы (Круппы и Тиссенсы жертвуют всем ради блага народа и никого не эксплуатируют). Результатом деятельности евреев является свержение монархии. Но и этого еще мало, евреи-капиталисты, которые подняли бюргерство против феодализма, после того как по их вине создан класс рабочих, используют и последних, организуют их, поднимают их на восстание для укрепления своего мирового господства. Таким образом, ведя борьбу против своих классовых врагов, рабочий класс на самом деле «работает» на пользу еврейского капитала.

Этот бред фашистских палачей преследует единственную классовую цель: отвлечь путем антисемитской демагогии внимание масс от действительных виновников их страданий. Евреи-капиталисты образуют вместе с капиталистами-немцами, включая сюда господ Гитлера, Геринга, Розенберга и пр., одну теплую компанию. Ведь это факт, что еврейский банкир Мендельсон пожалован в «почетные арийцы», что ряд еврейских банкиров поддерживал и поддерживает фашистскую партию и фашистский режим. А еврейская беднота, мелкая буржуазия или представители «свободных профессий» и т. п. объявляются фашистами виновниками всех бедствий трудящихся масс¹. Под видом борьбы с еврейством как с чуждой арийству расой ведется на самом деле звериная борьба с рабочим классом во имя защиты капитализма. Антисемитизм является в руках германского фашизма средством отвлечения масс от классовой борьбы с капиталом. Фашистская пресса объявляет, что «еврейство» и марксизм — одно и то же. Под флагом борьбы с еврейством фашизм борется с рабочим движением. В антисемитизме ищут оправдание звериному террору против рабочего класса — средство, «испытанное» еще русскими черносотенцами и царизмом.

Изображая большевизм как «еврейское» учение, фашизм стремится направить мелкобуржуазные массы против коммунизма, против СССР, подготавливая войну против нашей великой социалистической родины. *«Борьба против еврей-*

¹ Кстати здесь надо напомнить, что под шумок антисемитской травли господин Гитлер совместно со своим компаньоном по издательскому тресту «Эйлер и К^о», являющимся одновременно председателем имперской палаты печати, на основании так называемого арийского параграфа «отчуждают» в пользу названной фирмы ряд крупнейших издательств с богатым оборудованием, принадлежавших евреям-капиталистам. Об этом пишет парижский «Das neue Tagebuch», издаваемый бывшим соратником Шахта, крупным финансовым специалистом Леопольдом Шварцфильдом.

ской большевизации мира, — истерически кричит Гитлер, — требует ясной позиции в отношении Советской России».

Германский фашизм использует расовую идеологию не только в пределах Германии. Германские фашисты направляют все силы для организации немецких элементов во всех странах для создания повсюду крепкого «арийского» кулака в борьбе с другими народами как «низшими» и «неполноценными». Для этой цели создана специальная организация под названием «*Volksbund für das Deutschtum im Auslande*», имеющая в различных странах 500 областных и местных групп, проповедующих идеи *пангерманизма*, занимающихся *шпионажем* и ведущих работу в пользу идеи *мирового господства «высшей расы», т. е. немецких империалистов*¹.

Третья империя, по плану гитлеровцев, должна представлять собой могущественное государство в центре Европы. Для этой цели фашисты ставят своей ближайшей задачей «присоединение» к Германии помимо Австрии Голландии с ее малайской колониальной империей, Люксембурга, Лихтенштейна, значительной части Бельгии (Фландрии, Брабанта и др.), Швейцарии, Эльзаса, Лотарингии и французской Фландрии, части Югославии и Чехословакии (Богемии например), части Дании, Польши и т. д. Одновременно ведется дикая пропаганда против Советского союза и коммунизма.

Совершенно правильно подчеркивается в работе Дороти Вудман «Фашизм подготавливает войну», что Геббельс в качестве министра пропаганды лозунгом борьбы против коммунистической опасности стремится отвлечь общественное внимание от подлинных пангерманистских целей германского империализма.

Германские фашисты готовят свой главный удар против Советского союза и Франции. В этих целях народы СССР объявляются монголоидами, французы — метисами, а негры и вообще все колониальные народы объявляются не людьми, а *животными*, которых можно и должно просто *уничтожать*, — это, что называется, «азбука» арийского мирозозерцания.

Программа войны германских фашистов в отношении Советского союза сводится не более не менее, как к завоеванию почти всей европейской части Союза. На съезде Народного союза зарубежных немцев, состоявшемся в июне 1935 г. в Кенигсберге, обсуждался вопрос о колонизации

¹ См. книгу D. Woodman, Der Faschismus treibt zum Krieg.

нашего Союза. Для оправдания этого лозунга фашисты приводят следующий «довод»: «Германцы с незапамятных времен господствовали на Одере и Висле, на пространстве от Балтийского моря до Черного». Восточная Пруссия, где проводится спешное и усиленное военное строительство, должна служить военной базой, трамплином для нападения — при содействии, разумеется, Польши — на Советский союз.

Современная фашистская Германия лихорадочно готовится к войне. *Фашизм — это война, это милитаризм, это кровавая диктатура внутри страны и стремление к осуществлению военной гегемонии над всем миром.* В войне фашистская буржуазия видит для себя выход из кризиса, переживаемого наиболее остро сейчас Германией. Для ее подготовки и ведения фашизм мобилизует силы, осуществляет беспрецедентный грабеж трудящихся. Германская индустрия занята изготовлением военного снаряжения — аэропланов, самолетов-истребителей, танков, военных судов, всевозможных ядовитых газов, словом, всех мыслимых орудий истребления людей.

«Высшая раса», беззастенчиво хвастающая перед всем миром, что она одна является носителем чести и совести, готовит войну, в которой огромную роль должна играть помимо химии и биологии. Известный фашистский военный писатель проф. Банзе пишет в своей книге «Wehrwissenschaft» следующее: «Биологическая война является естественным оружием для безоружных и разоруженных народов. Нельзя их осуждать за то, что они некогда такими средствами будут бороться против грубого насилия и уничтожат при помощи чисто научных методов государство, нас угнетающее. По этой только причине Лига наций запретила употребление биологических средств борьбы. Но когда речь идет о существовании государства и народа, тогда этому народу позволены все средства одолеть и победить превосходного противника»¹.

Какие же цели преследует «биологическая война»? На этот вопрос тот же Банзе (Банзе не единственный писатель, проповедующий биологическую и химическую войну, в Германии по этому вопросу имеется уже целая литература) дает следующий ответ: заражение воды (у противника, разумеется) *тифозными бактериями*, борьба при помощи зараженных чумой и холерой крыс, которые направляются целыми армиями в неприятельскую страну, и т. п. Можно пожалуй подумать, что речь здесь идет о чисто «теорети-

---

¹ Banse, Wehrwissenschaft, 1933, 2 Aufl., S. 35—37. Цит. по работе D. Woodman, Der Faschismus treibt zum Krieg, S. 183—184.

ческих предположениях». Но целый ряд научно-исследовательских институтов во главе с институтом имени Роберта Коха заняты теоретически и практически подготовкой биологической войны, которая *имеет своей задачей поголовное истребление мирного населения противника*. Поэтому естественно, что те страны, которые не заинтересованы в войне и для которых германский фашизм представляет угрозу, не видят иного выхода для *обуздания зверя*, как заключение пактов о взаимной помощи.

Нужно ли еще прибавлять ко всему сказанному, что не только «трудовые лагеря для рабочих» («Arbeitsdienstlager»), но и спортивные организации, школы, университеты, политические учебные заведения и т. п. представляют собой не что иное, как школы военной учебы. В своей книге «Mein Kampf» Гитлер выступил с резкой критикой постановки дела образования и воспитания, требуя максимального сокращения общеобразовательных предметов и расширения за их счет военных знаний. Все граждане страны, начиная с детей и кончая стариками, должны получить *солдатское воспитание и «образование»*. Граждане фашистской Германии так и называются ныне *«политическими солдатами Адольфа Гитлера»*. «Прусско-солдатская система воспитания» считается *высшим* созданием немецкого духа.

Германский фашизм считает, что воинственность есть основная особенность «германской расы». Германско-католический философ Макс Шелер уже доказывал, что между германским милитаризмом и милитаризмом других народов существует «коренное» различие. Германия, писал он, действительно является милитаристским государством. Но прусский милитаризм является, видите ли, *выражением народа, который ставит честь выше пользы, могущество целого выше интересов отдельных групп и классов, борьбу и труд выше приятности жизни, счастья и спокойствия*.

Словом, германский милитаризм есть, дескать, продукт *расовой природы*, это милитаризм «из глубокого убеждения», в то время как милитаризм французский например есть «грубый» милитаризм, утилитарный милитаризм, ставящий *пользу выше чести* и пр. Словом, милитаризм заложен в *инстинктах* германской расы, составляя как бы часть ее существа¹.

Эти взгляды характеризуют и современный германский фашизм, для которого война есть *высшая реальность и выс-*

¹ Max Scheler, Schriften zur Soziologie und Weltanschauungslehre, 1923, B. II, S. 122 ff.

шая ценность. Не только официальные представители так называемой национал-«социалистской» партии, но и многие немецкие ученые, философы и попы обоих вероисповеданий всячески воспевают войну как высшее откровение божества.

Военная наука (Wehrwissenschaft) объявляется ныне в Германии *национальной философией и этикой*. Война — это «железистая ванна очищения», заявляет Банзе.

Но послушаем, как воспевают войну представители духовенства, служители христианской церкви. В опубликованной в «*Deutsche allgemeine Zeitung*» программе деятельности немецких христиан сказано, что они будут бороться против всех современных лжеучений большевизма и нехристианского пацифизма. В проповедях своих попы изображают войну как *«самое священное и великое откровение, посредством которого бог посылает нам свет»*. Нагорная проповедь в толковании фашистских попов есть не что иное, как *«приказ по армии»*. Весь новый завет полон в их толковании боевых лозунгов и «героических» мотивов. Христос — воин и герой. Каждая строка нового завета изображается как призыв к борьбе с врагами¹.

Таким образом церковь не отстает от людей «науки» в проповеди войны, входя составной частью в *мобилизационный план* фашистской буржуазии. Не будет преувеличением сказать, что вся Германия ныне представляет собой вооруженный лагерь. Германский фашизм готов в подходящий момент *ввергнуть мир в самую ужасную, самую истребительную и жестокую войну, какую когда-либо видел мир, — войну, в которой фашисты обещают истребить мирное население, включая детей, женщин и стариков*. Такова программа фашистов. Таково их, с позволения сказать, «арийское мирозерцание».

Но фашисты ошибаются в корне в своих расчетах. Война «...наверняка развяжет революцию и поставит под вопрос само существование капитализма в ряде стран, как это имело место в ходе первой империалистской войны»².

Товарищ Сталин подверг уже в январе 1934 г. анализу всевозможные планы организации войны, которые зреют в кругах буржуазных политиков. По адресу германских фашистов он сказал следующее:

«Третьи думают, что войну должна организовать «высшая раса», скажем, германская «раса», против «низшей расы», прежде всего — против славян, что только такая война мо-

¹ См. D. Woodman, Der Faschismus treibt zum Krieg.

² И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 545.

жет дать выход из положения, так как «высшая раса» призвана оплодотворять «низшую» и властвовать над ней. Допустим, что эту странную теорию, которая так же далека от науки, как небо от земли, — допустим, что эту странную теорию перевели на практику. Что из этого может получиться? Известно, что старый Рим точно так же смотрел на предков нынешних германцев и французов, как смотрят теперь представители «высшей расы» на славянские племена. Известно, что старый Рим третировал их «низшей расой», «варварами», призванными быть в вечном подчинении «высшей расе», «великому Риму», причем, — между нами будь сказано, — старый Рим имел для этого некоторое основание, чего нельзя сказать о представителях нынешней «высшей расы». (*Гром аплодисментов.*) А что из этого вышло? Вышло то, что не-римляне, т. е. все «варвары», объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим. Спрашивается: где гарантия, что претензии представителей нынешней «высшей расы» не приведут к тем же плачевным результатам? Где гарантия, что фашистско-литературным политикам в Берлине посчастливится больше, чем старым и испытанным завоевателям в Риме? Не вернее ли будет предположить обратное?»¹

Национальная демагогия фашизма эксплуатирует в целях угнетения нации, порабощения ее героическое прошлое народа и национальные чувства широких трудящихся масс. Но национализм, как правильно сказал один из ораторов на парижском конгрессе «Защиты культуры от фашизма», — враг подлинно национального.

VII конгресс Коммунистического интернационала уделил большое внимание как национальному вопросу, так и вопросу о защите культуры.

«Имея в виду, — говорится в резолюции по докладу т. Димитрова, — что главной, наиболее опасной формой фашистской идеологии является шовинизм, необходимо вскрывать перед массами, что фашистская буржуазия под предлогом защиты общенациональных интересов осуществляет свою корыстную классовую политику угнетения и эксплуатации собственного народа, как и ограбления и порабощения других народов. Необходимо показать, что рабочий класс, борясь против всякого рода кабалы и национального угнетения, является единственным подлинным борцом за национальную свободу и независимость народа...

Являясь непримиримыми принципиальными противниками буржуазного национализма во всех его разновидностях,

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 543—547.

коммунисты отнюдь не сторонники национального нигилизма, пренебрежительного отношения к судьбе собственного народа»¹. Только коммунисты — законные наследники всего лучшего, революционного, героического, что имеется в истории каждого народа и каждой нации.

III

Подавление пролетариата фашизм проводит под флагом включения его в «единую нацию» и в так называемое корпоративно-сословное государство. Идеологически гитлеровцы козыряют тем, что государство не составляет самоцели, как у Гегеля, а лишь средство, орудие для сохранения нации или ядра расы. «Национал-социализм, — пишет Гитлер, — видит в государстве принципиально только средство к цели и понимает эту цель как сохранение расового существования людей. Он стало быть ни в коем случае не верит в равенство рас, но признает наряду с их различием их высшую или низшую ценность и чувствует себя вследствие этого обязанным согласно вечной воле, управляющей универсумом, способствовать победе лучших, сильнейших и подчинению худших и слабейших»². Мы охотно верим, что государство является для фашистов не самоцелью, а орудием террористической диктатуры класса, партией которой они являются. Все разговоры об идеализме, расизме и национализме являются лишь фразеологией, прикрывающей экономические и политические интересы крупной буржуазии.

В качестве панацеи от всех зол классовой борьбы фашисты помимо прямого террора, убийства и прочих мер насилия над трудящимися массами выдвинули идею сильного, «авторитарного», «тотального» государства на основе сословного принципа. По вопросу о сословиях, которые должны «заменить» собою классы, фашистами создана целая литература. Достаточно ознакомиться с книгами фашистов Шпанна³, Гейнриха⁴, Гитлера и др., чтобы получить представление о тех методах закабаления рабочего класса, которые фашисты измыслили «для преодоления» классовой борьбы пролетариата против буржуазии.

Стремясь обезоружить рабочий класс, фашисты выдвигают

¹ Резолюция VII Всемирного конгресса Коммунистического интернационала по докладу т. Димитрова, стр. 19—20.

² *Hitler, Mein Kampf*, S. 421.

³ *Spann, Der wahre Staat*, 1921, и другие его работы.

⁴ *Heinrich, Das Ständewesen*, 1934.

гают тезис о необходимости восстановления *единства нации* на основе профессионального, сословного строя. Фашист Шульц с пеной у рта доказывает «вред» идеи классовой борьбы, ослабляющей и разрушающей единство и целостность нации¹. Характерно, что, обосновывая необходимость сословного строя, фашисты обвиняют французскую революцию в том, что она разрушила «естественный порядок» средневековья и создала вместо *органических сословий и цехов механические коллективы* — классы — и что она таким образом вызвала к жизни «беспокойную массу», которая к тому же пользуется своей «свободой» неразумно.

Свобода, пишет например Вейпперт, немыслима без авторитета. Ранг означает всегда *границу и зависимость*. Для иерархического понятия свободы характерно *самоограничение*, между тем как свобода в марксистском понимании означает-де «произвол» и «необузданность»². В иерархическом строе, говорят фашисты, *политика* не есть дело всех граждан, а только специального слоя или сословия. «Без резкого разграничения между вождями и водимыми, между правящими и управляемыми нельзя осуществить сословное государство. Но, с другой стороны, без сословного строя нельзя остановить процесса *саморазрушения*, который переживает западноевропейское общество»³. В целях спасения капитализма таким образом необходимо взять рабочий класс в железный корсет, низвести его до состояния полного бесправия и поставить его в рабское подчинение высшему, «сословию» — капиталистам. По этому пути идут фашисты, и это на их шулерском языке означает «уничтожение классов и капитализма».

Но прежде чем обратиться к разоблачению этой шарлатанской идеи об *уничтожении классов* без уничтожения буржуазной частной собственности, ознакомимся хотя бы бегло с «аргументацией» фашистов. «Национал-социалистские профсоюзы, — пишет Гитлер, — являются не органом классовой борьбы, а органом представительства профессий. Национал-социалистское государство не знает никаких «классов», а только — в политическом отношении — граждан с равными правами и соответственно этому также с равными обязанностями; а наряду с гражданами национал-социалистское государство признает подданных, которые в государственно-политическом отношении *совершенно бесправны*»⁴.

¹ Schulz, Untergang des Marxismus, S. 285—294.

² Weippert, Das Prinzip der Hierarchie, S. 156.

³ Sombart, Deutscher Sozialismus, S. 319.

⁴ Hitler, Mein Kampf, S. 674—675.

Бесправными подданными в фашистском государстве являются конечно рабочие. Но что такое сословие в отличие от класса? Для получения ответа на этот вопрос обратимся к Шелеру, который вполне откровенен на этот счет.

Макс Шелер в специальной работе под названием «Христианская любовь и современный мир» писал по этому вопросу следующее: «Классовый дух — это дух Маммона. Идея сословия ставит на первое место *содержание* труда, в классе же в качестве мотива деятельности выступает *стремление к наживе*. Благодаря этим причинам в классовом обществе процветают классовая зависть и ненависть, чем и объясняется взаимная классовая борьба. Класс характеризуется *понятием общего (классового) интереса*, в то время как *сословие имеет своими конститутивными принципами честь и совесть*»¹.

С понятием «сословного строя» у фашистов связано понятие *иерархического порядка*. Принцип высшего и низшего рангов должен лечь не только в основу взаимоотношений отдельных людей внутри сословий. Масса, не подчиненная фашистским «сословиям» и корпорациям по рангу, несовместима с «высшим» сословным строем и с требованиями фашистского государства. Сословие составляет член государства как целого или, как выражаются другие идеологи фашизма, организма, которому *он служит*. Место первого сословия в государстве должны занимать армия, чиновничество и дворянство, говорит Зомбарт, а *официальные* представители фашизма говорят — *сословие солдат*.

Отрицание идеологами фашизма принципа развития является выражением положения буржуазии как класса, обреченного историей на гибель. Фашизм стремится всеческими средствами задержать ход исторического процесса. Сословный строй в качестве стационарного² общественного порядка, противопоставляемого *динамизму* эпохи восходящего капитализма, должен служить *орудием застоя и неподвижности*, препятствием к дальнейшему развитию общества. Сословный или корпоративный строй, по фразеологии фашистов, ведет к «ликвидации» классовых противоположностей современного буржуазного общества.

Сословный строй имеет, по замыслам фашистов, своей целью *закрепление в определенных юридических нормах и фактических отношениях собственности, классового нера-*

¹ Max Scheler, Religiöse Erneuerung, 1923, B. I, S. 199—200.

² Самое слово «сословие» (по-немецки — Stand, по-латыни — status) выражает понятие *застоя*.

венства, кастового строя и закрепощение рабочего класса в форме «органического сословия» за «классом» (или «сословием») капиталистов. Этот сословный строй исключает по самому существу идеологию прогресса, равенства и труда.

В этой связи необходимо еще подчеркнуть, что фашизм занимается распространением лживой и клеветнической басни о том, будто «народ», в сущности говоря, настолько «идеален», что он не стремится ни к каким правам, а мечтает денно и нощно об исполнении им долга, своих «обязанностей» перед вышестоящими, перед начальством и пр. Эта рабская идеология навязывается трудящимся массам их эксплуататорами и угнетателями, которые, естественно, пользуются одними лишь «правами». Фашисты аргументируют постоянно от идеи долга, декретируя трудящимся массам, что единственный смысл их существования заключается в изъятии преданности и покорности «идее целого».

Фашистское государство, построенное на профессионально-сословных началах, а также на бесправии личности, представляет особый тип неограниченного абсолютизма. Зомбарт пишет по этому вопросу следующее: немецкий «социализм» требует *сильного государства*; он требует его потому, что он ставит в противоположность либерализму *благо целого* выше блага отдельных лиц. «Государство должно иметь достаточно силы для выполнения и осуществления задач нации вопреки всем частным интересам отдельных лиц»¹.

Монополистический капитализм, естественно, требует концентрации и централизации политической власти для защиты интересов «целого», «нации», под которыми подразумеваются интересы крупной буржуазии, им должны быть принесены в жертву «благо отдельных лиц», свобода, либерализм, демократизм, парламентаризм и т. п.

Естественной формой авторитарной государственной власти, пишет Зомбарт, является абсолютная монархия. В «демократическую же эпоху такой формой является *военная диктатура, или однопартийная система фашистского образца*». Верховная воля государства не должна воплощаться непременно в одном лице... Знание истинных целей присуще малому числу самых лучших — совету вождей. А истинный принцип отбора для формирования этого звена вождей и для нахождения подлинной «элиты» составляет при таких условиях центральную проблему господства... *Образцовым прообразом всякой «авторитарной конституции*

¹ Sombart, Deutscher Sozialismus, S. 229.

остается католическая церковь с ее коллегией кардиналов во главе»¹.

В целях обоснования своего господства фашисты возрождают принцип авторитета, имеющего своей задачей усиление власти государства (т. е. стоящего во главе государства класса) для осуществления целей, преследуемых в данное время монополистическим капиталом.

Подчинение всего гражданского общества, всей культуры, школы, литературы, хозяйства, религии империалистическим целям составляет классовый смысл идеи «тотального государства», идеи «этатизма». Смысл фашистской фразеологии о так называемом «немецком» и «прусском» социализме также реально сводится к предоставлению фашистскому государству, т. е. крупной буржуазии, особых «прав» по подавлению пролетариата и предоставлению крупной буржуазии возможности безграничной эксплуатации масс.

Защита крупной собственности магнатов капитала в нынешних условиях предполагает возможность грабить страну и государственную казну под видом защиты интересов нации и народной «общности». Демагогия фашистов в отношении права собственности заключается в том, что, с одной стороны, собственность объявляется священной и неприкосновенной, но, с другой стороны, объявляется борьба против римского «индивидуального права», ему противопоставляют германское «социальное право», согласно которому право собственности освящается «социальными» мотивами и связано с определенными обязанностями собственника по отношению к обществу.

Германские фашисты, как известно, называют германскую форму собственности «ленной собственностью»; римское право собственности исходит из неограниченного права отдельного лица на принадлежащую ему собственность, в то время как германская «социальная собственность» ограничивает права отдельных лиц в пользу «нации». О. Шпанн пишет по этому вопросу, что с точки зрения германского права «собственность является формально частной, в действительности же существует только общая собственность». К точке зрения Шпанна присоединяется и Зомбарт. Однако такая демагогия представляет опасность, и поэтому другие представители фашизма дают противоположную формули-

¹ Ibid., S. 214. Несмотря на все свои стремления выглядеть стопроцентным национал-«социалистом», Зомбарту это видимо не удастся. Зомбарт не признает расов и демагогии национал-«социализма», делает «преступные» сравнения фашистского государства с католической церковью. За подобные грехи он подвергся нападкам в фашистской печати («Berliner Börsenzeitung», November 1935).

ровку, утверждая, что фашистское государство является *формально* собственником всех благ, находящихся в руках частных лиц, но по существу *право владения и распоряжения* собственностью принадлежит частным лицам — собственникам. Суть дела от этого не меняется. Капиталисты остаются собственниками капитала, а пролетариям остаются одни фразы о собственности.

Фашист Реймер, комментируя программу национал-«социалистской» партии, доказывает, что право вообще было создано северным человеком, т. е. германцами, которым оно *прирождено* в силу особенностей их «крови». Все отношения господства у германцев носят-де этический характер и связаны непосредственно с идеей долга. В частности это относится и к праву собственности. Но как бы там ни толковали фашисты право частной собственности, одно не подлежит сомнению — это то, что под видом признания верховного права собственности за государством речь идет об укреплении частной собственности магнатов капитала. Фашистская диктатура в неслыханных размерах осуществляет подчинение государства монополистическому капиталу; к обоснованию этого подчинения и сводятся рассуждения идеологов фашизма о праве.

Но эти цели фашизм прикрывает разными идеалистическими фразами и демагогией. Между рабочими и предпринимателями должен существовать союз «взаимного доверия», пишет фашистский философ Шварц, обе стороны должны проникнуться сознанием «взаимности» и солидарной ответственности за судьбы народнохозяйственного целого. «Рабочие знают, что они *обязаны следовать и слушаться во всем предпринимателя как своего вождя*»¹. До сих пор это не имело места потому, что не существовало «истинного государства», которое еще должно быть создано. Под «социализмом» фашисты понимают «комплекс обязанностей» рабочих по отношению к «нации», к капиталистам, «готовность к самопожертвованию» и «служение» всех граждан государству финансового капитала.

Авторитарный «социализм» и авторитарное государство имеют своей основой один и тот же принцип: власть принадлежит «целому», индивидуум *служит* ему. Он подчиняется приказам, отличается беспрекословным послушанием, лишен всяких прав и обременен одними обязанностями. Стремясь «идейно» подготовить массы к новой войне, к мобилизации их в духе преданности, покорности интересам государства капиталистов, фашисты объявляют «социализм» особой «доб-

¹ Hermann Schwarz, Nationalsozialistische Weltanschauung, 1933, S. 89.

родетелью», добродетелью товарищества, которая особенно ярко проявляется в войне. Немецкий социализм, говорят фашисты, родился или возродился в первой империалистической войне. Он соответственно этому характеризуется как «социализм серого фронта». Проповедь казарменно-прусского «социализма» становится тем распространенней, чем больше внутренние затруднения фашистской диктатуры. Фашистская демагогия по части «социализма» имеет своей целью удержать под своим влиянием разочаровывающиеся в фашизме массы. Лей, Геббельс, Гитлер тем сильнее вопят о «социализме», чем больше обостряется продовольственный кризис в стране.

Примыкая в вопросе о понимании сущности государства к Гитлеру, Карлу Шмидту, а исторически к реакционерам-романтикам вроде Адама Мюллера, Новалиса и др., Зомбарт настаивает на том, что государство является «идеальным союзом», имеющим своим источником трансцендентный мир. С точки зрения эмпирической, научной и рациональной государство не может быть объяснено. Государство в качестве «идеального союза» представляет собой по своему происхождению и существу нечто *иррациональное*. Оно вообще не возникает, а существует *вечно*. Задачи государства сводятся к поддержанию и сохранению его собственного существования в его единстве, в борьбе с другими государствами, развитию тех способностей и добродетелей, которые составляют сущность «политического человека»: *героизм, патриотизм и дух общности*.

Государство отличается от всех других социальных образований тем, что здесь нет места никаким *правам и привилегиям* личности или группы людей по отношению к целому. В государстве, в этом «идеальном союзе», поведение людей характеризуется *жертвенностью*, всегдашней готовностью личности *принести себя целиком в жертву* целому. Эта «идея» жертвы должна служить в руках фашистов новым демагогическим орудием в деле закрепощения трудящихся, у которых отнимается всякое право на предъявление определенных *требований* к государственной власти. *Бесправная масса должна нести одни лишь жертвы* во имя неприкосновенности интересов капиталистов. Но «эмпирический» источник «идеи жертвы» является слишком слабой гарантией и защитой буржуазии от требований пролетариата. Ежели запретить *право стачек*, то необходимо это запрещение оправдать *волею бога*. Поэтому фашисты доказывают, что «идея жертвы» предполагает существование *идеи*, выходящей за пределы земного мира. Иначе говоря, не только государство, но и идеи жертвы трансцендентны, божественны

по своему происхождению и по своей сущности¹. Зомбарт же открыл «истинно германскую» причину всех нынешних бедствий *«в тоске человека по воссоединению с богом»*. Чтобы читателю стало ясно, кто же в конечном счете составляет государство, считаем необходимым напомнить, что в концепциях фашистов само государство трактуется «теоретически» как сословие. «Государство, — пишет например Гейнрих, последователь Шпанна, — является *самостоятельным сословием*; оно базируется на определенном слое людей, образующем сословие *носителей государственности*»².

«Возникает вопрос о том, — продолжает Гейнрих, — не принадлежат ли каким-либо образом к сословию «государство» и широкие «массы»? На этот вопрос автор отвечает в духе Гитлера и Шпанна: *непосредственно и пассивно* они относятся конечно *как-то* к государству, но ни в коем случае не принадлежат и не могут принадлежать к тому слою людей, которые составляют собственно государство. Этот слой людей есть *слой вождей, или новое «дворянство»*. Таким образом *аристократия капитала отождествляется с самим государством*. Массы, народ, *исключаются из государства*. Их обязанность — *беспрекословное повиновение* вождям, т. е. аристократии капитала, концентрирующей в своих руках не только все материальные ценности, но и всю государственную власть. Таков характер *«германской государственности»* фашизма, чудовищно раздувающей бюрократический прусско-юнкерский казарменный аппарат для обуздания масс.

Сколько крокодиловых слез было пролито буржуазией и ее лакеями по поводу того, что-де советский режим в нашем Союзе «подавляет» и «уничтожает» личность. Лейбогольц³, ссылаясь на «авторитет» фашиста Шрамма⁴, повторяет снова эту басню об «уничтожении» личности в Советском союзе. Характерно, что судьбу личности в Советском союзе оплакивают те самые контрреволюционеры, фашисты и всех мастей реакционеры, которые теоретически обосновывают тезис о полном и абсолютном бесправии личности перед лицом фашистского государства и «вождей» во всех областях жизни.

Однако фашисты часто «по недосмотру» проговариваются, осуждая советский строй за то, что он-де недалеко ушел

¹ Sombart, Deutscher Sozialismus, S. 238 ff.

² Heinrich, Das Ständewesen, S. 36.

³ Leibholz, Die Auflösung der liberalen Demokratie etc., 1933.

⁴ Schramm, Radikale Politik, 1932.

от «либерализма» и что он покровительствует личности, что для марксизма нет ничего выше блага личности. Зомбарт в качестве старого «знатока» и «критика» марксизма в своей последней работе, где он обосновывает «принципы» истинно германского «социализма», снова в качестве сокрушительного аргумента против марксизма указывает на то, что марксизм исходит из тезиса о *всестороннем развитии личности в социалистическом обществе*. Господину Зомбарту «этот идеал пролетарского социализма» до такой степени не по-сердцу, что он его третирует как «буржуазный идеал». «Мы уже знаем, — пишет он, — те основные ценности, увеличение которых пролетарский социализм рассматривает как прогресс. Эти ценности суть жизнь в довольстве, богатстве, знание, техника, свобода, равенство, масса»¹.

Итак, «преступление» пролетарского социализма в том, что он стремится к повышению материального благосостояния личности и к созданию условий для всестороннего развития всех способностей и задатков личности, к развитию знания, техники, свободы и пр. Разве это в самом деле не светопредставление? Ужасное кощунство видит господин Зомбарт (и все фашистские писатели, включая Гитлера, Розенберга, Геббельса и др.) в стремлении марксизма *сделать всех людей счастливыми*, или, как он цинично выражается, сделать так, чтобы *масса была сыта*². Нельзя отрицать того, что и фашисты несут заботы о личностях, но это *личности «вождей промышленности», магнаты капитала*, между тем как марксизм и большевизм ставят в центре своих стремлений и забот *интересы трудящихся масс*. Но уже одно упоминание массы приводит фашистов в негодование, вызывая в них поистине звериную злобу.

Личность трудящегося, живой человек, в нашей стране играет действительно центральную роль.

Лозунг, выдвинутый товарищем Сталиным, — «кадры решают все» — требует, чтобы наши руководители проявляли самое заботливое отношение к нашим работникам, к «малым» и «большим», в какой бы области они ни работали, выращивали их заботливо, помогали им, когда они нуждаются в поддержке, поощряли их, когда они показывают первые успехи, выдвигали их вперед и т. д. «Надо, наконец, понять, что из всех ценных капиталов, имеющих в мире, самым ценным и самым решающим являются люди, кадры»³.

¹ *Sombart, Deutscher Sozialismus*, S. 108.

² *Ibid.*, S. 83.

³ Речь товарища Сталина в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной армии 4 мая 1935 г.

⁶ Против фашистской демагогии и мракобесия

Такая постановка совершенно чужда буржуазии и особенно современной. Человек — это самый дешевый *товар* в том обществе, в котором десятки миллионов людей оказываются выброшенными на улицу и обреченными на голодную смерть. В нашей же социалистической стране естественно, что все усилия партии и правительства направлены на удовлетворение всех материальных и духовных потребностей масс, что в центре всех наших стремлений стоит задача создания таких условий, при которых все люди были бы не только *сыты*, культурны, но и *счастливы*.

В противоположность нынешней, политике буржуазии, направленной к ликвидации остатков своей жалкой демократии, наша страна, напротив, идет по прямо противоположному пути, к расширению и укреплению советской социалистической демократии. Белогвардейцы и реакционные лидеры социал-демократии выступали против советской власти под флагом защиты демократии. Ленин и Сталин, разоблачая их, доказывали массам, что диктатура пролетариата покоится у нас на широком базисе *советской демократии*, что наш строй во сто раз демократичнее любой самой демократической буржуазной страны. Да это и естественно, поскольку «носителем» советского строя являются рабочие и крестьянские трудящиеся массы.

Советская власть действительно вполне справедливо и открыто лишает политических прав эксплуататоров, контрреволюционеров, всех тех, кто заинтересован в восстановлении буржуазно-помещичьего режима.

Диктатура пролетариата уничтожила эксплуататорские классы и группы в нашей стране; пока еще имеются озлобленные, но крайне *ничтожные*, в количественном отношении враждебные нам элементы. После того как крестьянство своей колоссальной громадой вступило благодаря гениальному руководству товарища Сталина на социалистический путь, после того как социализм победил в нашей стране окончательно и бесповоротно, советская власть по инициативе товарища Сталина незамедлительно поставила вопрос о расширении демократии. Социалистическое общество советской страны переходит к осуществлению всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

Развитие Советского союза и буржуазных стран идет таким образом по прямо противоположным направлениям. Наша страна развивается по восходящей линии во всех отношениях. Буржуазные страны движутся по нисходящей линии. Последние вынуждены вследствие все суживающегося базиса их власти идти по пути ликвидации или крайнего сужения прав парламентаризма, демократии и пр.

Наша же страна, напротив, идет по пути расцвета и развертывания советской демократии, которая *принципиально* отличается от лживой, ограниченной буржуазной демократии.

Если государство в фашистских странах является орудием узкой прослойки магнатов капитала, направленным против всего остального населения как политически бесправного, то советское государство привлекает к участию в управлении государством всех трудящихся совершеннолетних граждан страны.

Эпохе свободной конкуренции более или менее соответствовала политически буржуазная демократия и парламентаризм. В эпоху империализма буржуазная демократия все более превращается в фиговый листок, прикрывающий диктатуру кучки магнатов капитала. После войны 1914—1918 гг., в период первого тура революций, трудящиеся в ряде стран революционной борьбой под руководством коммунистов снова завоевали некоторые демократические права. В период всеобщего кризиса капитализма в ряде стран и эти демократические права, остатки буржуазной демократии, были уничтожены и заменены террористической диктатурой финансового капитала, кровавым режимом фашизма.

Идеи *народного суверенитета*, которые раньше выдвигала буржуазная демократия, отвергаются открыто фашизирующей буржуазией. Источником верховной власти объявляется *божественное откровение*, которым и обосновывается *авторитет фашистского государства*. Второй отличительной чертой, характеризующей процесс вырождения буржуазной демократии при замене ее открытой диктатурой финансовой олигархии, является то, что вместо свободы и прав личности открыто провозглашаются холопская иерархия и подчинение всех трудящихся фашистским диктаторам, «вождям» народа, выполняющим волю магнатов финансового капитала.

Со всем сказанным естественно связан поворот от рационализма к иррационализму, к религиозной вере, а затем и к идее иерархической, пирамидальной структуры общества, государства.

Буржуазия во многих странах не в состоянии править старыми методами — методами буржуазной демократии. Вполне естественно, что буржуазия и ее наиболее воинствующие политики и идеологи — фашисты — относятся с ненавистью и презрением к народным массам, стремясь превратить их в *бесправных рабов*.

Но тут-то лишний раз обнаруживается вся огромная

международная революционная роль Советского союза, в котором осуществлено господство трудящихся масс, в котором на базе диктатуры пролетариата расцвела великая пролетарская демократия.

IV

Вся буржуазная философия эпохи империализма проникнута насквозь крайне реакционными тенденциями. Основная ее задача сводилась и сводится к подрыву основ научного знания, к теоретическому разгрому положительных наук, к доказательству и «всестороннему обоснованию» тезиса о непознаваемости мира, ко всемерному дискредитированию человеческого разума, к провозглашению исключительного значения мистических «переживаний», внутреннего мистического созерцания, интуиции. В природе и в человеческом обществе ищут таинственных мистических сил, переживаемых человеческой «душой»! Вся наука была сведена воинствующей реакцией к совокупности фикций, символов, ничего общего не имеющих с подлинной действительностью и ни в какой степени не отражающих реального мира.

Этот поворот буржуазной философии, а за ней и науки в сторону фикционализма, символизма, мифологизма и мистицизма является выражением того факта, что интересы буржуазии вступили в противоречие с развитием подлинной науки и философской мысли. Это противоречие в свою очередь является выражением более глубокого противоречия, разъедающего загнивающий капитализм, противоречия между уровнем развития производительных сил и капиталистическими производственными отношениями, ставшими невыносимыми оковами их развития. Это противоречие получает наиболее яркое выражение в классовой борьбе пролетариата с буржуазией.

Всеобщий кризис капитализма характеризуется, с одной стороны, буржуазной реакцией по всей линии, но, с другой стороны, — на пролетарском полюсе — развитием и концентрацией сил коммунистической партии, ставящей своей целью социалистическую, пролетарскую революцию. Эти силы сплачиваются под знаменем марксизма-ленинизма эпохи империализма и пролетарских революций. И так как неумолимый ход истории, логика классовой борьбы ведут неизбежно к крушению капитализма и к торжеству социализма, то естественно, что империалистическая буржуазия вынуждена отречься от всякого подлинно научного познания и броситься в объятия чистого «активизма»,

фикционализма и мифологизма. Пролетариат становится единственным наследником всех великих достижений прошлого во всех областях культуры и единственным классом, высоко оценивающим науку и философию в их единственно правильном, диалектико-материалистическом понимании, единственным классом, способным вообще взять на себя руководство обществом и дальнейшим культурным творчеством, что уже практически доказано Советским союзом.

Острые борьбы со стороны идеологов буржуазии и в особенности фашизма направлено против марксизма-ленинизма, против материализма. Но классический идеализм признается фашизмом в этой борьбе оружием притупившимся. Старый буржуазный идеализм слишком «прогрессивен», «либерален» и абстрактен в глазах идеологов империализма и не действителен в борьбе с марксизмом. Для борьбы с марксизмом-ленинизмом на нынешнем этапе выдвигается самый реакционный тип идеализма и мистицизма. Современная буржуазия нуждается в «мифологии» благодаря ее нынешнему, особо критическому и катастрофическому положению.

Предтеча фашизма — Фридрих Ницше — уже доказывал, что без фикций, т. е. без вымыслов, без иллюзий, человечество и наука не могут обходиться. «Противоположность между наукой и мудростью, — говорит он, — разрешается тем, что вымышленный мир, т. е. мир как вымысел, сознательно признается и получает оправдание в необходимом мифе»¹. Ницше провозгласил «необходимость возрождения мифического мышления как необходимость предпосылки жизни и науки». «Подобно тому, — говорит Ницше в другом месте, — как детям необходимы игры и сказки, так и взрослые нуждаются в мифах и иллюзиях».

Миф, мифические фикции благодаря предшествующей науке и «абстрактному мышлению» исчезли, говорит Ницше. И вот, задача заключается в том, чтобы *возродить мифическое мышление*, ибо необходимой предпосылкой жизни и науки является *иллюзия как высшая форма утверждения воли*. Спрашивается, что же такое иллюзия? Иллюзия, правильно разъясняет Ницше, есть заблуждение, ложь. Но это ложь, которую *«мы должны считать за истину»*, — говорит Ницше, ибо она «нам», т. е. господствующему классу, буржуазии, *полезна*, так как она утверждает ослабленную вследствие утери реальной почвы «волю к жизни».

Воля к иллюзии имеет свое основание в воле к жизни и в «воле к власти». Ницше совершенно откровенно говорит например о религии, что она является иллюзией,

¹ Ницше, По ту сторону добра и зла, русск. перев., 1905, стр. 5—47.

«мифом», но религиозные фикции помогают держать в повиновении *«стадо»* (так Ницше называет народ). До сих пор оперировали всевозможными фикциями бессознательно, но ныне вопрос ставится иначе — в смысле сознательного оперирования фикциями. Надо сказать, что в этом направлении развивались почти все реакционные течения буржуазной философии (гносеологии) за последние годы.

На почве разложения буржуазной философии, разгрома основ научного познания возникла современная фашистская мифология, одинаково «процветающая» как в фашистской Италии, так и в Германии. Жорж Сорель, находившийся под влиянием философии Анри Бергсона, уже в свое время развивал «теорию» мифа. Для него стачка, революция представляют собой мифы. Муссолини воспитывался в «школе» синдикалиста Сореля и одновременно на сочинениях Ницше и Парето, которого он слушал в Лозанне. Муссолини заимствовал «теорию» мифа у них.

Что же такое миф? Сорель понимает под мифом *совершенно иррациональную идею, которая не может быть логически, на основании рациональных аргументов, доказана*. Она является по самому существу *предметом веры*. Миф не должен и не может быть выражением какой-либо объективной истины: важна не истинность мифа, а порождаемые им действия. Его роль и значение определяются силой его воздействия на массы. Он должен служить орудием овладения массами. В мифе нет ничего рационального, он является *предметом переживания, предметом чувства, известным символом, необходимым для возбуждения масс к действию и деятельности, к активности*.

Посредством мифа фашисты считают возможным привести в движение массы, увлечь их на «героические подвиги» и осуществить свои цели¹.

Фашизм не может уже идеологически обосновать необходимость всевластия капитала, наемного рабства и угнетения рабочих ссылками на «разум», на логику рационального научного познания. Буржуазия вынуждена апеллировать к вере и разжигать шовинистические инстинкты в массах, ссылаться на интуицию вождей, на мистические свойства расы и т. д.

Германский фашизм исходит прежде всего из *мифа крови* в отличие от итальянского фашизма, ставящего во главу угла *миф нации*. «Ныне, — пишет Розенберг, — про-

¹ Georges Sorel, *Reflexions sur la violence*, Paris 1921; Michael Freud, Georges Sorel, 1932; Mutius, *Zur Mythologie der Gegenwart*, 1933; Schmidt, *Parlamentarismus Mussolini*, Reden, Leipzig 1925; Strachwitz, *Faschistische Sozialpolitik*, 1932, и др.

буждается новая вера: миф крови, вера, что вместе с кровью мы защищаем также *божественную сущность человека вообще*¹. Необходимо во что бы то ни стало опутать, оглушить массы, не дать им опомниться, действовать на их воображение и инстинкты, чтобы подготовить из них послушное оружие для империалистических целей. Поэтому Розенберг, расписывая «идеал человечества», который принес на землю германец своим учением о ценности характера и *идее чести*, ради которой-де немцы боролись на протяжении истории на всех полях сражений, спешит уверить читателя, что если в предстоящей великой борьбе не победит эта идея — *идея чести*, то Европа и ее кровь погибнут навеки, и наступит хаос. Новый миф, миф крови, один дает силу немцам для уничтожения господства низшей расы². Фашистское движение Гитлера воспевается как движение, пробудившее душевные силы северогерманской расы. Способности и внутренняя энергия души этой расы безграничны и неисчерпаемы. Душа, говорит фашистский «философ» Эттиг, есть *эманация абсолютного*, божественная искра, которая тождественна с богом. Душа создает себе тело. Она регулирует все вегетативные функции, наше кровообращение, биение нашего сердца, все интеллектуальные процессы и т. п.

По сравнению с высшими душевными силами логическое мышление, наше разумное познание, играет только подчиненную роль³. Фашисты обнаруживают нескрываемый страх перед *разумом*, боясь, что если широкие массы, увлеченные их демагогией, перестанут верить в фашистские мифы, служащие орудием обмана, то они погибнут. Еще Ницше хорошо отдавал себе отчет в том, сколь опасно для господствующих классов, когда массы «начинают *мыслить*». Он даже писал специально «об опасности логики». *Рабочих наделили логикой, и они начали бунтовать*, писал Ницше. Между тем для буржуазии выгодно, *чтобы рабочие не мыслили, а верили в вечность капитализма, в необходимость рабства*.

Где существует уважение к авторитету, там не рассуждают, а беспрекословно подчиняются приказаниям. Фашисты, идя по стопам своего учителя и осуществляя *на практике* тот *антиинтеллектуализм*, который разрабатывался не одним Ницше, а целой плеядой буржуазных философов эпохи империализма во главе с Бергсоном, требуют от масс

¹ Rosenberg, Der Mythos des XX Jahrhunderts, S. 115.

² Ib. dem.

³ Franz Ettig, Der Nazionalsozialismus und die Wiederentdeckung der Seele, 1933, S. 6.

только послушания, подчинения, добровольного признания рабства и т. п., ибо наука, интеллектуализм, логика давно обанкротились. «Душа» с ее внутренними, но стихийными переживаниями заняла их место. *Расовая же «душа» германца* конечно отличается специфическими особенностями, характеризующими «высшую» породу людей. Наряду с *мифом крови* в фашистской идеологии занимает столь же почетное место и *миф «души»*; в центре мифа души стоит *идея чести*; эта идея вскрывает суть всей этой мифологии как *милитаристической идеологии*. Реакционная суть мифического учения о душе ярко проявляется в рассуждениях уже упоминавшегося нами фашиста Эттига.

«*Чрезмерное развитие человеческого мозга*, — пишет Эттиг, — *безмерная переоценка интеллектуальных способностей, мышления, логики, знания, экспериментального наблюдения, рассудочного познания* привели к тому, что душа с ее возвышенными способностями была оттиснута на второй план»¹. Интеллектуализм разрушает, заявляет он, все национальные и космические связи. *Человек мысли не воспринимает «директив» универсума, т. е. бога*. Интеллектуализм, словом, — это безумие, он ведет неизбежно к гибели. Интеллект также объявляется *семитской и марксистской выдумкой*, имеющей целью уничтожение «расовой души» германцев. Интеллектуализм разрушает религиозное восприятие мира, которое является продуктом души. «То, что мы почитаем как высшие человеческие добродетели, — пишет он, — *героизм, самопожертвование для национального целого, чистое воодушевление, преданность, терпение, покорность высшей руководящей воле*, — суть проявления души»².

«Кто отрицает магические способности человеческой души, тот никогда не будет в состоянии постичь национальную душу немцев»³. Человеческая душа обладает сверхъестественными способностями. Она может отделиться от тела и в своей эфирной оболочке (в качестве астрального тела например) носиться по миру и действовать. Она может создавать фантомы, которые проявляют себя как самостоятельные существа (это носит название материализации или идеопластики); она может приводить в движение тела, не касаясь их. «Магические способности души позволяют ей присвоить себе всякое мыслимое знание, всякое мыслимое умение. И чем глубже проникают в науку о душе, тем больше приходят к убеждению, что ее

¹ *Ettig*, op. cit., S. 12 (подчеркнуто мною. — А. Д.).

² *Ibid.*, S. 14—15.

³ *Ibid.*, S. 18.

возможности действительно безграничны»¹. Во всяком случае, по мнению этого «ученого» шамана, «наука» о душе, т. е. магия, оккультизм, телекинезия и прочая белиберда, является одним из сильнейших оружий в борьбе *против материализма и атеистической пропаганды*.

Таким образом процесс загнивания капитализма, в особенности в фашистских государствах, подвинулся так далеко, что буржуазия в лице ее идеологов вынуждена отречься от науки и от *мозга*, который «чрезмерно» де развился; логика и знания, наука ныне чреваты большими опасностями для существования капитализма. Буржуазия в борьбе с пролетариатом хватается за самое дикое *суеверие*, за веру в *чудеса*. «Слабость, — писал Маркс, — всегда спасалась верой в чудеса».

Германский фашизм, будучи по самому существу своему милитаристическим и стремясь к развязыванию «большой войны», выдвигает в качестве, так сказать, основных сущностей, или атрибутов, немецкой расовой души «свободу» и «честь», образующие национальную «крепость», которая является источником подлинной *воли и высшего разума*. Величие отечества, нации — «национальная гордость», как выражается Гитлер, — должно лечь в основу мышления и деятельности германского народа. «Идея чести — национальной чести — является для нас, — пишет Розенберг, — началом и концом всего нашего мышления и всей нашей деятельности. Она несовместима ни с каким равноценным центром силы, она не терпит рядом с собою ни христианской любви, ни франкмасонской гуманности, ни римской философии»².

Закон чести, согласно мифам Розенберга, является *судьбой германской души*. В крови немецкой расы заложена самим богом в качестве неотвратимого рока необходимость и обязательность борьбы немцев за национальную честь и свободу, которые всегда оказываются поруганными. Германский империализм мечтает о мировом господстве, подчинении своей власти всей земли и всех народов. В целях оправдания своих реваншистских и воинственно-империалистических стремлений он и выдвигает такие шовинистические и патриотические «идеи» для обработки мелкой буржуазии, мещанства, такие феодальные погремушки, как мистические *законы чести и мести*, долженствующие действовать с необходимостью *неотвратимого рока*.

Так германский фашизм prepares новую мировую войну. Нет решительно *ни одной области и ни одного понятия*, которые бы не приспособлялись к требованиям

¹ Ibid., S. 19.

² Rosenberg, Der Mythos des XX Jahrhunderts, S. 514.

военной пропаганды. Все так называемое «миросозерцание» фашизма есть не что иное, как *кровавая идеология войны*— войны с собственным народом под маской единства нации и войны за колонии под прикрытием *идеи расы, нации, чести, свободы и судьбы*.

Мы уже выше говорили о реакционной классовой сущности фашистских мифов о расе и нации. Идеологи фашизма сами признают, что для них дело не в научном понятии расы и нации, а в *мифе* нации и расы. Они ставят задачей создать миф нации, «религию крови». Более или менее точного разграничения между понятием расы и понятием нации мы у них не находим, как будто это два тождественных понятия. Зато мы узнаем, что Лагард впервые-де вскрыл истинную сущность нации. В чем же заключается эта сущность? Нации не возникают в результате исторических событий; они являются божественными установлениями, *творениями бога*. «*Нации суть мысли бога*». Каждая нация необходимо должна иметь *свою религию*. Фашизм и создал *религию крови, человекоубийства, войны* во имя защиты интересов капитала. Проф. Банзе разъясняет нам, что «умирающий воин легче расстается с жизнью, если он знает, что его кровь проливается во имя его *национального бога*»¹.

Национальная религия есть *религия (или мифология) национализма и шовинизма*; она является орудием борьбы с революционным движением пролетариата, с марксистской теорией классовой борьбы рабочих с буржуазией. Нацию эти мифы изображают как божественное установление, первичную «целостность», и всякий, кто борется против капитализма, против режима эксплуатации, выступает против бога и разрушает «божественный сосуд». Наглость и невежество, национальная демагогия и мистический бред являются в руках германского фашизма средствами сознательного обмана трудящихся масс. Замечательна лживой идеологии фашизма! С одной стороны, фашисты говорят о нации как об *организме*, едином теле и единой душе; с другой же стороны, они не только говорят, но в действительности осуществляют *господство аристократии капитала*, проводят в жизнь «аристократический закон крови», согласно которому масса должна быть низведена на степень бесправных рабов.

Особо яростные атаки идеологи фашизма направляют против пролетарского интернационализма, стоящего помехой на путях подготовки к войне.

¹ Цитировано по книге D. Woodman, Der Faschismus treibt zum Krieg, S. 415

Гуманность и интернационализм, учат фашисты, означают измену науке и идее справедливости, национальной свободе. В действительности же речь идет об «измене» рабочих своим отечественным капиталистам, эксплуататорам.

Фашистский «идеолог» Герман Шварц издевается над свободой, во имя которой борются массы, говоря, что та свобода, о которой говорит толпа, это *«рай для масс»*; само собой разумеется, что эта идея свободы противоречит «германской» идее свободы. Во-первых, германская душа отличается от, скажем, французской тем, что она представляет собой *сгусток текучей энергии*. Кроме того она отличается *героическим* характером. Дальше он доказывает, что «высшей заповедью религии является беззаветное служение нации и отечеству»¹.

Этот ханжа подобно другим фашистам сочиняет всевозможные басни о марксизме и коммунизме. Ослиные уши сикофанта буржуазии торчат из-за каждой строки его божественной чертовщины. Безумием надо считать идею марксизма, *что рабочие и предприниматели* противостоят друг другу, как *враги*, говорит он. На самом деле они составляют единое целое, являясь выражением расчлененной жизни нации. Марксисты не понимают, что дело вовсе не в хозяйственных, грубых, материальных интересах, а в духовной сущности, в идее, согласно которой народ, нация *составляет союз душ*, или одушевленный союз.

Теперь стало быть все обстоит блестяще. Стоит только рабочим понять, что они состоят в *душевно*м союзе со своими угнетателями, и они откажутся от всяких материальных потребностей, от всех своих стремлений и идеалов.

Там, где господствует капитализм, богатый всегда будет эксплуатировать и угнетать бедного. Богатый управляет банками, предприятиями, универсальными магазинами, пароходами и железными дорогами. Капиталистическое государство является орудием имущих для подавления бедняков, для сохранения привилегий богатых и охраны их собственности. В период веймарской демократии от рабочих старались заслонить эту истину методами парламентского обмана. В Третьей империи их хотят ослепить ложью о «народном единстве», единстве богатых и бедных. Но какое единство может быть у трудящихся с Крупном, Тиссенем, Дуйсбургом? Какое «народное единство» может существовать между трудящимися и теми эксплуататорами, которые, завладев средствами производства и властью ради увеличения и обеспечения своей прибыли, обрекают на голод

¹ Schwarz, Nationalsozialistische Weltanschauung, 1933.

и медленное умирание своих соотечественников — немецких рабочих и крестьян. Такое «народное единство» — обман народа.

Нам надлежит теперь заняться выяснением самых общих «гносеологических» положений, лежащих в основе идеологии фашизма. Первое, что бросается в глаза при анализе идеологии фашизма и идеологии империалистической буржуазии вообще, — это, как указано уже выше, враждебное отношение к науке и человеческому интеллекту. Это обстоятельство объясняется тем, что подлинное научное познание, которое по существу своему не может не быть материалистическим, отказывается служить интересам буржуазии. Подобно тому как созданные буржуазией производительные силы восстают против существующих производственных отношений, так и развитие научного познания вступило в противоречие с интересами империалистической буржуазии.

Страх буржуазии перед будущим, которое принадлежит пролетариату как классу, призванному историей сыграть роль могильщика капитализма, диктует ей необходимость отречения от всякой идеи развития, от признания каких бы то ни было объективных закономерностей в природе и особенно в обществе. Пролетариат стоит за научное познание действительности, буржуазия — против, ибо революционное развитие действительности, поскольку речь идет прежде всего о человеческом обществе, направлено против буржуазии, ведет к отрицанию буржуазных общественных отношений. Пролетариат во всей своей борьбе руководствуется научным познанием действительности, становящимся в его руках орудием изменения действительности. Буржуазия на нынешней стадии загнивающего и умирающего капитализма вынуждена вступить на путь отрицания науки, мышления и разума, провозглашая их банкротство. Так как наука обнаруживает банкротство капитализма, то буржуазия объявляет «банкротство науки». Отсюда понятен поворот буржуазной мысли к иррационализму и интуитивизму.

Для характеристики современного состояния умов фашизирующей буржуазии позволим себе привести кое-какие цитаты из различных работ идеологов фашизма. Ганс Гофер доказывает необходимость поворота к неоромантизму (или к иррационализму), ибо источником всех пережитых и переживаемых Германией бедствий мировой войны, революции, инфляции, Веймарской республики и

демократии, коммунистической опасности и т. п. является... *просвещение!* «Просвещение, — пишет он, — было направлено против религиозного, христианского, теологического, авторитарного, социалистического, сословного духа средневековья. Оно являлось по своему существу секуляризмом и либерализмом. В качестве секуляризма просвещение признавало только посюстороннюю жизнь. В качестве либерализма оно стремилось прежде всего к освобождению от опеки церкви, христианства, а затем от всех средневековых уз семьи, сословия, цеха, народа, государства»¹. В результате оказалось, что личность и ее разум — гуманизм — заняли центральное положение в *рациональном* мировоззрении. Человек стал источником истины, но так как люди неравны, то тем самым истина, опиравшаяся, так сказать, на равенство людей, исчезла. Государство оказалось существующим в силу *договора* отдельных людей между собою. Оно сделалось зависимым от отдельных личностей благодаря выборной системе (либеральная демократия).

Каждый отдельный человек стал чувствовать себя гражданином мира. *Восторжествовал разум человека*, который уверовал в свою силу настолько, что считает возможным изменить мир согласно своим идеям и проникнуть даже в тайны бытия через познание мира. Заключительной фазой всего этого принципа развития с начала Великой французской революции являются *появление и распространение большевизма*. «Большевизм осуществляет либеральную программу рационализма последовательно до ужасного и горького конца: до полного освобождения человека от бога, разрыва с нравственностью, с семьей, с родной почвой, от всех уз и всех авторитетов»².

Продуктами гибельного рационализма и безбожного просвещения объявляются фашистами современное математически-механистическое и материалистическое естествознание, современная техника, им же порожденная. Неоромантика и призвана ныне свергнуть *разум* с занимаемого им трона и на его место посадить чувство, которое признает *таинственность и непознаваемость бытия*.

Неоромантизм, продолжает тот же Гофер, стремится положить в основу всей духовной жизни, в том числе и науки, новый метафизический, иррациональный принцип. Этот новый иррациональный принцип — принцип морфологии, согласно которому всякая наука, искусство, политика, государство, хозяйство составляют *живой организм*, управ-

¹ Hofer, Die Weltanschauung der Neuzeit.

² Ibidem.

ляемый и одушевляемый *таинственной идеей*. «В этом, — пишет Гофер, — заключается великий подвиг Адольфа Гитлера. Он понес идеи неоромантики в народ и превратил таким образом неоромантизм в народное движение. Одновременно он создал для него мощную политическую организацию»¹. Все это он противопоставил «разрушительному» коммунизму.

Мы привели эти «мысли» Гофера, для того чтобы показать, что необходимость отказа буржуазии от науки, идеи прогресса, развития, научного познания мира, буржуазного просвещения, не говоря уже о демократии, диктуется *животным страхом перед большевизмом, коммунизмом, перед революционным движением пролетариата*. Попытка же Гофера представить дело так, будто фашизм борется против большевиков, так как они-де разрушают культуру, есть попытка с негодными средствами, ибо «культурное лицо» фашизма достаточно уже знакомо всему миру.

Все разновидности фашизма одинаково восстают против рационализма, противопоставляя ему иррационализм, в котором фашисты видят спасение от революционного пролетариата. Мы должны поэтому вскрыть классовый смысл и значение фашистского иррационализма. Совершенно понятно, что в интересах империалистической буржуазии на стадии ее движения по нисходящей линии в условиях загнивающего капитализма изобразить дело таким образом, будто мир непознаваем по самой своей сущности, будто история в частности представляет собою царство иррациональных сил, которые не поддаются никакому познанию и в особенности предвидению.

Этим утверждением фашизм льстит себя надеждой «опровергнуть» установленные марксизмом-ленинизмом законы развития и гибели капитализма. Не может-де быть речи о неизбежной гибели капитализма, так как в основе его лежит мистическая «идея», нам недоступная. Разум в качестве орудия познания обанкротился в глазах буржуазии, ибо «разум» говорит о банкротстве буржуазии.

Иррационализм неразрывно связан с религиозной верой, а фашистский иррационализм к тому же еще отличается специфическим, террористическим, контрреволюционным активизмом и волюнтаризмом. Классовый смысл фашистского иррационализма сводится к стремлению набросить непроходимое для разума покрывало на реальную действительность, которое должно скрыть сущность совершающихся событий в объективном мире. Иррационализм пред-

¹ Hofer, Die Weltanschauung der Neuzeit, S. 481.

ставляет для класса, потерявшего почву под ногами, широкий простор для *субъективизма, для веры, для иллюзий, без которых буржуазия не может обманывать массы* и сохранить надежды удержаться у власти, как выражается Ницше.

Она вынуждена во всей своей борьбе с рабочим классом *напрячь всю волю и активность*. Отсюда же берет начало и апология непосредственного, *прямого действия*, идея активного, волевого вмешательства в ход жизни.

Фашистская апология «героического начала» призвана «обосновать» террористическую диктатуру крупной буржуазии, стремящейся методами неприкрытого насилия над массами и организацией войны спасти свое господство.

Идеология фашизма враждебна науке, она проникнута контрреволюционным прагматизмом, дающим буржуазии возможность оправдывать изменение своих живых лозунгов и политики в зависимости от потребностей дня. Она не признает никаких принципов кроме одного: для подавления пролетариата все средства хороши. Самое существенное и единственно реальное, что имеется в «теории» и «мировоззрении» фашизма, — это защита режима эксплоатаций и кровавая борьба с пролетариатом. Все «теории» хороши, если они служат этой основной задаче.

«Мышление» у фашистов должно быть подчинено целиком этой задаче. Мышление научное скрывает в себе опасности двоякого рода. Во-первых, оно научает рабочих понимать слишком много. Еще Ницше негодовал по поводу того, что рабочих «научили» мыслить, так как это обстоятельство таит в себе опасности для существующего строя. По этому же пути идут фашисты. Во-вторых, иррационализм, являясь, как мы видим, *орудием затемнения сознания масс и отвлечения их от борьбы за свои классовые интересы*, должен послужить для самой буржуазии средством «духовного спасения» от надвигающейся на нее опасности. Это, так сказать, политика страуса. Итак, логика опасна со всех точек зрения, но прежде всего она опасна, когда становится достоянием масс. Логическое, разумное, научное мышление, отражающее реальную действительность, составляющее мощное оружие в руках восходящего класса — пролетариата, представляет огромную опасность для исторически уже обреченного класса — буржуазии. И поэтому последняя вынуждена в лице фашистов обратиться к иррациональному и мистическому «мышлению», пользоваться фикциями и иллюзиями в целях *обмана масс*. И сам гибнущий класс также нуждается в вере и «надежде», в особом рода фанатическом бреде. Таково объективное положение современной буржуазии.

«...Вождь знает, — пишет Маннгейм, — что все политические и исторические взгляды (фашистов. — А. Д.) являются только мифами. Он собственно свободен от них, но он их ценит — и это вторая сторона вопроса, потому что они вызывают энтузиазм, который приводит в движение иррациональные остатки человека — чувства, — и ведут к политическим действиям»¹. Таким образом мы видим здесь тесную связь между мифами как фикциями и иррационализмом как особой «душевной силой», при помощи которой совершается переход от мифической «теории» к террористической политической практике.

Когда капитализм находится уже на ущербе, у края могилы, идеология буржуазии неизбежно должна отличаться и отличается крайним скептицизмом по отношению к *научному познанию* (в форме отрицания логики, рационализма и утверждения иррационализма, интуитивизма, роли инстинктов). *Сознательный обман масс* становится сложной разработанной системой «мифологии», фикционализма, символизма и спиритуализма. Ныне задача в области философии сводится для идеологов буржуазии к «доказательству» «банкротства» науки. Более того, они ставят себе прямой целью *опровержение* возможности научного познания. Очень ярко эта тенденция выражена например у Клагеса, который говорит, что «доказательства метафизики сводятся преимущественно к опровержению науки»².

Буржуазия враждебна научному прогрессу. Судьбы развития науки неразрывно связаны теперь с судьбами пролетарской революции, ибо только пролетариат до конца заинтересован в прогрессе науки. И даже такие враги марксизма, как Маннгейм, вынуждены признать исключительную «веру» марксизма в науку и скептическое, отрицательное отношение к ней фашизма, который, как уже сказано, рассчитывает только на силу инстинктов, аффектов, демагогии и верит только в силу террора.

Возвращаясь непосредственно к вопросу об иррационализме, необходимо указать, что он у фашистов тесно связан с понятием «тайны бытия». «Тайны мира», как выражаются фашисты, *не хотят и не могут быть раскрыты. Снять покрывало с мировой тайны значит совершить кощунство*. Поэтому ныне для идеологов фашизма дело сводится не к разрешению «мировых загадок», а к принципиальному признанию непознаваемости мира вообще не только в

¹ Karl Mannheim, *Ideologie und Utopie*, S. 102.

² Klages, *Vom Wesen des Bewusstseins*, Aufl. 3, S. 84; ср. его же «Geist und Leben» и другие произведения.

смысле невозможности проникновения нашего в природу бытия, но и в смысле преступности этой дерзости познания. «Мы не хотим снять покрывало с мировой тайны», — гласит очередной лозунг фашистской, с позволения сказать, «философии». А «мы не хотим» потому, что познаваемость тайн мира связана с большими опасностями для существования буржуазии. К этим «тайнам бытия» относится *«тайна» собственности, происхождения капиталистического строя и прибылей, диктатуры буржуазии, происхождения государства* и т. п. Все это «тайны», к которым и не следует прикасаться, а между тем наука в лице марксизма срывает с них покров и показывает их в подлинном свете.

«Материализм, Маркс и Геккель, — пишет один из «ученых» идеологов фашизма, — являются естественными завершителями пути, открытого Кантом, пути к естествознанию, технике и цивилизации... Но философия нашего времени должна стремиться не к бурному движению вперед, а к стоической скромности и к осмыслению древней мудрости человечества, выражающейся в *немом преклонении перед* иррациональностью жизни и все наполняющим «смыслом»¹.

Иррационализм служит средством для отвлечения внимания масс от их реальных классовых интересов в сторону таинственных сущностей, за которыми скрываются интересы капитала. Поэтому от массы *требуют признания веры и преклонения* перед этими таинственными сущностями, запрящают их познавать. Иррационализм требует отказа от разума, от его стремления проникнуть путем научного познания в *сущность буржуазного строя*. Отказ от разума и мышления превращают человека в рабски покорного слугу капитала. Слуге надлежит не рассуждать, а верить и подчиняться высшим таинственным силам, к каковым относятся капиталистическая собственность, государственная власть и т. д.

Идеология современной буржуазии проникнута глубоким *пессимизмом*. Будучи вынуждены отречься от идеи развития или прогресса даже в старом буржуазном понимании, идеологи буржуазии занимаются ныне выяснением проблемы *упадка и гибели* всевозможных форм и образований, приходя к выводу о *непостижимости* и иррациональном характере всей жизни, о невозможности постижения действительности человеческим умом.

Фашистский «актуализм» и «гераклитизм» являются выражением глубоко пессимистического взгляда на мир в

¹ Nolteneus, Materle, Psyche, Geist, 1934, S. 297—298.

Отличие от оптимистического мировоззрения пролетариата как класса *восходящего*. Современная буржуазная философия и в особенности фашистская ее разновидность вынуждена отказаться от *принципа причинности* в природе и в истории и поставить на его место *идею судьбы, рока*, которым подчинено якобы все существующее. Идея судьбы *иррациональна* по самой своей сути и опять-таки является средством для сокрытия реальных отношений, в особенности в человеческом обществе, разрушая «рационалистический» характер причинного объяснения явлений. Смысл бытия для человека с точки зрения этой мистической концепции сводится к беспрекословному подчинению непостижимой по своим целям судьбе.

Рабочий класс и все трудящиеся в силу этой «глубокомысленной» философии должны носить ярмо рабства, безропотно подчиняться таинственной судьбе, воле бога и не делать никаких попыток к причинному объяснению действительности, ибо это означало бы желание снять покрывало с божьего лика или, выражаясь иначе, подобное стремление неизбежно *ведет к познанию пролетариатом реальных условий его существования и к восстанию против капиталистов*. Обманывая рабочих и вообще всех трудящихся, фашисты объявляют нацию *союзом, связанным судьбой*, которая на правах *неумолимого рока* предписывает например немцам пойти походом на Советский союз. И нечего тут «рационалистически» допытываться смысла и каких-либо объяснений, так как судьба иррациональна, что однако не мешает фашистам твердо *знать ее неумолимые требования*, которые всегда «поразительно» совпадают с требованиями германского капитализма.

Господин Розенберг говорит о специально *германском понятии судьбы*. Каков же политический смысл, вкладываемый фашистами в это «понятие»? Германцы, видите ли, усматривают волю судьбы в выполнении *законов чести* и в осуществлении вообще высших германских ценностей, как-то: *чести, свободы, храбрости и надменности*. Нетрудно понять, что вся фашистская болтовня насчет *идеи судьбы* преследует две цели: с одной стороны, как мы это уже показали, она является орудием порабощения трудящихся внутри страны, а с другой стороны, она должна служить средством оправдания империалистических войн.

Ныне, после Шпенглера, заявляет Розенберг, считается «установленным», что *причинность и судьба* составляют две различные идеи. Разногласие между отцом фашизма Шпенглером и его неблагодарными последователями состоит в том, что у первого судьба принимает характер

необратимого фатума, а господин Розенберг видит истинно фаустовский характер германской души в лозунге «я хочу».

Расово-душевные силы управляют миром, и стало быть идея судьбы получает свое подлинное выражение в чисто германском волюнтаризме.

Розенберг имеет все основания ненавидеть марксизм, который открыл закономерности общественного развития и тем самым вынес смертный приговор капитализму. Поэтому Розенберги так беснуются против марксистской «неотвратимой экономической закономерности» — гибели капиталистического строя. Фашисты надеются, что им удастся «проскочить», миновать неизбежное, если напрягут *всю силу воли* для борьбы с «неизбежным ходом вещей», с объективными закономерностями действительности. Отсюда отрицание «механистических» законов причинности и утверждение голого «я хочу» («Я хочу жить», «Я хочу колоний», — вопит германская буржуазия устами фашистов); отсюда и своеобразное понимание идеи судьбы, в которой фатализм сочетается с идеалистическим поповским учением о *свободе воли*. Так как закономерный ход развития классовой борьбы ведет к гибели буржуазии, буржуазия и ее идеологи вынуждены апеллировать к судьбе, заложенной якобы в душе и воле каждого германца, уповать «на свободу решений», «на волю бога» и готовиться к борьбе за «национальную честь», к империалистической бойне.

Выше мы говорили о реакционной классовой сущности фашистской идеологии «корпоративно-сословного» государства. Посмотрим, как для обоснования этих «идей» привлекаются логика и гносеология.

Замена понятия классов понятием сословий трактуется фашистами как преодоление «*количественно механистического*» миропонимания и утверждение *качественно идеалистического* взгляда на общество, а затем и на природу. Каждое сословие, или ранг, представляет собой самостоятельное качество, несводимое к другому рангу, являясь вместе с тем выражением *божественной идеи*. Фашисты, а вместе с ними и многие представители буржуазной философии вообще ведут ныне бешеную борьбу за свое изуверское «качественное» и «органическое» «мировоззрение» против *материализма*, жульнически подсовывая вместо диалектического механический материализм, чтобы приписать диалектическому материализму все действительные и мнимые грехи материализма механического и метафизического. Организмом с точки зрения фашизма являются не только нация и государство, но и *ландшафт* и *континент*, наделенные, по Клагесу, например, индивидуальными *душами*.

Понятия *организма* и *целостности* в свою очередь должны служить орудиями порабощения масс.

Идея иерархии в применении к *общественному* строю нуждается для своего «освещения» в метафизическом и мистическом «обосновании». Фашисты стремятся «доказать», что иерархический строй общества *фундаментирован*, так сказать, в иерархическом строе космоса, созданного богом на основе господства *высших* и подчинения *низших*. Словом, иерархический строй возводится в «онтологический» принцип.

Вейпперт связывает *идею иерархии* с *идеей эманации*. Процесс эманации божества есть процесс ступенчатого, рангового осуществления порядка в космосе. После завершения процесса эманации космос приобретает характер строгого порядка гармонически связанных воедино определенных качеств. Процесс эманации есть процесс *нисхождения по ступеням*. Низшее имеет существование в силу самоотчуждения высшего. *Принцип иерархии*, говорит откровенно Вейпперт, а за ним и Зомбарт, означает *принцип неравенства*. И вот *принцип неравенства* согласно фашистам уходит своими корнями в природу космоса и является *выражением воли божества, определившего раз навсегда, что низшее, т. е. низшие классы общества, существуют в силу существования высших, т. е. по их милости*.

«Просвещение, либерализм, социализм, демократизм, — пишет тот же Вейпперт, — суть великие умственные движения нашей эпохи. Тот же самый принцип, который господствует ныне в науке, именно... принцип квантификации качества, господствует также и в общественной жизни.

Ныне пробудились чувство дистанции и сознание ответственности, а вместе с ними и страстная потребность в сословно-иерархическом строе»¹.

Пробудившиеся у буржуазии *«чувство дистанции»* и *«сознание качественности»* направлены на водворение *прочного порядка, исключающего революции и всякие возможности «беспокойства»*. «Сознание качественности» вытекает из классовой установки буржуазии, сводящейся к делению людей на *белую и черную кость*. Эксплуататоры и угнетатели — *высшие по своему качеству создания, чем рабочие*. Между ними должно существовать определенное расстояние (в этом смысл «чувства дистанции»), отделяющее

¹ Вейпперт принадлежит к шпанновской разновидности фашизма. Но основные «идеи» насчет *сословности* и *иерархии* разделяются также Гитлером, Розенбергом и вообще германским национал-«социализмом».

тех, кто стоит на общественной лестнице наверху, от тех, кто занимает самые низшие ее ступеньки. *Принцип неравенства* таким образом *получает свое подкрепление и дополнительное обоснование в «чувстве дистанции» и «сознании качества», т. е. разности людей.* Это — идеал, к которому стремился Ницше, являющийся признанным духовным отцом фашизма.

Всякое возвышение типа «человека», по мнению Ницше, есть дело *аристократического общества*, которое верит в длинную лестницу рангов и в разность людей и которому нужно рабство. «В хорошей и здоровой аристократии, — говорит далее Ницше, — существенно то, что она чувствует себя *не* функцией, все равно — королевской власти или государства, а их *смыслом* и высшим оправданием, что она поэтому с чистой совестью принимает жертву огромного количества людей, которые должны быть подавлены и принижены ради нее до степени людей неполных, до *степени рабов и орудий*. Ее основная вера должна заключаться именно в том, что общество имеет право на существование не для общества, а лишь как фундамент и помост, могущий служить подножием некоему виду избранных существ для выполнения их высшей задачи и вообще для высшего *бытия*! ее можно сравнить с теми стремящимися к солнцу, выющимися на Яве растениями, их называют *Sipo Matador*, которые охватывают своими ветвями ствол дуба до тех пор, пока наконец не поднимутся высоко над ним, и тогда, опираясь на него, распускают на просторе свою верхушку и выставляют напоказ свое счастье»¹.

Фашисты стремятся осуществить «идеал» Ницше — создать такое аристократическое общество, в котором магнаты капитала играли бы роль растения *Sipo Matador*, а рабочие и все трудящиеся были бы подавлены и принижены до степени рабов, до степени орудий. Эту задачу должен выполнить в первую очередь иерархический строй общества.

Рабы не могут мечтать о счастливой жизни. Их удел — эксплуатация, голод, холод, страдания и т. п. От Ницше мы знаем, что эксплуатация есть *основная органическая функция*, что воля к жизни есть воля к власти, а сама жизнь, ее *сущность*, сводится к эксплуатации. Поэтому нелепо мечтать об обществе, лишенном эксплуатации.

В условиях всеобщего кризиса капитализма, наличия миллионных армий безработных, превратившихся из резервных

---

¹ *Ницше*, По ту сторону добра и зла, 1905, стр. 307—308 (подчеркнуто мною, — А. Д.).

в постоянные, буржуазии и ее идеологам остается только распространять «философию аскетизма». Анри Бергсон, этот виднейший фашистский философ Франции, оказавший огромное влияние на реакционные круги Германии, а через Жоржа Сореля на Муссолини в Италии, требует ныне поворота к аскетизму, утверждая, что картошка питательнее мяса.

Шпрангер в Германии доказывает, что *аскетический образ жизни* составляет основу всякой подлинной культуры. По тому же пути идут фашисты, теоретически «обосновывая» и практически осуществляя в отношении трудящихся *принципы аскетизма* или «самопожертвования», выражаясь языком господина Гитлера. Трудящиеся и только они, «каждый рабочий, каждый крестьянин, изобретатель и пр.», как это услужливо возвещает господин Гитлер, должны быть вечно готовы к жертвам во имя интересов капиталистов. Это называется на языке фашистов подлинным идеализмом, исключаящим всякий *грубый эгоизм*, это называется «исполнением долга», в этом состоит «самопожертвование» как высшая добродетель человека. Все эти добродетели наконец являются специфической особенностью германской расы. Господин Шпанн доказывает необходимость и плодотворность *страданий*. Со свойственной ему циничностью он пишет: «Один из величайших пороков нашей эпохи — это то, что люди стараются избегать страданий, что они не имеют никакого понятия об очищающей силе страданий. Это обстоятельство является прежде всего препятствием для правильного суждения о всех общественных проблемах, в особенности оно является препятствием для разрешения «социального вопроса»¹. Если бы бедные, говорит он, относились с уважением к страданиям, они легко переносили бы лишения, а наслаждения и богатство не так высоко бы ценились. «Не оценив величие и плодотворность страданий, нельзя найти выход из политических и хозяйственных нужд наших дней, невозможно разрешить «социальный вопрос»². Страдания убеждают человека в преходящем характере всего — кроме того, что имеет свое основание в вечном.

Целая рать фашистских агентов, начиная от Шпрангера и кончая «маститым» Бергсоном, не говоря уже об официальных представителях фашизма, проповедует массам *аскетический образ жизни*. Они «доказывают», что *аскетизм* является основой всякой культуры, что если трудящиеся не будут голодать и мерзнуть, то «погибнет» культура, что

¹ Spanz, Gesellschaftsphilosophie, S. 155.

² Ib.d., S. 162—163.

кризисы порождены «жаждою масс к наслаждениям» и т. п. Анри Бергсон проповедует массам *опрощение, отказ от мясной пищи*, половое воздержание, что поведет, дескать, к устранению кризисов.

Но массы, восклицает в отчаянии Нольтениус, ничего не хотят знать об аскетизме¹. Да! Они знать не хотят ничего об аскетизме и со всей энергией будут бороться за уничтожение режима наемного рабства во всем мире и за осуществление социализма. Не грех будет, если победивший пролетариат посадит проповедников аскетизма на хлеб и воду.

Фашистские софисты в основу всех своих «логических» построений кладут понятие *целостности*. Органически целостное «миропонимание» противопоставляется ими «атомистически-механистическому», в действительности материалистическому. На этом специальном поприще особенно много «потрудился» проф. Шпанн. Идея организма и целостности, на которой покоится фашистская идея «общности» (*Gemeinschaft*), оказалась весьма «плодотворной» в качестве орудия наглого обмана масс.

Идея целостности у фашистов и фашиствующих философов является центральной «логической» категорией, вокруг которой вращаются все их построения, вокруг которой наматываются все остальные понятия и категории, как нация, государство, хозяйство, принцип иерархии и т. п.

Что означает понятие целостности у фашистов в применении, скажем, к хозяйству или нации? На это фашисты дают такой ответ: хозяйство (или нация) представляет собой органическую целостность, специфическое качество, имеющее определенный духовный, но скрытый *таинственный смысл*, которого мы не можем постичь разумным познанием, который мы иррационально, так сказать, предчувствуем. Этим совершенно сознательно набрасывается на действительность непроницаемое покрывало, прикрывающее истинные, реальные отношения различных классов капиталистической системы хозяйства.

Эти реальные отношения различных классов к орудиям и средствам производства, отношения собственности, система эксплуатации и пр., словом, все, что составляет содержание экономики, объявляется *«тайной»*. И вся идеология фашизма — своеобразная *система запретов* (табу). Запрещено... реальное прикосновение ко всему, что подлежит защите со стороны буржуазии: *собственности, отношениям классов, происхождению власти* и т. п. Идея це-

¹ Nolttenius, *Matiele, Psyche, Geist*, S. 455.

лостности, понимаемой как чистое качество, запрещает анализ (анализ у фашистов называется «механически количественным» подходом к явлениям), запрещает рациональное исследование и изучение, потому что целостность иррациональна по самому существу, составляя «тайну», куда проникнуть познанию равносильно оскорблению божества.

Всякая целостность объявляется принципиально *непознаваемой*, не подчиненной законам причинности, а каким-то особым мистическим «законам» судьбы и таинственного «смысла». Целостность — будь то организм, нация, государство — отличается абсолютным *единством*, исключающим какое-либо относительно самостоятельное значение «частей». Нация например трактуется как *организм* (и стало быть единство), в котором отдельные личности или целые общественные классы играют роль *органов*, отдельных членов, существующих только ради *целого* и следовательно полностью в нем растворяющихся. Как отдельные личности, так и общественные классы согласно этой «философии» целостности должны усматривать смысл своего существования в существовании целого и вечно приносить себя в *жертву* ради благополучия этого *целого*, которое реально обнаруживается, естественно, как *классовая организация* (к этому сводится и пресловутая фашистская «*Gemeinschaft*», общность), в которой господство принадлежит буржуазии.

Таким образом вся болтовня о *качественном* характере «целостности», об ее *неразложимости*, *единстве*, *органичности* и пр. имеет своей целью внушить массам идею абсолютной солидарности интересов всех «членов», или органов, «целого», т. е. буржуазного общества. Фактически это означает рабское *подчинение* трудящихся интересам господствующего класса. Трудящиеся должны проникнуться убеждением, что их существование не имеет никакого самостоятельного смысла и значения, а лишь производный смысл, поелику они служат целому, т. е. буржуазному обществу. Так, у фашистов все понятия и категории их идеологии приспособлены к выполнению одной единственной задачи — к защите интересов капитала. Конкретные выводы из идеи целостности сводятся у фашистов к следующему тезису: соотношение между предпринимателями и рабочими вытекает из их взаимной принадлежности к единой высшей, божественной *целостности* и их взаимной ответственности за процветание нации, государства и народного хозяйства.

Всякая «целостность», «общность», имеет *идеальный вечный смысл*, поэтому ее нельзя рассматривать как средство

для достижения материальных целей¹. Немецкая нация в качестве специфической и неповторимой *целостности* имеет свое призвание в раскрытии и ее внутреннего духовного смысла и идеального единства в отличие от других наций, например французов и англичан, которые согласно фашистским философам Германии погрязли в тине себялюбия, материализма и «экономизма». Естественно, что немецкий «бог», как это разъясняет Шварц, требует от каждого немца служения нации, отечеству, государству, ибо немецкая нация в качестве божественной целостности является местопребыванием бога. И каждый истинный немец соответственно этому должен быть *фашистом*.

Если нация и раса представляют собой органические *целостности*, организмы, обладающие *душой*, то все дело познания сводится, с точки зрения фашистов, к различным формам отражения этой расовой или национальной души в науке, философии, искусстве, политике и т. п. Для фашистов нет научной объективной истины, которая ими презрительно третируется как «абстрактная». Они стоят на почве «органической истины», эта истина «*врождена*» *расе*. Органическая истина, естественно, не доказывается *логикой*, как говорит Розенберг, а *исповедуется и утверждается национальным духом*². Поэтому для немцев существуют только *немецкая* наука, философия, искусство, «социализм», которые ничего общего не имеют с «абстрактной» «еврейско-марксистской» наукой и философией. Теория относительности в силу этого уже потому неприемлема, как говорит фашистский физик Ленард, что творцом ее является еврей, т. е. «расово чуждый» немцам ученый.

Решающим критерием «органической истины» является то, насколько она способна повышать «внутренние ценности» расы, повышать ее силу и мощь. Словом, «органическая истина» является в свою очередь средством, содействующим успеху борьбы буржуазии с пролетариатом и другими народами.

V

Фашизм, будучи продуктом загнивающего и умирающего капитала, породил самую гнилую, самую гнусную идеологию. Фашизм несет с собой смерть и разрушение. Фашизм обр-

¹ По вопросу о целостности и «*Gemeinschaft*» см. хотя бы следующие книги: «*Deutsche systematische Philosophie*», herausg. von H. Schwarz, 1931; *Steingraber, Deutsche Gemeinschaftsphilosophie der Gegenwart*, 1933; *Schwarz, Nationalsozialistische Weltanschauung*, 1933.

² *Rosenberg, Der Mythos des XX Jahrhunderts*, S. 683—684; *Hart, Alfred Rosenberg*, 1933.

пшвается прежде всего на передовых революционных рабочих и на передовую интеллигенцию, стремясь к их физическому уничтожению. Фашизм является смертельным врагом рабочего класса и всех трудящихся. Он является смертельным врагом подлинного прогресса науки, искусства, литературы и всей культуры. Фашизм справедливо усматривает в большевизме своего главного врага, носителя всех великих революционных и прогрессивных тенденций современности как в экономике и политике, так и в науке, философии, искусстве и литературе.

Выводя исторически большевизм, марксизм-ленинизм из великих революционных движений прошлого, доказывая, что он является продолжением идей эпохи просвещения, эпохи французской революции конца 18 в. и т. п., фашисты думают опорочить большевизм. На самом же деле это лишь разоблачает реакционную сущность фашизма, стремящегося к уничтожению всех великих завоеваний человечества и к возрождению средневекового варварства и мракобесия. Большевизм гордится тем, что является подлинным и единственным законным наследником всех великих завоеваний человечества. Пролетариат — единственный класс, который призван обновить мир, избавить человечество от фашистской гадины и мобилизовать вокруг себя, как гегемона, всех трудящихся для разгрома фашизма. Фашизм представляет в настоящее время самую большую опасность и угрозу всему трудящемуся человечеству и всей его культуре.

VII Всемирный конгресс Коммунистического интернационала выработал поэтому генеральный план наступления на фашизм.

*«Единство действий пролетариата в национальном и международном масштабе, — сказал в своем докладе т. Димитров, — вот могучее оружие, которое делает рабочий класс способным не только к успешной обороне, но и к успешному контрнаступлению против фашизма, против классового врага»*¹.

На горьком опыте широчайшие массы трудящихся убеждаются в правоте коммунистов. Они осознают все яснее, что единый фронт рабочих, опираясь на сочувствие всех трудящихся, может успешно противостоять натиску фашизма или опрокинуть его там, где он уже стоит у власти. Социал-демократия несет историческую ответственность за раскол пролетариата, за раздробление и следовательно ослабле-

---

¹ Г. Димитров, Наступление фашизма и задачи Коммунистического интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма, стр. 29.

ние его сил, за поражение пролетариата в ряде стран, ибо политика социал-демократии расколола пролетариат и продолжила путь фашизму.

В начавшемся повороте широких рабочих масс от реформизма к революционной борьбе решающую роль сыграли достижения нашей социалистической системы. Рабочие и трудящиеся всего мира убедились, опять-таки не из книжек, а из практики нашего социалистического строительства, в том, что социализм не отвлеченная теория, а уже *живая действительность нашей великой страны*, которая не только не знает безработицы, но где ликвидирована нищета народа, где каждый человек является полноправным и полноценным гражданином, где хозяином всех богатств являются трудящиеся.

«Победа социализма в СССР, — сказал в своем докладе на VII конгрессе Коммунистического интернационала т. Мануильский, — создала условия для такого роста материального благополучия масс и их культурного уровня, какой не снился ни одной капиталистической стране в мире. Только теперь мы можем поставить перед собой *во всю величину в центре всех наших помыслов и дел заботу о человеке*. Человек — не навоз истории, как это провозглашает фашизм, человеческая масса — не объект для кнута фашистского капрала, вообразившего себя нищенским сверхчеловеком, он не раб, строящий египетские пирамиды, он не придаток к капиталистической машине, чтобы создавать вольготную жизнь кучке паразитов, он не объект эксплуатации рабской, феодальной, капиталистической. Человек — творец социализма, создатель нового общественного строя. Впервые в истории человек поставлен на свое место. Он — кузнец своей судьбы и своей истории, он — властелин социалистической машины. *Социализм — для него, он сам — великая цель социализма*»¹.

Рабочие и трудящиеся всего мира, видя эти колоссальные завоевания нашей социалистической страны, с одной стороны, и режим бесправия, эксплуатации, рабства, нищеты, господствующий в капиталистических странах, — с другой, начинают все больше понимать, что единственный путь, ведущий их к освобождению, — это тот путь, которым шли русские рабочие и трудящиеся, путь, по которому их вели великие творцы социализма — Ленин и Сталин, это *путь революционной классовой борьбы*.

Ближайшей задачей рабочего класса и всех трудящихся

¹ Д. Мануильский. «Итоги социалистического строительства в СССР», Партиздат, 1935 г., стр. 20.

является низвержение фашизма в тех странах, где он стоит у власти, и преграждение ему пути к власти там, где он готовится ее захватить. Ни на минуту не ослабляя борьбы за конечную нашу цель — за советскую власть, за социализм, за подлинную демократию трудящихся, пролетариат под руководством своей коммунистической партии будет стремиться использовать всякую *переходную ступень*, которая быстрее *подводит массы к диктатуре пролетариата* и которая дает возможность создать более благоприятные условия для борьбы за советскую власть, для борьбы за социализм.

Антифашистский народный фронт, основным стержнем которого является единый рабочий фронт, обеспечивающий на всех ступенях борьбы *гегемонию пролетариата*, составляет в данный момент то основное звено, которое дает возможность вытащить всю цепь. Рабочий класс, вступив на путь *мобилизации союзников для генерального наступления на фашизм*, должен мобилизовать и обманутые и угнетаемые фашизмом мелкобуржуазные слои населения — крестьянство, мелкую городскую буржуазию, интеллигенцию, угнетаемые национальные меньшинства и пр. Антифашистский народный фронт вырастает из защиты *непосредственных экономических и политических интересов народа*, т. е. подавляющего большинства населения, из защиты и из борьбы за сохранение и расширение демократических прав трудящихся.

Трудящиеся в тяжелой и длительной борьбе завоевали себе те крохи политических прав, которые предоставляет им буржуазная демократия, и они не уступят их без боя.

Разногласия между коммунистами и социал-демократами по вопросу о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата сводились к тому, что социал-демократия видела в буржуазной демократии ту государственную форму, в которой якобы совершается переход к *социализму*. Ныне на практике СССР доказано даже всем слепым, что диктатура пролетариата является единственным политическим орудием социалистического переворота и что именно на *почве диктатуры пролетариата* вырастает *подлинная социалистическая, т. е. новая, высшая форма демократии*.

Буржуазная демократия, считавшаяся социал-демократией оплотом свободы и социализма, на деле является лишь формой диктатуры буржуазии. Но всякий понимает, что там, где господствует фашизм или где он близок к захвату власти, пролетариат обязан защищать и бороться за сохранение и расширение демократических прав народа, ибо *неограниченная диктатура* самых озверелых элементов бур-

жуазии во много раз ухудшает условия существования, развития и борьбы пролетариата по сравнению с буржуазной демократией.

Коммунисты поэтому будут поддерживать создание правительства единого антифашистского фронта. «Поскольку такое правительство действительно будет вести борьбу против врагов народа, предоставит свободу действия рабочему классу и коммунистической партии, мы, коммунисты, будем его всемерно поддерживать и как солдаты революции будем сражаться на *первой линии огня*. Но мы открыто говорим массам: *окончательного спасения* это правительство *не может* принести. Оно не в состоянии свергнуть классовое господство эксплуататоров, а поэтому не может окончательно устранить и опасность фашистской контрреволюции. Следовательно необходимо *подготовляться к социалистической революции!* Спасение принесет только и только *советская власть!*»¹

Антифашистский народный фронт необходимо *ускорит победу рабочего класса*. Вполне понятно, что для осуществления антифашистского народного фронта и в целях уничтожения фашистской гадины необходимо в первую очередь вырвать из-под демагогического влияния фашизма мелкобуржуазные, средние слои населения, перетянув их на сторону народного фронта.

Если довести до сведения масс, идущих за фашизмом, «обвинения» господином Гитлером большевиков в том, что они *в центре всех своих стремлений* ставят интересы масс, *интересы большинства народа*, в противоположность фашистам, ставящим ставку на избранное меньшинство — на *аристократию* капитала, то этот факт не может не оказать огромного влияния на массы. Или возьмем фашистскую *проповедь аскетизма*, т. е. возведение в «принцип», в «мировоззрение», в теорию *отречение от жизни, нищенское, голодное существование масс*, чтобы господа капиталисты могли наслаждаться всеми радостями жизни за счет одураченных рабов капитала. Эта проповедь аскетизма не может не вызвать возмущения пострадавших масс.

Нацию составляют трудящиеся массы, а не *горстка паразитов*, сосущих кровь народа. И поэтому трудящиеся массы являются творцами и носителями культуры данного народа. Все великое, что было создано данным народом, есть *достояние трудящихся масс*, которые одни и являются наследниками великого прошлого народа.

---

¹ Г. Димитров, Наступление фашизма и задачи Коммунистического интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма, стр. 79.

Энгельс еще в 80-х годах прошлого столетия провозгласил, что единственным наследником классической немецкой философии является немецкий рабочий класс. Ныне на примере Советского союза весь мир видит, что пролетариат, приходя к власти, не только сохраняет культурное наследство, не только осваивает его, но поднимает всю культуру до высшего расцвета.

«Только пролетарская революция, — говорит т. Димитров в своем докладе, — может предотвратить гибель культуры, поднять ее до высшего расцвета как подлинно народную культуру — *национальную по форме и социалистическую по содержанию*, что на наших глазах под руководством товарища Сталина осуществляется в Союзе советских социалистических республик»¹.

В странах, где господствует варварский фашизм или где он угрожает захватом власти, революционный пролетариат вступает в смертельную борьбу с ним за спасение культуры, за спасение науки, литературы, искусства от фашистских палачей, сжигающих на кострах великие произведения человеческой мысли и *подменяющих науку лживыми мифами о крови и расе*.

Мы, коммунисты, боремся за освобождение науки, литературы, искусства, вообще всей культуры от оков загнивающего капитализма. Наша цель — *пролетарская революция, установление диктатуры пролетариата, уничтожение классов и построение социалистического общества*, на основе которого *расцветает новая, социалистическая культура*, как мы это видим на примере Советского союза. Однако в нашей борьбе с идеологией фашизма мы также имеем союзников в лице всех честных ученых, художников, литераторов, которые не могут не видеть, что кровавый варварский фашизм несет с собой гибель культуры, что он душит всякую свободную мысль и что он разрушает все завоевания человеческого гения.

Под давлением неопровержимых фактов жизни и науки отдельные крупные ученые и даже целые группы их в различных странах — во Франции, в Англии, Америке, Японии, не говоря уже о Германии, — начинают серьезно интересоваться марксизмом. Среди ученых имеются многие, которые в своей области стоят бессознательно на материалистических позициях. Это между прочим показал и XV Всемирный конгресс физиологов. Тов. Молотов эту сторону,

---

¹ Г. Димитров, Наступление фашизма и задачи Коммунистического интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма, стр. 85.

дела подчеркнул весьма ярко в своей речи на приеме делегатов международного конгресса физиологов:

«Современная, в основе своей материалистическая, физиология, все более глубоко проникая в сущность процессов жизни организма человека, в процессы жизни животных и растений, делает, вместе с развитием других наук, великую освободительную работу для умственного развития человека, освобождая его от всей этой плесени мистики и религиозных пережитков»¹.

Освободительная работа подлинной науки давно уже вступила в противоречие с классовыми интересами империалистической буржуазии. Это внутреннее противоречие с особенной наглядностью иллюстрируется фашизмом и его идеологией.

Тов. Молотов в своей речи высказал еще одну весьма важную мысль, которую мы считаем необходимым здесь привести. Подчеркнув, что у нас в Советском союзе заключен *тесный союз труда и науки*, он вместе с тем указал на то, что «*трудящиеся массы, освободившись от господства богачей-паразитов, видят свое светлое будущее в росте культуры народов всех национальностей и рас, в расцвете советской и мировой науки*»².

Советский союз является не только *оплотом мира*, не только *оплотом социализма*, но и *оплотом культуры*. Он кровно заинтересован в расцвете советской и мировой науки. Поэтому мастера культуры всего мира, представители подлинной науки и художественного творчества тянутся к Советскому союзу, выражают ему все больше свои симпатии, начиная все больше понимать, что спасение культуры и науки возможно и у них на родине только *на путях тесного союза науки и труда, единого фронта ученых, художников, писателей с пролетариатом*.

Международный конгресс защиты культуры, состоявшийся в Париже в июне 1935 г., явился в этом отношении огромным историческим событием. Он показал, что мыслители и художники, видящие все варварство, которое несет с собой фашизм, стремятся связать свою судьбу с пролетариатом и коммунизмом, что взоры всех подлинных мастеров культуры обращены на великий Советский союз, являющийся *единственным оплотом мира*, установивший у себя подлинное *братство народов*, создавший условия для всестороннего *расцвета личности* на основе гармо-

¹ «Правда», 17/VIII 1935, № 227.

² Там же (подчеркнуто мною. — А. Д.).

нического слияния ее с коллективом, на основе подлинного социалистического гуманизма.

Несмотря на все старания фашистов путем обмана масс сохранить свою массовую социальную базу, массы все больше и больше начинают убеждаться в истинном характере фашизма. «Все больше раскрываются подлость и лживость социальной демагогии фашизма, — говорится в резолюции VII конгресса Коминтерна. — Фашизм не только не принес массам обещанного им улучшения их материального положения, но еще больше увеличил прибыли капиталистов путем снижения жизненного уровня трудящихся масс, усилил их эксплуатацию кучкой финансовых магнатов, провел их дальнейшее ограбление в пользу капитала. Разочарование обманутых фашистами мелкобуржуазных слоев города и трудящегося крестьянства растет. Разлагается и суживается массовая база фашизма. Конгресс однако предостерегает против опасных иллюзий автоматического крушения фашистской диктатуры и напоминает, что только единая революционная борьба рабочего класса во главе всех трудящихся приведет к свержению фашистской диктатуры»¹.

Для всех трудящихся есть один выход — переход на сторону революционного пролетариата для борьбы с фашизмом. В тот день, когда фашистская гадина будет раздавлена, все трудящееся человечество свободно и радостно вздохнет, ибо победа над фашизмом откроет перед ним новую перспективу — перспективу нашего великого Советского союза.

Советский союз ярким заревом освещает путь мирового пролетариата. Под руководством Коммунистического интернационала и его великого вождя товарища Сталина коммунизм победит во всем мире.

---

¹ Резолюция VII Всемирного конгресса Коммунистического интернационала, Партиздат, 1935, стр. 11—12.

Внешнеполитическая концепция германского фашизма

I

С момента прихода к власти в Германии фашистские «вожди» не перестают торжественно заверять мир в своем миролюбии. Мирные декларации, которые на деле ни к чему не обязывают, являются не менее необходимым реквизитом дипломатии германского империализма. Никто за границей не придает ни малейшей веры этим декларациям. Далеко не случайно, что Япония, Польша, Венгрия и некоторые влиятельные круги Англии, т. е. предполагаемые союзники Третьей империи в грядущей войне, становятся усердными глашатаями гитлеровского «стремления к миру». И если гитлеровская Германия не платит той же монетой например Японии и называет насилия и завоевательную акцию японцев на Дальнем Востоке их настоящими именами, то она может себе это позволить, потому что хорошо знает, что «пруссаков Востока» подобная откровенность ни в малой мере не расстраивает.

«Япония нуждается в жизненно необходимой для нее территории, и она марширует!» — так гласил заголовок статьи в февральском номере (за 1935 г.) геринговской «National Zeitung» (Эссен), посвященной возобновленному продвижению японцев в Китае. Одновременно газета дает подбадривающий толчок в спину своему народу — «немецкому Михелю», который должен видеть, «как это делается у людей».

Германский фашизм нисколько не отрицает своего стремления к войне. О мнимой воле к «миру» говорят лишь дипломаты в своих выступлениях, предназначенных для внешнеполитических целей. Впрочем фашистская Германия с ее потоком книг и статей, доказывающих необходимость и желательность наступательной и завоевательной войны, далеко не находится в «блестящем одиночестве». Литература,

подстрекающая к войне и прославляющая войну, не ограничивается одной только Германией: достаточно вспомнить о Польше и Японии. Особенность военной пропаганды в современной Германии наряду с рядом других моментов заключается в том, что человек, написавший программное произведение современной германской милитаристической литературы, с благословения монополистического капитала является сейчас диктатором Германии.

В миллионах экземпляров издана книга Адольфа Гитлера «Моя борьба» («Mein Kampf»). Каждая библиотека общественного пользования в Германии, каждая казарма рейхсвера и полиции, каждая тюрьма и каждая больница обязаны включить эту книгу в свой книжный инвентарь. Государственный чиновник преподносит ее как дар государства новобрачным. Организации, союзы, школы выдают ее в качестве награды.

Повседневная практическая работа «вождей» Третьей империи убедительно доказывает, что они крепко держатся внешнеполитической линии, намеченной в указанной книге. Почти на каждой из 782 печатных страниц этой фашистской библии мы найдем самую дикую проповедь войны.

В этом нет ничего удивительного.

В своем докладе на VII конгрессе Коммунистического Интернационала т. Эрколи констатировал:

«Фашистская диктатура непосредственно связана с военной подготовкой. Установление фашистской диктатуры придает подготовке новой империалистической войны особый отпечаток и устремленность. Натиск фашизма — это наиболее отчетливо выраженная форма вползания капиталистического мира в новую мировую войну. Победа германского национал-социализма, который является наиболее агрессивной разновидностью фашизма, представляет собой не только победу партии, опирающейся на самый разнузданный шовинизм и ставящей непосредственной своей целью развязывание войны. Это — победа партии, которая провозглашает без всякого стеснения, что ее непосредственная цель — предпринять контрреволюционную войну против Советского союза, революционного движения рабочего класса и национально-освободительного движения угнетенных народов во всем мире»¹.

---

¹ Эрколи, О задачах Коммунистического Интернационала в связи с подготовкой империалистами новой мировой войны, Партиздат, 1935, стр. 28.

В то время как пангерманские политики — проповедники аннексий предвоенной и военной эпохи — с цинизмом и откровенностью говорили о завоевании рынков сбыта, о колониальных источниках сырья, о необходимости сочетать лотарингский уголь с рудой Бриэ и Лонгви, милитаристская теория германского фашизма, в том виде, как она предлагается в книге «Mein Kampf», маскируется идеями расы и нации. Говорят о грядущей неотвратимой «священной» войне под знаменем «свастики», о «спасении» немецкого народа от гибели. Осуществление стремлений германского империализма к захвату колоний на востоке объявляется национальной обязанностью германского народа. В немецком народе, по Гитлеру, воплотился цвет северного человека германской расы. Земная же миссия Гитлера заключается в том, чтобы свершить это дело спасения.

Здесь мы стоим у самого «ядра» национал-социалистской идеологии. Война будет и война должна быть — и не во имя каких-либо грязных империалистических целей, а ради спасения самого высокого, что дано человеку и что со своей стороны является предпосылкой самых возвышенных творческих проявлений человечества, — расы.

Мы не останавливаемся здесь на разборе «теорий» Гобино, Хаустона Чемберлена и прочих родоначальников прогнившей манией величия расовой теории, которая осмеяна всем миром по ту сторону границы Третьей империи и абсурдность которой давно доказана наукой. Нас интересует лишь исследование того, что сделал фашизм из этого псевдонаучного «материала» для достижения своих вполне конкретных государственно-политических целей.

«Идея, к победе которой Гитлер хочет содействовать с помощью, как он выражается, «аподиктической силы», с тем чтобы она превратилась в прочнейший цемент, связующий всю нацию, есть не что иное, как провозглашение абсолютного превосходства «арийской расы» над всеми остальными расами, превосходства и особой миссии — в границах арийского мира — «германской расы», северной «расы господ». Человеческая культура, достижения искусства, науки и техники, которые мы видим в настоящее время, являются для фашистской идеологии исключительно продуктом творчества арийца. Из этого делается вывод, что лишь ариец был основателем высшей человеческой формации и в силу этого является прототипом того, что мы понимаем под словом «человек». Он — «Прометей человечества»¹.

Выражение «народ господ» встречается у Гитлера в

¹ Hitler, Mein Kampf, S. 317.

применении к немцам нередко. «К сожалению, — пишет Гитлер, — немецкая народность не покоится больше на едином расовом ядре. Наряду с северным человеком в Германии имеются по меньшей мере восточные, динарские, и западные элементы и смеси из них. Невыгодные последствия этого заключаются в том, что у немецкого народа исчезает «стадный инстинкт», покоящийся на единстве крови и играющий большую роль в моменты опасности.

Если бы немецкий народ в своем историческом развитии обладал тем стадным единством, которое приносило пользу другим народам, Германская империя была бы конечно теперь властительницей земного шара. Всемирная история получила бы другое направление... И мир был бы тогда на деле осуществлен не пальмовой ветвью слезливых плакальщиц-пацифистов, — он был бы утвержден победным мечом народа господ, берущего весь мир на службу высшей культуре»¹.

Пролетариат не обладает «стадным инстинктом», слепой покорностью господствующим классам, как этого хотелось бы Гитлеру и германскому финансовому капиталу. Вот если бы удалось превратить трудящиеся массы в «стадное единство», которое со слепой покорностью пойдет проливать реки крови во славу германского империализма, тогда Гитлер был бы доволен. Таков действительный смысл всех этих lamentаций.

Если Германия пока еще не господствует над миром, то Гитлер утешает себя и своих читателей тем, что наряду с невыгодой от разнородности крови германского народа он обладает одним большим преимуществом:

«Наше счастье заключается в том, что у нас кровосмешение оставалось неполным, что мы еще и теперь имеем в германском народном теле большие, оставшиеся несмешанными, фонды из людей северогерманской крови, которых мы можем рассматривать как ценнейшее сокровище с точки зрения нашего будущего»².

Откуда же грозит сейчас гибель германскому народу, сохранившему свое германское ядро?

Половина книги Гитлера наполнена обоснованием и неизменным повторением тезиса, что существование народа подвергается угрозе, если территория, которой он располагает, не соответствует численности населения. По мнению Гитлера, это имеет место в Германии.

¹ *Hitler, Mein Kampf*, S. 437—438.

² *Ibid.*, S. 438.

Эти утверждения, сопровождаемые многочисленными и настойчивыми жалобами по поводу бездарности прежней германской внешней политики, являются обоснованием *внешней политики германского фашизма*.

Если свести эти утверждения к одной краткой формуле, речь должна будет идти «только» о том, чтобы привести территорию и народонаселение «во взаимное соответствие». По Гитлеру, это является необходимым условием существования Германии как мировой державы, он объявляет это необходимым для спасения Германии от гибели, или, как это иногда «мягче» формулируется, по меньшей мере для того, чтобы предотвратить ее падение до уровня народа рабов.

Но дополнительно к этим империалистическим аргументам фашизм вытаскивает и аргументы «моральные». Завоевательная война проповедуется как обязанность перед собственной «совестью», перед «расой» и «богом». Этот мотив неустанно вколачивается в головы «соплеменников».

«Наши предки также не получили территорию как дар небес: они вынуждены были завоевать ее, рискуя жизнью. Точно так же и нам только сила победного меча доставит в будущем землю и тем самым обеспечит жизнь нашему народу... Я должен самым резким образом выступить против тех писак, которые утверждают, что такой способ приобретения земли нужно считать «оскорблением священных чело-веческих прав...». Занимая такую позицию, они преступно способствуют ослаблению и уничтожению в нашем народе воли к единственно правильному способу удовлетворения своих жизненных потребностей»¹.

Завоевательная война — единственно верный способ удовлетворить жизненные потребности германского народа! Как много цинизма в этой фразе! Об этом заявлении Гитлера весь мир должен помнить в те моменты, когда германский фашизм считает полезным разыгрывать роль апостола мира. Несколькими строками дальше Гитлер в язвительно подчеркнутом тоне снова отклоняет предположение, что будущую фашистскую Германию могут удержат от устремления к завоевательным целям пацифистски-гуманитарные соображения:

«Будущая германская внешняя политика не должна руководиться космополигическими гуманитарными фантазиями. Наша внешнеполитическая цель заключается в том, чтобы обеспечить германскому народу на этой земле подобающую ему территорию. И это — единственная цель, во имя ко-

¹ Hitler, Mein Kampf, S. 741—742.

торой могут оказаться оправданными перед богом и нашим потомством кровавые жертвы»¹.

Государство может карать преступника смертной казнью. Народ, заявляет Гитлер, совершающий тягчайшее преступление проявлением равнодушия к своей собственной безопасности, сам себя обрекает на ту же высшую кару.

Что фашизм является террористической диктатурой наиболее реакционных, наиболее шовинистических кругов финансового капитала, особенно ясно видно из приведенных цитат из библии германского фашизма. Завоевание колоний под флагом «приведения в соответствие территории и населения» — таково несложное обоснование империалистической войны. Все это сдобривается «расовой теорией». Таковы наиболее общие аргументы этой самой яркой и откровенной из когда-либо существовавших апологий империалистической войны.

II

Внешняя политика германского фашизма отличается от простого продолжения прежней империалистической политики предвоенной Германии. Здесь необходимо учесть следующие моменты:

1. В кайзеровской Германии значительно большую роль, чем ныне, играло юнкерство. Фашистская диктатура является диктатурой наиболее реакционных, шовинистических, империалистических групп *финансового капитала*, причем notably значительно большее, чем тогда, сращение юнкерства с монополистами банковского и промышленного капитала.

2. Германский империализм, потерпев поражение в мировой войне, потерял колонии в Азии и Африке. Он не рассчитывает на то, что в ближайший период времени он окажется способным восстановить свое бывшее военноморское могущество в такой мере, чтобы иметь возможность вести войну против английского империализма на море. Произошло изменение *стратегии* германского империализма.

3. Идеологический соус, под которым преподносятся стремления германского империализма, иной, чем тот, который преподносился массам в довоенной Германии. Фашизм повел за собой мелкобуржуазные массы, отвоевав их от старых буржуазных партий своей безграничной социальной и националистической, шовинистической, «расистской» демагогией.

¹ Ibid., S. 739.

4. Существование и бурный рост могущественной социалистической державы — СССР — это важнейший, самый *существенный* момент. Германский фашизм выставляет себя передовым авангардом международного капитала в борьбе против СССР. Это и находит свое выражение в программе войны за захват земель «на востоке».

В стратегическом наступательном плане кайзеровской Германии с самого начала предусматривалась война *на два фронта*. Тогда строились иллюзии относительно нейтралитета Англии и к тому же рассчитывали на быстрое победоносное окончание борьбы на западе против Франции и Бельгии. Это позволило бы немедленно после разгрома Франции бросить всю массу германских армий на восток, с тем чтобы там обеспечить окончательную победу. Но Англия вопреки германским ожиданиям приняла участие в войне на стороне Франции, и битва на Марне положила конец германским надеждам на быстрое окончание войны на западе. В течение трех лет Германия вынуждена была разбрасывать свои силы в страшной войне на двух фронтах, и когда Россия вышла из числа участников войны, германская армия и германский тыл были уже так сильно ослаблены, что это освобождение сил на востоке не могло уже — особенно после вступления в войну Америки — создать решающий поворот в положении вещей на западе.

Германский фашизм стремится извлечь урок из этого опыта. Его стратегия, как она изложена Гитлером в «*Mein Kampf*», ориентирована на ограничение войны *одним фронтом*, войны с противниками поодиночке. «Спасение» германского народа от гибели как народа господ, согласно тезису, развитому в книге «*Mein Kampf*», должно осуществиться путем завоевания *территории на востоке за счет СССР и прибалтийских лимитрофных государств*.

В порядке ретроспективной критики колониальной политики предвоенной Германии, которая создала себе врага в лице Англии, Гитлер писал:

«Единственная возможность проведения здоровой территориальной политики заключалась для Германии в приобретении новой территории в самой Европе... Если мы хотели получить территорию в Европе, то это желание могло осуществиться в общем и целом лишь за счет России, и новая империя должна была отправиться в тот же маршрут, которым некогда шли рыцари-орденоносцы с целью силой немецкого меча добыть землю для немецкого плуга и насущный хлеб для нации». И еще яснее: «Если мы в настоящее время говорим о новой территории в Европе,

то мы можем в первую очередь думать только о России и о подвластных ей пограничных государствах»¹.

Под выражением «пограничные государства, подвластные России», Гитлер откровенно подразумевает Украину, Белоруссию, Закавказье.

Требуя отказа от «сентиментальностей» во внешней политике, Гитлер откровенно ставит вопрос о завоевании прибалтийских государств.

Напротив, о польском коридоре прямо ни разу не упоминалось.

Стратегия германского империализма в лице фашизма, как мы уже сказали, стремится извлечь уроки из поражения, понесенного в мировой войне. Она желает любой ценой добиться прикрытия тыла Германии к моменту, когда германские войска двинутся на восток или на юго-восток. «Вековой враг» на западе, который желает помешать Германии в осуществлении ее политики захвата новых территорий и не желает расширения Германии на востоке, являющегося предметом ее стремлений, — это *Франция*.

По мнению Гитлера, изложенному в «Mein Kampf», задача Англии и Италии как будущих союзников Германии в войне на востоке будет заключаться в том, чтобы связать руки Франции; они не должны допустить, чтобы последняя, пока Германия будет занята на востоке, вступила в Рейнскую область и связала германские войска на западе даже одной возможностью такого выступления. *Изолировать* Францию и этим путем лишить ее способности расстроить планы германцев на востоке — вот лейтмотив, который повторяется неизменно. Как правило, выдвигается цель — на первых порах уничтожить французские притязания на гегемонию. Весь этот ход мыслей выражен у Гитлера в следующем месте:

«Важное значение союза с Италией и Англией заключается в том, что с его заключением Германия не будет стоять перед опасностью внезапного вражеского нашествия; противостоящий нам союз сам собою распадется. Антанта, которой мы обязаны столь многочисленными несчастьями, сама собой будет ликвидирована, и таким образом наш смертельный враг, Франция, окажется в изоляции... Дальнейшим результатом было бы то, что Германия одним ударом освободилась бы от своего неблагоприятного стратегического положения. Благодетельный эффект новой расстановки государств заключался бы, с одной стороны, в сильнейшей

---

¹ Hitler, Mein Kampf, S. 7—8 und 19—20.

защищенности наших флангов, с другой — в полной обеспеченности нашего снабжения продовольствием и сырьем»¹.

О том значении, которое имел бы для Германии союз с Италией и Англией, говорится еще во многих местах книги «Mein Kampf». Само собой разумеется, Гитлер старается, с другой стороны, разъяснить Италии и Англии, в чем, по его мнению, в условиях послевоенной расстановки сил заключалась бы и для них выгода от подобного соглашения с Германией.

«В течение последних трехсот лет история нашего континента в основном определялась попыткой Англии окольным путем уравнивания и взаимного связывания европейских государств обеспечить прикрытие своего тыла, необходимое ей для осуществления великих всемирнополитических британских целей... Четыре с половиной года Британская мировая империя воевала ради того, чтобы сломить мнимый перевес одной континентальной державы (читай: Германия. — Л. К.)... Фактически Англия не достигла своей цели в войне. Возвышение одной европейской державы (читай: Франция. — Л. К.) над всей системой сил континентальной Европы не только не встретило помехи, но даже произошло в значительной мере при ее содействии...»².

Но Гитлер обращает внимание Англии на выгоду для нее союза с Германией, на перспективу участия британского империализма в результатах германского завоевательного похода на восток.

«Союзы для проведения *негативных* целей, — пишет Гитлер, — страдают внутренней слабостью. Судьбы народов крепко связываются только перспективой общего успеха в смысле общих приобретений, завоеваний, коротко говоря, в смысле расширения обоих участвующих в союзе государств»³. И в еще более грубой форме: «Союз, который не обнимает стремления к войне, лишен всякого смысла»⁴.

Но Германия не может начать поход на восток, опираясь только на союзников. Она сама по себе должна стать снова сильной военной державой. Не рискуют ли тогда мировые державы тем, что Германия повернет оружие, ей предоставленное или ею добытое, против запада в целях обратного отвоения областей, потерянных в мировой войне?

Гитлер истощает все свое красноречие на то, чтобы устранить эти опасения империалистических стран запада. То,

¹ *Hit'ler, Mein Kampf*, S. 755—756.

² *Ib d.*, S. 755—756.

³ *Ibid.*, S. 697.

⁴ *Ibid.*, S. 749.

чего Германия ищет на востоке, запад дать не может, Германия, декларирует он, нуждается в «пространстве», в таком количестве пространства, которое можно найти только на востоке. Она нуждается в местах поселения для своих крестьян.

«В настоящее время мы насчитываем в Европе 80 миллионов немцев! Наша внешняя политика будет признана правильной лишь в том случае, если лет через сто на этом континенте будут жить 250 миллионов немцев и притом не как скученные фабричные кули, а как свободные крестьяне и работники».

Полный зависти смотрит германский фашизм на колоссальные человеческие резервы СССР и мечтает о быстром увеличении народонаселения. Ведь ему нужны огромные количества пушечного мяса для проведения войны¹.

Само собой разумеется, речь идет только о немцах «чистой расы», «северного» типа. И об этом автор книги «Mein Kampf» предусмотрительно подумал. В целях «культивирования нашего расового достоинства» заселение приобретенных новых земель не должно быть предоставлено случаю, оно должно быть подчинено особым нормам.

Специально образованные «расовые комиссии» должны будут выдавать отдельным лицам аттестат на поселение; «это будет обусловлено определенной расовой чистотой, которая должна будет точно устанавливаться». Это значит, что «заселение» будет происходить под командой помещиков и кулаков.

Порабощенное «низшее» славянское население должно будет выполнять для завоевателя черные и тяжелые работы, оно будет низведено до роли народа невольников — так заявляется в этом «практическом руководстве» для империалистических завоевателей.

---

¹ Другой вопрос, способен ли фашизм воплотить в жизнь свою политику народонаселения, которая так гордо выглядит у него на бумаге. Для этого еще недостаточно тех 100 тысяч марок, которые ежегодно расходуются на выдачу брачных ссуд. Чем больше фашизм пребывает у власти, тем все менее благоприятными становятся материальные и духовные условия для того, чтобы стимулировать в широких массах естественное желание потомства. Главные деятели германского фашизма в области политики народонаселения также не перестают предостерегать, что германцы находятся на пути к тому, чтобы стать «вымирающим народом». Так, «Völkischer Beobachter» в номере от 14 сентября 1935 г. сообщает о следующем «предостережении», которое сделал на последнем партийном съезде в Нюрнберге национал-социалистский руководитель имперской организации врачей д-р Вагнер: «Распад нации еще не преодолен, германский народ в биологическом отношении еще не вне опасности. У нас еще до сих пор отрицательный национальный баланс».

Германский фашизм заявляет о своей готовности принести в жертву человеческие гекатомбы ради прибылей финансового капитала.

Ближайшей важнейшей внешнеполитической целью Гитлера является завоевание «территории на востоке». Это позволяет ему неизменно говорить о «новой ориентации» в германской внешней политике под знаком свастики. Но указанная им цель не является единственной целью, и никакие дипломатические ухищрения, предназначенные для того, чтобы склонить Англию и Италию к союзу, не могут заставить поверить всерьез, будто германский империализм вдруг отказывается от всяких других территориальных целей. Напротив, хороша была бы националистическая библия, если бы в ней не содержался рецепт для удовлетворения всех империалистических и аннексионистских appetitов. И Гитлер дает рецепт! Подобно канатному плясуну он старается при этом лишь по возможности избежать опасности быть изобличенным в двуличии в таких конкретных вопросах, как вопросы территориальные¹.

В резолюции VII конгресса Коминтерна по докладу т. Эрколи завоевательные стремления германского империализма охарактеризованы следующим образом:

«Германские фашисты, являющиеся главными поджигателями войны, стремящиеся к гегемонии германского империализма в Европе, ставят вопрос об изменении европейских границ посредством войны, за счет своих соседей. Авантюристические планы германских фашистов простираются весьма далеко и рассчитаны на военный реванш против Франции, на раздел Чехословакии, на аннексию Австрии, на уничтожение самостоятельности прибалтийских стран, которые они стремятся превратить в плацдарм для нападения на Советский союз, на отторжение от СССР

---

¹ Пусть читатель прочтет дипломатическую инструкцию, которая дана на стр. 718: «Необходимо понять, что должно пройти некоторое время, пока народ вполне поймет цели правительства: *видь нельзя развяснять конечные цели какой-либо определенной предварительной политической работы*, приходится рассчитывать только на слепую веру масс или на интуитивную зоркость руководящих слоев, стоящих в духовном отношении выше. Так как однако у многих людей отсутствует это ясновидение политического чутья, *а развяснений по политическим основаниям давать нельзя*, часть интеллигентного руководящего слоя всегда будет выступать против новых тенденций, и эти тенденции вследствие их непрозрачности (Undurchsichtigkeit) легко могут быть истолкованы как голые эксперименты» (подчеркнуто мною. — Л. К.).

Интересное место, над которым стоит поразмыслить некоторым политикам Запада! Это место не относится к СССР, ибо о СССР говорится ясно и недвусмысленно.

Советской Украины. Они требуют для себя колоний, стремясь разжечь настроения в пользу всемирной войны за новый передел мира...»¹.

Если оставим в стороне поползновения германского фашизма по части советских территорий, то территориальные цели правительства фашистской диктатуры окажутся сгруппированными по *двум кольцам*. Первое, более тесное кольцо охватывает области, потерянные в мировой войне, — Эльзас-Лотарингию, Эйпен-Мальмеди, Северный Шлезвиг, Данциг, Польский коридор, Восточная верхняя Силезия, Мемель, Южный Тироль, колонии. Второе, более широкое кольцо охватывает все вообще области, которые когда-либо были немецкими по языку или происхождению, следовательно некоторые части Голландии, Бельгии, Франции, Чехословакии, Швейцарии, Югославии, Румынии, прибалтийские лимитрофные государства. Что касается Австрии, то Гитлер декретирует ее присоединение к Германии уже на первой странице своей книги. Тогда, одиннадцать лет назад, это присоединение казалось ему в такой степени само собой разумеющимся и легким, что Гитлер едва посвящает ему два слова.

Нетерпеливых, выступающих с неудобными напоминаниями, которые никак не могут ждать присоединения как большого, так и малого колец и тем приводят в смущение дипломатов Гитлера, он невежливо одергивает: раньше всего коренная родина (*Mutterland*) должна стать снова сильной, вооружиться, опираясь при этом на Англию и Италию.

Все по порядку. Если поход против СССР удастся и положение Германии в смысле престижа фактически резко улучшится (как это воображают германские фашисты), тогда можно будет перейти к осуществлению всей остальной завоевательной программы. Конечная цель ясна: «Германская империя должна охватить всех немцев»².

И тогда в один более отдаленный прекрасный день, в том предположении, что будут строго осуществлены принципы расовой теории, «Германия еще сможет стать властелином мира».

Этой отрадной перспективой заканчивается книга. Аппетиты германского империализма, как видим, — а Гитлер выражает именно желания германского империализма, — огромны. Их *предел* — мировое господство. Такова конеч-

---

¹ Резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала, Партиздат, 1935, стр. 26—27.

² *Hitler, Mein Kampf*, S. 439.

ная цель, и эта цель откровенно декларируется в произведении «вождя» германского фашизма.

Мы подробно разобрали внешнеполитические планы, изложенные в книге Гитлера, потому что эта книга была и остается программной для немецкого фашизма. Правда, политическое развитие после прихода к власти фашизма в Германии, особенно в сфере взаимоотношений Германии с другими странами, пошло далеко не так, как это представлял себе Гитлер при составлении своей книги (1924—1925 гг.).

Фашизм тем не менее ни на одну минуту не станет задумываться над осуществлением целого ряда военных нападений с аннексионистскими целями в любом направлении, как только внешние обстоятельства покажутся ему для этого подходящими. Поэтому дело вовсе не сводится к какому-либо «очередному московскому тезису», как это яростно утверждала во время Лондонской конференции в 1935 г. фашистская пресса, когда мировая пресса (и не в последнюю очередь французская) особенно часто указывала на возможность внезапного фашистского выступления в *каком-либо другом* направлении помимо восточного. Значительная часть мировой буржуазной прессы, как и государственные деятели разных стран, пришла к признанию тезиса т. Литвинова о «неделимости мира». Однако остается несомненным, что стремление к захвату колоний на юго-востоке Европы и покушения на территорию СССР являются в настоящее время, как и раньше, важнейшими пунктами аннексионистских вожделений германского фашизма.

III

После книги Гитлера внешнеполитическая и военная концепция германского фашизма получила наиболее исчерпывающее и наиболее характерное выражение в работах Альфреда Розенберга, того балтийца, которому Гитлер доверил идеологическое руководство и контроль над членами своей партии и вместе с тем руководство учреждением национал-«социалистской» партии по внешнеполитическим делам. Он же является редактором центрального органа германского фашизма «Völkischer Beobachter». Сравнение книги Розенберга «Будущие пути немецкой внешней политики» («Der Zukunftsweg einer deutschen Aussenpolitik», 1927) с книгой «Mein Kampf» весьма поучительно. Грабительские цели и тут и там одни и те же. Не расходятся также существенно между собой и методы осуществления этих целей. В отличие от Гитлера Розенберг почти целиком отказывается от какого-либо «морального» обоснования фашистской за-

воевательной программы. У Розенберга не сказано ни одного слова о спасении мира северным человеком из расы господ, как это мы встречали на каждом шагу у Гитлера. Мировое господство германского империализма является предметом мечтаний и Розенберга. Исходным пунктом его «аргументации» является «воля к жизни» германского народа. Розенберг объявляет себя также приверженцем «мощного империализма».

«При употреблении слова «империализм», — пишет он, — всегда молчаливо имеется в виду в большинстве случаев открыто не высказываемое определение, которое всегда звучит в самом существительном... Существует империализм национальный, чисто милитаристический, экономический, марксистский и даже пацифистский. Что касается национального империализма, то он является жизненным законом, от которого не может отречься ни одна жизнеспособная нация... Национальный империализм связан с кровью и в ней находит свое оправдание...»¹.

Гитлер предпочитает не называть политику завоеваний империалистической политикой. То, о чем Гитлер предпочитает не говорить, выбалтывает Розенберг.

«Германская внешняя политика должна быть снова ориентирована на идею германской внешнеполитической мощи... Это назовут империализмом, и найдется много немецких профессоров и марксистов, которые здесь опять подымут шум. Но это есть просто борьба за существование»². На следующей странице предлагается в качестве «правильного» перевода слова «империализм» термин «германская народная воля». Определение, как видим, говорит само за себя.

В 1904 г., по мнению Розенберга, германский империализм упустил момент для завоевательной войны.

«Россия вела тогда чрезвычайно тяжелую борьбу с Японией; ряд чувствительных поражений указывал на то, что война затянется и потребует от царской империи величайших усилий. Восточный гигант был таким образом совершенно связан... Это было такое положение, которое даже самая лучшая дипломатия могла бы создать лишь с большим трудом... И вот возникает марокканский конфликт с Францией. Генерал Шлиффен тогда заявил: «Если нам необходима война с Францией, то настоящий момент несомненно был бы благоприятным». Однако ни один документ из германского архива не говорит нам о том, чтобы

---

¹ *Rosenberg, Der Zukunftsweg einer deutschen Aussenpolitik, S. 13.*

² *Ibid., S. 19.*

Берлин тогда понял наконец, что в тот момент, когда замолкли пушки в Южной Африке и началась гигантская борьба за жизненную территорию на Дальнем Востоке, смысл существования германского правительства заключался не в том, чтобы сохранить «всеобщий мир». Доказательство абсолютного миролюбия «Вильгельма Робкого» (Вильгельма II. — Л. К.) было вместе с тем полным доказательством того, что он был недостоин быть вождем Германии... Остается вне сомнения, что Шлиффен, имея прикрытый тыл, разбил бы Францию в пух и прах. Была бы получена территория сначала на западе, а затем на востоке... За преступную трусость тогдашнего имперского канцлера Германия поплатилась впоследствии мировой войной»¹.

Розенберг скорбит о том, что мировая бойня не началась в 1904 г., когда, по его мнению, был удобный момент для выступления германского империализма. Как видим, в ярости он не стесняется в выражениях, всемерно отчитывая Вильгельма II и германское правительство того времени, обвиняя их в «преступной трусости». Как и Гитлер, Розенберг скорбит о неудачах германского империализма во время мировой войны и после нее.

«Германский народ, начиная с 1914 г. (не давая в том еще себе отчета, — добавляет он), истекает кровью ради территории, пространства, воздуха, пахотной земли в Европе; коротко говоря, для ста миллионов немцев должны быть добыты пространство и земля»².

О целях германского империализма на востоке Розенберг, как мы уже упоминали, высказывается еще более откровенно, чем Гитлер. Он точно указывает, что новая «жизненно необходимая» территория, которую должна себе завоевать фашистская Германия, находится именно «в первую очередь на востоке» (следовательно не только на востоке! — Л. К.).

«Сегодня, как и в 1921 г. во время Генуэзской конференции (когда был заключен Раппальский договор. — Л. К.), союз с Советской Россией означает поддержку разрушительного коммунизма в Германии. Наоборот, что касается восточного вопроса, внимание Германии должно быть направлено в другую сторону, а именно должны быть приняты в соображение сильные сепаратистские движения на Украине и на Кавказе»³.

На таких «деталях», как вступление в контакт с белогвардейскими группами, Гитлер в своей книге не останавливается.

¹ *Rosenberg, Der Zukunftsweg einer deutschen Aussenpolitik*, S. 25—26.

² *Ibid.*, S. 10.

³ *Ibid.*, S. 93.

Розенберг говорит об этом открыто. Он делает теперь все зависящее от германского империализма, чтобы сколотить кучку украинских и русских белогвардейцев, выдавая этих бандитов за «представителей украинского народа». Розенберг открыто проповедует для осуществления войны против СССР использование русских белогвардейцев. Он в своей книге очень обижается на «великого князя» Кирилла и его сторонников за то, что, соглашаясь полностью на участие в фашистском походе против СССР, белобандиты в своей декларации ничего не говорят о передаче русских территорий Германии в случае успешной войны.

Русские белогвардейцы, готовые продаться за любую цену любому авантюристу, не удовлетворили господина Розенберга. Он требует «компенсации» в виде передачи Германии ряда территорий. Его не удовлетворяет обещание переселений в Россию. Бандиты свастики имеют, как мы видим, кое-какие разногласия с белобандитами. Но и те и другие находятся в трогательном согласии по основному вопросу — о войне с СССР. Семейная ссора двух групп авантюристов, не могущих поделить то, что им не принадлежит и никогда принадлежать не будет, производит комическое впечатление. После прихода к власти германский фашизм приютил под своим крылышком ряд групп украинских и русских белобандитов. Он их обильно снабжает деньгами, оружием, готовя кадры террористов, диверсантов, поджигателей, солдат для борьбы против СССР.

Заранее объявляя о намерениях германского фашизма захватить войной максимум территорий, Розенберг объясняет одновременно, почему о *кое-каких* требованиях германского фашизма мир должен быть оповещен заблаговременно. Во-первых, если об этом не оповестить, заявляет Розенберг, никто вообще не поверит германскому империализму даже тогда, когда он проявит ангельскую кротость. Во-вторых, нужно дать «германской нации» — обманутому мелкому буржуа — привлекательные лозунги, чтобы раздуть шовинистические настроения. В-третьих, только открытая формулировка этих требований создаст возможность установления союзных связей с теми государствами, «интересы которых отчасти или полностью являются также и нашими интересами»¹.

Розенберг особенно подчеркивает необходимость повторения германского похода 1918 г. на советскую Украину. Среди будущих союзных обязательств на случай захвата германским империализмом «национальной Украины» ука-

¹ Rosenberg, Der Zukunftsweg einer deutschen Aussenpolitik, S. 11—12.

зана «экономическая и политическая поддержка Германии в вопросе о *лимитрофных государствах*»¹. Жаль только, что в этом месте словоохотливость Розенберга его покидает. Вопрос о лимитрофных государствах ни разу откровенно им не ставится; здесь он придерживается объявленного им правила, что «часто многое из того, что является средством, должно выставляться в качестве цели»². Сфера, в которой Гитлер считал для себя обязательным соблюдать максимальную дипломатическую осторожность, у него уже в 1924/25 г. была шире, чем мы это видим у Розенберга на много лет позднее. Для Розенберга не только в его «*Der Zukunftsweg einer deutschen Aussenpolitik*» (1927 г.), но даже в появившейся уже в 1932 г. книге «*Существенные черты национал-социализма*» («*Wesensgefüge d. Nationalsozialismus*») уничтожение Польши является чем-то само собой разумеющимся, о чем можно спокойно высказываться. Идею «мирного соглашения со всеми народами» в своей книге о «Будущих путях немецкой внешней политики» Розенберг называет «безумной». Это положение само по себе не должно было бы быть обязательно отнесено к Польше. Но уже вслед за этим в ближайшем же отрывке провозглашается план «более сильного расширения Германии по направлению к *Польше*». А на стр. 97 книги говорится еще резче, что «*устранение польского государства* является первейшим требованием Германии, подобно тому как национальной и государственной необходимостью в будущей германской политике должно явиться заключение союза между Киевом и Берлином и установление между ними общей границы».

Впрочем в основных линиях Розенберг представляет себе взаимоотношения национал-«социалистской» Германии с остальными европейскими державами в том же виде, в каком и Гитлер, т. е. в виде союза с Англией и Италией и обращения фронта против Франции.

В отношении Англии у Розенберга тон откровенней, чем у Гитлера, с более конкретными предложениями.

«Германия предлагает Англии, в случае если последняя обеспечит Германии прикрытие тыла на западе и свободу рук на востоке, защиту Индии на польско-русской границе (идея Бисмарка), уничтожение пан-Европы, уничтожение антиколониального движения и уничтожение большевизма в Центральной Европе»³. Если Англия «не примет никакого

¹ Ibid., S. 143.

² Rosenbergs, Der Zukunftsweg einer deutschen Aussenpolitik, S. 91.

³ Ibid., S. 143.

участия в обеспечении германского запада со стороны французов», то, угрожает Розенберг, Германия займется «анти-английской пропагандой». Он приглашает Англию, как и Гитлер, в союзники, Германии, обещая ей взамен «разгром коммунизма в Центральной Европе», разгром СССР, «уничтожение антиколониального движения». Мы знаем, что из этого ничего не вышло. Германский фашизм устами Розенберга требует себе господства в Центральной Европе «для уничтожения коммунизма». Гитлерам и Розенбергам не удалось и не удастся уничтожить коммунизм в Германии. Коммунизм живет и будет могильщиком германского фашизма. Требование установления господства германского империализма в Западной Европе означает уничтожение гегемонии Франции, уничтожение версальских границ. Результатом необузданных appetitов германского империализма и его огромных вооружений явился переход Франции и Чехословакии в лагерь сторонников мира, заключение ими гарантийного пакта с СССР.

Речь Гитлера, произнесенная им в рейхстаге 21 мая 1935 г., имела следующий смысл: «Дайте нам свободу рук на востоке». Для этого он, как известно, придумал лицемерную формулу о желательности максимально возможной «локализации конфликтов» в интересах мира! И какую же другую цель преследовала фашистская германская дипломатия, защищая тезис о «несовместимости» Локарнского договора с франко-советским пактом о взаимопомощи, если не ту, чтобы вынудить Англию в качестве «локарнского партнера» прикрыть на западе тыл Германии в тот момент, когда Германия предпримет свой завоевательный военный поход против СССР и союзников Франции на юго-востоке Европы. Но когда старания фашистской дипломатии оказались в этом отношении тщетными, германский фашизм решился на односторонний разрыв Локарнского договора и на ремилитаризацию Рейнской зоны. Создание гигантских современных укреплений на германо-французской границе должно затруднить Франции выполнить свою обязанность по оказанию помощи Советскому союзу, когда последний подвергнется нападению со стороны фашистской Германии. Одновременно ремилитаризация Рейнской области должна создать также ворота для вылазок в целях аннексии Эльзас-Лотарингии, от которой Германия в Локарнском соглашении окончательно отказалась.

У Розенберга довольно часто можно встретить одну тенденцию, которая вместе с тем характеризует стремление германского фашизма добиться у западных держав если уже не активной поддержки, то хотя бы «свободы рук» по

отношению к СССР. Франция по этой концепции должна все более и более направлять свой взор на свою колониальную империю в Африке; то же самое относится к Италии. Англия же обладает своей громадной колониальной империей и доминиянами, которые представляют для нее достаточные пространства. Это означает, что германскому империализму должна быть предоставлена гегемония в Европе. Франция, Англия, Германия и Италия могут, по мнению Розенберга, очень легко договориться между собой относительно раздела мира, не нарушая интересов друг друга. Это подвергается особому «углублению» в книге Розенберга, появившейся в 1934 г., «Кризис и восстановление Европы»¹.

«Если экспансия французов будет органически разворачиваться в направлении не востока, а юга — в направлении Африки; если точно так же экспансия Италии будет развиваться в направлении центральной части Северной Африки; если Великобритания будет видеть свою силу в защите белого человека на земном шаре, а Германия направит свою экспансию на северо-восток и юго-восток, — то все эти потоки не будут сталкиваться друг с другом, а будут идти в различных направлениях».

В «Der Zukunftsweg einer deutschen Aussenpolitik» Розенберга *эта* линия по отношению к Франции перекрещивается с другой — с линией борьбы с Францией как африканской колониальной державой.

«Франция взяла на себя предводительство над черной расой с целью при ее помощи африканизировать Европу» (стр. 37). Франция-де уже не европейское государство, а «форпост Африки»; на странице же 38 мы находим бесподобное утверждение, что Франция стоит во главе движения, направленного к низведению всего мира до породы «дворняжки» (der Weltverköterung) (дворняжка — это обычное обозначение для захудалой собаки плохой породы!).

В этих рассуждениях относительно направления активности крупных империалистических держав в разные стороны мы находим черты, которые еще не встречаются у Гитлера, если не считать его общих призывов к «солидарности» империалистических держав Запада против большевизма.

IV

Наряду с этими большими гобоями в оркестре фашистской внешней политики, представленными Гитлером и Розен-

¹ Rosenberg, Krisis und Neuaufbau Europas, Berlin.

бергом, там имеется конечно целый набор кларнетов и флейт, наигрывающих более или менее сходную мелодию. Здесь вряд ли стоит серьезно заниматься этой массовой продукцией. Упомянем лишь о появившейся несколько лет назад брошюре «Grundlagen und Voraussetzungen deutscher Raumpolitik» («Основы и предпосылки германской территориальной политики»), автором которой является инженер Карл Мотц, видный фашистский чиновник, руководитель «отдела восточных стран» национал-социалистского имперского руководства в Мюнхене. Разумеется, и в этом сочинении пропагандируется «жизненно необходимая» германская территориальная политика «на востоке», причем ни в малейшей мере не отбрасываются другие направления экспансии германского империализма. Эта брошюра предостерегает — не столько из опасения перед тем впечатлением, которое могла бы произвести откровенность в этих вопросах за границей, сколько по соображениям психологического действия на народные массы — против немедленного опубликования ряда внешнеполитических требований, как например о колониях и пр.

*«Жизненным вопросом, — пишет Мотц, — является решение германской восточной проблемы... Дебатирование остальных требований должно быть пока предоставлено студенческим комнатам и дипломатическим школам...»*¹.

Совсем не случайно то обстоятельство, что за границей ни одного из представителей военных теорий Третьей империи не изучают так основательно наряду с Гитлером и Розенбергом, как проф. Эвальда Банзе, который недавно после короткого «дипломатического» охлаждения осыпан фашистским правительством новыми почестями в качестве доцента высшей технической школы в Ганновере.

В своей основной книге («Wehrwissenschaft») Банзе сразу же, на первой странице, начинает прославлять войну, на все лады. Война для него — «вечный обновитель», «железистая ванна, вызывающая новый подъем», «сочетание действий и духа, немыслимое в столь ярко выраженной степени ни при каких других условиях». Война — это «почва, на которой во всей силе и во всем своем богатстве может раскрыться человеческая душа», и т. д. и т. д. Все отвратительное, авантюристское лицо фашизма выглядит здесь особенно ярко. «Война, — объявляет Банзе, — вовсе не является чем-то преступным; это не грех против человечества. В мире живых существ война является господствующим

¹ Karl Motz, Grundlagen und Voraussetzungen deutscher Raumpolitik, S. 13.

состоянием в биологической форме борьбы за существование». Несколькоими страницами дальше он фантазирует «о высокой нравственной ценности» войны. «Из разработки военной науки возникает новая национальная этика»¹. Он включает биологическое оружие в состав абсолютно *необходимого* вооружения в ближайшую войну и уточняет это следующим образом: «Необходимо учитывать отравление питьевой и прочей воды, употребляемой в обиходе, тифозными бациллами, затем распространение тифа с помощью вшей и чумы через посредство искусственно зараженных крыс. Особенно благоприятных результатов можно будет достигнуть с помощью летательных аппаратов, высаживающих десанты в глубине неприятельской страны и выбрасывающих носителей инфекции».

Когда говорят о военной концепции германского фашизма, нельзя пройти мимо этих соображений Банзе, который впрочем высказывает на словах лишь то, что фактически осуществляется в фашистских лабораториях.

«Несомненно одно, — добавляет Банзе, имея в виду непосредственно Германию, — биологическая война является подходящим оружием для обезоруженных и обесчещенных народов. Нельзя их винить, если они начинают обороняться подобными средствами против грубого подавления и если они уничтожают государство своих угнетателей чисто научными способами. Когда дело идет о существовании государства и народа, *всякое средство должно быть оправдано*». Ссылаясь на то, что Германия «обездолена» Версальским договором, Банзе объявляет, что германский империализм для достижения своих завоевательных целей — победы в войне — не остановится перед применением любых, самых чудовищных средств войны.

Банзе стремится облачить свои варварские теории в одежду морали. Недолго раздумывая, он приходит к тому, что призывает самого бога в качестве державного свидетеля, подтверждающего преимущество его военных максим. Вслед за прославлением биологической войны и других форм «народной войны» он патетически восклицает: «Пусть мне не возражают, что эта форма будущей народной войны является недостойной!.. Бог живет в душе народа и в его расовом воплощении. Если народ живет согласно глубочайшим велениям души, он выполняет волю бога. Для того чтобы ее отстоять и выполнить, первое и последнее средство заключается в оружии. А подготовка к этому — задача военной науки».

¹ Banze, Wehrwissenschaft, S. 1—5.

Это отвратительнейшее прославление войны говорит само за себя. Нет нужды останавливаться на разборе этих высказываний: Банзе написал лишь то, что фашизм в действительности пропагандирует в казарме, в мелкобуржуазных массах. Эти отвратительнейшие прославления священности и полезности грабительской войны — способ довести шовинистические настроения мелкобуржуазных масс до апогея.

V

В течение трех с лишним лет своей власти германский фашизм прилагает все усилия к тому, чтобы воплотить в действительность теории, изложенные в гитлеровской «Mein Kampf», в сочинениях Розенберга, Банзе и др. Но внешнеполитическая расстановка сил уже далеко не та, которая была в то время, когда эти книги писались.

Советский союз, о котором Гитлер говорил, что он не в состоянии построить хотя бы одиндвигающийся автомобиль, сделался за этот относительно короткий период одним из самых мощных индустриальных государств мира, Красная армия является несокрушимой стеной, о которую враги обломывают себе зубы.

Советскому союзу удалось разорвать кольцо изоляции, которым капиталистические государства хотели его окружить. Заключение гарантийных пактов весной 1935 г. с Францией и Чехословакией, восстановление дипломатических отношений с США, Румынией, Болгарией и Бельгией, недавняя ратификация советско-французского гарантийного пакта сначала французской палатой, а потом сенатом — каждое перечисленное событие фашистская печать встречала взрывом бешеной ненависти и клеветы против Советского союза. Внешнеполитический престиж СССР и та притягательная сила, с которой он действует на широчайшие слои трудящихся и на лучших представителей интеллигенции всего мира, колоссально возросли. Это является результатом, с одной стороны, сказочных успехов социалистического строительства, развивающихся в то самое время, когда во всем остальном мире жизненный уровень масс все падает и растет их недовольство, с другой — результатом той последовательной и активной борьбы за сохранение мира, которую неустанно ведет советское государство. «...Благодаря своей растущей мощи, — написано в резолюции VII конгресса Коминтерна по докладу т. Эрколи, — Советский союз был в состоянии предотвратить уже подготовленное нападение империалистических держав и их вассалов и развернуть последовательную политику мира против всех поджига-

телей войны. Тем самым Советский союз стал центром притяжения не только классово сознательных рабочих, но и всего стремящегося к миру трудового народа в капиталистических и колониальных странах»¹. Но всего этого фашизм в своей упорной ненависти не желает принимать за действительность и предпочитает давать новое подтверждение старой поговорки, что «если боги хотят кого-либо наказать, они его лишают разума».

Речи на Нюрнбергском съезде германских фашистов в 1935 г. оставляют далеко позади всю антисоветскую травлю, с которой выступали до сих пор устно и письменно вожди Третьей империи.

Все выступавшие на съезде «вожди» германского фашизма считали своей обязанностью приводить самую гнусную клевету, самые подлые небылицы о СССР — о голоде и голодной смерти миллионов людей и т. д. Все это имело внутриполитическую цель — отвлечь внимание масс от нарастающих трудностей и обнищания в Третьей империи. Эти выступления имели и внешнеполитическую цель — возобновить предложение империалистическим державам взять германский фашизм в качестве авангарда антисоветской войны под флагом борьбы с Коминтерном.

Остановимся подробнее на развитии внешней политики германского фашизма за последний период. Еще за год до фашистского переворота отношения между германскими фашистами и представителями фашистской Италии были довольно дружественными. Геринг и Розенберг, бывшие тогда еще «частными лицами», ездили в Рим, где их многократно принимал Муссолини, удостоивавший их особым вниманием. Но после захвата власти в отношениях наступило быстрое охлаждение. Германские фашисты в своем упоении властью с грубой надменностью рекламировали свое превосходство как представителей «северной расы господ», не считаясь с чувствами итальянских фашистов, воплощающих собой, по заявлению идеологов германского фашизма, «неполноценную средиземноморскую расу».

В образовании глубокой пропасти между этими двумя государствами главную роль сыграл *австрийский вопрос* (тирольский вопрос германские фашисты и по настоящее время из тактических соображений оставляют в тени). Уже на первой странице своей книги «*Mein Kampf*» Гитлер говорил о присоединении Австрии, как о чем-то само собой разумеющемся. После достижения власти Гитлер представлял себе ход событий таким образом, что австрийские на-

¹ Резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала, Партиздат, 1935, стр. 29.

ционал-«социалисты», получая от Германии сильную поддержку деньгами, оружием и инструктажем, осуществляют вскоре переворот и немедленно провозглашают «добровольное присоединение» к Третьей империи. Никто, даже Италия, не мог бы в этом случае обвинить Германию, внешне ко всему этому совершенно непричастную. «Несчастье» германских фашистов заключалось лишь в том, что, с одной стороны, австрийские национал-«социалисты» обещали больше, чем могли выполнить, с другой — это «содействие» процессу развития проводилось с германской стороны так грубо, что из этого получился европейский скандал. Достаточно указать на активность Габихта, на организованный им «австрийский легион», на беспримерную кампанию травли, которую развил мюнхенский радиовещатель против австрийского правительства, на германскую радиопропаганду в Австрии и т. д. Беседа между Гитлером и Муссолини в Венеции в июне 1934 г. не внесла никаких изменений в непрерывно ухудшавшиеся отношения. Правда, мировая пресса сообщила тогда о данных Гитлером заверениях, что в дальнейшем он будет соблюдать в австрийском вопросе большую сдержанность. Известно однако, как он выполнил это обещание. Четыре недели спустя дело дошло до инсценированного Берлином национал-социалистского путча в Вене и южной Австрии, жертвой которого пал союзный канцлер Дольфус накануне своей поездки к Муссолини. Италия ответила тогда сильной концентрацией войск у австрийской границы. Ситуация в Европе в течение нескольких недель была заметно напряженной.

После кровавых событий лета 1934 г. атмосфера в отношениях между двумя фашистскими государствами стала еще более напряженной. Оба преследуют диаметрально противоположные внешнеполитические цели не только в отношении Австрии, но главным образом в Дунайском бассейне (борьба за гегемонию в Центральной и Южной Европе!). Когда Муссолини в сентябре 1935 г., т. е. накануне своего грабительского похода против Абиссинии, устроил грандиозные маневры у границы Бреннера, повсюду и с полным основанием усмотрели в этом демонстрацию против фашистской Германии. Пусть Гитлер и Бломберг не думают, что Италия вскоре будет настолько занята в Восточной Африке, что не будет замечать, что у нее делается в тылу. Маневры должны были послужить для Берлина предостережением, что итальянский фашизм, несмотря на то, что часть его военных сил связана в Абиссинии, чувствует себя достаточно крепко, чтобы вооруженной силой

поддержат нынешнее положение вещей в Центральной Европе. Итальянский жест нигде не нашел такого поощрения и одобрения, как во Франции!

Вместе с тем нельзя упускать из виду, что германский фашизм исполнен благодарности к итальянскому фашизму за то, что последний начал войну против Абиссинии. Какое оправдание для всякой будущей завоевательной политики, какое поощрение к подражанию итальянскому примеру для тех, кто еще колеблется в собственных рядах! Какой прекрасный случай для того, чтобы, заявляя о своем «нейтралитете», одновременно шантажировать Англию с целью заставить ее согласиться на дальнейшее сближение с германскими «братьями по расе», пойти на уступки в вопросе о колониях и т. д. Наконец какая вдохновляющая перспектива мирового пожара, который будет разожжен итало-абиссинской войной!

Развитие германо-польских отношений несет с собой пожалуй еще большее поощрение авантюристских, грабительских планов Гитлера и его соратников. Мы уже отметили, что Гитлер в своей книге «Mein Kampf» в противоположность Розенбергу проявил по отношению к Польше чрезвычайную осторожность. Однако от осторожной сдержанности до установления дружественных отношений, казалось, было еще далеко. Конечно, так казалось лишь тем, которые упускали из виду, что лейтмотивом всей внешнеполитической установки Гитлера уже в те годы, когда его партия была еще в оппозиции, была война против Советского союза. Чтобы приобрести в лице Польши союзника против СССР, германский фашизм, уже достигнув власти, был даже готов официально и торжественно на десятилетний период снять вопросы коридора и Верхней Силезии. Результатом этого тактического хода Гитлера (который ни в коем случае не следует приравнять к полному отказу от притязаний на коридор) было заключение договора дружбы с фашистской Польшей 26 января 1934 г., вызвавшее сенсацию во всем мире. Никто не сомневается, что это соглашение содержит кроме опубликованных пунктов еще тайные условия военного характера решающей важности. Об этом пакте т. Эрколи в своем докладе на VII Всемирном конгрессе Коминтерна сказал следующее:

«Этот пакт существенно отличается от большинства тех, которые известны в послевоенный период. Это — тайный пакт, и этот возврат к методам тайной дипломатии также является заслугой национал-социализма...

Все, что известно о пакте между Польшей и Германией, показывает, что речь идет об агрессивном договоре, который

служит целям подготовки войны. В нем отсутствует малейший намек на недействительность договора в том случае, когда одна из договаривающихся сторон сама явилась бы агрессором. Он стремится установить известную согласованность польской и германской пропаганды и деятельности этих двух стран среди банд украинских контрреволюционных эмигрантов и контрреволюционной западно-украинской буржуазии. Все это означает, что, подписывая этот пакт, польский фашизм примкнул к плану территориальной экспансии Германии на восток, к преступному плану вторжения в Советскую Украину и ее колонизации»¹.

Несмотря на тот факт, что интересы германского и польского фашизма в ряде вопросов сталкиваются, тем не менее мы видим, что в больших актуальных вопросах внешней политики и специально в позиции по отношению к Советскому союзу оба фашистские государства теперь, как и раньше, сохраняют между собой теснейший контакт. Вместе с тем совершенно ясно, что, если бы германскому фашизму удалось с помощью польского фашизма хотя бы частично осуществить свои аннексионистские планы на Востоке, судьба Польши была бы очень незавидной.

Ориентируясь на установление союзных отношений с Польшей, внешняя политика фашистской Германии вместе с тем отвечает тому требованию, которое проходит красной нитью через книгу Гитлера «Mein Kampf», — о возможно большей изоляции Франции. Здесь в области польско-французских отношений германский фашизм может констатировать наличие определенного успеха. Близкие раньше отношения между Польшей и Францией (как и отношения между Польшей и Румынией) сильно ухудшились. Да и не могло быть иначе после перехода Польши в фарватер германской политики.

Но это ухудшение отношений между Францией и Польшей с лихвой компенсируется для Франции тем, что она установила тесные дружественные отношения с Советским союзом. Французскую политику не смогли совлечь с пути пактов о коллективной безопасности лицемерные заверения в желании мира и дружбы с Францией, на которые Гитлер не скупился со времени захвата им власти.

Отклик, который это пение sireны из фашистской Германии находит у французских правых, еще больше убедил подавляющее большинство французского парламента в том,

---

¹ Эрколи, О задачах Коммунистического Интернационала в связи с подготовкой империалистами новой мировой войны, Партиздат, 1935, стр. 32—33.

что тот путь, который избрала Франция, правилен, и если для этого нужно было какое-либо доказательство, то им оказалось одностороннее расторжение Локарнского договора и ремилитаризация Рейнской зоны.

Германский фашизм возлагал большие надежды на Англию. В своей книге «Mein Kampf» Гитлер много раз проклинает ту внешнюю политику, которая базируется на требовании возвращения заморских колоний и должна была толкнуть Англию в лагерь врагов германского империализма. С другой стороны, пропаганда за возвращение упомянутых колоний, ведущаяся в Германии и поддерживаемая такими крупными деятелями фашизма, как Шахт, Гесс и Эпп, принимает все большие и большие размеры. Эта пропаганда за возврат колоний является частично попыткой шантажировать Англию, добиться ее готовности оказать содействие германскому фашизму в его политике экспансии на восток. С другой стороны, эта пропаганда является и выражением стремления германского фашизма вернуть себе все территории, принадлежавшие когда-либо раньше Германии.

Захват японскими империалистами Северного Китая, их стремление превратить весь Китай в свою колонию, наносящее жестокий удар английским интересам в Китае, война итальянского империализма против Абиссинии, затрагивающая английские интересы, — все это усилило то течение в рядах английской буржуазии, которое все больше убеждается в необходимости бороться с агрессивней, в необходимости ориентации на страны, желающие мира и заинтересованные в мире.

Назначение Идена министром иностранных дел было везде воспринято как значительное укрепление влияния той группы, которая ориентируется на коллективную безопасность. Однако внешняя политика Англии остается политической колебаний и лавирования. Это можно было наблюдать в связи с лондонскими заседаниями Совета Лиги наций, на которых рассматривался вопрос об аннулировании Гитлером Локарнского договора. Фланден вернулся в Париж мало удовлетворенный. Все дальнейшие решения по этим вопросам, имеющим чрезвычайно важное значение для будущего Европы, отложены до окончания французских выборов. Тем временем господин Рибентроп совершит еще несколько полетов через канал в надежде, что ему, чего доброго, все же удастся вырыть такой ров между английской и французской политикой, который в значительной мере сможет поощрить фашистских авантюристов к выполнению их безумного плана «ринуться на восток».

Но массы английского народа не хотят войны. Они за мир и видят в Советском союзе оплот мира.

Германские фашисты в своем стремлении к осуществлению грабительских планов на востоке против СССР нашли союзника в лице японского империализма, столь же агрессивного, как и германский. Пропаганда дружбы с Японией занимает большое место в фашистской германской прессе и в речах крупнейших деятелей фашизма. Еще более показательны «учебные поездки» японских офицеров в Германию (а также и в Польшу) и наоборот. Что уже имеются определенные и твердые соглашения между Японией и Третьей империей на случай войны, на этот счет не может быть сомнений. С двух сторон, по замыслам германских и японских империалистов, советское государство должно быть взято в клещи: на востоке — Японией, на западе — Польшей и Германией. Так выглядит программа намечаемой грабительской коалиции. Опираясь на союз с польским и японским империализмом, поощряемый влиятельными кругами Англии, германский фашизм считает, что он сумеет зажечь мировой военный пожар с надеждой на успех.

В своей беседе с Говардом товарищ Сталин говорил о наличии двух очагов военной опасности, один из которых — Германия.

«Имеются, по-моему, два очага военной опасности. Первый очаг находится на Дальнем Востоке, в зоне Японии. Я имею в виду неоднократные заявления японских военных с угрозами по адресу других государств. Второй очаг находится в зоне Германии. Трудно сказать, какой очаг является наиболее угрожающим, но оба они существуют и действуют. По сравнению с этими двумя основными очагами военной опасности итало-абиссинская война является эпизодом. Пока наибольшую активность проявляет дальневосточный очаг опасности. Возможно, однако, что центр этой опасности переместится в Европу».

Германский фашизм протягивает руку Японии, чтобы зажечь пожар мировой войны сразу с двух концов — в Азии и Европе.

Германский фашизм вооружается с исключительной интенсивностью и быстротой. Все мероприятия внутренней политики имеют целью создать условия для подготовки к войне.

Военная готовность в воздухе, на суше и на воде; увеличение и реорганизация армий, ни в малейшей мере не считаясь с версальскими ограничениями; введение закона о всеобщей воинской повинности 16 марта 1935 г.;

создание хорошо подготовленных в военном отношении резервных образований в виде штурмовых и защитных отрядов; организация трудовой повинности как подготовительной школы к военной службе; максимальное развертывание производства сырья внутри страны на случай войны; создание дорогостоящей промышленности суррогатов; введение казарменного режима в стране, создание сети автострад, имеющих стратегическое значение, разрыв Локкарнского договора и ремилитаризация рейнской области, — таковы важнейшие мероприятия по подготовке к войне.

Одновременно фашизм ведет разнузданную идеологическую подготовку к войне.

Но именно здесь, в области идеологической подготовки, у фашизма дело обстоит далеко не так, как ему хотелось бы. Исход выборов в «советы доверия» на предпринятиях в 1934 и 1935 гг., отсрочка выборов в «советы доверия» в 1936 г. на целый год, стачки, прокатившиеся по Германии в 1935 г., ненависть пролетариата к фашистскому режиму, обострение противоречий в лагере буржуазии, продовольственный кризис и экономическая стачка крестьян, направленная против экономических мероприятий фашистского режима, — все это наряду с другими фактами показывает, что фашизму не удалось завоевать массы пролетариата и что нарастает острое недовольство фашизмом и в широких непролетарских слоях, раньше поверивших фашизму. Что это означает, видно из бесконечного повторения Гитлером и другими представителями фашистского штаба положений, что осуществление «народного единства» является необходимой предпосылкой «энергичной» (читай: грабительской) внешней политики. Гитлер и его окружение отдают себе конечно отчет в том, как сильно сузилась их социальная база за последние годы. Нарастающее недовольство в массах, ухудшение экономического положения, угроза внутреннего взрыва могут толкнуть фашизм на военную авантюру значительно раньше, чем думают некоторые буржуазные политики в Европе.

«Война, — говорил товарищ Сталин в беседе с Говардом, — может вспыхнуть неожиданно. Ныне войны не объявляются. Они просто начинаются. Но с другой стороны я считаю, что позиции друзей мира укрепляются. Друзья мира могут работать открыто, они опираются на мощь общественного мнения, в их распоряжении такие инструменты, как например, Лига Наций. В этом плюс для друзей мира. Их сила в том, что их деятельность против войны опирается на волю широких народных масс. Во всем мире нет народа, который хотел бы войны. Что ка-

сается врагов мира, то они вынуждены работать тайно. В этом минус врагов мира. Впрочем, не исключено, что именно в силу этого они могут решиться на военную авантюру, как на акт отчаяния.

Мы располагаем одним термометром, ясно показывающим растущий перегрев котла, — это все более и более агрессивный тон фашистской прессы по отношению к СССР; та откровенность, с которой официоз германского фашизма «Völkischer Beobachter» в середине февраля 1935 г. возвещал об аннексионистских целях фашизма; выступления на Нюрнбергском съезде фашистов в сентябре 1935 г. и анти-советские выпады Гитлера в его речи в рейхстаге от 7 марта 1936 г. Бешеная травля СССР, проповедь войны под флагом «расовой идеи» оказываются недостаточными средствами психологической подготовки масс к войне. Германский фашизм хватается за старую бутафорию — старается разбудить в стране «инстинкт самосохранения» против угрозы извне. Гитлер в Нюрнберге обвинял маленькую Литву в... агрессивных планах по отношению к Германии.

Решающим моментом остается тот факт, что у фашистского режима почва горит под ногами, и это гонит его на отчаянную внешнеполитическую авантюру, которой он хочет продлить свое существование. Но действительный исход этой авантюры будет далеко не тот, которого хотят фашистские поджигатели. Концом ее будет свержение фашистского режима германским народом.

С. Вольфсон

Расовые «теории» германского фашизма

Отнюдь не случайно одним из главных идеологических орудий германского фашизма является «расовая» пропаганда. «Расовый» шовинизм германские фашисты усиленно раздувают для обоснования, а вместе с тем и маскировки агрессивных вожделений германского империализма, открыто добивающегося перекройки карты Европы в свою пользу путем войны. Основная цель, которую преследуют фашисты, заключается в том, чтобы «биологически» обосновать воинствующий национализм финансового капитала, его империалистическую агрессивность. Расовая «теория» «доказывает» превосходство «своей» расы над всеми другими и — в качестве вывода — «справедливость» подготовляемых фашизмом разбойничьих войн. Наделяя «северную расу» всеми и всяческими доблестями, германские фашисты таким путем пытаются доказать, что германский империализм имеет все «основания» господствовать и угнетать все другие народы. Грабительские наклонности магнатов финансового капитала раскрываются в рассуждениях расистских «теоретиков», этих наймитов воинствующих эксплуататоров, достаточно определенно.

Пропаганда расового шовинизма и национализма германским фашизмом носит антисоветский характер. С ее помощью фашистские мракобесы в бессильной злобе против рабочего класса СССР, открывшего широкий путь народам нашей страны к новой жизни и культуре, обосновывают грабительские планы германского империализма против СССР.

Альфред Розенберг открыто зовет к вооруженному походу против «монголоидных сил», господствующих на территории бывшей царской России. Германский фашизм, выступая в роли поджигателя войны для порабощения народов Восточной и Юго-восточной Европы, открыто третирует эти народы как существа низшего порядка, как «обезьяньих недоростков». Он третирует миллионы свободных граждан

нашей великой социалистической родины — татар, узбеков, евреев, украинцев, белоруссов и др. — как «низшую человеческую породу», объявляет их «прирожденными рабами», которым нужна крепкая «хозяйская» рука. Так фашизм пытается обосновать необходимость превращения советской Украины, советской Белоруссии и других частей Советского союза в колонию германского империализма.

Расовая пропаганда фашистов, их политика служат борьбе с пролетарской революцией, идеологической подготовкой новой империалистической и контрреволюционной войны, которую германский империализм в союзе и при поддержке японской и польской буржуазии готовит против Страны советов. В этих условиях раса, по меткому выражению т. М. М. Литвинова на IV сессии ЦИК СССР, перестала быть этническим и антропологическим понятием и стала чем-то вроде названия боевой организации. Вот почему разоблачение расистской идеологии является важнейшей задачей, вытекающей из нашей борьбы за пролетарский интернационализм, за интернациональное воспитание масс.

Буржуазная наука в целях увековечения и защиты капиталистического строя издавна пыталась изображать законы буржуазного общества как «вечные законы» природы.

«Говоря, что существующие отношения, — т. е. отношения буржуазного производства, — естественны, экономисты хотят этим сказать, что при этих отношениях производство богатства и развитие производительных сил совершается сообразно законам природы. Поэтому и сами названные отношения оказываются естественными законами, независимыми от влияния времени...»¹

В этих словах основоположников научного коммунизма четко вскрыты те побудительные причины, которые заставляют буржуазных ученых, подвизающихся в различных научных областях, с особой настойчивостью и упорством возобновлять в самых разнообразных формах попытки подвести общественную жизнь под законы мистифицируемой «природы», «биологии», «психологии» и т. д.

Что объединяет всю пеструю компанию мистификаторов, пытающихся свести общественные закономерности к «биологическому», «географическому», «энергетическому» и прочим «естественным» принципам?

Ответ не представляет затруднений. «Такая ссылка кажется «научной» и прекрасно усыпляет обывателя, затемняя главное и основное: раскол общества на непримиримо-

---

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. V, ИМЭЛ, стр. 373—374.

враждебные классы»¹. Этим затемнением и занимаются десятки лет буржуазная социология и теоретики II Интернационала.

Буржуазия никогда может быть не делала еще таких судорожных попыток затемнить «главное и основное» в историческом процессе, как в настоящее время, на пороге второго тура пролетарских революций. И поэтому вполне понятно, что она именно теперь с такой необузданностью мистифицирует все явления общественной жизни. Идеологи загнивающего капитализма всячески стараются доказать, что ключ к пониманию всего происходящего в природе и обществе дает «биология»², что «марксистскому, социологическому мифу» класса и классовой борьбы противостоит непоколебимое «биологическое единство расы», этого якобы основного движущего фактора общественного процесса. Они отыскивают в арсенале буржуазной науки заржавелое теоретическое оружие минувших веков и десятилетий и пытаются приспособить его к нуждам капитализма в период его всеобщего кризиса, пускаясь при этом в самую беззастенчивую социальную демагогию.

«Теоретики» расизма противопоставляют марксистской теории классовой борьбы тезис о «биологической и духовной неравноценности» отдельных групп или рас человечества. Модернизируя и «углубляя» доводы, которые развивали Вольфман, обосновывая свою «политическую антропологию», и Шальмайер — свою «национальную биологию», их фашиствующие и фашистские преемники (Гюнтер, Ленц, Плутус, Фишер и т. д.) доказывают, что «биологическая неравноценность» отдельных групп населения является отправным пунктом для понимания всего исторического процесса. «Мы ведем наступление на мировоззрение либералов, так же как и на марксистов. Для нас душа не равна душе, человек не равен человеку. Наша цель — сильный германский человек». Так писал Розенберг на страницах «*Völkischer Beobachter*» перед приходом Гитлера к власти. Сотни фашиствующих биологов, психологов, педагогов, социологов, медиков, философов, этнографов, антропологов ведут наступление на научном фронте, чтобы оправдать «философию

¹ Ленин, Соч., т. XXI, изд. 3-е, стр. 375.

² Данная статья не ставит задачи выяснить, почему многие «расовики», особенно за последнее время, пытаются использовать для своих шарлатанских «теорий» психологию и наряду с «политической биологией» создать «политическую психологию». Здесь достаточно лишь подчеркнуть, что для расовиков как биология, так и психология есть лишь «наукобразное» прикрытие зверского шовинизма, что идеологи фашизма одинаково фальсифицируют в интересах спасения капитализма любую науку.

неравноценности» рас. Они пишут «фундаментальные» монографии, обставленные всей подобающей в таких случаях академической аппаратурой, в изобилии снабженные именными и предметными указателями, «доказывающие», что разница между человеком одной расы и другой превосходит разницу между человеком и животным, что существуют расы полноценных аристократов и существуют расы «низших» людей. Идеологи фашизма всех мастей имеют целью «показать», что вся история человечества определяется «взаимоотношениями крови», что господствуют те, кому это предназначено их «высшими свойствами» и законом социального отбора. Другие же бедствуют, гибнут и вымирают с голоду в строгом соответствии со своими «естественными свойствами», со всей биологической и прочей неполноценностью.

Так создается то, что на языке фашистских теоретиков претенциозно именуется «биологическим мировоззрением».

Сторонниками «биологического мировоззрения» пускается в оборот теория, что современный кризис является результатом преступного противодействия социальному отбору, которое выражается в заботах общества о неизлечимо больных, дефективных, инвалидах и прочих «неполноценных» элементах. Массам, изнывающим под ярмом эксплуатации, нищеты и безработицы, выбитым из колеи человеческого существования, деклассируемым мелким буржуа, людям, превращаемым в пауперов, демагогически «разъясняют», что все их бедствия обусловлены «противоестественными» заботами об отбросах человеческого рода — калеках, инвалидах и прочем «человеческом баласте», который осужден на гибель железными законами социального отбора. Газетные листы и страницы толстых журналов покрываются кричащими диаграммами, статистическими сводками, возмущенными статьями, доказывающими, сколько «народных средств» непродуктивно и преступно тратится на сохранение жизни и воспитание тех, кто должен исчезнуть по незыблемым законам социального отбора. Так пытаются буржуазия «переключить» растущее возмущение масс демагогическим отвлечением их в сторону от истинных виновников их бедствий.

Вся фашистская демагогия о «противодействии естественному отбору», о «преступной гуманности» и прочем шита белыми нитками; ее цель — «научно» обосновать расовыми теориями оголтелое наступление фашизма на рабочий класс, попираание его жизненного уровня, ликвидацию всех его завоеваний, достигнутых при буржуазной демократии, в виде социального страхования, общественного здравоохранения и т. д.

Массам внушают, что фашисты не потому закрывают рабочие клиники, лишают инвалидов пенсии, свертывают сеть здравоохранения, что они выполняют приказ своего хозяина — финансового капитала, а по «высшим соображениям» борьбы за чистоту расы, за ее оздоровление.

В качестве документа, красноречиво свидетельствующего о том классовом цинизме, до которого доходят фашистские сторонники биологического миросозерцания, следует назвать статью некоего Киппе «Опыт философии медицины»¹. Автор доказывает, что основной причиной современных бедствий является перенаселение всей земли, в особенности же ее культурных стран. Население продолжает расти, и это поведет к «необозримым катастрофам». В подготовке этих катастроф большая доля вины падает на врачей. Признавая одинаковое право на существование за малоценными и многоценными личностями, они связывают действие естественного отбора. Успешно борясь с эпидемиями, врач уничтожает и «хорошие стороны этих эпидемий, в качестве которых можно назвать естественный отбор и децимацию (казнь по жребии каждого десятого) избытка». Живым выражением этого избытка являются «переполнение всех профессий и цифры безработных». Это ведет к катастрофе, которая уже чувствуется в «идеях мировой революции и всемирного интернационала». Но возможно, что рок выступит и в иной форме — в виде истребительной войны.

Фашистские биологи бьют в набат по поводу того, что «гуманность» ведет к вырождению, что «миру грозит опасность превратиться в госпиталь, где один будет братом милосердия другого»².

Еще шестьдесят лет назад, 12 ноября 1874 г., Фридрих Энгельс в письме к П. Л. Лаврову по поводу попыток перенести дарвиновы принципы из природы в общество писал: «Но если производство в своей капиталистической форме, как это происходит в настоящее время, создает гораздо большее количество средств существования и развития, чем может потребить капиталистическое общество, потому что оно искусственно отстраняет подавляющее большинство действительных производителей от пользования этими средствами существования и развития; если это общество своим собственным законом жизни вынуждается

¹ Kippe, Versuch einer Philosophie der Medizin, «Klinische Wochenschrift», 1930, № 17, S. 793.

² Hans Günther, Rassenkunde Europas, Verlag Lehmann, München, 2 Aufl., S. 199.

постоянно расширять это и без того уже чрезмерно большое для него производство и потому вынуждено периодически, каждые десять лет, само уничтожать не только массу продуктов, но и самые производительные силы, — то какой же смысл имеет здесь болтовня о «борьбе за существование»? Борьба за существование может еще заключаться только в том, что производящий класс отнимет руководство производством и распределением у класса, в руках которого это руководство находилось до сих пор, но который уже более неспособен быть попрежнему руководителем, а это уже будет социалистическая революция»¹.

Именно паническая боязнь социалистической революции заставляет теперь буржуазию и ее теоретических прислужников фальсифицировать законы общественной жизни «под Дарвина» и изобретать на основе этих фальсификаций свое «биологическое мировоззрение».

Подводя общественную жизнь под мистифицированные биологические законы, фашисты хотят доказать вечность капитализма и для этого объявляют биологию «наукой наук», основой всего научного знания. Нацепив на себя гитлеровскую свастику, унифицированные биологи выпускают труды, в которых подобно тюбингенскому профессору ботаники Эрнсту Леману заявляют, что «биология — это ядро национал-социалистического мировоззрения»².

Фашиствующие биологи открыто заявляют, что высшая цель биологии — ковать оружие для дела Адольфа Гитлера³.

Они особо подчеркивают, что «без знания биологических данных вождь так же мало сможет руководить своим народом, как художник без знания материала — создать свое произведение»⁴. Потому лозунгом становится требование: «Биологию — на службу национал-социализму». Ученый, художник, политик должны научиться «биологически мыслить»⁵.

«Биологически мыслить» — это значит противопоставить марксистскому материалистическому пониманию истории, теории классов и классовой борьбы идею «биотипа», неизменного, устойчивого, раз навсегда данного, наследственно предопределенного.

---

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 409—410.

² Ernst Lehmann, Biologie im Leben der Gegenwart, Lehmanns Verlag, München 1933.

³ Ibid., S. 220.

⁴ Ibid., S. 237.

⁵ Ibid., S. 213.

Буржуазия эпохи загнивающего капитализма отрицает роль классовой борьбы в истории даже в том виде, как ее представляли себе, скажем, Гизо, Тьерри и другие французские историки начала XIX в. Она возвращается к позициям «врожденных идей», которые разоблачали уже английские материалисты XVIII в. Ее идеологи недаром обвиняют Джона Локка в том, что он своим учением об отсутствии врожденных идей нарушил, как заявляет Пфаллер, основной биологический принцип: «Наследственность — это судьба».

«Биологически мыслить» — это значит отрицать специфику социальной закономерности, доказывать, что растения, животные и человеческое общество подчинены одним и тем же биологическим законам. Леман так и формулирует: «Наши представления доказывают нам на каждом шагу, что человек подчинен тем же законам, что и другие организмы... Все те, которые хотят уяснить себе понятие расы... должны исследовать расовый вопрос с точки зрения разводителя растений или зверей и лишь после этого, на основании добытых таким путем знаний, изучать человека»¹. Только тот, кто «биологически мыслит», может вести «биополитическую борьбу» за существование (Бургфедер). В этой борьбе решает «биологическая воля к победе» (Штемлер).

Осью вращения всего «биологического мировоззрения» является, как известно, понятие *расы*. Что же понимают под расой теоретики «биологического мировоззрения»?

Приведу одну из наиболее развернутых формулировок: «Раса является понятием естественно-научной систематики. Раса — это группа живых существ, которая развилась в изоляции и благодаря естественному отбору из одного единого корня и без примеси чужеродных элементов; эта группа благодаря большинству физических и духовных наследственных признаков, образующих в своем соединении некоторое единство, а также благодаря форме своего проявления вовне существенно отличается от других групп этого рода и всегда воспроизводит лишь себе подобных. Раса тем самым обозначает «гармонию», «жизненный стиль» и «характер». Раса — это подгруппа вида»².

Вот эта-то метафизически неизменная, раз навсегда данная мистическо-зоологическая общность, базирующаяся на сочетании «крови и характера», и является с точки зрения

¹ Ernst Lehmann, Biologie im Leben der Gegenwart, Lehmanns Verlag, München 1933, S. 213.

² Prof. Dr. E. Reche, Das Begriff «Rasse», «Volk und Rasse», 1933, № 7 S. 217.

фашистских теоретиков основным двигателем всей общественной жизни. Исторический процесс представляет в их глазах не что иное, как результат определенных взаимоотношений рас. Совокупность свойств расы и составляет ее «душу». «Расовая душа» — таково название сокровенной и всеобъясняющей, мистической категории, определяющей судьбы народов: «Мы верим в расовую душу, которая направляет внутренне здоровую нацию на предначертанный ей путь. Великое развитие, или, вернее, глубокая вера нашего времени, заключается в том, что теперь рассматривают кровь и характер не как два чужеродных понятия, а как нечто однородное, находящее себе лишь различное выражение. Такая вера не носит материалистического характера, но она и не спиритуалистического порядка, ибо она воспринимает факт единства (крови и характера) как первичный феномен в гетевском толковании, искать основ которого (феномена) нам не надо. Раса является таким образом внешней стороной души, а душа, наоборот, является внутренним отражением расы... Собственно говоря, нет всемирной истории, а есть лишь история разных рас и народов, различных расовых душ, которые борются между собой»¹.

Объявляя расовую душу священным вместилищем сокровенных свойств человеческой породы и всю историю результатом притяжения и отталкивания рас, теоретики расизма со всей энергией, на которую только способны конкурирующие между собой националистические буржуа, состязаются друг с другом за первенство «своей расы», за ее высшие свойства, за ее «естественные преимущества» по отношению ко всем другим расам.

Вот как например живописует вождь германских расовиков естественные доблести северной расы:

«Основными свойствами северного человека являются способность к суждению, правдивость, активность. Он владеет собой и потому противостоит чужому влиянию. Для него характерно чувство реальности, которое в соединении с активностью, могущей подняться до отваги, толкает его на обширные предприятия. Он всегда склонен к рассудительности, молчаливости, постоянству, спокойствию в суждениях. В нем сильно развито чувство долга. Он требователен по отношению к самому себе и к окружающим. Данное им слово ненарушимо»².

Такими качествами германские расисты наделяют «северную расу». Особенно стараются они подчеркнуть это при

¹ *Rosenberg, Der Mythos des XX Jahrhunderts.*

² *Hans Günther, Rassenkunde Europas*, 2 Aufl., S. 51.

сопоставлении с теми характеристиками, которые они дают другим расам.

Так, по тому же Гюнтеру, отличительными чертами западной расы являются легкая возбудимость, прятие жизни как спектакля (в то время как северный человек видит в ней обязанность), болтливость, поверхностность, сексуальность, сочетающаяся со склонностью к садизму, слабая работоспособность, лень и наконец тяготение к анархизму и тайным заговорам¹.

Еще хуже обстоит дело с восточной расой. «Человек этой расы недоверчив, медлителен, он — мещанин. У него нет смелости ни в мышлении, ни в поступках. Он поклоняется шиллингу. Он склонен к всеобщему равенству, к демократии. Это объясняется тем, что люди восточной расы ни в чем не превышают средней высоты и потому испытывают по отношению ко всякой величине, с которой соприкасаются, отвращение, если не ненависть»². У человека этой расы отсутствуют качества вождя, и потому он нуждается в последнем.

Исходя из подобного рода «установок», даваемых «теоретиками» расизма, расистские популяризаторы доводят их до логического завершения, показывающего все ничтожество и теоретическое убожество расовых теорий.

Один из них, некий Герман Гаух, например проводит в своей книге «Новые принципы науки о расах» такую грань между «северным» и всем остальным — «несеверным» — человечеством:

«У человека несеверной расы корни зубов расположены, как у животных. Человек северной расы пережевывает пищу с закрытым ртом, люди других рас жуют, как животные... Красный цвет возбуждает; яркопурпурные губы человека северной расы возбуждают любовь и желание целоваться. У человека несеверной расы широкий рот и толстые губы, свидетельствующие о жадной чувственности. На этих губах играет не улыбка, а злобная лицемерная усмешка. Несеверный человек плотоядно чмокает губами — это его характерная черта. Человек несеверной расы представляет собой переходную ступень от человека к животному. Он ближе к обезьяне, чем к человеку. Его нельзя назвать человеком в полном смысле этого слова».

Политический смысл и цель, которую преследует фашистская расовая теория, с особой ясностью выступают в тех расовых «подразделениях», которые устанавливают

¹ *Hans Günther, Rassenkunde Europas*, S. 55—56.

² *Ibid.*, S. 58.

идеологи Третьей империи. Так например Карл Циммерман, автор ходовой фашистской «политграмоты» национал-«социализма», дающей изложение «теоретических основ», делит человечество на три группы рас. К первой группе относятся «расы кули и феллахов» (Kuli und Fellachenrassen)¹. Принадлежащие к этой группе расы характеризуются нетребовательностью, покорностью, живучестью и прилежанием. К этой категории идеальных рабов — покорных и живучих — относят фашистские «мальчики на побегушках», служащие магнатам финансового капитала и разжигающие их рабовладельческие аппетиты, большинство населения земли. Тут и «цветные расы Азии и Африки», и «восточнобалтийские» племена, и «восточноазиатское население России»². Десятки, сотни миллионов рабов жаждут власти рабовладельца, «созданы» для того, чтобы ими распоряжались «колонизаторы»... Ко второй группе рас относятся согласно фашистской политграмоте «паразитические» расы, действующие обманом и хитростью. Самая опасная разновидность этих рас — евреи. Так делается попытка переклочить недовольство мелкой буржуазии эксплуатацией монополистического капитала в антисемитское русло. И наконец к третьей группе Циммерман относит «расы господ и воинов во главе с Германией, военная мощь, наука и техника которой призваны господствовать над миром»³.

Вся история человечества, как это устанавливают теоретизирующие фашисты, является не чем иным, как историей борьбы рас. И эта борьба осуществляется по законам естественного отбора: в ней побеждают сильные, крепкие, аристократические расы. «Все, что не принадлежит к хорошей расе, является отбросами», — провозглашает Гитлер. Это положение является одним из ходячих лозунгов фашизма. Идеологические оруженосцы Гитлера усиленно разогревают антисемитское варево выжившего из ума Евгения Дюринга, который в последние годы своей жизни занялся сотворением «теории», что еврейская раса инфицировала германцев, романцев и славян и что с этим самым преступным племенем земли следует поступать, как с опасными бактериями.

Этот дюринговский бред является пищей современного фашизма. Розенберг устанавливает например, что человечество разделяется на две части: на «расы господ» и на «расы низших людей». К этим последним принадлежат расы

¹ *Karl Zimmermann, Die geistigen Grundlagen des Nationalsozialismus, Quelle und Meyer Verlag, Leipzig, 1934, S. 75.*

² *Ibidem.*

³ *Ibidem.*

цветные и восточные (по шпенглеровской «классификации», к «цветным» относятся и русские).

Широко популяризируется фашистскими идеологами афоризм канонизированного фашистами Дюринга: «Между человеком одной расы и человеком другой расы может быть большая разница, нежели между человеком и животным».

Граф Гобино, Ваше де Ляпуж, Хаустон Чемберлен причислены также к лику святых фашистской церкви. Из их писаний Гитлер, Розенберг и Геббельс черпают полными пригоршнями свои «расовые» аргументы, свои откровения.

«Теоретики» фашизма объявляют, что понятие расы должно быть выведено из антропологических институтов и биологических лабораторий на «широкую площадь политической жизни». Проще говоря, это значит, что мистифицируемый ими принцип расы должен стать стержнем воинствующего национализма как одного из главных средств спасения буржуазии перед лицом грозящей ей катастрофы. «Раса... вот слово, несущее в себе силу, которая, должна стать основой нового мировоззрения, нового... этического принципа»¹, — так заявляет на страницах «научного органа» гитлеровцев некий Штенглер фон Рутковский.

Достаточно перелистать лейборган гитлеровской «научной мысли» «Nationalsozialistische Monatshefte», чтобы понять, какое националистическое беснование идет вокруг проблемы расы... Бруно Шульц выступает с академическими обоснованиями антропологического и биологического существования расы. Он признает, как и многие другие расовики, в том числе Гитлер и Розенберг, что «лишь самая ничтожная часть народов земли состоит из чистых рас»². И отсюда, делают вывод расисты, «беды народов» нечистой расы, «закономерность» их рабства и право чистой расы на господство.

Доктор медицины Ф. Ланг печатает «медицинское исследование» в стиле писаний пресловутого маниака Шмакова, в котором описывает особую форму невротического заболевания (neurosis judaica), доказывая особую отягощенность евреев слепыми, глухими, душевнобольными и пр.³

На протяжении сотен страниц ведется оживленная дискуссия по вопросу о том, кровь третьего или четвертого

---

¹ Schtengler von Rutkowsky, Rasse und Geist, «Nationalsozialistische Monatshefte», 1933, № 45.

² Schultz, Rassenhygiene und Erbgesundheitslehre, «Nationalsozialistische Monatshefte», № 24.

³ «Die Belastung des Judentums», «Nationalsozialistische Monatshefte», № 32.

поколения нарушает чистоту расы со всеми вытекающими отсюда законодательными последствиями.

Раса превращается в универсальную отмывку, посредством которой можно проникнуть во все тайники исторического процесса, постичь все явления общественной жизни от экономики до искусства. «Расовая проблема — ключ мировой истории», — провозгласил Геббельс на Нюрнбергском съезде фашистской партии в 1934 г.

Таким образом «расовое начало — это то жизненно действующее, с чем мы встречаемся во всем, что человек делает и думает, что пронизывает его рождение, его борьбу, и отдых, его исследовательский труд и праздник»¹.

Вооруженный таким «расометром», почтенный расистский теоретик устанавливает, какие расовые притяжения и отталкивания обусловили данное историческое событие, какая степень расовой чистоты проявилась в данном национальном гении, какая степень «чужой», «примешавшейся» крови обесценивает творчество поэта и т. д. и т. п.

Вот иллюстрации того, как решаются с помощью «расометра» всякого рода политические и исторические задачи.

Требуется например подвести «идеологическое обоснование» под блок немецких фашистов со шведскими, который Гитлер пытается сколотить в целях облегчения войны с Советским союзом; для этого необходимо установить «расовую общность» немцев и шведов. И вот некий расистский теоретик по имени Тило фон Трота публикует «исследование», в котором доказывает, что черты, которые были присущи основоположнику шведского государства Густаву Ваза, воплотились в новой истории Пруссии, и от нее духовное наследие Ваза «в свою очередь перешло к движению Адольфа Гитлера». «Но великое беспокойство, охватившее всех германцев, вновь овладело и нынешней Швецией: жаждущая молодая Швеция сознательно возвращается к забытому героическому наследству Ваза, которое достигло своей сверкающей вершины в лице Густава-Адольфа, который может претендовать на место и в пантеоне немецкой истории»².

Другой, еще более красочный пример.

Требуется охарактеризовать творчество Гете. Гете принадлежит к числу тех гениев, которые были выдвинуты молодой революционной буржуазией и к которым не питает особых склонностей вырождающаяся буржуазия за-

¹ K. F. Viergutz, «Rasse» und «Volk», «Volk und Rasse», 1933, № 2, S. 91.

² Thilo von Trotha, «Volk und Rasse», № 4, S. 152.

гнивающего капитализма. Вот как поэтому осуществляется «расометрическое» исследование его творчества.

В Гете скрещивается ряд «расовых моментов». Северная раса определила общее жизненное поведение Гете, его любовь к порядку, к природе, индивидуализм, отсутствие зависти, умение разбираться в окружающем. Средиземноморская раса определила его возбудимость, его эротически окрашенную фантазию. Примесь малоазиатской расы (предки матери Гете происходят из Ветерау, которое одно время населяли римляне, римские же солдаты во времена императоров происходили преимущественно из Малой Азии) объясняет особенности языка Гете, отсутствие юмора, его космополитизм. Таким образом в Гете осуществлен синтез нескольких расовых влияний. «Становится до известной степени понятным, что Гете выделяется из ряда немецких гениев»¹.

С апломбом всезнайки и бесцеремонностью невежды Гитлер излагает принципы «своей», с позволения сказать, «философии истории», неуклюже списанные у Гобино и Ляпужа, приспособленные к потребностям германского империализма. Все, что сегодня достойно удивления на этой земле, вещает Гитлер, наука и искусство, техника и изобретения, — это только творческий продукт немногих народов и, возможно, вначале только одной расы (арийцев)². Арийцы являются единственными творцами и хранителями человеческой культуры, все остальные расы — это только потребители культуры и ее разрушители. Расцвет, распад и гибель культур обусловлены не чем иным, как нарушением расовой чистоты арийцев, загрязнением благородной крови избранных арийских аристократов. «Кровосмешение и вызванное им падение расового уровня являются единственной причиной отмирания всех культур. Люди гибнут не из-за проигранных войн, а вследствие потери своей силы сопротивления, которая свойственна только чистой крови»³. Целая армия унифицированных историков, социологов, философов скрипит в Третьей империи перьями, для того чтобы «обосновать», «развернуть», «углубить» эти установки «вождя». В результате появляются «исследования», доказывающие, что теория классовой борьбы не что иное, как «еврейско-марксистская выдумка», что в действительности вся история — результат борьбы рас. В тех же «исследованиях» с геллертерской скрупулезностью устанавливается,

¹ Dr. Walter Rauchenberger, *Rassenmerkmale Goethes und seiner nächsten Verwandten*, «Volk und Rasse», 1933, № 1, S. 8.

² Hitler, *Mein Kampf*, Volksausgabe, 1934, S. 318.

³ Ibid., S. 324.

что культура, где-либо и когда-либо возникавшая на нашей планете, создавалась «арийским элементом» и разрушалась «расово второсортными» или «расово нечистыми».

Методика подобной «теоретической» стряпни весьма примитивна. Взять для примера такие популярные в Третей империи издания, как «Geschichte auf rassischen Grundlage» Иоганна Леерса¹ или «Rasse und Kultur» Германа Бальцера².

«Исследования» фашистских расоведов сводятся к отыскиванию в культурах различных общественно-экономических формаций «следов» северной крови и проявлений «арийского духа». Их отправным пунктом является провозглашение праматерью всей человеческой культуры «первобытно-северной расы». В субарктике, на крайнем севере Европы, а не на юге, — колыбель человечества. Отсюда начала свой победоносный исторический путь «северная кровь»... В китайских письменах, в египетских мумиях, в греческом эпосе, в каменных топорах Туркестана, в древних изваяниях Индии — повсюду отыскиваются следы «северной крови». Буржуазия должна была оказаться на положении класса, дошедшего до ступени одичания, чтобы ее теоретические приказчики в своем лакейском усердии создавали такие документы цивилизованного варварства, как писания фашистских историков.

У Рамзеса II были «северно-большие (не средиземноморско-малые) уши»³. Фараон Нармер в отличие от своих темных придворных был «северным явлением»⁴. Значит египетская культура — продукт «севернорасового гения»...

И это не экссес «теоретического» усердия унифицированного приват-доцента, стремящегося заслужить кафедру. Это «стиль» исторических «исследований» фашистских историков, их обычный «тон». Леерсы и Бальцеры теми же анекдотическими аргументами, как относительно египетской культуры, «доказывают» «севернорасовость» арабской культуры, греческой, римской и т. д.

Вопросы возникновения и распада культур, смены одних формаций другими неизменно объясняются помощью магической формулы: «Раса — это все» («Rasse ist alles»)⁵. Падение культурной гегемонии Греции, крушение мирового

¹ Dr. *Johann von Leers*, *Geschichte auf rassischen Grundlage*, Reclam-Verlag, Leipzig 1934, S. 76.

² *Hermann Balzer*, *Rasse und Kultur*, Dunker Verlag, Weimar 1934, S. 272.

³ *Ibid.*, S. 262.

⁴ *Leers*, *op. cit.*, S. 22.

⁵ *Ibid.*, S. 39.

владычества Рима объясняются утратой арийской «расовой чистоты» греков и римлян, пагубным влиянием «расово малоценных» элементов на севернокровных аристократов.

Фашистские «теоретики» внушают массам, что не в классовой борьбе, не в изменении существующих общественных отношений, не в революционном переустройстве общества выход из нужды, бедствий и голода, а в «улучшении расы».

Розенберг, этот прославленный гитлеровский паяц, величая фашистскую контрреволюцию «мировой революцией», заявляет: «Сущность современной мировой революции заключается в пробуждении расовых типов»¹. Для пробуждения же расовых типов Розенберги требуют «улучшения расы»...

Сами фашисты нередко вынуждены признавать, что расовая «теория» ничего общего с наукой не имеет; они открыто выступают против науки и сами рассматривают свою «теорию» как «новую религию» — «религию крови и расы».

Проф. Фридрих Ленц — расистское светило Третьей империи — так и формулировал в предисловии к своей книге «Die Rasse als Wertprinzip»²:

«Национал-социализм является политическим учением на основе определенного мировоззрения. И это мировоззрение основывается на вере в расу». Один из руководителей министерства здравоохранения, Гютт, выразился еще ясней в речи, произнесенной им при открытии государственных курсов усовершенствования врачей: «Мы снова обретаем чистоту расы и здоровье нашего народа. Это стремление к высшему развитию расы нашего рода должно быть для нас новой религией»³.

Расистские «теоретики» объявляют «важнейшей государственной задачей» охрану мистической «расовой чистоты», недопущение «загрязнения» ее чужеродной, чужерасовой кровью путем запрещения «смешанных» браков, отравляющих чистокровную расу прирожденных аристократов и господ. Эта защита «расовой чистоты» является одним из пунктов демагогической программы фашизма. «Смешанные» браки объявлены государственным преступлением.

Высшим проявлением подобного рода «противонациональных», «антигосударственных», преступных браков считается связь «арийца» с «неарийкой» или «арийки» с «неарийцем».

¹ Цит. по *Karl Zimmermann, Die gelstigen Grundlagen des Nationalsozialismus* S. 76.

² Lehmanns Verlag, München 1933.

³ «Völkischer Beobachter», 20/IX 1935.

В последнем случае «слово» вслед за профессорами переходит непосредственно к штурмовикам, имеющим в своем распоряжении весь арсенал средневековых мер воздействия на преступных нарушителей целомудренной расовой чистоты. Наконец цепь соответствующих мероприятий заканчивается уголовным кодексом Третьей империи, который карает за «расовую измену» лишением свободы. Это увенчано специальным декретом, изданным в сентябре 1935 г. в Нюрнберге. В силу этого декрета браки между арийцами и евреями караются каторгой, а внебрачные сношения — тюрьмой.

Фашиствующие расоведы неустанно бьют тревогу по поводу катастрофического падения рождаемости в Германии, Австрии, Швеции, Норвегии. Падение рождаемости — продукт мирового экономического кризиса, безработицы — фашисты пытаются вывести из «смешения рас».

В действительности же падение рождаемости, которое имеет место в подавляющем большинстве капиталистических стран, является неизбежным результатом капиталистической эксплуатации масс, порабощения женщины, безработицы и проституции как неизбежных спутников капиталистического строя. Единственная страна, в которой неизменно и быстро растет население, — это СССР. За период с 1929 по 1934 г. прирост населения по Советскому союзу составил 16 миллионов человек. Этот рост обусловлен тем, что социалистический строй создает возможность счастливой и зажиточной жизни для миллионов, что советская власть проявляет исключительное внимание к вопросам материнства, что партия и правительство уделяют особые заботы воспитанию ребят, что социализм оздоравливает население. «Народ, женщины которого не желают больше рожать, должен погибнуть», «Горе народу, женщины которого достигли такой степени вырождения, что утратили естественное желание иметь детей», «Народ в опасности», — так на различные лады истерически выкрикивают все эти Гельмуты, Бургдерферы, Штернбергеры, Молиссоны и прочие глашатаи «национально-евгенического воспитания». Капитализм не виноват! Виноваты женщины, безработные трудящиеся, не желающие или не могущие рожать! Таков очередной фокус для оправдания капитала.

Один из виднейших идеологов этого «национально-евгенического» шарлатанства, директор Государственного статистического управления Германии Фридрих Бургдерфер, выступал на международном историческом конгрессе в Варшаве с докладом «О динамике развития населения в Европе в XIX и XX вв.». Фашистский «ученый» выдвинул перед

конгрессом как «политический фактор первого ранга» угрозу падения рождаемости среди германцев и ее увеличения среди славян: «В 1810 г. германцы составляли 31,6%, романцы — 33,7, славяне — 34,7%, в 1930 г. германцы — 30%, романцы — 24,4, славяне — 45,6%. Если будет продолжаться та же тенденция, то к 1960 г. германцы составят в Европе 26,9%, романцы — 22,3 и славяне — 50%».

От этой угрожающей перспективы человечество может быть избавлено лишь тогда, когда вступит на путь «национально-евгенического» бандитизма гитлеровских молодчиков. Бургдерфер без лишних слов докладывал ученым историкам об этом ультиматуме, который история предъявляет Европе: либо вырождение, либо «может настать пора политического, духовного, психического возрождения, какое например в настоящее время переживает немецкий народ и которое может иметь своим результатом и возрождение биологическое»¹.

Возникают шарлатанские, демагогические проекты поощрения «деторождения» и «борьбы с бездетностью» (вплоть до проектов запрещения средств предупреждения беременности).

Национально-евгеническое воспитание, базирующееся на вымышленном «законе населения», отождествляющем человеческое общество с животным стадом, превращается в один из краеугольных камней всей воспитательной системы фашизирующихся буржуазных государств. Во всей школьной сети гитлеровской Германии, начиная с народных школ и кончая вузами, введено обязательное преподавание таких дисциплин как «расовая гигиена» и т. п.

Стерилизация и кастрация провозглашаются теми чудодейственными средствами, которые раз навсегда избавят человечество от биологических и интеллектуальных «отбросов», от людского баласта, которые разгрузят государственный бюджет от непродуктивной траты «народных средств», которые выведут мир из тупика кризиса.

Пример наиболее откровенного и классово обнаженного применения стерилизации представляет собой соответствующий германский закон, вошедший в силу с 1934 г. По этому закону должно быть обеспложено 400 тысяч человек. Вводя обязательную стерилизацию для девяти категорий населения (слабоумные, шизофреники, циркулярный психоз, эпилептики, одержимые пляской св. Витта, наследственно слепые, глухие, физические уроды и тяжелые

---

¹ VII Congrès, International des Sciences historiques. Résumés des communications, 1933, v. II, p. 362.

алкоголики), фашистский закон сформулирован таким образом, что открывает широчайшие возможности для самой утонченной и разнузданной классовой расправы фашистов со своими врагами. Давая фашистским экспертам неограниченную возможность устанавливать «психическую неполноценность», предоставляя начальникам мест заключения право требовать производства стерилизации по их усмотрению, этот закон своим острием направлен против рабочего класса и трудящихся масс.

Достаточно здесь указать, что даже восторженно настроенный по отношению к стерилизации и достаточно консервативный английский журнал «Nature» вынужден был в специальной передовой заявить, что германским законом о стерилизации «политически сильным дана страшная возможность» «притеснения политически угнетенных»¹.

Излишне доказывать, что в основе закона о стерилизации лежит лживая, базирующаяся на лжесвидетельствах псевдоученых фашистских авторитетов предпосылка, что психическое заболевание одного из родителей обязательно дает дефективное потомство.

Идея «человеководства», представляющая собой благодарную тему для пера фельетониста, могла возникнуть только в мозгу эксплуататора, из-под ног которого уходит почва. Только идеологи умирающего капитализма могут со всей профессорской серьезностью писать ученые исследования в ее защиту.

Фашистская пропаганда «улучшения расы» носит ярко выраженную печать военно-империалистических вождедений финансового капитала. Она осуществляется в плане проводимых фашистами мероприятий по «милитаризации умов». Ярким доказательством в этом отношении является например нашумевшая книга профессора философии Лейпцигского университета Эрнста Бергмана «Дух познания и материнское право».

Орган тяжелой индустрии «Рейнско-вестфальская газета» недаром писал об этой книге, что ее обязан изучить всякий, кто призван участвовать в восстановлении и спасении «германского отечества».

«Современное человечество, — заявляет Бергман, — находится в состоянии отчаянной борьбы, которую ведут между собой бесчисленные «национальные и расовые индивидуальности» земли. Эта борьба, подчиненная всем законам естественного отбора, вконец разрушающая религию и убиваю-

---

¹ «State Policies of Eugenic Sterilisation», «Nature», August 1933, pp. 221—222.

шая иллюзии XIX в., разгорелась во всей ее биологической остроте и естественной обнаженности. Победит в этой борьбе та раса, которая окажется сильнее и чище. От этого неизбежного финала человечество не спасут никакая Лига наций, никакая пан-Европа, никакой пацифизм. На развалинах мира водрузит свое победное знамя та раса, которая окажется самой сильной и *превратит весь культурный мир в дым и пепел*¹. И Бергман предлагает распротиться поэтому «с традиционной идеей стихийного деторождения и перейти к организованному человеководству», чтобы создать пушечное мясо для Молоха империалистической войны.

Так выглядит в его полном завершении «биологическое миросозерцание» современных эпигонов буржуазной философии, для которых человеческое общество является не чем иным, как стадом скота определенной породы. Представители этой скотской идеологии пропагандируют создание такого «общественного строя», тремя китами которого были бы концентрационный лагерь, божий храм и универсальный случайный пункт для людей. Фашисты уже добились некоторых успехов по пути осуществления этого «идеала».

«Теории» господ Бергманов служат германскому генеральному штабу. Их проповедь «человеководства» исходит из того, что империалистам Германии нужны солдаты для новой грабительской войны. Для того чтобы победить в этой войне, доказывают фашисты, нужны резервы, нужно пушечное мясо. «Разводите людей» — таков «последний крик» фашистской расовой «науки».

Расовая пропаганда фашизма преследует цель «научно» обосновать и тем самым санкционировать колониальную, рабовладельческую политику империалистов. Как известно, именно это задание в основном обусловило и само возникновение расизма, как он выявился в трудах его основоположников Гобино, Ляпужа, Чемберлена. В осуществление этого задания расовики доказывают, что народности, являющиеся объектом империалистической эксплуатации, представляют собой низшие, примитивные, неспособные по своему биорасовому характеру к культурному развитию расы, что этим расам предопределено находиться на положении руководимых и управляемых высшими, «господскими» расами. Эта сторона расовых теорий, которой германские фашисты уделяют очень значительное внимание, обусловлена притязаниями германского империализма на

¹ Prof. Dr Ernst Bergmann, Erkenntnisgeist und Mutterrecht, Verlag Hirt, Breslau, S. 448.

11 Против фашистской демагогии и мракобесия

колонии, которых он лишился в результате проигранной войны. Лихорадочно разжигая пожар новой мировой войны, германский монополистический капитал уже видит себя в кровавых снах своих владыкой обширных колониальных территорий в Африке и Азии. Расовые теории призваны оправдать его «права» на это владычество.

Превращая Третью империю в главный очаг мировой военной опасности, разжигая всеми имеющимися в их распоряжении средствами новую войну, открыто вступая на дорогу агрессии и захватов, германские фашисты используют расовую теорию для доказательств «биологической закономерности» войны, ее «естественной целесообразности», ее «необходимости», ее независимости от капиталистической колониальной политики и пр.

«Расовому обоснованию» естественности и целесообразности войны посвящены многочисленные страницы гитлеровской «*Mein Kampf*», этого уродливого «сгустка» националистического беснования, милитаристической агрессии и разнузданной демагогии, в котором тупо солдафонские «откровения», списанные у реакционнейших писателей, переплетаются с исторической отсебятиной «фюрера». «В конце концов всегда побеждает только страсть самосохранения, — поучает Гитлер. — Перед ней подобно снегу под мартовским солнцем тает так называемая гуманность как выражение помеси глупости, трусости и воображаемого всезнания. В вечной борьбе человечество стало великим, в вечном мире оно погибнет...»¹.

Итак, выступая в роли оголтелых поджигателей новой войны, германские фашисты, оказывается, только отдают дань «страсти самосохранения», неустанно заботясь о том, как бы человечество не погибло в «вечном мире»... Воистину, кровавые шуты на троне!..

Расовая пропаганда гитлеровцев направлена к доказательству превосходства «своей» расы над всеми другими и следовательно вытекающей отсюда ее неизбежной победы в приближающихся военных схватках, в быстро назревающей войне. Именно это стремление рождает демонстрировавшийся выше расистский бред о северной расе, о богоизбранных арийцах и пр.

Политический смысл этого расистского бреда был исчерпывающе вскрыт товарищем Сталиным на XVII партийном съезде. Товарищ Сталин разоблачил планы фашистских политиков, утверждающих, что «войну должна организовать «высшая раса», скажем, германская «раса», про-

¹ *Hitler, Mein Kampf, Volktausgabe, 1934, S. 148.*

тив «низшей расы», прежде всего — против славян, что только такая война может дать выход из положения, так как «высшая раса» призвана оплодотворять «низшую» и властвовать над ней»¹.

Расовая пропаганда фашизма носит ярко выраженный антисоветский характер. Особенно откровенно выступает этот характер в писаниях всюду поспевающего Шпенглера. В вышедшей в 1933 г. книге «Politische Schriften» Шпенглер заявляет, что «русская душа» характеризуется отсутствием воли, склонностью к подчинению, страстью к бродяжничеству и т. д. На основании всего этого доказывается, что Россия — это «необъятная колониальная область»². Так обосновываются грабительские планы германского империализма против СССР.

Шпенглер не скрывает, что «национальная революция», т. е. установление террористической диктатуры капитала, нужна германскому капитализму для удушения пролетариата и для осуществления территориальной экспансии германского империализма на востоке Европы. «Порядок в собственной политике, — пишет он, — является предпосылкой для большой хозяйственной работы на востоке»³. Чтобы не было сомнений, о какой «хозяйственной работе» идет речь, фашистский философ страницей раньше разъясняет, что «с точки зрения иностранного хозяйства Россия является колонией», и предсказывает, что «Германия сможет использовать преимущества своего соседства»⁴.

Величайшее преступление веймарского режима Шпенглер видит в том, что благодаря ему внешняя политика Германии измельчала, что она стала «провинциальной», что германская дипломатия потеряла «мировой горизонт» и т. д.⁵.

Не стоит труда расшифровать, что за мировыми горизонтами, о которых тоскуют Шпенглеры, таятся колониально-захватнические планы германского империализма. Шпенглер возмущен тем, что «цели борьбы» германских дипломатов не простираются «дальше всего (!) пары тысяч (!) квадратных километров»⁶.

С большой настойчивостью Шпенглер «обосновывает» тезис о том, что Россия — не самое восточное из европейских, а самое западное из азиатских государств⁷. То

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 546.

² Spengler, Politische Schriften, Verlag Beck, München 1933, S. 124.

³ Ibid., S. 126.

⁴ Ibid., S. 125.

⁵ Ibid., S. 152.

⁶ Ibid., S. 154.

⁷ Ibid., S. 334.

там, то сям пытается наш философ оседлать этого своего любимого конька: «Россия... как духовно, так и политически принадлежит к Азии»¹. «Настоящий русский нам духовно чужд, так же чужд, как индус или татарин»². «Не давайте вводить себя в заблуждение географическим понятием «Европа», которое возникло благодаря напечатанной в 1500 г. карте, — в действительности Европа оканчивается на Висле»³.

Этот философствующий фигляр объявляет народы СССР «азиатами», «цветными», ибо «азиаты», по его «идеологии», — прирожденные рабы, и следовательно СССР «естественно» должен быть колонией западных цивилизаторов, носителей чуждой и недоступной азиатам техники.

Россия «создала кроткую народность, безропотную и тоскующую, духовно растворяющуюся в равнинных далях, не имеющую собственно личной воли и склонную к подчинению»⁴.

Такие заманчивые перспективы рисует этот придворный философ рейнско-вестфальских промышленных магнатов своим хозяевам, рабовладельческие инстинкты которых он распаляет идиотскими фантазиями по части «русской души».

Ставя во главу угла своей внешней политики организацию антисоветской войны, вожди и идеологи германского фашизма из кожи лезут вон, чтобы «расово» обосновать пропагандируемый ими кровавый поход против отечества трудящихся всего мира. Вот почему их «теоретики» усиленно изощряются в доказательствах «расовой второсортности» русских, их «расовой неполноценности», объявляют Советский союз очагом «монголоидных разрушительных сил», «восточного варварства» и т. д. А «северной расе» эти господа отводят «цивилизаторскую миссию» укротителя «бунта низшей расы», которая осмелилась уничтожить на шестой части мира власть хищников и эксплуататоров и победоносно строить социалистическое общество, в котором растет и развивается новый, свободный человек. Этого «преступления» не могут простить народам Советского союза «арийские аристократы», сыны «благородной северной расы», которые повергли свою страну в мрак националистического изуверства и милитаристического бешенства, покрыли ее колючей проволокой концентрационных лагерей и кровавыми фашистскими застенками.

¹ *Spengler. Politische Schriften*, Verlag Beck, München 1933, S. 176.

² *Ibid.*, S. 109.

³ *Ibid.*, S. 110.

⁴ *Ibidem*.

Наряду с внешнеполитическим острием расовая теория фашистов имеет и свое внутривнутриполитическое острие.

Расовая пропаганда фашизма преследует цель доказать наличие внутри данного государства «инорасовых» элементов, приносящих вред государству, подтачивающих его мощь, отрицательно влияющих на господствующую расу. Мы имеем здесь дело с давним и затасканным приемом отвлечения масс от классовой борьбы. Американские расисты в качестве такого «классового громоотвода» широко используют негров, германские расисты — евреев. В Америке широко пропагандируются теории Гранта и Стодарта о «врожденном примитивизме» негров, об их «умственной недостаточности», об отсутствии у них торможения, об их патологической сексуальности и т. д. В Германии шарлатанские выдумки Розенбергов, Ленцев и Гюнтеров заливают страну широким потоком антисемитской пропаганды. Таким путем пытаются германские фашисты переключить недовольство мелкой буржуазии финансовым капиталом на «еврейскую конкуренцию» в ее собственных рядах. Проф. Леман в своей книге «Биология в жизни современности» восторженно сообщает, что, тогда как во времена его юности школьники отдавали время чтению художественных произведений Грюльпарцера или Бергсона, они теперь углубляются в изучение Гюнтера. Из его книг они узнают, что евреев нельзя называть расой, ибо они представляют собой «расовую помесь» второго порядка. Они изучают отличительные признаки этой «расовой помеси» с помощью схематических чертежей «еврейского носа» и строго «научных» характеристик еврейской «круглой спины».

Они узнают из «трудов» проф. Гюнтера, являющихся обязательными учебными пособиями в средней и высшей школах, популяризируемых и в массовой школе, что евреи отличаются маленьким ростом, отвислой нижней губой, выдающимся подбородком, оттопыренными ушами, и тому подобную галиматью. В книге Ганса Гюнтера «Расоведение еврейского народа»¹ студенты изучают по портрету Стефана Цвейга переднеазиатский тип еврея, по портрету Генриха Гейне — северо-восточный еврейский тип, по портрету Мечникова — тип «полуеврея» и т. п. Дикие фантазии полутрамотных царских черносотенцев Шмаковых и Замысловских воскресают в «трудах» расовиков, шарлатански придающих им наукообразную форму. Для классовой ха-

¹ D-r Hans F. G. Günther, Rassenkunde des jüdischen Volkes, Lehmanns Verlag, München 1930.

рактистики этих «трудов» небезынтересно указать, что существует однако одна часть еврейской «расовой помеси», о которой расисты говорят в весьма сочувственных, даже теплых тонах... Зоологический антисемит Гюнтер твердит о том, что «достойное решение еврейского вопроса лежит в защищаемом сионизмом отделении евреев от неевреев»¹. Другой «ученый» погромщик, Фридрих Ленц, заявляет, что он считает «не невозможным, что сионистское движение, которое хочет в основу общности судеб положить общность всех евреев по происхождению и крови... принесет еврейству спасение»². Вот действительно классический образец классовой солидарности эксплуататоров, которую не может затушевать какая бы то ни было расистская болтовня!..

Расовая пропаганда фашизма ставит перед собой задачу, особенно в последнее время, доказать, что социальная дифференциация общества обусловлена дифференциацией расовой, что «расово полноценные» элементы «закономерно» являются руководящими, господствующими, а «расово малоценные», «второсортные» элементы столь же закономерно находятся на положении подчиненных, нижестоящих. Эту идею рабовладельцев в свое время развивал один из «основоположников» расизма, Ляпуж, доказывавший, что основной социальный закон состоит в подчинении малоценных полноценным. Гитлер, Розенберг, Гюнтер, Ленц и Базлер усиленно доказывают, что в верхних, «руководящих» слоях немецкого народа «северная кровь» сохранилась в гораздо большей степени, нежели в низших слоях. Высшие слои благодаря своим севернорасовым свойствам характеризуются спокойствием, выдержкой, целеустремленностью. Что же касается низших слоев, то они благодаря отсутствию этих свойств отличаются непредусмотрительностью и непостоянством. «Вследствие такой душевной конституции, которая не может быть решительным образом изменена путем воспитания, люди с таким предрасположением постоянно становятся объектом эксплуатации капиталистов или демагогов... Находящиеся под влиянием минуты, ослепляемые мишурой и подкупаемые словами, они своим поведением напоминают южные первобытные расы»³.

Вот каким образом осуществляется «расовое» обоснование классового господства эксплуататоров: эксплуататоры объявляются носителями всех физических и духовных севернорасовых доблестей, эксплуатируемые массы рассмат-

¹ *Hans Günther, Rassenkunde Europas, S. 73.*

² *Prof. Dr. Lenz, Menschliche Auslese und Rassenhygiene, S. 143.*

³ *Ibid., S. 85, 87—88.*

риваются как полудикарские, первобытнорасовые, нуждающиеся в опекуне. Последним «естественно» является фашизм.

Как мы видим, фашисты пытаются использовать расовые теории не только в целях разжигания шовинистических инстинктов и подготовки войны, — они пользуются ими и для «оправдания» эксплуатации масс, для «обоснования» права магнагов капитала на господство.

Доказательство биологической неполноценности «нижших слоев» осуществляется расистами с помощью целого арсенала самых разнообразных доводов. Тут и антропологические измерения, посредством которых Ничефоро доказывает например, что объем головы двенадцатилетних детей имущих родителей равен 53,5 сантиметра, а неимущих — 52,5¹. По Базлеру, у высшего класса «более нежное строение костей». Тут и доказательство умственной отсталости детей неимущих родителей. Так например Ленц устанавливает, что в бесплатных школах на второй год остается втрое больше детей, чем в школах платных. Он же торжественно оповещает, что среди обследованных учащихся бесплатных школ подходящими для перехода в среднюю школу оказалось 2,9%, а в платных школах этот процент достигает 11,5. Подобной же статистикой занимается Гартнак в своей книге о естественных границах образования: тут и низкий процент бедных детей в школах для одаренных и свидетельства профессоров, что лучшими студентами оказываются сыновья родителей, занимающих высокое положение. Широко аргументируют и тем, что «низшие слои» поставляют максимальный процент преступников и проституток, воскрешая ломброзианские теории «врожденного преступника», «врожденной проститутки» и т. д. При этом преступность рассматривается как показатель «расовой неполноценности», «расового атавизма». В типе преступника, утверждает Ленц, часто встречаются черты неандертальского человека и прочих примитивных рас: массивные челюсти, убегающий лоб и т. д.²

Вся эта дикая белиберда преподносится в Третьей империи как официальная наука. Эта «аргументация» имеет целью скрыть от масс действительные причины преступности, проституции — капиталистическую эксплуатацию, нищету, кризис.

Практика Советского союза развеяла в прах измышления о

¹ *Niceforo*, *Antropologie der nichtbesitzenden Klassen*; цит. по Ленцу, назв. соч., стр. 68.

² Prof. Dr. *Lenz*, *Menschliche Auslese und Rassenhygiene*, S. 93.

врожденных преступниках, проститутках и т. д. В грандиозных масштабах СССР успешно осуществляет перекровку преступников, перевоспитание вчерашних бандитов и воров, превращение социально опасных элементов в активных участников социалистического строительства.

Выполняя заказ своих хозяев, фашиствующие расисты изощряются не только в доказательствах биологической «второсортности» рабочего класса, они расово дифференцируют и рабочий класс с целью показать биологические преимущества рабочей аристократии по отношению к широким рабочим массам. Так например Грюндель доказывает на страницах «Archiv Rassen- und Gesellschaftsbiologie», что среди рабочих имеются две совершенно различные с «наследственно-биологической» точки зрения категории: интеллигентные, подвижные, социально стремящиеся вверх рабочие, которые составляют ценный костяк промышленного пролетариата, и безнадежно неспособные, тупые, неорганизованные массы рабочих¹. Не останавливаются ученые фашистские «расоведы» и перед тем, чтобы трактовать классовую борьбу как борьбу рас. С предельной ясностью об этом говорит например Ленц, утверждающий, что в гражданскую войну борющиеся стороны сильнее отличаются в расовом отношении друг от друга, чем во время войны между государствами².

Шпенглер тоже опасается, как бы расовая проблема не совпала с классовой, т. е. как бы грабительская война за колонии не превратилась в революцию, в гражданскую войну пролетариата против капитализма в союзе с колониальными революционными движениями.

Как бы ни распинались идеологи загнивающего капитализма, доказывая, что классы — это марксистский «миф», что история человечества — это «история борьбы рас», сколько бы они ни писали о «единой», о «тотальной», о «монолитной» расе, они сами не берут всего этого всерьез. Демагогически дурача массы и неся тем свою службу финансовому капиталу, они ни на секунду, конечно не забывают о том, что их пресловутая единая раса состоит из «расы» эксплуататоров и «расы» эксплуатируемых, что надо теоретически прислуживать первой и тем практически помогать угнетению второй. Иногда они об этом довольно откровенно пробалтываются, как это сделал например Шпенглер в своей последней книге «Jahre der Entscheidung»,

¹ E. Günther, Die Fervölkerungsproduktion in der modernen Volkswirtschaft, «Archiv Rassen- und Gesellschaftsbiologie».

² Prof. Dr Lenz, Menschliche Auslese und Rassenhygiene, S. 63,

насквозь отравленной ядом ненависти к «расе» пролетариата: «В той или иной степени все это — выродки, люди, у которых вместо подлинной расы вы можете констатировать только злобу и мстительность. У них в голове только озлобленные мысли по поводу неудавшейся жизни. Самой важной частью тела они считают язык. Это — подонки больших городов, это настоящий плебс, это подлинные низы общества, испытывающие постоянную ненависть ко всему великому и благородному в этом мире»¹.

Плебейской «расе» пролетарских «подонков» господ Шпенглеры противопоставляют аристократическую «расу» своих хозяев, у которых «благородное интеллигентное лицо, узкая нога, красивая поступь».

Шпенглер слишком откровенно сказал то, о чем думают, но что тщательно скрывают десятки других «расистских» теоретиков. Их заботы о «чистоте расы» означают не что иное, как тревогу за судьбы своего класса. И этой тревоги им не удастся скрыть. Один из руководящих расистских органов, немецкий журнал «Volk und Rasse», очень ярко передает это чувство тревоги. Беда не в том, что падает деторождение, заявляет журнал. Несчастье в том, что «как раз наши женщины, женщины полноценного, культурно ведущего, социально высокостоящего общественного слоя... или совсем не рожают детей или ограничиваются рождением не более двух ребят». Низко же стоящие социальные слои поставляют обществу огромное количество неполноценных, дефективных дегенератов (следует «объективная» статистическая сводка о том, что убежища для слабоумных и вспомогательные школы на 80% заполняются представителями «низших слоев», при жульническом игнорировании того обстоятельства, что эти «низшие слои» составляют свыше 80% всего населения и что «полноценные, руководящие высшие слои» своих дегенератов содержат отнюдь не в общественных убежищах для инвалидов). «Если культурные и руководящие слои германского народа не произведут и не воспитают в ближайшие годы достаточно детей, то, несмотря на все внешние и внутренние политические успехи и на всю видимость культурного блеска, мы неминуемо погибнем»².

Так расшифровываются все многочисленные писания теоретических ландскнехтов умирающего капитализма, под барабанный бой фашистского расоведения пытающихся «био-

¹ Spengler, Jahre der Entscheidung, Verlag Beck, München 1933, S. 67.

² L. G. Tirola, Die biologische Erneuerung des deutschen Volkes, «Volk und Rasse» № 3, S. 114—115.

логически обновить» класс своих хозяев. Смешные и жалкие потуги наемников класса, гибель которого обусловлена всем ходом исторических событий, всем соотношением сил на современной исторической арене!

Насаждая расовый культ, идеологи загнивающего капитализма, как мы уже говорили, используют целый арсенал аргументов.

Среди них одним из наиболее распространенных являются знаменитые тесты для определения шкалы умственной одаренности. Пользуясь этими фальшивками, фашистские расоведы «строго научно» «доказывают» отсталость негритянских, индейских или китайских школьников, объясняя это их расовыми свойствами.

Если бы тесты даже правильно отображали умственное отставание определенной группы, скажем, негритянских детей, то разве не очевидно, что это отставание было бы обусловлено социальными условиями их существования, нищетой, эксплуатацией? Стоит разрушить эти условия, чтобы ликвидировать эти «врожденные», «неистребимые», «устойчивые» «расовые свойства». Практика Советского союза разбивает в прах все эти измышления. Ведь и русские черносотенно-великодержавнические антропологи, как с писаной торбой, носились в свое время с доказательствами «умственной недостаточности» и «расовой неполноценности» десятков народностей, которые теперь благодаря диктатуре пролетариата ликвидировали и ликвидируют свою культурную отсталость и выходят в ряды передовых строителей бесклассового социалистического общества.

Из многочисленных теоретических фальшивок, которыми пользуются фашисты для обоснования расовых «теорий», особого внимания заслуживает так называемая полигенистская, или полифилетическая, гипотеза. Последняя без всяких научно-обоснованных доводов устанавливает происхождение человечества от нескольких ветвей — рас. Каждая из таких ветвей рассматривается как устойчивая, строго ограниченная реальная совокупность, существующая с момента возникновения человечества вплоть до нашего времени в виде определенной расы.

Превращая расу в биомистическую категорию, объявляя, как мы видели, расовые теории предметом веры, своего рода религией, фашисты основывают и свой *полигенизм* отнюдь не на научных доказательствах, а на требованиях уверовать в него.

Сколько бы ни нагромождали расистские мракобесы терминологического псевдонаучного хлама вокруг этого вопроса, они по сути дела не более «научны» в своих

доказательствах, чем солдафон Геринг, который в докладе на заседании рейхстага 15 сентября 1935 г. заявил: «Расы создал бог. Он не хотел создавать ничего равного...»¹.

Полигенистская фальшивка разоблачается двумя решающими аргументами:

1. При раздельном происхождении рас немыслимо было бы видовое единство их телесной организации, одинаковость ее *основных* признаков для всех рас. Если бы «ученым» Третьей империи удалось доказать наличие, скажем, одноглазых или трехногих «рас», пришлось бы поверить г. Герингу, что бог, не терпящий никакого равенства, создал «расы» серой рабочей скотинки и «расы» голубоглазых, белокостных рабовладельцев.

До тех пор пока унифицированные гитлеровские профессора еще не дошли до этого открытия, к их великому огорчению придется считать, что «благородные арийцы» созданы из того же теста, как и другие племена и расы, эти, по выражению расистов, «человеческие недоростки».

2. Если бы расы представляли собою отдельные зоологические виды, что по сути дела и доказываются полигенистами, то было бы невозможно их плодотворное скрещивание. Между тем нет таких двух рас, скрещивание которых не принесло бы потомства, представляющего определенную расовую вариацию.

Вопросы антропогенеза, т. е. происхождения человека, далеко не могут считаться достаточно изученными и исследованными. Тут науке предстоит сделать чрезвычайно много. В этой области имеется еще огромное количество «белых пятен». Существует масса фальсификаций и искажений, сделанных буржуазными учеными в противоатеистических, расистских и других целях. Перед марксистско-ленинской антропологией здесь еще буквально непочатый край работы. Но и при современном состоянии антропологии нет сомнения в *моногогенетическом*, т. е. в едином происхождении человеческого вида. Этот вид впоследствии и разбился на ряд разновидностей — рас. Это подразделение на расы было обусловлено теми природными, географическими условиями, в которые попадали древнейшие представители человеческого рода. Попадая в различную географическую обстановку, в разные климатические условия, части единого человеческого рода изменяли некоторые свои второстепенные признаки, давая определенные расовые отклонения.

¹ «Völkischer Beobachter», 17/X 1935.

Расчленение изначального человеческого вида под влиянием природной обстановки на расовые разновидности не сделало однако эти разновидности стойкими, застывшими, замкнутыми и взаимно изолированными группами, какими изображают расы фашистские и фашиствующие «теоретики».

В действительности расовому расчленению единого человеческого вида сопутствовало взаимопроникновение и взаимовлияние рас на протяжении всей человеческой истории с ее социальными — прежде всего экономическими — закономерностями.

Одним из культивируемых расистами аргументов психической и интеллектуальной разнородности рас является довод о специфически «расовом» строении мозга. Расисты доказывают, что мозг человека «высшей» расы имеет иную морфологию поверхности (борозды и извилины), нежели мозг человека «низшей» расы. Они «доказывают», что животным и людям «низших» рас присуще меньшее количество борозд и извилин, нежели представителям «культурных», «высших» рас. В мозгу представителей «низших» рас расисты усиленно отыскивают всякого рода «атавистические» признаки.

В качестве одного из таких «атавистических» элементов, который расисты особенно охотно подкидывают «низшим» расам, следует указать так называемую «обезьянью борозду», представляющую мозговую бороздку полулунной формы, ограничивающую спереди стриарное поле. Расисты объявляют эту бороздку специфической принадлежностью «низших» рас и на основании этого «доказывают» полное родство мозга представителей этих рас с мозгом обезьян. С легкой руки некоторых исследователей (Эл. Смит, Бродманн и др.), нашедших «обезьянью борозду» у обследованных ими групп феллахов, негров, яванцев, расисты включили в «железный инвентарь» своей аргументации довод от «обезьяньей борозды» как специфического признака «примитивных рас», мозговая структура которых объявляется в основном совпадающей с таковой у орангутангов и шимпанзе.

Некоторые работы наших советских ученых за последнее время показали истинную цену расистских спекуляций на морфологии поверхности мозга и в частности на этой пресловутой обезьяньей борозде. Здесь можно как на пример указать на ценные работы ленинградского государственного института им. Бехтерева по изучению мозга. Сектор морфологии этого института выпустил специальный сборник, посвященный проблеме борозд и извилин

в морфологии мозга¹. В сборнике опубликованы убедительные материалы в доказательство того, что борозды и извилины, встречающиеся у европейцев, наблюдаются у других рас, что любая вариация, встречающаяся у одной какой-либо расы, может встретиться и у другой, что выдуманной является специфически присущая данной расе анатомия мозга.

Значительная экспериментальная работа, проделанная Институтом по изучению мозга, показала, что «обезьянья борозда», которая расистами объявляется атавистическим пережитком, присущим только «примитивным расам» и свидетельствующим о низком морфологическом развитии мозга, в действительности встречается у представителей различных рас и наблюдается у индивидуумов высокой умственной одаренности.

Таков один из примеров беззастенчивой спекуляции господ расистов, пытающихся фальсификацией научных данных, объявлением индивидуальных вариаций морфологии мозга устойчивыми расовыми признаками «доказать» атавистичность и отсталость «примитивных рас».

Разоблачение «биологической» метафизики расовых шовинистов и их сообщников является одной из важных задач нашей борьбы на идеологическом фронте, поскольку понятие расы становится важнейшим орудием воинствующего национализма современной буржуазии. Монополистическая буржуазия пытается использовать некоторые естественнонаучные факты, для того чтобы, фальсифицируя их и механически перенося в общественную жизнь, создать мистику расы, мистику, которой в деле одурманивания масс и затемнения их классового самосознания отводится роль, веками принадлежавшая религии.

Марксизм-ленинизм не отрицает существования рас. «Левачье» отрицание расовых отличий в среде человечества, на факт существования которых неоднократно указывали основоположники научного коммунизма Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин, было бы вредным упрощением.

Маркс относит расу к природным факторам общественного производства, к естественным условиям производительности труда. «Если мы отвлечемся от большего или меньшего развития общественного производства, — писал Маркс в «Капитале», — то производительность труда ока-

¹ Ленинградский государственный институт им. В. М. Бехтерева по изучению мозга, «Проблема борозд и извилин в морфологии мозга», Труды сектора морфологии, вып. II, под ред. проф. Л. Я. Пинес, Л. 1934.

жется связанной с естественными условиями. Эти последние могут быть целиком сведены к природе самого человека, к его расе и т. п. и к окружающей человека природе»¹. Таким образом мы имеем определенное указание Маркса, что раса, или физиологическая природа человека, представляет собой одно из естественных условий развития общественного производства. В III томе «Капитала» Маркс подчеркивает значение в числе прочих и этого условия общественного развития. Он говорит: «...Один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны главных условий — благодаря бесконечно различным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, *расовым* отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств»². Энгельс в своем известном письме к Штаркенбергу от 25 января 1894 г. также писал: «Мы считаем, что экономические условия обуславливают в последнем счете историческое развитие. Но раса является сама экономическим фактором»³. Мы видим, что основоположники научного коммунизма отнюдь не игнорировали факта расовых отличий человечества и роли расы в развитии хозяйственной жизни. Но марксистский подход к расе — это подход *диалектико-материалистический, конкретно исторический*.

Раса представляет собой проявление природного фактора. Но, воздействуя на внешнюю природу, человек изменяет и свою собственную природу. Постоянно изменяющийся способ производства изменяет самого общественного человека. Новые общественные отношения рожают новые свойства человека. Отношения же эти меняются с развитием производительных сил.

Место пассивного и биологического приспособления к природе, осуществляемого всеми животными, у человека занимает приспособление активное, технологическое. Качественное отличие человеческой расы и животного мира состоит в том, что взаимодействие человека с природой, следовательно развитие его собственной природы, расовых различий, с тех пор как человек вышел из животного состояния, происходит при определенных общественных условиях. Социальному фактору принадлежит решающая роль в изменении физических признаков человека, значит и в изменении

¹ Маркс, Капитал, т. I, Партиздат, 1936, стр. 426.

² Маркс, Капитал, т. III, Партиздат, 1935, стр. 570 (подчеркнуто мною. С. В.).

³ Маркс и Энгельс, Письма, Соцэкгиз, 1931, стр. 407.

расовых свойств. «Даже естественно возникшие родовые различия, — говорят Маркс и Энгельс, — как например расовые и т. д... могут и должны быть устранены историческим развитием»¹.

Раса, которую фашисты изображают как некую всегда устойчивую, неизменную, статическую категорию, в действительности представляет собой развивающуюся естественно-историческую категорию. Развитие или отставание той или иной расы человечества обусловлены развитием общественных отношений. Этого одного факта достаточно, для того чтобы разрушить все здание фашистского расоведения, ибо именно утверждение о наследственно передаваемой расовой устойчивости является краеугольным камнем этого здания.

Маркс и Энгельс указывают, что «первая предпосылка всякой человеческой истории — это, конечно, существование живых человеческих личностей. Поэтому первый подлежащий установлению конкретный факт — телесная организация этих личностей и ею обусловленное отношение их к остальной природе»².

Расовые различия представляют собой естественно создавшиеся различия внутри единого человеческого вида. Люди, относящиеся к одной расе, обладают рядом относительно одинаковых, наследственно передаваемых признаков и свойств телесной организации. В этом смысле имеется принципиальная разница между расой и такой исторической категорией, как нация. Вот почему т. Сталин в своей классической работе «Марксизм и национальный вопрос» особо подчеркивает, что «...нация — не расовая и не племенная, а исторически сложившаяся общность людей»³. Но о расе, которая является естественно возникшей категорией, можно сказать словами товарища Сталина, отнесенными им к понятию национального характера, что эта категория «...не есть нечто раз навсегда данное, а изменяется вместе с условиями жизни»⁴. Развитие рас всецело подчинено общественным закономерностям. Законы неумолимой классовой борьбы определяют ход и исход всех исторических событий, в том числе и судьбу фашизма со всеми его «расовыми теориями».

Чем объясняются изменения, характеризующие исторические судьбы данной расы, чем может быть объяснен весь ход ее исторического развития? Фашистские расоведы не

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. IV, стр. 413.

² Там же, стр. 10.

³ Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, сб. статей и речей, Партиздат, 1932, стр. 4.

⁴ Там же, стр. 6.

в состоянии дать на этот вопрос иного ответа кроме повторения затасканного, лишенного всякого реального содержания довода: это «объясняется свойствами расы». Что такое усыпительная сила? Сила, которая усыпляет. Подобными схоластическими, шарлатанскими тавтологиями морочат публику «теоретики» расизма. Что такое негр-раб? Это человек черной расы. Одно объяснение стоит другого!

«Негр есть негр. Лишь в определенных условиях становится он *рабом*»¹, — говорил Маркс, разоблачая рабовладельческую идеологию сикюфантов буржуазии, доказывавших, что негры «по природе» предназначены быть рабами у белых капиталистов.

Утверждать после Маркса, что исторический процесс разбивается не в зависимости от характера общественного труда, что он не зависит от состояния производительных сил, от складывающихся на их основе производственных отношений, что он обусловлен не ходом классовой борьбы, а «расовыми свойствами», — это значит быть невеждой, или мошенником, или одновременно и тем и другим. Среди фашистских «расоведов» имеется достаточное количество «теоретиков» и той и другой разновидности. Они бессильны хоть сколько-нибудь членораздельно ответить на простой и ясный вопрос: если данной расе «врождены» физические и духовные свойства, предопределяющие все ее исторические судьбы, то как объяснить, что расы, которые объявляются «естественно неспособными» к овладению культурой, «по природе малоценными» и т. д., на определенных ступенях исторического развития создавали огромную и ценную цивилизацию, — чего не могут скрыть, скажем, относительно «желтой» или «черной» расы и семитических народов даже буржуазные историки?

Вместо ответа фашистские расисты пытаются спекулировать на созданной ими метафизической фикции «чистой расы». Насколько мистична и неуловима эта «чистая раса», показывает тот факт, что расисты не в состоянии создать сколько-нибудь общепринятой даже в их среде систематики и классификации рас. И потому мнений о количестве «чистых рас» почти столько же, сколько буржуазных ученых, высказывающих эти мнения, сколько признаков, которые можно положить в основу классификации рас. По Кювье существует три расы, по Сент-Илеру — четыре, по Бринтону и Блюменбаху — пять, по Эренрейху — семь, по Геккелю — двенадцать, по Демулену — шестнадцать, по Деникеру — тридцать и т. д. В зависимости от признака, положенного

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 429.

в основу классификации, получается и определенное количество рас. И эта разногласица среди буржуазных антропологов неудивительна, поскольку они подходят к расовым различиям *метафизически*, *недиалектически*; они не рассматривают расовые различия в *их изменении и развитии*, а пытаются часто установить «*неизменные*» различия рас на основе случайно и произвольно выхваченных отдельных физических признаков.

Не представляет труда понять, какую именно расу мечтает Гитлер сделать «господином земли». Это — «раса» «белых» эксплуататоров и хищников империализма, которые эксплуатируют, угнетают и порабащают трудящихся, дубят их кожу, какой бы она ни была — белой (европейцы, индусы и т. д.), желтой (китайцы, корейцы) или черной (негры). Японские желтокожие хищники-империалисты угнетают желтокожих китайцев и корейцев. В союзе с «чистой арийской» расой германских империалистов они мечтают поработить народы СССР.

Но власть «расы» империалистов обречена на гибель неумолимыми законами классовой борьбы. Этой гибели не задержать гнусным наймитам финансового капитала, пытающимся отравить массы бациллами расистской лжи.

Но еще долгие годы после окончательной победы мировой пролетарской революции писания фашистских «расоведов» будут оставаться зловещим памятником того мракобесия, до которого докатилась буржуазия, завершая свой исторический путь.

Расовые «теории» служат в руках фашистов мощным демагогическим средством националистического одурачивания народных масс. Пользуясь этими «теориями», германские фашисты идеологически готовят новую войну, пропагандируют порабощение других народов, осуществляют политику гнета и эксплуатации по отношению к собственному народу. Под прикрытием защиты национальных интересов германского народа гитлеровская клика установила террористическую диктатуру финансовой олигархии, физически истребляет лучших сынов германского народа в застенках гестапо и концентрационных лагерях. Единственным, до конца последовательным борцом, который мужественно борется за будущее германской нации, за свободу и независимость германского народа, является героический революционный пролетариат Германии. Великий творческий германский народ многим обогатил сокровищницу человеческой культуры. Он дал этой культуре Гете и Шиллера, Лессинга

и Гейне, Гегеля и Гельмгольца, Гаусса и Баха, Маркса и Энгельса. Следуя указаниям Коминтерна, сплачивая пролетарские силы, осуществляя единство рабочих рядов, создавая единый народный антифашистский фронт, германские революционные пролетарии противопоставляют звериному шовинизму расистских мракобесов свой непоколебимый пролетарский интернационализм, беспощадно враждебный как буржуазному национализму, так и национальному нигилизму.

«Революционный пролетариат борется за спасение культуры народа, за ее освобождение от оков загнивающего монополистического капитала, от варварского фашизма, насилующего ее. *Только* пролетарская революция может предотвратить гибель культуры, поднять ее до высшего расцвета как подлинно народную культуру — *национальную по форме и социалистическую по содержанию*, — что на наших глазах под руководством *Сталина* осуществляется в Союзе советских социалистических республик»¹.

Коммунисты, подлинники защитники национальных интересов народов, всегда боролись и борются за право самоопределения народов. Коммунисты являются наиболее могущественной силой, защищающей независимость и единство малых народов, на права которых покушаются фашистские фабриканты звериных расистских теорий, подготавливающие новую мировую войну.

---

¹ *Димитров*, Доклад на VII конгрессе Коминтерна, стр. 77.

Зверство и мракобесие под маской героизма

I

Развивая ленинское учение об империализме, товарищ Сталин показывает неизбежность новых империалистических войн за передел мира. Борьба за рынки сбыта и сферы приложения капиталов и подготовка к войне вызывают дикий разгул шовинизма. Лихорадочно готовятся новые империалистические войны.

«Не удивительно, что *буржуазный пацифизм* влечит теперь жалкое существование, а болтовня о разоружении сменяется «деловыми» разговорами о вооружении и довооружении...

Шовинизм и подготовка войны, как основные элементы внешней политики, обуздание рабочего класса и террор в области внутренней политики, как необходимое средство для укрепления тыла будущих военных фронтов, — вот что особенно занимает теперь современных империалистских политиков.

Не удивительно, что фашизм стал теперь наиболее модным товаром среди воинствующих буржуазных политиков»¹.

В этих положениях товарища Сталина вскрыты и корни идеологии фашизма, корни фашистских мифов о «героях» и «героизме».

Чтобы подчинить своему влиянию массы, фашизм демагогически апеллирует к их особенно наболевшим нуждам и запросам. Фашизм демагогически «...играет и на лучших чувствах масс, на их чувстве справедливости и иногда даже на их революционных традициях»².

---

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 544—545 (подчеркнуто мною. — М. К.).

² Димитров, Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма, Доклад на VII конгрессе Коминтерна, Партиздат, 1935, стр. 12.

Фашизм особенно пытается эксплуатировать в интересах империализма ненависть масс к крупному капиталу и продажности буржуазных политиков, к капиталистической эксплуатации и рабству. Фашистские мифы о героях и героизме призваны прикрасить, прославить и воспеть дела и «подвиги» «героев» кровавого фашистского террора, с одной стороны, и использовать героизм трудящихся масс в подготовляемой новой мировой империалистической войне — с другой.

Главная цель фашизма — разгром революционного авангарда пролетариата, коммунистической партии, ее кадров, чтобы подавить и обезглавить пролетарскую революцию и бросить массы в новую империалистическую бойню. Террор против пролетариата и трудящихся масс фашизм осуществляет еще до прихода к власти при помощи особых вооруженных банд. Эти банды организуются агентами монополистических объединений капитала и находятся на их содержании и в их распоряжении. Фашистские мифы изображают Тиссена, Круппа и других магнатов капитала и их приказчиков «вождями народа», «гениальными», «творческими личностями», «героями», якобы жертвующими собой ради «национальной идеи», «чести нации» и «народной общности». Фашистская «историография» окружает «вождей» фашизма полурелигиозным культом и мифами. «Вожди» фашизма приравниваются к вождям племен героического периода варварства, когда происходил переход от родового строя к классовому. Вожди древнегерманских племен действительно выражали волю народа; они не имели аппарата принуждения и не стояли *над массами*, в то время как «вожди» фашизма подавляют волю народа всем аппаратом буржуазного государства.

Идеологи фашизма уделяют особое внимание «героическому периоду» варварства. При этом их интересуют лишь особые стороны этого периода. Их привлекают победа частной собственности, установление рабства, установление господства мужчины над женщиной, столкновения одного рода и племени с другим в целях захвата скота, рабов и сокровищ, превращение войны в регулярный промысел. Одним словом, фашистов в этом периоде интересует «злоупотребление древними родовыми учреждениями для оправдания насильственного грабежа богатств»¹.

В военной демократии *героической эпохи варварства* фашистов привлекает *не первобытная демократия*, а зарождение наследственной аристократии и монархии, грабежи

---

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Партиздат, 1933, стр. 132.

и войны как постоянный промысел зарождающихся эксплуататорских групп. Свои империалистические и контрреволюционные цели фашизм прикрывает фразами о возрождении героической эпохи родового строя.

Гегель уже приходилось высмеивать иллюзии о возрождении нравов и обычаев героического периода варварства в условиях «гражданского общества» и «цивилизации». Гегель обнаруживал острое историческое чутье и проницательность, указывая, что в «гражданском обществе» и «цивилизованном» (буржуазном) государстве нет места героям, эпосу и мифологии, свойственным древности. Попытки возродить их Гегель называл *тривиальнейшей, пошлейшей затеей*, видимостью юношеского воодушевления, «признаком дряхлости эпохи, ввавшей перед смертью опять в детство и наслаждающейся отмершим...»¹.

Высмеивая подобные попытки, Гегель высказал много гениальных догадок, глубоких и верных наблюдений. Но научное объяснение того факта, почему буржуазное общество не может возродить древний героизм, дали только Маркс и Энгельс.

Буржуазное общество вообще «мало героично», ибо не оставляет «...между людьми никакой связи, кроме голого интереса, бессердечного чистогана. В холодной воде эгоистического расчета потопила она (буржуазия. — М. К.) священный порыв набожной мечтательности, рыцарского воодушевления и мещанской сентиментальности. Она превратила в меновую стоимость личное достоинство человека и на место бесчисленного множества видов благоприобретенной и патентованной свободы поставила одну беззастенчивую свободу торговли. Словом, эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплуатацией открытой, прямой, бесстыдной и сухой.

Буржуазия лишила обаяния святости все те почетные роды деятельности, на которые до сих пор смотрели с благоговейным трепетом. Врача и юриста, священника и поэта, человека науки она превратила в своих наемных работников.

Буржуазия сорвала с семейных отношений их трогательно-сентиментальный покров и превратила их в дело простого денежного расчета»². Маркс и Энгельс беспощадно срывали «воображаемые цветы» с цепей капиталистического рабства. Но «...не затем, чтобы человек носил трезвые,

¹ Гегель, Лекции об эстетике, т. III, нем. изд. 1928 г., стр. 348—349.

² Маркс и Энгельс, Коммунистический манифест, Соч., т. V, стр. 485—486 (подчеркнуто мною. — М. К.).

безнадежные цепи, а затем, чтобы он *сбросил цепи и срывал живые цветы*¹. Марксизм требует вместо мифов восстановить правду земную.

Совсем другую цель преследуют буржуазно-апологетические мифы. Их задача — озолотить и расцветить фальшивыми цветами цепи капиталистического рабства, прикрыть господство голого расчета и чистогана, бесстыдную и сухую эксплуатацию иллюзиями, религией, мистикой, фразами. Вся фашистская литература полна фраз о «героях» и «героизме», «героическом понимании жизни», «героическом идеализме», «героическом реализме», о новой эпохе героизма и славы нации, которую якобы открывает фашизм.

Эта фразеология заставляет вспомнить слова Гегеля, высмеивавшего нечистую совесть «важничающей поверхностности» своих современников, феодальных романтиков и жалких эпигонов Канта и Фихте. «...Там, где в этой поверхностности, — говорил Гегель, — более всего *отсутствует дух*, она чаще всего *говорит о духе*; там, где она наиболее мертвенно суха, она чаще всего употребляет слова «жизнь», «вести в жизнь»; там, где она проявляет величайшее, свойственное пустому высокомерию себялюбие, она чаще всего употребляет слово «народ»². И там, где отсутствует подлинный героизм, где налицо кровавые террористические методы подавления народа, где отсутствует элементарная честность, фашисты громче всего кричат о героизме, чести, самопожертвовании и славе нации.

Массы трудящихся Германии все яснее понимают, что они поработаны и неправы в фашистском государстве. Они видят, что их организации (профсоюзы, кооперативы и т. д.) уничтожены. Ликвидировано право стачек. Годы фашистского хозяйничанья в Германии явились годами голода, нищеты и безработицы для миллионов трудящихся. Зарплата рабочих снижена под звон фраз о «самопожертвовании» и «героизме». Введены режим казармы и рабская дисциплина труда (лагери трудовой повинности, концентрационные лагеря, работа у помещиков и кулаков за «карманные деньги» или гороховую похлебку). Усиливается рабство женщины.

Такова реальность, которую прикрывают фашистские фразы о «героизме» и «самопожертвовании». Трудящимся фашизм предлагает «героически» терпеть и не «заражаться» эгоистическим, грубым материализмом.

Для обмана трудящихся буржуазные партии «...всегда выдвигали и всегда выдвигают какие угодно «лозунги». Дело

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. I, стр. 400 (подчеркнуто мною. — М. К.).

² Гегель, Философия права, Соч., т. VII, стр. 11.

в том, чтобы *проверить* их искренность, чтобы со словами сопоставить *дела*, чтобы не довольствоваться идеалистической или шарлатанской *фразой*, а доискиваться *классовой реальности*»¹.

Марксизм учит массы проверять политику буржуазных партий *по их делам*. Дела же фашистской партии говорят, что при фашистской диктатуре у власти в Германии стоит монополистический капитал: Тиссен, ставший при помощи фашистского переворота полным хозяином Стального треста, член тридцати контрольных советов; Крупп — король германской военной промышленности, крупный банкир, член восемнадцати контрольных советов; Шахт в качестве диктатора хозяйства — таковы действительные вожди «народного хозяйства» в фашистской Германии.

Одно сопоставление фашистских мифов с этими фактами разоблачает их контрреволюционную и эксплуататорскую суть, их ложь. Ложь возведена в фашистской «философии» мифа в принцип. Разве не ложь присвоение партией наиболее реакционных империалистических и шовинистических элементов буржуазии названия «национал-социалистской рабочей партии»?

Это фальшивая вывеска, ибо в фашизме, как указывал товарищ Сталин, нельзя найти и «атома социализма». Направляя жесточайший террор против рабочих, уничтожая их организации и права, завоеванные борьбой в течение десятилетий, подавляя всю нацию, эта партия — орудие Круппов, Тиссенов и К^о — называет себя «рабочей» и «национал-социалистской», а свою контрреволюцию и кровавый террор — «национал-социалистской революцией».

Фашистский миф не обязан считаться с какой-то там реальностью или объективной истиной. Гитлер поучает свою «дружину», что задача пропаганды не в том, «чтобы искать объективную истину и доктринерски излагать ее массам даже в тех случаях, когда это оказывается к выгоде противника»². Наоборот, надо все зло капитализма валить на непримиримых врагов капитализма — на коммунистов, надо пропагандировать ту мысль, что «вина лежит исключительно на противниках даже в том случае, если бы это и не соответствовало действительности»³.

Истине надо «зажать рот», писал еще Ницше. По указке Гитлера, Геббельса и Розенберга действует целая орава нанятых для этого фашистских профессоров в сотрудничестве с гестапо и защитными отрядами.

¹ Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 377.

² Hitler, Mein Kampf, Verlag 1933, S. 200.

³ Ibidem.

Так, профессор «политической педагогики» в Берлинском университете А. Боймлер посвящает свои «лекции» воспеванию «смысла великой войны» 1914—1918 гг. и пропаганде войны. Он воспекает «героический союз мужей», полевой лагерь, героический энтузиазм. Под действительностью этот «героический реалист» понимает только *великую войну*¹. Он разносит пацифизм и парламентаризм, буржуазную демократию и пацифистскую интеллигенцию.

Бывший социал-демократ, а ныне фашист Ф. О. Шульц также разносит пацифизм, прославляет войну и брызжет слюной против марксистов, которые разоблачают грабительский характер мировой империалистической войны и оскверняют переживания Шульцев. «Марксизм старался породить отвращение к мировой войне... Он вытраивал героическое и воспитывал страх перед войной». Марксизм, беснуясь пишет Шульц, пытался «запачкать грязью гигантские переживания мировой войны»².

Фашистские мифы о героизме ставят задачей прежде всего идеологическую подготовку империалистической войны. Последнюю фашизм всемерно воспекает и прославляет.

«Фашизм не верит, — пишет Муссолини, — что возможен какой-либо прочный мир и, что такой мир может пойти нам на пользу»³. Поэтому фашизм, по Муссолини, отвергает пацифизм, ставящий простую трусость взамен жертвенности. Только война придает отпечаток благородства народу и ставит перед людьми альтернативу: жизнь или смерть. Поэтому «фашизму чуждо всякое учение, опирающееся на требование мира»⁴. Поэтому фашизм требует от трудящихся стоицизма, самоотречения, «героизма», готовности идти на смерть ради увеличения прибылей кучки монополистов.

Розенберг предлагает преклоняться не перед «идолами» «гуманности, человеческой любви, пацифизма и освобождения рабов»⁵, а перед правом империалистов на войну.

Гитлер убеждает, что человечество «погибнет при существовании вечного мира»⁶.

¹ *Baumler, Männerbund und Wissenschaft*, S. 3, 5, 9, 10 ff. Книга начинается «лекцией» о «Смысле (Sinn) великой войны» и кончается «лекцией» о «Солдате сегодня».

² *Schutz, Untergang des Marxismus*, Stuttgart 1933, S. 160—161.

³ *Mussolini, Fascismo (dottrina)*, *Enciclopedia Italiana*, v. XIV, 1932, p. 849.

⁴ *Ibidem*.

⁵ *Rosenberg, Blut und Ehre*, S. 221.

⁶ *Hitler, Mein Kampf*, t. I, S. 149.

Фашистские мифы о героизме призывают сынков буржуа и помещиков проявить «героизм» в деле подавления пролетарской революции, ибо для буржуазии настали «решающие годы», как возвестил в своей книге «Jahre der Entscheidung» Шпенглер. О. Шпани призывает буржуазную и помещичью молодежь бросить безделье и проявить героизм, ибо решается судьба их класса¹.

О реакционных и контрреволюционных целях своих мифов говорят сами авторы мифов. По фашистским «теориям», новая эпоха всегда открывается созданием «нового мифа жизни» и новой веры в этот миф. Как только люди перестают *слепо верить* этому мифу, наступает упадок. И вот фашистский мифотворец Третьей империи Розенберг доказывает, что старым мифам уже перестали верить. Старые боги пали, вера в кайзера «божьей милостью» погибла; обожествление государства неогегельянцами не способно уже обманывать и становится «бескровной схемой». В кровавом хаосе переживаний мировой войны «христианские идеалы» похоронены². Именно поэтому Розенберг в целях уловления масс, отходящих от религии, и выступает против христианства как продукта «еврейско-римского мира» и сочиняет новые мифы о расах, нации. На помощь религии и официальной церкви он привлекает «религию крови» — расовую «теорию», древнегерманскую мифологию и героический народный эпос. Для мелкобуржуазной интеллигенции, не склонной восторгаться мифами ветхого и нового завета и лютеранским катехизисом, он вытаскивает средневековый феодальный эпос о Нибелунгах, мифы о древнегерманских богах и богинях (Вотан, Фрейя и др.) и «приспособляет» их для пропаганды звериного шовинизма. Для фашистской богемы у Розенберга имеется миф о Вальпургиевой ночи. Розенберг готов устроить настоящий фашистский шабаш ведьм на Лысой горе³. Для любителей мистики Розенберг откопал мейстера Экхарта, средневекового мистика из дворян-рыцарей, объявив его великим немецким мыслителем, и антисемита Х. Чемберлена, объявленного предшественником Гитлера. «Мейстер Экхарт, от которого бог никогда ничего не скрывал», как гласит эпитафия его проповедей, доказывал, что «*бог неизречен*». Его проповеди — чистая тарабарщина. Одному он учит ясно свою паству: переносить все тяжести, бедствия и *нищету* «добровольно», ра-

¹ Spann, Gesellschaftsphilosophie, München 1928, S. 162—163, 188.

² Rosenberg, Mythos des XX Jahrhunderts, S. 244, 253.

³ Газеты сообщали уже о таком шабаше в честь бога Вотана в день летнего солнцестояния при участии Геринга и Геббельса («Правда» от 24/VI 1935).

достно, свободно, как желанное, и не спрашивать почему¹. Это же проповедуют и мифы Розенберга. Розенберг уверяет, что новый «миф жизни» сформирует «новейший тип человека». Все бедствия, от которых страдают трудящиеся при капитализме, происходят оттого, видите ли, что в массах потеряна вера в старые мифы. Розенберг считает, что спасти загнивающий капитализм можно, только создав новые мифы для обмана масс.

Следует отметить, что в массах почву разгулу фашистской «мифологии» подготовляли социал-демократы своим шовинизмом и национализмом и своей теорией и практикой «сотрудничества» классов.

Еще Маркс в письме к Энгельсу от 1 августа 1877 г. и к Зорге от 19 октября 1877 г. бичевал замену социал-демократическими литераторами, ревизионистами материалистического научного анализа «...новой мифологией со всеми ее богинями...»². Марксову теорию классовой борьбы теоретики социал-демократии заменили пошлой мещанской идеалистической фразеологией. «Вожди социал-демократии затушевывали и скрывали от масс подлинный классовый характер фашизма и не звали к борьбе против усиливающихся реакционных мероприятий буржуазии. Они несут большую историческую ответственность за то, что в решительный момент фашистского наступления значительная часть трудящихся масс в Германии и ряде других фашистских стран не узнавала в фашизме кровавейшего финансового хищника, своего злейшего врага, и что эти массы не были готовы к отпору»³.

Реакционные вожди социал-демократии своей пропагандой шовинизма, национализма, подрывом интернациональной пролетарской солидарности, своей политикой подавления революционной инициативы и героизма пролетарских масс расчищали дорогу фашизму. «Герои» II Интернационала — Шейдеман, Носке, Вельсы, Каутские — подменяли революционную борьбу за диктатуру пролетариата и воспитание масс в духе революционного героизма филистерскими иллюзиями о мирном вращении «старого свинства» (капитализма)

¹ М. Экхарт, Проповеди и рассуждения, стр. 181, 182. Так же как и «Арийское мирозерцание» Х. Чемберлена, эта книга издавалась в России мистическо-реакционным черносотенным издательством «Мусагет». На подобной «литературе» и «воспитывался» бывший балтийский барон Розенберг.

² Маркс и Энгельс, Письма, Гиз, 1932, стр. 300—301.

³ Димитров, Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма, стр. 11.

в социализм. Маркс и Энгельс, Ленин и Сталин постоянно бичевали дух филистерства, буржуазного делячества, ренегатства, который вносили в рабочее движение «виртуозы филистерства» типа Каутского. Фашисты использовали недовольство трудящихся масс, в особенности молодежи, этой мещанской, филистерской, ренегатской политикой вождей социал-демократии, политикой сдачи буржуазии без боя позиций рабочего класса.

II

Фашисты утверждают, что характер, дарования, талантливость личности определяются исключительно мистическими неуловимыми свойствами нации или «расы», расовой «крови» и «души». Условия общественного развития, имущественное, классовое положение, реальные общественные возможности развития природных талантов личности являются для них не решающими и не главными, а второстепенными или вовсе не играющими никакой роли. Личности «по природе» не равноценны: есть «полноценные», «высшие», «творческие», «героические» личности и «неполноценные», «трусливые», «низшие люди» (*Untermenschen*), или «бастарды», «ублюдки», как их называют Гитлер, Розенберг, Шпенглер. Эти идеи родственны реакционнейшим идеям итальянского антрополога-криминалиста Чезаре Ломброзо. По «теории» этого основателя реакционной буржуазной «антропологической» школы права, некоторые люди рождаются преступниками («прирожденные преступники»); они неисправимы. Смертная казнь, пожизненное заключение, высылка в колонии и стерилизация — таковы меры, «обоснованные» этой школой и проводимые на практике в фашистской Германии.

Само собой разумеется, «низшими», «преступными», «трусливыми» людьми эти «теории» изображают революционных пролетариев. Об этом прямо писал Ницше. На идеях Ницше воспитывались Муссолини, Гитлеры, Розенберги и др.

«Личностями» идеологи фашизма считают лишь тех, кто стоит «над массой» и подавляет массу. Гитлер противопоставляет «аристократический принцип лучшей личности» демократическому принципу большинства. «Нельзя предоставить власть слепой массе, неспособной думать и обладать искрой божией»¹. Надо «поставить личность над массой, т. е. подчинить массу личности»², — заявляет Гитлер.

Геббельс разъясняет, о каких личностях идет речь. «Необходимо понять, — пишет он, — что мужи формируют сы-

¹ *Hitler, Mein Kampf*, S. 493.

² *Ibidem*.

рую массу, что сырая масса не призвана руководить политическими образованиями. Здесь требуется руководящая рука творческой индивидуальной личности»¹.

Только «аристократическим личностям» приписываются все свойства «высшей» нации и расы. Германский фашизм такой расой объявляет «северогерманскую», «арийскую расу» и приписывает исключительно ей одной героизм, идею чести, верности, мужества, самопожертвование, умственную одаренность, музыкальность, организационный и художественный дар и гений и все прочие творческие способности.

Всем другим расам, племенам, народам и прежде всего трудящимся массам приписываются самые худшие свойства, какие только в состоянии вообразить идеологи фашизма. Вся культура Европы, равно как и культура древнего мира, культура Востока и современной Америки, равно как и культура мифической северной Атлантиды, объявляется созданием северогерманцев².

Идеологи германского фашизма черпают свои «расовые» идеи из старой немецкой буржуазной шовинистической историографии. Последняя утверждала, что германцы имеют особые, высшие расовые и национальные свойства, которых нет у других народов. Германские племена, утверждает шовинистическая историография, именно благодаря этим свойствам вдохнули новую жизнь «в умирающую Европу» (т. е. в разлагавшуюся рабовладельческую формацию древнего Рима) и создали феодализм.

Реакционная сущность этой «историографии» давно разоблачена Энгельсом.

«Но в чем, — спрашивал он, — состояло то таинственное волшебное средство, при помощи которого германцы вдохнули новую жизненную силу в умирающую Европу? Была ли это особая, прирожденная германскому племени чудодейственная сила, как воображает наша шовинистическая историография? Отнюдь нет. Германцы, особенно тогда, были высоко одаренным арийским племенем, и притом в процессе своего полного жизненного развития. Но омолодили Европу не их специфические национальные особенности, а просто... их варварство, их родовой строй.

Их личная энергия, храбрость, их свободолюбие и демократический инстинкт, видевший во всех общественных делах свое собственное дело, одним словом — все качества, утраченные римлянином... — чем было все это, как не

¹ Josef Goebbels, Der Faschismus und seine praktische Ergebnisse, S. 7.

² Hitler, Mein Kampf, S. 317—318.

характерными чертами варвара высшей ступени, *как не плодами его родового устройства?»*¹.

Эти черты были присущи как древним германцам, так и всем арийцам и семитам и народам всех племен и рас при первобытно-коммунистическом родовом строе: и древним грекам гомеровской «героической эпохи», и древним евреям, и римлянам, индейцам Америки, и всем народам СССР. Они не могут возродиться в условиях фашистского режима по той простой причине, что фашистская диктатура не восстанавливает конечно родовой строй, а пытается спасти от гибели умирающий буржуазный строй.

В своей демагогии фашисты льстят крестьянству, объявляя его основой сохранения и возрождения чистоты расы и нации. В действительности же высшей расой и личностью фашизм признает лишь «расу господ», т. е. помещиков и капиталистов.

Восхваляя и воспевая террористическую диктатуру капитала, идеологи фашизма твердят, что буржуазная демократия мешает выдвижению истинных гениев, ибо она дает якобы господство массе. Ведь масса в изображении идеологов и политиков фашизма — это сила тупости, «косности» и «глупости».

В фашистском государстве при выдвижении людей якобы никакой роли не играют привилегии буржуазной собственности, предоставляющей все возможности для образования сынкам помещиков и буржуа. Здесь якобы выдвижение на руководящие посты происходит исключительно по талантам и гениальности и притом «лучших людей», «выдающихся сынов народа»². Здесь якобы «человек должен достигать того, чего он достоин»³.

Это лживые мифы. В условиях капитализма и особенно кровавого фашистского режима трудящиеся массы, подлинные творцы всех богатств и культуры, никогда не достигают того, «чего они достойны». Впрочем «вожди» фашизма считают, что трудящимся достойно быть только под гнетом эксплуатации и рабства. Лживость этих фашистских мифов разоблачается уже тем, что фашизм признает буржуазную собственность священной и неприкосновенной и защищает ее кровавым террором.

Общеизвестен факт, что при капитализме масса талантов из народа гибнет от нужды и нищеты, не имея условий для

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Партиздат, 1933, стр. 185 (подчеркнуто мною. — М. К.).

² Hitler. Mein Kampf, S. 49², 500.

³ Mussolini, Fascismo (dottrina), Enciclopedia Italiana, v. XIV, p. 847.

развития. Фашистский режим всей своей политикой и террором усиливает до неслыханных размеров угнетение и порабощение народа, лишает трудящихся доступа к образованию. Это проводится под флагом борьбы с так называемым «перепроизводством интеллигенции». Таланты и герои — борцы из народа — попадают в тюрьму, в концентрационный лагерь, под фашистский топор.

Идеологи фашизма в действительности заботятся о талантах буржуазии и об этом пробалтываются в своих циничных рассуждениях.

Так например глава неогегельянцев Р. Кронер, ополчаясь против коммунизма, уничтожения классов, заявляет, что «божественная справедливость» не может быть достигнута коммунизмом, ибо «царство божие... неосуществимо на земле»¹. Кронер допускает «коммунизм» только в области духовной; здесь якобы все могут одинаково пользоваться «общими» благами культуры сообразно своим силам и талантам: и фашистский профессор, и банкир, и голодный, безработный пролетарий. Частной собственности, классов, классового неравенства и эксплуатации уничтожить нельзя, ибо «право собственности вытекает в конце концов из свободы самой личности»². На защиту собственности и неравенства он призывает даже бога. Если бы бог хотел равенства и справедливости в распределении земных благ, то он конечно «сотворил бы всех людей с одинаковыми хозяйственными талантами и воздержался бы от создания поэтов и мыслителей, героев и святых»³.

Г. Шварц также твердит о «творческой личности», выступающей из «народа» и ставящей себе идеальные задачи. Он болтает о братьях «по судьбе» и обосновывает послушание всех «воле вождя» — Гитлера. Он ненавидит также «мировую республику пацифистского стиля»⁴ и воюет против идей равенства и братства людей и народов. Порабощение трудящихся Г. Шварц тоже не может обосновать без бога.

«Профессия, к которой я призван, — говорит Г. Шварц, — вписана мне в книгу жизни и есть поручение бога»⁵. Г. Шварц защищает эксплуатацию и кровавый режим фашизма по поручению бога поповскими фразами о любящей

¹ *Kroner, Kulturphilosophische Grundlegung der Politik*, S. 69.

² *Ibid.*, S. 93. То же на разные лады твердят Муссолини, Гитлер, Шпанин, Шварц и т. д. Шпенглер же заявляет, что «воля к собственности» определяет даже принадлежность к «нордической расе»: человека без чувства или инстинкта частной собственности нельзя отнести к этой «расе» (*Spengler, Jahre der Entscheidung*, München 1933, S. 133).

³ *Kroner, Kulturphilosophische Grundlegung der Politik*, S. 99.

⁴ *Schwarz, Nationalsozialistische Weltanschauung*, S. 96, 99.

⁵ *Ibid.*, S. 91.

воле «братьев по судьбе» — капиталистов и пролетариев Германии; «братья»-пролетарии призваны быть вечно эксплуатируемыми, «братья»-капиталисты — их эксплуататорами. Таково реальное классовое содержание «мировоззрения» Г. Шварца.

Капитализм душит и мнет тысячи и миллионы талантов из народа и пытается подкупить и развратить, подчинить себе материально и духовно всех тех, кто выделяется своими способностями и талантами, и поставить их себе на службу. Империализм за счет сверхприбылей от эксплуатации колониальных народов подкупал верхушку рабочего класса, рабочую аристократию и бюрократию, создавал свою агентуру внутри рабочего движения, привлекал к себе выскочек из мелкой буржуазии. Эту практику коррупции, подкупа, шантажа и террора проводит фашистская диктатура под флагом фраз и демагогии о выдвижении «лучших сынов народа».

Лучше всего эта демагогия разоблачается интересными данными о кадрах Третьей империи, которые привел в своей статье Генрих Шульц¹. Проанализировав биографические данные по «Справочнику германских вождей на 1934/35 г.», он показывает, что из 944 «вождей» Третьей империи², указавших свое социальное происхождение, 218 — лица свободных профессий, 170 — дети промышленной, торговой и банковской буржуазии, 170 — дети высших государственных чиновников, 133 — дети помещиков и аристократии, 102 — дети так называемых «крестьян», 53 — дети офицеров, 53 — дети ремесленников, 43 — дети мелких служащих и только 2 — дети рабочих! В качестве «крестьян» выступают люди, ведущие родословную с XIV и XV вв., роднившиеся с дворянами и имевшие «подсобные заработки» в виде собственных фабрик и заводов и «отхожие промыслы» в виде должностей епископов, генералов и адмиралов.

По подсчетам Г. Шульца, из 566 «вождей» фашистской партии только двое до вступления в партию указывают, что были «рабочими», зато 48 «вождей» были торговцами и купцами, 24 — фабрикантами, 27 — кулаками, 27 — офицерами, 6 — банкирами, 4 — помещиками, 4 — попами и остальные — мелкие, средние и высшие чиновники, служащие и лица свободных профессий.

Половина фашистской верхушки в период войны была офицерами (из 419 указавших участие в войне 217 были офицерами). Германский фашизм на высшие государственные посты поставил злейших врагов народа, организаторов

¹ «Правда» от 20/II 1935.

² «Das deutsche Führerlexikon», Berlin 1934/35.

контрреволюционного террора и интервенции против революции в Финляндии, Прибалтике, на Украине. Гитлер, Геринг, Геббельс, бывший балтийский барон Розенберг, графы Ревентлов, Гельдорф, главнокомандующий кайзеровской армией Людендорф, генералы Бломберг, Сект, фон Эпп и др. — такова командующая верхушка фашистской Германии. Их Гитлер именует лучшими сынами народа; неудивительно поэтому, что Гитлер, изображающий из себя «лучшего сына народа», расписывает величие монархической идеи и культурное значение монархии для немецкого народа¹. Он доказывает, что «прогресс культуры человечества не продукт большинства, но покоится исключительно на гениальности и деятельности личности»². Народ (т. е. большинство), по Гитлеру, не творит культуры, творят ее лишь «гении».

Вся политика и идеология фашизма проникнуты боязнью, барским презрением и ненавистью к трудящимся массам. Массу должно обманывать, подчинять, подавлять, презирать и... опасаться — вот что пронизывает все фашистские писания. «Масса косна и ленива»³. «...Восприимчивость массы очень ограничена, круг понимания очень узок, зато забывчивость массы очень велика»⁴, — твердит Гитлер. Поэтому задача пропаганды не в том, чтобы дать массам «научное образование», а заставить массы поверить. Фашистские «гении» выступают открыто против массы как непримиримая и враждебная им сила. «Да разве вообще любое гениальное действие в нашем мире не является наглядным протестом воли гения против косности массы?»⁵ — спрашивает Гитлер. Гитлер сам изображает себя «гением», «Колумбом», «провидением», посланником бога. «Борясь за уничтожение еврейства (а к «еврейству» Гитлер относит не только марксистов, но и либералов, пацифистов и всех своих противников. — М. К.), я борюсь за дело божье»⁶, — пишет он. Он мнит, что уже вошел в пантеон истории в качестве героя. «Не грязни ступени этого великого здания, ибо по ступеням пантеона истории проходят не проныры, а только герои»⁷. Он сам рассказывает, каким героем оказался он во время империалистической войны: «В течение этих месяцев я впервые почувствовал, насколько коварна была ко мне судьба, бросив меня на передовую линию, где шальная пуля

¹ *Hitler, Mein Kampf*, S. 306.

² *Ibid.*, S. 379.

³ *Ibid.*, S. 526.

⁴ *Ibid.*, S. 198.

⁵ *Ibid.*, S. 86.

⁶ *Ibid.*, S. 70.

⁷ *Ibid.*, S. 100.

любого негра могла в любую минуту меня прикончить, между тем как на другом посту я мог бы оказать своей родине куда более значительные услуги»¹. Комментарии излишни. На простом человеческом языке такое поведение на фронте называется трусостью.

Идеологи фашизма делят всех людей на водителей и ведомых, на вождей и их «дружину», свиту (*Gefolgschaft*). Это, так сказать, вечный закон, который Макс Шелер, представитель поповского католического фашизма, искал в сущности самого органического мира.

Ненависть к массам трудящихся, боязнь роста их классового сознания лежит в основе и фашистской критики демократии. Идеологи фашизма убеждают буржуазию в том, что парламентаризм не является уже препятствием к господству угнетенных классов, ибо «на место великой личности ставит большинство, т. е. силу глупости, неспособности и трусости»². Господа Гитлеры клеветуют на массы сознательно. Они боятся лишь ввести этой клеветой в заблуждение своих соратников. Их они заботливо предупреждают: «Остерегайтесь вообще считать широкую массу глупее, нежели она есть в действительности»³.

В наиболее открытой форме истинную реакционную суть всей фашистской фразеологии о роли «великой личности», «гениев» и «вождей» в фашистском государстве выразил такой идеолог фашизма, как Шпенглер.

Шпенглер признает для личности лишь две судьбы: быть жертвой или терзать жертву. Он, как и Ницше, певец «хищной расы», «человека — хищного зверя»⁴.

Для него высшим воплощением «крови и расы народа» является дворянство. В своей книге «*Jahre der Entscheidung*» этот идеолог империалистов демагогически восхваляет доблести крестьянства и натравливает его на пролетариат. Идеал Шпенглера — прусская казарма, военно-бюрократическое «истиннопрусское» холопское государство со слепым подчинением личности прусской казарменной дисциплине. Его идеал — японские самураи, высшая «раса» Японии. Пролетариат для него — сословие, стоящее вне культуры.

Он весь клокочет зоологической ненавистью и бешенством против пролетариата и СССР, против национально-революционного движения в колониях (против революции «цветных рас»). Отсюда его ненависть ко всем восстаниям

¹ *Hitler, Mein Kampf*, S. 156.

² *Ibid.*, S. 347.

³ *Ibid.*, B. I, Kap. 5.

⁴ Таковы основные «идеи» книги Шпенглера, *Der Mensch und die Technik*, München 1928.

угнетенных классов и к их вождям. Шпенглер обрушивается, как и Гитлер, на «трусость» «либеральной» буржуазии, по его мнению, слишком «пацифистской» и «демократической» по отношению к рабочим. Шпенглер доказывает буржуазии, что для нее настали «решающие годы», что она должна силой обуздать рабочих или иначе будет поздно. Пролетарская революция может соединиться с революционным движением в колониях (с «революцией цветных», как говорит он), революция уже это делает, она «уже победила и празднует триумф»¹. Спасение Шпенглер видит только в «великих и сильных хищниках», завоевателях, «цезарях». Их воспекает он как подлинных и единственных творцов истории и культуры, «рожденных для господства», представителей высшей северной расы. К ним относит он и Муссолини, сравнивая его с наемниками эпохи Возрождения. «Муссолини человек властный, как кондотьеры Ренессанса»².

К массам трудящихся и особенно к пролетариату идеолог цезаризма относится с бешеной ненавистью. О них Шпенглер не в состоянии говорить иначе как о «черни», «выродках», «гадах», «насекомых», ничтожных в отдельности, но действующих разрушительно, когда выступают «скопом». Пролетарии, плебеи, эти «низы общества», истерически твердит Шпенглер, не могут понять «великих творений культуры», они могут только разрушать ее и воспитывать «ненависть ко всему великому и благородному в этом мире»³. Оправдание всякого рабства, господство «высших рас» (читай: империалистов) над «низшими», угнетенными нациями и классами, господство «высшей расы» эксплуататоров над эксплуатируемыми и угнетенными трудящимися массами — все это цинично воспевается идеологами фашизма как вечное условие культуры. Только «гении», творческие личности избранной расы господ объявляются творцами культуры. Масса — лишь сырой материал для фашистских «героев» и «гениев», вождей. Шпенглер сказал это таким циническим рабовладельческим языком, что от него сочли благо-разумным отмежеваться некоторые фашистские политики. Но что у последних на уме или проводится на практике, то у Шпенглера на языке.

Недаром идеологи фашизма канонизировали Ницше. «Сверхчеловек» Ницше, ненавидящий массу трудящихся, — идеал фашистских бандитов. Ницше — пророк прусской им-

¹ *Spengler, Jahre der Entscheidung, S. 104, München 1933.*

² *Ibid., S. 135.*

³ *Ibid., S. 67, 68—69.*

периалистической политики «крови и железа». Ницше — идеолог помещичье-буржуазной реакции против революционного пролетариата. Ницше выразил безграничную ненависть наиболее реакционных слоев германской буржуазии к рабочему движению, которое добилось серьезных успехов в 70—80-х годах прошлого века. Ницше фашисты подняли на щит за его ненависть к социализму, за восхваление рабства и насилия эксплуататоров над трудящимися, за реакционную критику буржуазной демократии. Идеи Ницше оказались как нельзя более подходящими наиболее реакционным шовинистическим и империалистическим элементам буржуазии в период общего кризиса капитализма. Идеология Ницше оказывала влияние и на мелкобуржуазную интеллигенцию, подпадавшую под влияние империалистической политики и идеологии. Объективно идеология Ницше воспевала всевластие юнкерства и магнатов финансового капитала, их «волю к власти».

Когда Ницше создавал миф о «сверхчеловеке», перед ним витал не только образ юнкера, но и банкира¹. Для «сверхчеловека» старая христианско-буржуазная мораль не годится. Это мораль «овец и ягнят». Принцип морали либеральной буржуазии есть минимум силы, максимум слабости. Это тартюфская, лицемерная мораль. «Воля к власти», борьба за мировое господство — вот основа философии, религии, политики и «морали» «сверхчеловека». Это и стало моралью империалистической буржуазии. Мораль надо заставить согнуться перед *иерархией*. Сверхчеловек должен быть в сущности имморалистом, *пресекать мораль*, быть неустрашимым авантюристом, считать «...условием жизни не истину, а то, что способствует жизни, будь то даже ложь, фикция»². Это и значит стать «по ту сторону добра и зла». Стремление к истине, добру, справедливости, равенству — это, заявляет Ницше, моральный предрассудок. Для сверхчеловека *«ничего нет истинного, все позволительно»*³.

Слабый должен повиноваться сильному. Ты должен повиноваться — это заповедь слабым расам, народам, сословиям, но не сверхчеловеку. Религия для ницшевского сверх-

---

¹ «Чтобы быть хорошим философом, надо иметь ум сухой, ясный, свободный от иллюзий. У банкира, завоевавшего себе состояние, имеется частичка того характера, который требуется для открытий в области философии, т. е. для того, чтобы ясно видеть то, что существует» (Ницше, т. II, 1903, изд. Ключкина, стр. 58—59).

² Ницше, т. II, изд. Ключкина, 1903, стр. 10, 37.

³ Ницше, Так говорил Заратустра, Собр. соч., т. I, изд. Ключкина, стр. 230 (подчеркнуто мною. — М. К.).

человека — предрассудок массы и в то же время орудие власти над массой.

«Для сильных, независимых, приготовленных и предназначенных для власти, в которых воплощается разум и искусство правящей расы, религия является скорее средством преодолевать сопротивление, облегчает возможность к господству; это узы, которые связывают повелителя с подданными, узы, которые выдают и предают в руки первого совесть этих последних»¹. Христианство и буддизм обладают большим искусством внушать веру в *«иллюзорный порядок вещей, чтобы примирить с действительным порядком»*². Религия, особенно христианская, однако неудобна, поскольку она учит охранять слабых, которые должны погибнуть, и расслабляет волю господ к власти. Волчий закон капитализма — вот суть этой идеологии, морали и политики империализма.

Согласно этой морали надо падающего подтолкнуть и подавать «не руку, а лапу с когтями»³. Империализм есть эпоха кровавых империалистических войн и насилий. Ницше — пророк этой эпохи. «Пиши кровью. Кровь есть дух», — вещает он, как пифия. Живите жизнью войны — не благое дело освящает войну, *«а благая война освящает всякое дело»*⁴. Сверхчеловек Ницше — это «герой» буржуазии эпохи империализма. Он наделен такими «качествами», которые культивируют идеологи и политики фашизма. Эти «герои» понимают лишь «убийственную радость и жажду счастья ножа»⁵. Все человечество для ницшеанцев — навозная куча. Само собой понятно, что «сверхчеловек» Ницше находится в антагонизме с массой, с «чернью». «Мало понимает народ великое, т. е. творческое»⁶. Одна мысль об уничтожении классового неравенства приводит его в бешенство. Но сверхчеловек запутывается в неразрешимых противоречиях. Он должен стремиться к власти. Слабейшие должны служить ему, быть *мостом* к власти, а народу ненавистен его «свободный дух», народ не знает, что такое дух сверхчеловека, чернь хочет стать сама господином. Женщина должна мечтать родить «сверхчеловека». А сверхчеловек учит: идя к женщине, «не забудь взять с собою

¹ Ницше, По ту сторону добра и зла, стр. 83 (подчеркнуто мною. — М. К.).

² Там же.

³ Там же, стр. 54.

⁴ Ницше, Так говорил Заратустра, стр. 38.

⁵ Там же, стр. 30.

⁶ Там же, стр. 40.

плеть»¹. Он не столько разум земли, он — «это безумие»². Он стремится к своему падению, к гибели и, как все пророки, гибнет.

Ницше ярко выразил идеологию упадка, загнивания, безумия, реакционного бешенства юнкерства и вместе с тем поворот буржуазии к реакции, к кровавому империалистическому грабежу и насилию. Ницше в безумии «сверхчеловека» выразил также безумие классов, идущих к гибели. «Стойте на голове», — говорит его «сверхчеловек». Ницше воспевае пафос расстояния между господствующей кастой и «черною» (*«инстинкт ранга»*); он воспевае господствующую *«знатную кость»*, которая всегда была варварской, ибо варвары всегда были *«более цельные звери»*³, чем люди, «испорченные» культурой. Он доказывает, что сильные люди всегда *разбойники* и завоеватели. Рабство для него — необходимое условие всякой высшей культуры. Ницше воспевае тех, кто верит в рабство.

С гораздо большей откровенностью, чем современные идеологи империализма (если не считать идеологов типа Шпенглера), Ницше раскрывает классовое лицо своего «сверхчеловека». Ницше не нуждался в такой маскировке, как идеологи фашизма. Он выступал более открыто в доспехах защитника рабовладельцев всех эпох. Для Ницше есть две морали: «низшая» — рабская, плебейская мораль, и «высшая» — господская мораль⁴. Знатные должны чувствовать себя людьми высшего ранга. С ненавистью говорит Ницше о плебействе, которое «рванулось наверх, как вулкан»⁵, порождая хаос, о новой демократии, о Парижской коммуне и научном социализме⁶. Ницше воспевае благородных, сильных, знатных, светлорусых, «арийцев», воплощающих в себе все изящное и тонкое. Он ненавидит «черноволосых», покоренную расу Европы, т. е. народ — «низшую», бессильную, угнетенную «расу», дышащую злобой и завистью к господам. Он воспевае отвагу господ в минуту опасности, их прямоту и смелость в борьбе с врагом⁷. Он учит их отбросить рабскую христианскую мораль сострада-

¹ Ницше, Так говорил Заратустра, стр. 55—56.

² Какое «это безумие», Ницше вряд ли и сам понимает. История показала, что это «безумие» класса помещиков и буржуазии и их вождей, подготовляющих собственную гибель.

³ Ницше, По ту сторону добра и зла, стр. 218—219.

⁴ Там же: «Требование одной морали для всех является принижением именно крупных людей» (стр. 174). «Есть мораль господ и рабов» (стр. 222).

⁵ Ницше, Происхождение морали. Ценности европейской культуры, стр. 109, 110, 119—120, изд. Кляукина, Москва.

⁶ Ницше, Воля к власти, афоризм 125.

⁷ Ницше, Происхождение морали, стр. 117.

ния, мораль слабых, больных и трусливых. Ницше мечтает о том времени, когда благородные господа возвратятся снова *«к невинной совести хищного зверя, ведя позади свою ужасную свиту убийств, пожаров, насилий, пыток, уходя от них с гордостью и душевным равновесием, как будто бы совершена простая шалость, уверенные, что теперь поэты долго будут петь и славить их деяния»*¹. Эта «раса господ» время от времени снова возвращается в дикую чашу и становится «диким зверем». «Такова римская, арабская, германская, японская знать»². Эту знать он ищет и в гомеровских героях и скандинавских викингах. «Викинги» империалистического грабежа и разбоя, профессиональные контрреволюционеры, бандиты фашистского террора, озлобленные странствующие рыцари белой эмиграции, экспроприированные пролетарской революцией помещики, фабриканты, банкиры и все, ожидающие этой участи с животной ненавистью, страхом и злобой, — все эти «герои» загнивающего капитализма проводят в своей контрреволюционной практике «идеалы» ницшевского «сверхчеловека», для которого *«нет правды, все позволено»*³. Ницше смеется над «простаками», следующими морали, которая боится сделать открыто ложь своим *основным принципом*. Настоящая ложь, смелая, «честная ложь была бы для них делом слишком непосильным»⁴. «Настоящая ложь» является основным принципом фашистской политики и идеологии с ее демагогией, провокацией и террором. Поджог рейхстага, лейпцигский процесс, расстрелы 30 июня 1934 г., похищения, отравления, убийства антифашистских деятелей на территории других государств и т. д. — таков послужной список «героических» деяний «белокурого зверя».

Ницше для них своего рода путеводитель, знамя. Недаром Гитлер, Розенберг, Боймлер провозглашают Ницше мыслителем европейского ранга и основоположником «героического реализма»⁵.

Нетрудно понять, *что* в образе ницшевского «сверхчеловека» соответствует реальным качествам «вождей» и «героев» фашизма и их покровителей Круппов, Тиссеннов, Детердингов и *что* является идеализацией и мистификацией их личной и общественной власти. Сила и власть

¹ Ницше, Происхождение морали, стр. 118.

² Там же.

³ Там же, стр. 214.

⁴ Там же, стр. 213.

⁵ Beumler, Nitsche der Philosoph und Politiker, а также его статья «Nitsche und Nationalsozialismus» в центральном органе Гитлера и Розенберга «Nationalsozialistische Monatshefte».

Крупнов и Тиссенев не в личных талантах, уме и «гениальности», а в частной собственности, сконцентрированной в их руках, в огромном военно-бюрократическом государственном аппарате, в военной силе, в вооруженных бандах, находящихся в их распоряжении и подавляющих массы. Сила магнатов капитала — в мощном аппарате идейного и духовного порабощения и обмана масс (печать, школа, театры, церковь и т. д.). Империализм означает господство финансовой олигархии. Всеобщий кризис капитализма и обострение классовой борьбы, угроза пролетарской революции приводят буржуазию к поискам «твердой», «сильной власти», к отказу от остатков буржуазной демократии, к сосредоточению власти в руках фашистского диктатора, выполняющего беспрекословно волю магнатов финансового капитала. А для этого его наделяют всеми орудиями подавления трудящихся, орудиями террора, обмана, демагогии, подкупа и т. д. Этот диктатор и объявляется согласно фашистским мифам «вождем». «Вождем» не отвечает перед народом, а лишь перед богом и историей. Волю народа имеет право «представлять» (т. е. подавлять) фашистский диктатор, действующий по «интуиции», расовому чутью, или «инстинкту», т. е. по тайным директивам финансовой олигархии. Для «обоснования» диктатуры фашистских вождей фальсифицируется вся история.

Типичным образцом ходячей шовинистической фальсификации истории великого немецкого народа является лекция профессора Берлинского университета В. Хоппе, прочитанная фашистским «вождям» в Высшей политической школе¹.

Этот профессор, популяризуя мифы А. Розенберга, ведет историю предшественников фашизма и их «фюрера» с древнейших времен. Первым в ряду этих предшественников выставляется Арминий (Герман), вождь херусков, разбиивший римского полководца Вара в Тевтобургском лесу (9 г. до н. э.). Фашисты цепляются за славу и подвиги Арминия, как борца за «немецкую свободу», в демагогических целях, повторяя зады старой буржуазной шовинистической историографии. Квасной патриотизм этой историографии остроумно высмеял еще Г. Гейне в своей «Германии»:

«Вот он наш Тевтобургский лес,
Описанный Тацитом,
Вот та классическая топь,
Где Вар остался разбитым.
Здесь Герман, славный херусский князь,
Насолил латинской собаке,

¹ Hoppe, Führerpersönlichkeit in der deutschen Geschichte, Berlin 1934.

Немецкая нация в этом дерьме
 Героем вышла из драки.
 Когда бы Герман не вырвал в бою
 Победу белым блондинам,
 Немецкой свободе был бы капут,
 А Рим бы стал господином»¹.

В целях разжигания шовинизма фашизм восхваляет «героизм» всех королей феодальной Германии, воевавших против Рима, папской власти, угнетавших венгров и славян и прежде всего чехов и поляков. Король Генрих I (919—936 гг.) и Оттон (936—973 гг.) воспеваются как зачинатели «восточной политики» Гитлера, ибо они показали славянам и прежде всего полякам «кулак немецкого господства». За то же воспевается и император Лотар (1125—1135 гг.) и особенно Генрих Лев (1142—1196 гг.), герцог Баварии и Саксонии из рода гвельфов. Кровавым насилием он подчинил балтийских славян. Поэтому, по Розенбергу и Хоппе, он указывает немцам «путь на Восток». Император Лотар II восхваляется за то, что дал почувствовать Венгрии и Богемии *«крепкую руку немецкого феодала»*², взимал дань с поляков, требовал колонизации Востока. В ряды более «близких» предшественников Гитлера включаются Фридрих II («Великий»), «железный канцлер» Бисмарк. Фридрих II воспевается Хоппе как «великий муж государственного и военного дела»³.

Режим шпицрутена и казармы, который Фридрих насадил в Пруссии, восхваляется фашистами в стихах и прозе. Палочную дисциплину и фельдфебельский «истинно прусский дух» Фридриха немецкие фашисты объявляют «немецким социализмом». Бисмарк воспевается фашистами как вождь с «религиозными нотами в душе», с «верой в Пруссию», как вождь, несший ответственность только «перед богом»⁴. Этот бранденбургский помещик осуществил желания германской буржуазии, объединив Германию сверху, бюрократически, под гегемонией Пруссии, помешав революционно-демократическому объединению ее снизу. Бисмарк воспевается германским фашизмом как великий человек и «герой» за его политику «крови и железа», за аннексию Эльзас-Лотарингии, за грабительский мир, навязанный им Франции после войны 1870—1871 гг.

¹ Г. Гейне, Германия, избр. произведения, перев. Левина, Гослитиздат, стр. 237.

² Hoppe, Führerpersönlichkeit in der deutschen Geschichte, Berlin 1934, S. 15.

³ Ibid., S. 18.

⁴ Мейннг, Легенда о Лессинге, стр. 22.

Свою шовинистическую стряпню фашизм подпирает жалким подобием «теории», согласно которой личность вождя является решающей в истории. «Масса всегда лишь сырой материал, форму дает только один вождь».

Глава Гегельбунда Кронер обосновывает диктатуру фашистских вождей утверждением, что только наличие вождя и сильной власти отличает толпу и неорганизованную массу от народа. «Поэтому, — пишет Кронер, — *сила государства по самой сути дела не может исходить из народа*, если под народом понимать государственно неорганизованную массу; если же под народом понимать государственный народ, то к нему должен быть примыслен, сообразно слову, вождь или правитель, так что невозможно утверждать, что государственная сила исходит только от народа (а не от правителей)»¹. Кронер доказывает, что «сила государства исходит из идеи государства, осуществляющейся при помощи народа, иначе говоря, она исходит из *временной государственной личности*, в которой объединены народ и правитель, т. е. полюсы сознания — полюс множества и полюс единства»².

Рассуждения Кронера о наследственной монархии с майоратом и «хорошим воспитанием принцев», о «сильной верхушке», которая должна спасти буржуазию от противоречий классового и «партийного» государства, являются идеологическим обоснованием фашистской диктатуры. Шпенглер идет дальше, мечтая о «законченном цезаризме».

Боязнь восстания масс и ненависть к ним побуждают идеологов фашизма искать спасения в «цезаризме». Шпенглер считает, что масса опасна всюду, даже в фашистских организациях, штурмовых отрядах и партии. Массовое фашистское движение и массовые организации после прихода фашизма к власти становятся излишними, ненадежными, опасными, они должны быть лишь «переходной формой» к «законченному цезаризму»³. Почему? Потому что масса «хочет только выгоды. Она изменяет авангарду, как только от нее требуют жертв»⁴. «Рожденный для господства может использовать ее (т. е. массу. — М. К.), но он всегда ее презирает»⁵. По Шпенглеру, демагоги не те, кто обманывает и использует презираемую массу, а те, кто чувствует, думает и живет вместе с массами. Вот почему «подлинный

¹ Kroner, Kulturphilosophische Grundlegung der Politik, S. 71.

² Ibid., S. 72.

³ Spengler, Jahre der Entscheidung, S. 133.

⁴ Ibid., S. 245.

⁵ Ibidem.

цезаризм» должен опираться только «на маленькое прочное меньшинство»¹. Это конечно будет диктатура, но не диктатура одной партии, а единоличная диктатура против всех партий. «Цезаризм будущего, — мечтает Шпенглер, — будет бороться только за власть, за империю и против всякого рода партий»² и прежде всего против собственной партии.

Действительное содержание этих циничных рассуждений совершенно ясно. Фашистским диктаторам масса и массовая партия нужны для превентивной войны против пролетарской революции, для подавления революционного пролетариата. Но коль скоро обманутые массы выполнили роль слепого орудия в руках фашистских демагогов и начинают понимать обман, требовать выполнения данных обещаний, они становятся опасными. Они мешают вождям фашизма выполнить беспрекословно волю магнатов финансового капитала. Фашистские политики понимают однако, что выпустить массы из-под давления и контроля, или сетей своих организаций, значит предоставить массам больше возможности перехода к коммунизму. Это тоже опасно. Таковы противоречия, в которых запутываются идеологи и политики фашизма. Без демагогии и террора им никак не решить проблемы «руководства». Идеология цезаризма отнюдь не спасает.

Нельзя никаким шарлатанством «заговорить» антагонизм между пролетариатом и буржуазией в «единой» нации. Нельзя примирить и «заговорить» противоречия между фашистской верхушкой, проводящей политику финансового капитала, и интересами обманутой мелкой буржуазии, «низами». Именно боязнь низов заставляет вождей фашизма вводить в своей партии слепую дисциплину, холопскую иерархию, слепое, рабское подчинение всех воле «вождя».

«Партия — не раб массы, а господин ее»³. «Необходимо обеспечить слепую дисциплину»⁴, — писал Гитлер. Отсюда понятно стремление превратить фашистскую партию из более или менее массовой в *закрытый орден*.

Газета «Deutsche Allgemeine Zeitung» в феврале 1935 г. в статье «От программы к государственной идее» также писала: «Из партии, которая в 1925 г. появилась в бесконечно длинных списках в рейхстаг и ландтаг, вырос сегодня укрепившийся орден Третьей империи... На партию как на особое орудие вождя, как на орден, подчиненный Гитлеру, падает большая ответственность».

¹ Spengler, Jahre der Entscheidung, S. 133.

² Ibidem.

³ Hitler, Mein Kampf, S. 520.

⁴ Ibid., S. 536.

А газета «National Zeitung» от 24 февраля 1935 г., требуя также превращения фашистской партии в орден, «разъясняла», что сущность ордена в том, чтобы быть *«меньшинством избранных»*. Страх перед брожением обманутых низов партии, ставших политически «неблагонадежными», — вот что сквозит во всех этих фашистских писаниях.

Чтобы сохранить свои массовые организации и партию в качестве слепого и покорного орудия стоящих за Гитлером магнатов финансового капитала, руководство германского фашизма по прямому указу последних систематически проводит устранение из таких фашистских организаций, как штурмовые отряды, всех недовольных. В июне 1934 г., как известно, дело дошло до кровавых столкновений, до расстрела Гитлером и Герингом Рема и других руководителей штурмовых отрядов, стремившихся в своих целях использовать недовольство мелкобуржуазных масс.

Однако и без массовых фашистских организаций и без партии господин Гитлер боится остаться. На Нюрнбергском съезде в сентябре 1935 г. Гитлер грозил поэтому скорпионами тем, кто попытается «оторвать вождя от его дружины». Он заявил, что не хочет остаться полководцем без войска, «без офицеров и солдат». Гитлер знает, что без подчинения масс фашистским организациям и без партии, основанной на холопской иерархии и слепой дисциплине, без партии в качестве слепого орудия террора он бессилен не только против коммунизма, но даже и против своих конкурентов из фашистского лагеря. Но так как обманутые низы в фашистских организациях приходят в брожение, ибо ни одно из демагогических «программных» обещаний не выполнено, то верхушкам фашизма ничего не остается делать, как конспирировать против «низов», создавать *над* массовыми фашистскими организациями свой орден. Сюда доступ открыт только избранному меньшинству из сынков буржуазии и помещиков, из озлобленных белогвардейских элементов, из элементов наиболее продажных, готовых осуществлять кровавый террор буржуазии против трудящихся.

По принципу холопской иерархии должна строиться не только партия, но и все общество и государство, доказывают идеологи фашизма.

Возьмем наиболее откровенного из них — Оттмара Шпанна. Доказывая невозможность уничтожения классов и эксплуатации человека человеком, Шпанн создает свою «теорию» духовного руководства, теорию ранга¹.

¹ Spann, Der wahre Staat, Jena 1931, 3 Aufl., S. 85—86, 163—167, 175—176.

Власть основана, заявляет он, на «духовной силе», лучшие должны и даже обязаны господствовать; а что «предприниматели есть творчески одаренные люди, в этом нельзя сомневаться». Они для Шпанна обладают куда «большей ценностью», чем рабочие. Это «вожди хозяйства»¹.

Он доказывает, что все зло капитализма не в капиталистической собственности и эксплуатации, не в нищете пролетариата, безработице, кризисе, войнах и т. д., а в разрушении средневекового строя. Корень зла не в экономической, а в духовной, моральной области. Все зло капитализма в отсутствии моральных и духовных связей и доверия между предпринимателями и рабочими. Под видом сословного и корпоративного строя Шпанн защищает господство монополистических объединений капитала, контроль и господство фашистского государства над рабочими организациями. В этом «истинном государстве» и «современном обществе» Шпанна сохраняются ремесленные рабочие, «обреченные на животное существование»². *Над рабочими* Шпанн ставит людей умственного труда, «обреченных не только на животное существование». *Еще выше* — руководители хозяйственной жизни, «работники»-капиталисты, «действующие творчески в хозяйственно-организационном смысле»³. Затем по рангу идут руководители «истинного» фашистского государства, которые действуют якобы «в нравственно организационном смысле» и участвуют в высшей духовной жизни. И наконец идут «мудрецы, или творческая верхушка ученых»⁴. «Низшие сословия» подчиняются высшим по «моральному» закону ранга и создают все для «высших». Они не должны быть враждебны высшим, ибо «высшие — друзья низших сословий»⁵. Это идеально рабское и скотское состояние людей, эту *холопскую иерархию* идеологии и политики фашизма хотят закрепить и увековечить.

Но распоряжаться судьбой народов так, как это думают идеологи фашизма, не удастся в XX в. при наличии СССР и Коммунистического Интернационала. «Прошли те времена, когда вожди считались единственными творцами истории, а рабочие и крестьяне не принимались в расчет. Судьбы народов и государств решаются теперь не только вождями, но прежде всего и главным образом миллионными массами трудящихся. Рабочие и крестьяне, без шума и треска строящие

¹ *Spann*, Der wahre Staat, Jen., 1931, 3 Aufl., S. 172, 219.

² *Ibid.*, S. 175.

³ *Ibidem*.

⁴ *Ibidem*.

⁵ *Ibid.*, S. 176.

заводы и фабрики, шахты и железные дороги, колхозы и совхозы, создающие все блага жизни, кормящие и одевающие весь мир, — вот кто настоящие герои и творцы новой жизни... Их «скромный» и «незаметный» труд является на самом деле трудом великим и творческим, решающим судьбы истории»¹.

III

Буржуазное общество мало героично. Но для появления его на свет понадобились «героизм, самопожертвование, терпение, гражданская война и битвы народов»².

В эпоху своей революции буржуазия еще могла выдвигать своих героев, хотя предпочитала использовать героизм трудящихся масс. Партии и герои буржуазной революции — Кромвель, Дантон, Робеспьер и др. — искали в великих битвах прошлых эпох «...идеалы и художественные формы, иллюзии, необходимые им для того, чтобы скрыть от самих себя буржуазно-ограниченное содержание своей борьбы...»³.

Но деятели буржуазной революции вели общество вперед, руководили освобождением его от феодальных оков. С приходом буржуазии к власти эти герои исчезли, их вытеснили банкиры, финансисты, купцы, фабриканты.

В период империализма буржуазии снова понадобился «героизм». Во время империалистической войны буржуазия каждой страны потребовала героизма от рабочих и крестьян для увеличения своих прибылей и передела мира. Теперь ей нужны «герои» — спасители от угрозы пролетарской революции. Не случайно буржуазия все больше выдвигает на сцену «героев» и политиков фашизма (Муссолини, Гитлер, Розенберг, Араки и т. п.).

Она выдвигает их за зоологическую ненависть к коммунизму, за готовность быть палачом трудящихся, за способности по части социальной и национальной демагогии, обмана мелкой буржуазии, разжигания зверского шовинизма, антисемитизма и развязывания империалистической войны.

Маркс в «18-м Брюмера Луи Бонапарта» дал непревзойденный по силе диалектики, сарказма и иронии памфлет на одного из типичнейших пронырливых, продувных политиков буржуазии. Маркс показал, как в силу контрреволюционности буржуазии, колебаний и политической несамос-

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, Партиздат, 1934, стр. 536—537.

² Маркс, 18-е Брюмера Луи Бонапарта, Партиздат, 1934, стр. 9.

³ Там же.

стоятельности и предрассудков мелкой буржуазии, временного поражения пролетариата, который однако и тогда остается грозным и опасным для буржуазии, как в этих условиях может возвыситься и разыграть роль героя такое ничтожество, как проходимец и разорившийся авантюрист, кандидат в долговую тюрьму Луи Бонапарт.

Тов. Сталин дал глубокий, блестящий анализ военных планов запутавшихся буржуазных политиков и в заключение сказал о них: «Как видите, они не блещут ни умом, ни доблестью»¹. Буржуазия в восходящий период своего развития создавала и расширяла кадры своей интеллигенции: мастеров пера, кисти, резца, мыслителей, философов, ученых, инженеров. Эта интеллигенция создавала цивилизацию буржуазии. Буржуазия и теперь не имеет недостатка в ученых, инженерах и художниках. Но всеобщий кризис капитализма и экономический кризис обрекают на безработицу массу интеллигенции. Фашизирующей буржуазии нужна не культура, а мракобесие, не великие ученые и художники, а прежде всего мракобесы, генералы, фельдфебели, штурмовики, палачи, тюремщики, провокаторы, шпионы. 1202 профессора должны были покинуть университетские кафедры Германии, десятки тысяч человек с университетскими дипломами сидят без работы. Фашизм физически истребляет и морально терроризирует лучших представителей интеллигенции. Вот почему все лучшее, что было среди интеллигенции, обращает взоры на СССР — на очаг новой великой культуры, культуры пролетарской, социалистической, подлинно человеческой.

Ромэн Роллан, Мальро, Андре Жид, Генрих Манн, Карин Михаэлис — лучшие умы человечества — выступают против фашизма вместе с коммунистами.

Политики фашизма готовят контрреволюционную войну против СССР, несмотря на печальные уроки войны 1914—1918 гг. и интервенции 1918—1922 гг. Это показывает, что эти политики «окончательно запутались, попали в тупик и готовы лететь стремглав в пропасть»².

В целях подготовки к войне и расправы с пролетариатом фашистская буржуазия выдвигает особый тип «героя». Это фашистские кондотьеры, белогвардейские офицеры, наемные банды погромщиков, шпионов, провокаторов типа Ван дер Люббе, Белла и тому подобных темных, авантюристических, деклассированных и насильно развращенных ка-

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, Партиздат, 1934, стр. 548.

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, Партиздат, стр. 545.

питализмом элементов. Это «герои» фашистских застенков и концентрационных лагерей. Руководящее командное положение занимают конечно преимущественно сынки помещиков и буржуазии в качестве «избранного меньшинства». Фашистские мифы о вождях, «героях» и героизме воспевают и идеологически прикрывают кровавые дела этих «героев».

Подвиги этих «героев» хорошо известны: поджог рейхстага, инсценировка лейпцигского процесса, костры из произведений великих мыслителей человечества, бесчисленные террористические акты, убийства рабочих на улицах, в квартирах, тюрьмах, средневековые пытки, убийства эмигрантов-антифашистов (Матильды Вурм и Доры Фабиан и т. д.). Для заматания своих преступных следов фашисты уничтожают собственных агентов и провокаторов (Белл, Гануссен, Ван дер Люббе).

Хватаясь за кровавый фашистский террор, буржуазия уничтожает сотни тысяч коммунистов, революционных рабочих. Она действует так, как действовали все классы, осужденные историей на гибель. Чтобы победить фашизм, пролетариат и его авангард должны соединять революционный героизм, *«величайшую страстность в великой революционной борьбе с наиболее хладнокровным и трезвым учетом бешеных метаний буржуазии»*¹. Путь пролетариата — это великий, героический путь. Коммунистическая партия — героическая партия революционного пролетариата. «Не всякому дано выдержать невзгоды и бури, связанные с членством в такой партии. Сыны рабочего класса, сыны нужды и борьбы, сыны неимоверных лишений и героических усилий — вот кто, прежде всего, должны быть членами такой партии»².

Героями в действительности являются те, кто готов отдать и отдает свою жизнь за дело освобождения всего трудящегося человечества, за дело пролетарской революции, кто не знает страха в борьбе ни с силами природы, ни с классовыми врагами трудящихся; герои те, кто не боится трудностей борьбы, кто своей скромной повседневной работой упорно борется за победу коммунизма, те, кто смело ломает старое, отжившее, кто мужественно переносит жесточайшие пытки в фашистских застенках и умирает за дело коммунизма. В духе этого революционного героизма, в духе величайшей преданности делу мировой пролетарской

¹ Ленин, Соч., т. XXV, стр. 236 (подчеркнуто мною. — М. К.).

² Сталин, О Ленине, Партиздат, 1935, стр. 15.

революции воспитывали массы Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин. Они учат гордиться тем, что есть лучшего, революционного в истории как родного народа, так и всех других народов. Своей преданностью и беззаветной борьбой за освобождение пролетариата и всех трудящихся они показали великие образцы пролетарского героизма. Бесстрашно шли во главе масс Ленин и Сталин навстречу величайшим опасностям борьбы с вооруженным с ног до головы врагом. Их не могли устрасить бомбы и пули контрреволюционных террористов. В минуты величайшей опасности они беспощадно боролись с паникерством; с величайшим мужеством, хладнокровием и твердостью они вели пролетариат к победе. Вожди пролетариата всегда были вместе с массами, во главе их. Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин гениально руководили борьбой самого революционного и героического класса в мире. Ленин и Сталин выпестовали самую героическую партию в мире, партию коммунистов. Марксизм-ленинизм выше всего всегда ставил революционную инициативу, и героизм масс, борющихся за социализм.

«Какая гибкость, какая историческая инициатива, какая способность самопожертвования у этих парижан!.. — писал Маркс Кугельману о парижских коммунарах 12 апреля 1871 г. — ...История не знает еще примера подобного героизма!.. Пусть сравнят с этими парижанами, готовыми штурмовать небо, холопов германско-прусской священной римской империи с ее допотопными маскарадами, отдающими запахом казармы, церкви, юнкерства, а больше всего филистерства»¹. Величайшему уважению и любви к борцам, павшим на баррикадах, на фронтах гражданской войны, к героям вооруженной борьбы пролетарской революции и хозяйственного культурного строительства социализма учат Ленин и Сталин, учат наша партия и Коммунистический Интернационал.

Пролетарская революция открыла новую эпоху подлинного народного героизма. Социалистическое строительство в СССР выдвинуло огромную массу героев во всех областях труда и борьбы рабочего класса.

Наша партия, воспитывая массы в духе революционного пролетарского героизма, выковала *новый тип героя*. Этот герой — воплощение пролетарской большевистской смелости, храбрости, сознательности, инициативы, принципиальности, глубочайшей преданности делу коммунизма, выдержки и дисциплины, революционного размаха и деловитости.

---

¹ Маркс и Энгельс, Письма, Гиз, 1932, стр. 289—290.

Он не воображает себя сверхчеловеком, не хвастается своими подвигами, своей храбростью и т. д., как «герои» буржуазии и мелкой буржуазии.

Величайший героизм, и притом без всякой «мифологии» и фразы, могучим неиссякаемым источником бьет в СССР, строящем бесклассовое, социалистическое общество, и в мировом пролетариате, готовящемся к штурму капитализма. На каждом конгрессе и пленуме ИККИ братские компартии сообщают массу фактов о величайшем героизме рабочих, коммунистов, отдающих жизнь за революцию.

Все отчеты ЦК ВКП(б) и ИККИ — отчеты о героической борьбе пролетариата. Путь Коминтерна — это героический путь его рулевого — т. Димитрова, путь тт. Тельмана, Грамши, Ракоши, Антикайнена, Тома Муни и тысяч других узников капитала и борцов против фашизма. Геройски боролись и отдали свою жизнь члены ЦК КПГ Джон Шер, Фите Шульц, Лютгенс, а также Шалляя и Фюрст в Венгрии, Кофарджиев в Болгарии, тысячи рабочих, крестьян и интеллигентов.

Героически борется *китайский* пролетариат, его коммунистическая партия, красная армия Китая, отбившая семь походов Чан Кай-ши. Советский Китай выдвинул своих героев, тесно связанных с массами, — Хо Луна, Чжу Де, Мао Дзе-дуна и много тысяч других героев. Образцы беззаветной смелости и героизма показали австрийские рабочие-щупбундовцы в вооруженной борьбе с фашизмом, испанские рабочие, истекавшие кровью в горах Астурии.

И если пролетариат терпел поражения в этих странах, несмотря на свой героизм, то лишь потому, что он был расколот предательской политикой реакционных вождей социал-демократии, выступающих за коалицию с буржуазией, против единого пролетарского и народного антифашистского фронта.

Пролетарии всех стран учатся искусству побеждать у ВКП(б), у гениального стратега пролетарской революции великого Сталина и его героических соратников. Под руководством Ленина и Сталина ВКП(б) показала величайшие образцы героизма в подполье, на баррикадах, в тюрьмах и в ссылке, в черносотенной Думе и в вооруженном восстании. Это она выковала нашу героическую победоносную Красную армию, разбудила невиданный героизм на фронте труда. Она воспитала героев-челюскинцев и их бесстрашных спасителей летчиков — героев Советского союза. Партия Ленина — Сталина кует и воспитывает миллионы ударников социалистического труда, она вызвала к жизни движение отличников на производстве и в учебе. Партия Ленина —

Сталина подготовила и вдохновила своей борьбой и работой возникшее снизу мощное, великое героическое движение стахановцев. Такое движение возможно только в стране социализма, ибо только здесь труд стал делом доблести, чести, героизма и славы.

Разве не ясно, что насквозь лживы утверждения всей буржуазной, в том числе и фашистской, социологии, что марксизм не признает якобы героизма в истории. «Марксизм никогда не отрицал роли героев. Наоборот, роль эту он признает значительной»¹, — подчеркивал т. Сталин, опровергая клеветнические измышления разных «критиков» марксизма. Марксизм отвергает однако буржуазные и мелко-буржуазные теории «героев и толпы». По этим «теориям» выходит, что масса трудящихся — это «толпа», «слепое стадо», «сырой материал», что масса не способна к самостоятельному творчеству, что массам всегда враждебно противостоят «вожди», «герои», сверхчеловеки. Марксизм, наоборот, выше всего ставит героизм и инициативу масс. Революционный авангард должен быть тесно связан с массами, жить, чувствовать, думать вместе с массами, идти впереди, указывать дорогу.

Героизм масс и его авангарда марксизм подкрепляет идейным вооружением и объединением масс, а идейное объединение закрепляется материальным единством путем организации масс, как учит ленинизм. В этом источник силы и непобедимости революционной тактики большевизма.

Коммунисты и комсомольцы во всем мире проявляют величайший героизм, и совершенно ясно, что без этого героизма невозможна победа величайшей в мире революции — революции пролетарской, победа трудящихся над эксплуататорами. Ясно также, что для победы над этими врагами пролетариату необходимо, говорил т. Димитров, «этот героизм сочетать с повседневной работой в массах»². Коммунисты должны учиться проводить ленинско-сталинскую тактику борьбы, уметь разоблачать перед массами злейших классовых врагов трудящихся, разоблачать фашистские мифы о героях и героизме, их демагогию и клевету на марксизм.

Из всего мировоззрения, целей, задач, теории и тактики марксизма-ленинизма вытекают уважение и любовь ко всем

¹ И. Сталин, Беседы с немецким писателем Эмилем Людвигом, «Большевик», 1932, № 8, стр. 34.

² Димитров, Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма, Партиздат, 1935 г., стр. 46 (подчеркнуто мною. — М. К.).

выдающимися великим людям, революционерам мысли и дела, героям всех прошлых эпох, жертвовавшим своей жизнью в борьбе за лучшее будущее человечества, к борцам против рабства и угнетения. Художественный образ древней мифологии — Прометей, похитивший для людей огонь с неба и прикованный за это богами к скале, — был любимым образом Маркса. Маркс в пролетариате видел нового, не мифического, а действительного героя, освободителя человечества, реального, земного Прометея. Известно отношение марксизма к таким личностям, как Галилей, Коперник, Джордано Бруно, Томас Мор и Кампанелла, Морелли и Мабли, как великие социалисты-утописты XIX в. — Сен-Симон, Фурье, Оуэн, как французские материалисты, атеисты и просветители — Руссо и Вольтер, как классики буржуазной политической экономии Англии — А. Смит, Д. Рикардо, и классики немецкой философии — Кант, Фихте, Гегель и другие. Ко всем этим великим личностям Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин, созданная ими партия и мировой пролетариат относятся с величайшим уважением. Только марксизм правильно оценил роль вождя революции рабов Спартака, вождей крестьянских войн Уота Тейлора, Яна Жижку, Фому Мюнцера, Стеньку Разина, Пугачева, таких вождей народных движений и революций, как Бабеф, О. Бланки, великого русского революционера Чернышевского и т. д. Марксизм с уважением относится к таким героям и вождям революционной буржуазии и мелкой буржуазии национально-революционных освободительных движений, как Дантон, Робеспьер, Гарибальди и великий китайский революционер Сун Ят-сен.

А кого поднимают на щит фашистские мракобесы?

Они выкапывают и подновляют самые реакционные идеи Гобино, Ляпужа, Ницше, Лагарда, Хаустона Чемберлена, средневековых мистиков и богословов — Мейстера Экхарта, Фомы Аквинского, Августина Блаженного и даже Конфуция¹. Они пережевывают идеи феодальных романтиков, помешавшегося на антисемитизме Е. Дюринга, высмеянного Энгельсом и Марксом. Они твердят, что все великое в истории создано исключительно *великими людьми*, а не *массами*, что подъем в истории был лишь тогда, когда «руководимые», т. е. угнетенные массы, подчинялись вождям и «не восставали против них»². Само собой разумеется, Шпани имеет в виду не вождей трудящихся, ибо с бешенством кроважых псов набрасываются фашист-

¹ Spann, Gesellschaftsphilosophie, München 1928, S. 164.

² Ibid., Gesellschaftsphilosophie, München 1928, S. 162—163.

ские мракобесы на действительно великих людях в истории. «Обезьяньи гении, — пишет Шпанн, — образуют боевую колонну, через которую истинный гений с трудом лишь может пробраться. К ним принадлежат не только обычные порнографы, пройдохи, демагоги, но и демоны более крупного стиля, как Локк, Юм, Вольтер, Руссо, Рикардо, Маркс, Дарвин, Бюхнер, Молешотт, поэты «Молодой Германии» и все их современные последователи»¹. Идеолог фашизма не скрывает ненависти к лучшим умам человечества.

Но так как массы трудно завоевать подобными «идеями», то идеологи фашизма пытаются прикрыть свое мракобесие именами великих мыслителей, как Кант, Фихте, Гегель. Этих мыслителей, боровшихся за права разума, разрабатывавших идею развития, они изображают мистиками, реакционерами, уподобляя их себе.

Фашистской лжи мы противопоставляем правду марксистско-ленинской теории, правду великой социалистической практики в СССР, где теория марксизма-ленинизма нашла свое воплощение. Практика — лучший критерий истины. Фашисты сжигают на кострах произведения великих мыслителей и художников. В СССР их изучают, берегут и распространяют среди масс в таких масштабах, как нигде и никогда в мире.

Только в СССР истинные герои, талантливые и гениальные люди, часто забытые в прошлом, затравленные и оклеветанные, находят признание, уважение, любовь, материальные средства и необъятное поле деятельности. Жизнь и деятельность великого ученого и изобретателя Циолковского, гениального физиолога Павлова и других мыслителей и ученых говорят об этом красноречивее всяких слов.

Диктатура пролетариата в СССР завоевала на свою сторону всех честных, действительно талантливых старых ученых и художников. Она связала их с массами и дала им возможность познать, что означают любовь, уважение и доверие миллионов трудящихся.

Практикой социалистического строительства в СССР разоблачена и опровергнута эксплуататорская легенда о том, что управлять государством и командовать армией могут только «аристократические личности» из расы господ.

Фашизм декларирует, что *личность является принципом его «мировоззрения»*. На деле своим кровавым режимом он ломает, калечит, унижает и уничтожает личность физически и морально.

¹ Spann, Gesellschaftsphilosophie, München, 1928, S. 162—163.

Фашизм демагогически выступает на словах против пороков, порожденных капитализмом, против жадности, лживости, трусости, лицемерия, продажности и т. д. Но и это — грубейший обман. На деле фашизм защищает своим кровавым террором основу этих пороков — капитализм. Фашизм разжигает все зверские инстинкты, порожденные капитализмом, использует продажность, ренегатство, трусость, развивает дикое зверство, холопство и рабство; террор, подкуп, обман — вот на чем строятся «успехи» фашизма.

Только в коммунистической революции человечество может очиститься от всей этой грязи. Только в СССР личность стала свободной, ибо освобождена масса трудящихся. В СССР уничтожаются и преодолеваются пережитки капитализма, создается новый, социалистический человек, свободный от пороков людей капиталистического общества. Социализм создал эпос перековки людей. Растет новое поколение, не знающее ужасов капитализма: пионеры, комсомольцы, юные ленинцы, строители социализма, воспитываемые любовью великим зодчим Сталиным и его соратниками.

Фашизм, писал Муссолини, отрицает возможность осуществления «материалистического представления» о благоденствии, «отвергает отождествление благополучия с благоденствием, которое превращает человека в скотину, не требующую ничего другого кроме выгона на пастбище и откорма»¹. На деле фашизм, защищающий кровавым террором гнивающий капитализм, требующий крови и пушечного мяса для новой империалистической бойни, загоняющий безработных в лагеря трудовой повинности, лишаящий их пособий в период кризиса, бросает их в нищету, на голодную смерть, проституцию, преступления, самоубийства, подвергает стерилизации своих противников, ставит людей хуже чем в скотские условия. Таковы подвиги фашизма.

При социализме же люди совершают походы в Арктику, на высоты Памира и Кавказа, через пески Кара-Кума, всюду покоряя себе силы природы, пробуждая к жизни необъятные богатства социалистической родины. Здесь люди завоевывают стратосферу и измеряют и изучают глубины морей и земных недр. Социализм превращает пустыни в цветущие сады, трущобы капиталистических городов — в очаги высокой, подлинно человеческой культуры, уничтожает противоположность между городом и деревней, устраняет идиотизм деревенской жизни, создает всесторонне развитых, культур-

¹ *Mussolini, Fascismo (dottrina), Enciclopedia Italiana, 1932.*

ных людей. Только социализм вырывает человечество из скотских условий его существования, облагораживает его.

Вот почему только социализм мог породить великое массовое героическое движение стахановцев. Великое значение этого движения в том, что оно ломает старые технические нормы производительности труда и создает такую высокую производительность труда, которая не только догоняет, но и перегоняет нормы передовых стран капиталистического мира и *«подготавливает условия для перехода от социализма к коммунизму»*¹, условия уничтожения противоположности умственного и физического труда и т. д.

Что ярко здесь выступает, так это именно *великая сила героизма масс трудящихся, овладевших новой техникой и использующих ее до дна, чтобы добиться расцвета социалистической родины, победы коммунизма над капитализмом во всем мире, счастливой, радостной, культурной социалистической жизни.*

«Основной стахановского движения послужило прежде всего коренное улучшение материального положения рабочих. Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее. А когда весело живет, работа спорится. Отсюда высокие нормы выработки. *Отсюда герои и героини труда»*². Корень стахановского движения прежде всего в том, что только пролетарская революция *«дала народу не только свободу, но и материальные блага, но и возможность зажиточной и культурной жизни»*³.

Корни, причины и необходимые условия этого движения в том, что социализм уничтожил эксплуатацию трудящихся масс кучкой паразитов, вооружил их передовой техникой. Техника, при капитализме являющаяся оружием буржуазии против пролетариата, подчинена при социализме трудящимся и служит им. И партия Ленина — Сталина вырастила таких героев труда, как Стаханов, Бусыгин, Виноградовы, М. Демченко и тысячи других знатных людей нашей страны, заслуживших уже ненависть фашистских реакционеров.

«Надо, наконец, понять, что из всех ценных капиталов, имеющих в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры»⁴.

При капитализме этот капитал расточается самым хищническим образом, особенно за время войны и кризисов.

¹ И. Сталин, Речь на I Всесоюзном совещании стахановцев, «Правда» от 22/XI, 1935 (подчеркнуто мною. — М. К.).

² Там же (подчеркнуто мною. — М. К.).

³ Там же (подчеркнуто мною. — М. К.).

⁴ И. Сталин, Речь на выпуске академиков Красной армии 4 мая 1935 г.

О гибели людей в условиях капитализма печалются меньше, чем о пропаже скота. Фашизм же открыто ставит себе целью истребление массы людей в империалистической войне как «излишних».

Только в СССР, где трудящиеся являются хозяевами производства, управляют государством, занимаются наукой и искусством, личность окружена величайшей заботой и вниманием. Здесь кадры решают все, кадры, строящие социализм, не знающие страха в борьбе с опасностями и трудностями, овладевающие наукой и техникой. Только при коммунизме «личность, свободная от забот о куске хлеба и необходимости подлаживаться к «сильным мира», станет действительно свободной»¹.

Героизм масс, помноженный на гениальное руководство ленинско-сталинского ЦК — вот где тайна большевистских побед. Пролетариат победит во всем мире, ибо он воплощает ум, честь и совесть эпохи. Он победит, ибо несет в себе великое будущее человечества, его великий героизм.

Пролетариат победит, ибо незыблемо стоит крепость социализма — СССР, ибо во главе его стоит партия Ленина — Сталина, вооруженная могучим учением марксизма-ленинизма. Революционный пролетариат уничтожит фашизм, преодолев политику раскола реакционной социал-демократии, организовав единый пролетарский и народный фронт против фашизма. Коммунистическая партия уже показала невиданный в мире героизм. Она непобедима, ибо «знает, куда вести дело, и не боится трудностей»². Пролетариат победит во всем мире, ибо во главе его стоит гениальный стратег пролетарской революции — наш великий Сталин.

---

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, Партиздат, 1934, стр. 193.

² Там же, стр. 512.

О фашизации истории философии в Германии

I

Прежде чем говорить об отношении фашизма к истории философии, уместно поставить вопрос: совместимы ли фашизм и историзм? Что может быть общего между ними? Историзм требует последовательного проведения идеи *развития*. Фашизм же объявил бешеную борьбу всякой идее развития.

Борьба против историзма вытекает из классовой сущности фашизма как последнего крайнего средства спасения, за которое хватается буржуазия в смертельном страхе перед пролетарской революцией. Историческая обреченность гнивающего капитализма, защищаемого фашистами, заставляет последних тащить историю назад от грозного и неотвратимого «завтра», от момента неизбежного крушения капитализма.

Враждебное отношение к «принципу прогресса» отражает звериную ненависть фашизма к революционной идеологии пролетариата и его коммунистической партии.

По мнению идеологов фашизма, определяющим законом истории является закон «превосходства крови». Исторически закономерное развитие подменяется мистической, таинственной, слепой «судьбой», ибо идея исторического развития — одна из наиболее опасных идей для фашизма. Последней основой мировой истории идеологи германского фашизма объявляют «расу». Но если все предопределено мистической, слепой «расовой судьбой», то исторической науке делать нечего. Ее заменяет шовинистическая «историография», задача которой не в том, чтобы исследовать и находить объективную истину (это объявлено предрассудком «либерализма» и марксизма), а в том, чтобы участвовать в подготовке империалистической войны и в оправдании фашистского террора. История — не наука, а ряд поэтических

метафор, говорят сами фашистские «историки». В истории возможен лишь один метод — «вчувствования», «интуиции». В истории нет причинности, в ней господствует таинственная «судьба».

Какое дело им до изучения исторических законов, если в жажде «возрождения» загнивающего капитализма они уповают на помощь... религии. В фашистской Германии выходит несметное количество брошюр, монографий, статей, напичканных пошлым ханжеством, лицемерием, ложью и дискутирующих вопрос, что в христианстве приемлемо и что неприемлемо для фашистского мракобесия¹. В книге «Революция духа» Поль Краннхауз прямо призывает науку вернуться к слову христову, «к благоговению перед божественностью жизни» и отбросить свои нелепые притязания заменить собой религию².

Да и возможен ли историзм, если приказ фашистского «вождя» объявляется «теологическим принципом политики»³ и высшим «критерием истины» в логике и гносеологии⁴, если импрессионизм возводится в принцип⁵, если наконец история становится «эсхатологией»⁶.

Идеологи фашизма в своем крайнем империалистическом национализме и шовинизме проводят своего рода принцип «автаркии» в области философии, искусства, музыки. Пропаганда шовинизма диктует попытки отгородиться от «восточных» и «западных» влияний, отмежеваться от культуры остального мира, закупорить духовную жизнь страны за стенами казармы и за проволочными ограждениями концентрационных лагерей, закупорить прочно, герметически.

Борьба против *историзма* у фашистских «теоретиков» означает отказ от подлинной, научной истории. Она заменяется полностью фальсифицированной, извращенной историей, нужной фашистам для того, чтобы с ее помощью оправдать кровавый фашистский террор и прикрыть беззастенчивую демагогию.

История должна служить целям фашистской политики⁷.

¹ См. например *H. Schwarz*, Christentum, Nationalsozialismus und die deutsche Glaubensbewegung, B. I; Junker u. Dühaupt; *Hans Riehl*, Religion als Grund, «Staat und Gesellschaft», «Stand. Leben», H. 3, 1934, S. 154.

² *Paul Krannhaus*, Revolution des Geistes, Armanien-Verlag, Leipzig 1935, S. 67.

³ *C. Schmitt*, Politische Theologie, Vier Kapitel z. Lehre v. d. Suveränität, 2 Aufl., 1934.

⁴ *Martin Heidegger*, Aufttrittsrede. Die Selbstbehauptung d. deutsch. Univers., Breslau 1934.

⁵ *Wolfgang Schultz*, Altgermanische Kultur in Wort und Bild, München 1934.

⁶ *Möller van den Bruck*, Das ewige Reich, II, 1934, S. 71.

⁷ *Kayser*, Die volkische Geschichtsauffassung, «Preussische Lehrbücher», B. 234, H. 1, S. 1.

В своем замечательном докладе VII Всемирному конгрессу Коммунистического интернационала т. Димитров говорил: «Фашисты перетряхивают всю *историю* каждого народа, для того, чтобы представить себя наследниками и продолжателями всего возвышенного и героического в его прошлом, а все, что было унижительного и оскорбительного для национальных чувств народа, используют как оружие против врагов фашизма. В Германии издаются сотни книг, преследующих лишь одну цель — фальсификацию на фашистский лад истории германского народа. Свежеиспеченные национал-социалистские историки стараются представить историю Германии таким образом, будто бы в силу какой-то «исторической закономерности» на протяжении двух тысяч лет проходит красной нитью линия развития, приведшая к появлению на исторической сцене национального «спасителя», «мессии» *германского* народа, известного «ефрейтора» *австрийского* происхождения! В этих книгах изображаются крупнейшие деятели германского народа в прошлом в качестве фашистов, а великие крестьянские движения — как прямые предтечи фашистского движения»¹.

Фальсификация истории на фашистский лад имеет свою «методологию». Такой «методологией» служит антинаучная, насквозь реакционная расистская теория, согласно которой история есть борьба «расовых душ». Розенберг в «Das Wesensgefüge des Nationalsozialismus» заявляет: «В силу нового основного принципа познания изменяется вся перспектива мировой истории». Вся история должна быть «заново» написана с «расовой» точки зрения, т. е. фальсифицирована, ибо действительная история против фашизма. «Сегодня начинается эпоха, когда мировая история должна быть написана заново», — заявляет г. Розенберг в «Мифе XX века»; а на страницах «Deutsche Rundschau» можно прочесть, что история — наука субъективная и что «мы прекрасно понимаем необходимость изменения картины прошлого», «если этого требуют крупнейшие исторические события сегодняшнего дня»². «Так называемая «объективная» историография нам совершенно чужда», — заявляет Альфред Тосс в программной статье «Nationalsozialismus und Geschichtsschreibung»³.

¹ Димитров, Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма, Партиздат, 1935, стр. 74.

² «Deutsche Rundschau», Juni 1934, S. 180.

³ Alfred Thoss, Nationalsozialismus u. Geschichtsschreibung, Odal, August 1935, S. 149.

Таким образом «ученые» оруженосцы фашистского режима не скрывают, что их интересует не научное познание, а историческое оправдание фашистского режима, для чего надо «изменить картину прошлого».

Фашистские историки в Германии политическую историю рассматривают лишь *постольку, поскольку* в ней хотят найти предпосылки фашистского государства¹, поскольку например в государстве Фридриха Великого хотят раскрыть силы, «подготавливавшие» фашизм!²

Чрезвычайно характерным для фашистской демагогии является повышенный интерес к германскому древнему миру. «Исторический смысл» фашистской действительности восходит, по мнению Фридриха Мейнеке, к первобытному германскому миру. «Кровь и земля, из которых национал-социализм черпает свою силу, ведут свое происхождение от древних германцев»³. Древнегерманское варварство поднимается на щит как царство «здоровых инстинктов», «сильных индивидов», «хищных людей», единственно достойных германской расы. Идеализация древнегерманской истории нужна для того, чтобы прикрасить грабительские планы германского империализма. А в общем история нужна идеологам фашизма для того, чтобы «освятить подлость сегоднешнего дня подлостью вчерашнего» (Маркс).

В немецком средневековье фашистские историки «открывают» все черты «корпоративного» и «надклассового», «чисто немецкого» государства, и фашистская историография и здесь ставит своей задачей «исторически» оправдать фашистское государство.

Выступая против научного историзма, против принципов развития, причинности и закономерности в истории, заявляя о своем желании «по-новому поставить вопрос об отношении к своему прошлому» в философии, истории, науке, музыке, политике, во всех формах и проявлениях культуры, фашистские идеологи фальсифицируют историческую науку для оправдания террористической диктатуры финансового капитала.

В чем выражается это «новое отношение», скажем, к истории философии? Оно выражается в том же, в чем выражается их отношение к истории вообще: в беззастен-

---

¹ Такова работа о Бисмарке *Fritz Demmler*, Bism. Gedanken der Reichsführung, Stuttgart.

² *Bornherk*, Deutsche Verfassungsgeschichte, Stuttgart 1934; *Meinecke*, «Historische Zeitschrift», 1934, B. 150, H. 1.

³ *Meinecke*, «Historische Zeitschrift», 1934, B. 150, H. 1.

чивой фальсификации истории философии, ставящей своей целью «обоснование» политики и идеологии фашизма.

В статье «Отсталая Европа и передовая Азия» Ленин писал в 1913 г.: «В цивилизованной и передовой Европе, с ее блестящей развитой техникой, с ее богатой, всесторонней культурой и конституцией, наступил такой исторический момент, когда командующая буржуазия, из страха перед растущим и крепнущим пролетариатом, поддерживает все отсталое, отмирающее, средневековое. Отживающая буржуазия соединяется со всеми отжившими и отживающими силами, чтобы сохранить колеблющееся наемное рабство»¹.

Именно в этих целях идеологи наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала напавляют на себя философский плащ из истлевших, давным давно отслуживших свою роль, обветшавших философских направлений и направлений. Интерес к истории питается только единой целью, единой мыслью — реставрировать все, что было в истории реакционного, вытравить все прогрессивное из старых буржуазных систем.

Фальсификация истории однако заходит так далеко, что даже в унифицированной прессе раздаются робкие голоса протеста, недоумения и опасения: «Не приведет ли нигилизм в отношении прошлого к отрицанию настоящего?»

Унифицированный Герхардт Альбрехт пишет об унифицированном Вернере Зомбарте: «Каждому известно, какой вред может принести слишком односторонняя критика прошлых лет и десятилетий. Мне кажется, что гораздо важнее и лучше отыскать в этом, не таком уже сплошь бесплодном прошлом какие-то опорные точки, чтобы, опираясь на них, создать настоящее»².

Когда злополучный «нигилизм» перекинулся в область истории философии, то заволновался и почтенный журнал «Kant-Studien». Ганс Менцель на страницах этого журнала³ робко высказывает надежду, что для классической немецкой философии будет отведено какое-то место (так и сказано — «какое-то место»). «Надо надеяться, — пишет он, — что немецкий народ откажется вычеркнуть лучшие времена своей духовной культурной истории, что своим судьей он предпочтет избрать Гете, а не белокурого зверя Шпенглера».

¹ Ленин, Соч., т. XVI, стр. 395.

² Gerhard Albrecht, статья в «Jahrbuch für Nationalökonomie und Statistik», November 1934, S. 609.

³ «Kant-Studien», 1934, H. 7, S. 59.

Фашизм запрещает мыслить. История философии пишется «заново». Рецепт очень прост: история философии есть история «*немецкой*» философии. В исторической галлерее философов спешно разыскиваются «истинные немцы». Найденные выстраиваются в ряд как единственные представители «подлинно немецкого духа и расовой арийской души». Все это называется историей философии в «истинно германском» духе.

Уверовав в «вечные силы народности» немцев, их расовой «общности» и «тотальности», Герман Глокнер выступил против «ложного призрака интернациональной философии культуры». Сотрудничество с иноземными философами желательно, если только они разделяют общую точку зрения фашизма на «народность», на культ «земли и крови» и пр. Герман Глокнер призывает своих коллег заново создать немецкую философию.

Фашистский «пересмотр» истории философии преследует одну цель — «обоснование» шовинистической демагогии фашистов.

II

Вопросы истории философии, как и вопросы истории, вовсе не являются вопросами вчерашнего дня. В истории философии должна всегда учитываться борьба двух основных линий в философии.

Буржуазная история философии целиком заострена против материализма. История философии так же партийна, как и сама философия. В буржуазном обществе история философии не может быть беспристрастной наукой: «Ожидать беспристрастной науки в обществе наемного рабства — такая же глупенькая наивность, как ожидать беспристрастия фабрикантов в вопросе о том, не следует ли увеличить плату рабочим, уменьшив прибыль капитала»¹.

Фашистские историки видят свою задачу в беззастенчивом замазывании, а чаще в отрицании и скрадывании в историческом прошлом философии всего, что по существу в нем было прогрессивного, что наносило смертельные удары по религии, идеализму, различным формам суеверия.

Выполняя свою прямую политическую функцию, «историки» философии усиленно маскируют свою роль апологетов финансового капитала демагогической критикой буржуазно-либеральной формы идеализма. Фашистская «история» философии, как и фашистская «философия», кичится своей оппо-

¹ Ленин, Соч., т. XVI, стр. 349.

зицией к существовавшей традиционной буржуазной историографии; новоявленные «историки» торжественно трубят о полном перевороте в оценках исторических перспектив, о «новом» методе, об «истинно германском мировоззрении». Все это представляет собой лишь фашистскую демагогию, рассчитанную на идейное уловление политически незрелых масс, мелкобуржуазной учащейся молодежи, интеллигенции и т. д.

Фашистская концепция истории философии лишь эклектически сочетает различные элементы бесплодной и деградирующей идеалистической философии эпохи загнивающего капитализма. Никакой «новой» философии германский фашизм создать не может. Фашизм лишь доводит до крайней степени деградации и гниения, до последних «формулировок» те идеи, которые заложены в наиболее реакционных буржуазных системах. Звонкими фразами о «героическом реализме» они пытаются прикрыть идеалистическую сущность своей «философии».

Будучи открытой террористической диктатурой наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала, фашизм родился в недрах буржуазной демократии. Это имеет прямое отношение к фашизации буржуазно-либеральной идеалистической философии.

Фашистская философия — это самая реакционная форма идеалистической философии и мракобесия, идеологически отражающая «смену одной государственной формы классового господства буржуазии, буржуазной демократии, другой его формой — открытой террористической диктатурой»¹. Игнорировать это отличие, это *своеобразие* современной формы идеализма, ее особенности, ее отличие от буржуазно-либерального идеализма было бы серьезной ошибкой. Фашистская форма идеализма на словах демагогически выступает против «лживого», «абстрактного» и «рационалистического» идеализма буржуазно-демократических идеологов, борясь на деле с *материализмом*. Философствующие прусские фельдфебели с этой целью напяливают на себя пестрое тряпье нищестанства, «героического реализма», «активизма», «конкретного идеализма», «волюнтаризма» и прочих столь же фальшивых «измов», рассчитанных на выбитую из колеи мелкобуржуазную интеллигенцию, при помощи которой фашисты хотят воздействовать на массы. Философская

¹ Димитров, Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма, Партиздат, 1935, стр. 10.

демагогия фашистов отличается циничной эластичностью и беззастенчивостью: в одно и то же время для различных слоев выдвигаются совершенно противоречащие друг другу положения.

Это — не материализм, говорят эти господа своим хозяевам из трестовского и финансового капитала; *это — не идеализм*, говорят они некоторой части наиболее отсталых слоев пролетариата, а также выбитым из колеи безработным интеллигентам, для которых идеалистические фразы звучат уже издевательством; *это — не отрицание христианства*, говорят они религиозно настроенному, «образованному» мещанству, это — «героический», «боевой» реализм, говорят они молодежи, стремясь уловить особо острую у молодежи потребность активности и завлечь ее в свои боевые отряды. В то же время своим настоящим хозяевам из трестовского и финансового капитала они клянутся: *«Мы — не иррационалисты»*¹.

Одним они обещают возрождение «истинно германской» религии, вытаскивая на свет мистицизм Мейстера Экхарта; другим они обещают борьбу с «рационализмом» и «интеллектуализмом», прикрывая ее туманным и расплывчатым интуитивизмом и «неабстрактным» идеализмом; третьих стремятся обмануть невероятно визгливой, чисто показной, насквозь демагогической критикой идеализма, пытаясь подsunуть им «героический реализм»; для бывших кайзеровских офицеров они спешно стряпают «солдатский активизм»².

Так с циничной откровенностью эти господа меняют лозунги «философии» в зависимости от характера той аудитории, к которой они обращаются. Противоречивость основных философских лозунгов фашизма отражает крайнюю разнородность социальных элементов, противоречивость классовых интересов тех социальных слоев, в которых фашистский режим на некоторое время находит свою массовую базу. Внутренние противоречия фашизма, распри среди господствующих классов, борьба отдельных направлений и клик в лагере самой фашистской буржуазии находят свое отражение и в безудержной философской демагогии фашистских идеологов, в разброде, борьбе тенденций, в отчаянных усилиях создать философскую «монополию». «Но, будучи диктатурой крупной буржуазии, фашизм должен неизбежно вступить в конфликт со своей массовой социальной базой, тем более, что именно при фашистской диктатуре

¹ Baemler, Männerbund und Wissenschaft, S. 134.

² Ibid., S. 121.

наиболее рельефно выступают классовые противоречия между сворой финансовых магнатов и подавляющим большинством народа»¹.

III

Греческая философия — величественный памятник всего идейного наследства человеческой культуры. Энгельс относил к ее бессмертным заслугам то, что в ней, в своей могучей первобытной простоте выступало диалектическое мышление и что «в многообразных формах греческой философии имеются в зародыше, в возникновении, почти все позднейшие типы мировоззрения»². Заслугой греков является в частности то, что они сумели своей собственной идейной историей доказать глубоко революционное значение материализма. Тут впервые в истории выступила глубочайшая классовая обусловленность разделения всех философов на два больших лагеря — идеалистов и материалистов, классические образцы острого антагонизма двух основных линий в философии.

Ленин неустанно подчеркивал классовое, партийное значение развернувшихся на почве греческой философии идейных битв материализма и идеализма.

Именно против историко-материалистического классового понимания философских битв греческого мира направлено главное острие историко-философских пасквилей бывших кайзеровских офицеров и философствующих баронов. В характеристике заведомых материалистов (например Демокрита) они трусливо увергиваются от слова «материализм»³. А в монографической работе одного из «солидных» буржуазных ученых, Юлиуса Штенцеля, доказываются метафизичность и идеалистичность древнеионийской натурфилософии!

Но и фальсификация должна иметь свою «методологическую» базу. Такая методология уже готова. Ее дают расистские идеологи. История философии есть борьба рас в философии. Философское «развитие» целиком обусловлено прирожденными свойствами расы. Главное острие историко-философских экскурсов фашистских «теоретиков» направлено против какого бы то ни было признания роли экономики и борьбы классов в формировании древнегреческих философских учений.

¹ *Димитров*, Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма, стр. 46.

² *Ф. Энгельс*, Анти-Дюринг, т. XIV, стр. 340.

³ *Hans Lamor*, Wörterbuch der Antike, in Verbindung mit E. Bux u. N. Schöne, Leipzig 1934, «Demokrit».

Шпенглер объясняет особенности развития греческой науки свойствами греческого духа. Например, по Шпенглеру, теории иррациональных чисел греки не создали ввиду *прирожденного им страха перед* «невыразимым и безличным» мифическим ужасом, перед всем безграничным, ибо согласно мифу все «невыразимое и безличное должно оставаться тайным»¹. У Розенберга природенное свойство греческой расы приобретает значение уже высшего, всепоглощающего и всеобъясняющего принципа.

Ницше в античной Греции искал прообраз «сверхчеловека», «морали господ» и «воли к власти». Ницше согласно своему «трагическому» истолкованию античности утверждал, что греки вовсе не были гуманным народом, что они обладали «сильнейшими инстинктами», что они были народом, чуждым всякого «сострадания», всякой «филантропии», возвышаясь высоко над массой «выючных животных» — рабов.

Сами фашисты признают Ницше своим величайшим авторитетом и в истории философии. «Без предварительной работы Ницше немыслим и национал-социализм», это — «подлинно жизненный философ»². И, списывая у Ницше, фашистские историки ищут в истории греческой философии оправдания «иммориализма здоровых инстинктов» империалистического «хищного зверя».

История Греции рассматривается как борьба двух «расовых душ»: европейской — аполлоновской и азиатской — дионисовской. Всемирноисторическая поляризация «конкретизируется» в книге Розенберга «Der Mythos des XX Jahrhunderts» и более определенно. Оказывается «всемирная» история — борьба «мужского» и «женского» начала. «Мать, ночь, земля и смерть» — это элементы, лежащие в основе так называемой «древнегреческой» жизни, говорит Розенберг. Но, с другой стороны, «от дня, от жизни происходит человек, от законов света и неба», «от духа и воли отца возникает все, что мы называем греческой культурой»³. «Мужское начало» определяет собою судьбу народа. Поэтому господин Розенберг не согласен с Бахофеном в том, что женщина первоначально играла в истории общества ведущую роль. Так обстоит дело с первой расовой душой.

Вторая «расовая душа», именно дионисово учение, в греческой жизни выступает как «расово и душевно чуждое», как *женское* начало, чуждое «северному духу», как «ночь»,

¹ Spengler, Der Untergang des Abendlandes, 1923, S. 88.

² Giese, Nietzsche, Die Erfüllung, Tübingen 1934.

³ Rosenberg, Der Mythos des XX Jahrhunderts, 1931, S. 42.

как противоположность Аполлона¹. Все греческое «драматическое формирование жизни» разворачивается в плоскости биологически «чистого», органического, в плоскости «натурсимволики, увенчанной богами света и неба». И эта линия развития находится в непрерывной борьбе с другой линией — с другой расовой душой, рожденной другой, расово чуждой кровью азиатского человека. Из борьбы мужской и женской стихии вытекает, по Розенбергу, греческая философия. Эта, с позволения сказать, «концепция» греческой истории переносится у Альфреда Боймлера на всю историю человечества.

Господин Боймлер, как и Розенберг, повторяет зады Ницше, объявляя борьбу мужского и женского начала основным содержанием всего исторического процесса.

Боймлер сделал гениальное открытие: материальная и духовная культура, т. е. «хозяйство и общество», «определяется женским началом». «Форма жизни мужчины — противоположного характера. Не хозяйство и не наслаждение, а государство и труд стоят здесь в центре»².

Всей этой болтовней насчет «мужского» и «женского» начала Розенберги и Боймлеры «философски» «обосновывают» *вековое рабство женщины*. Одновременно с «историко-философским обоснованием» отвратительно грязных законов о неравенстве женщин, одновременно с защитой фашистской «морали» о единственном призвании женщины рожать детей и быть постельной принадлежностью проповедь «мужского» начала и его «поиски» в греческой истории преследуют подготовку общественного мнения к империалистической войне, обоснование «солдатского духа», насаждаемого фашизмом в Германии, солдатским духом спартанского государства. «Мужское начало» — это «солдатский дух», говорит Боймлер, вновь возвращая нас к Ницше. Боймлер рад засвидетельствовать полное совпадение взглядов Ницше и национал-«социализма» по вопросу о государстве. Государство так же относится к своим подданным, как род к виду. «От рода зависит гибель народов слабых, дегенератов, а их-то как раз и защищает христианство как консервирующая сила», — цитирует Боймлер Фридриха Ницше³. В спартанской Греции Боймлер видит прообраз государства, основанного на отборе сильных, а философским вождем «порядка», которого добивался Ницше и добились уже гитлеровцы, является Платон.

Это признание Платона одним из предшественников фа-

¹ Rosenberg, Der Mythos des XX Jahrhunderts, 1931, S. 42—49.

² Baeumler, Männerbund und Wissenschaft, 1934, S. 6—8, 40.

³ Baeumler, «Nationalsozialistische Monatshefte», April 1934, S. 297.

шистской «философии» подкрепляется утверждением общности философской позиции и политических идеалов Платона и фашизма. Фашистов привлекает в социальной философии Платона теория рабовладельческого государства, основанного на монархическом принципе.

Человеческая масса рабов — это, по Платону, стадо кентавров и других подобных чудовищ, полулюдей, полужверей, в отношении которых применимо лишь одно средство — насилие и обман. Источником общественной иерархии является неравенство людей, основанное на прирожденности способностей. Профессии имеют прирожденный физиологический характер. Восхваляя спартанские порядки, Платон в теории государства выдвигает на первый план военное сословие. Так как всякая профессия основана на прирожденной способности, то возникает необходимость сознательного отбора людей для военного сословия путем выделения особых биологически благородных свойств. Для целей такого отбора Платон (по спартанскому обычаю) предлагает уничтожать детей, которые рождаются с физическими недостатками, и ввести специальные браки для военного сословия, подобно технике улучшенного коневодства, где наилучшие самцы соединяются с наилучшими самками¹.

Эти положения Платона приводят в восторг фашистских философов. «Платон был истинным основоположником национал-социалистического учения о государстве» — провозглашает журнал «Deutsche Erneuerung»². Для иллюстрации отношения германских фашистов к Платону приведем еще выдержку из очередного манифеста расистских «теоретиков»:

«Не индивид вырабатывает мировоззрение, самостоятельно и произвольно отбирая и обрабатывая факты, а наоборот, в нем заложены силы, вырабатывающие мировоззрение. Эти силы — естественные задатки в крови и земле, господствующие над индивидом в лице «народа», «целого». «Судьба» крови — это формирующий историю импульс»³. От этой основной идеи расы как единственного решающего принципа философия истории получает новое назначение, новую задачу и смысл. «Не соответствует ли это тому, чего однажды уже хотел добиться Платон в своей философии идеей государства и воспитания?»⁴. «Его идеальное государство — возвышенный образ целостного («тотального») государства», — заключает другой фашистский «философ»⁵.

¹ Платон. Государство, III, 386, 403, 395.

² «Deutsche Erneuerung», Januar 1934, H. 1, S. 4.

³ Ernst Krieck, «Süddeutsche Monatshefte», August 1934.

⁴ Ibidem.

⁵ Sauter, «Süddeutsche Monatshefte», 1935, H. 9, S. 585.

Чрезвычайно интересно, что вопрос о Платоне, будучи в центре историко-философской концепции германских фашистов, не ставится у них изолированно, отдельно от вопроса о Демокрите. В этой области основная задача фашистской «науки» состоит в том, чтобы какой угодно ценой дискредитировать Демокрита и поднять на щит Платона. Разве не характерно, что при этом фашистские «философы» борются с Демокритом, как с живым?

При этом фашисты продолжают и заостряют тенденции буржуазно-либеральной историографии. Ничего оригинального нет в попытках дискредитировать материализм и сфальсифицировать подлинную историю науки в античной Греции. Так называемая марбургская школа неокантианцев, тех, которых фашисты теперь сами третируют как «подлых евреев», немало «поработала» над тем, чтобы превратить платоновскую мистику идеи в методологическую базу математики¹.

Не только фашиствующие философы, но и «математики», «историки», «филологи» и прочие ученые сикофанты фашизма выступают в солидных «ученых» журналах и, напяливая на себя мантию «научности», проповедуют мистику и суеверие до астрологии и оккультизма включительно. Так например З. Демель в специальной монографии «доказывает», что Платон выше Демокрита потому, что Платону, а не Демокриту, удалось разработать «идеальный предмет и творческий характер математики»². Андреас Шпейзер издал сборник классических отрывков из истории математики: «Классические образцы математики». Книга начинается и заканчивается мистическим вздором из Платона. Шпейзер написал еще одну книжку — «Математический способ мышления», в которой доказывает, что необходимо высоко ценить... астрологию. Классическими образцами математического способа мышления Шпейзер считает мистику Платона, неоплатонизма и Птолемея.

Другие прямо заявляют, что необходимо использовать мистику чисел Платона в качестве «духовной базы» возрождения Третьей империи³.

На страницах «Zeitschrift für Mathematik und Naturwissenschaft Unterricht» Е. Тильдге опубликовал доклад «Математика на службе национального воспитания». Ученый сикофант фашизма ждет от «обучения математике» «приближения к богу»⁴.

¹ *Cohen*, Platons Ideenlehre und die Mathematik, Marburg 1898; *Natorp*, Platons Ideenlehre, 2 Aufl., Lpz. 1911; *Nicolai Hartmann*, Platons Logik des Seins, 1909.

² *Seth Demel*, Ueber Platons Verhältnis zur Mathematik, 1919, S. 108.

³ *Vollhammer*, «Deutsche Rundschau», August 1934, S. 108.

⁴ *Tildge*, «Zeitschrift für Mathematik und Naturwissenschaft Unterricht», H. 7, S. 311.

Сопоставление Платона и Демокрита «теоретики» национал-социалистского «мировоззрения» делают главным образом в отношении роли обоих мыслителей в развитии математики. Ярким образом фашистской фальсификации истории греческой философии может служить пропаганда мистической математики Платона, как якобы «высшей ступени развития древнегреческой науки».

Подлинная история, неопровержимая логика законов и фактов истории разоблачают однако лживые мифы фашизма.

В самом деле, какова истинная роль Платона в развитии древнегреческой математики? В истории греческой науки, как и в новое время, математика была теснейшим образом связана с философией, она отражала ее особенности, своеобразие стадий в ее развитии, происходящую в ней борьбу различных теорий, школ и направлений. Математика доплатоновского периода была наукой о предметах объективного мира, и этого не может отрицать и буржуазная историография. Мистик и идеалист Генрих Шольц вынужден с сожалением признать, что для греков числа не были «свободными творениями духа», потому что для них мысль и суждение были отображением объективно существующего¹.

Платон же как идеолог реакции переходит к откровенному использованию математики для борьбы с *материализмом и демократией*.

Он отрывает математику от чувственно-предметного мира, борется с теорией чувственного познания, делает из геометрии орудие мистификации в «Тимее», целиком заостренном против естествознания Демокрита с его материалистическим пониманием предмета математики. Основная мысль этого произведения состоит в том, что существование атомов ставится в зависимость от математики, в то время как у Демокрита количественные отношения зависят от объективной реальности атомов, которые являются их материальными носителями. Поэтому, чтобы быть последовательным, Платон отвергает атомистическую физику и на место атомов ставит бесплотные «треугольники», на место *тел* ставит *формы*. Из этих мистических треугольников — форм — божество («демиург») и создает вещи по образцу вечных божественных «идей».

Математика, по Платону, должна служить целям господства «стражей», военной аристократии, она нужна для идеологического закрепления этого господства. Математика

---

¹ Haase und Scholz, Die Grundlagenkrise der griechischen Mathematik. Mit einem Anhang v. Scholz, Kant-Studien, 1928, XXIII, H. 1/2, S. 67.

нужна для «войны и самой души», заявляет Платон, или, другими словами, для материального и духовного угнетения низших классов. Вот в чем смысл защиты Платона фашистскими «историками», поднимающими на щит этого мистика и идеалиста против материалиста Демокрита.

Много внимания фашистская историография уделяет исторической «реабилитации» *средневековой* философии. Специально этой задаче Гейнц Геймзет посвятил особую монографию: «Шесть великих тем западноевропейской философии»¹.

Гейнц Геймзет жалуется, что со времени эпохи Просвещения в широких кругах исследователей установилось отрицательное, пренебрежительное отношение к средневековой философии. Обычно считают, пишет Геймзет, будто бы с Декарта наступила новая эпоха, покончившая со средневековой философией. Между тем Декарт продолжает схоластику, и новейшая философия вовсе не «преодолела» средневековой, ибо все ее проблемы живут в новейшей философии, которая лишь продолжает взгляды средневековых философов. Эпоха так называемого Возрождения убила именно те «решающие стимулы философии», без которых нельзя понять «своеобразия» и «национальной независимости» германской философии. Виной всему — возрождение чуждого религиозности античного мышления. Геймзет протестует вообще против разделения истории философии на античность, средневековье и новое время. Геймзет, правда, не может обойти молчанием огромной роли естествознания в возникновении и формировании новой философии, но он касается этого вопроса только с целью доказать, что роль эта «сильно преувеличена»: для него в истории философии существует только одна линия «развития», начинающаяся с платоновско-августиновской мистики и кончающаяся возвратом к немецкой средневековой мистике в фашистской Германии.

Возврат к средневековью в философии является главной темой работ и о Фоме Аквинском². Фашистские «историки» философии особенно выдвигают идею Фомы Аквинского о вечном и неизменном, богом положенном иерархическом порядке в мире животных и растений и конечно в мире людей.

Но несомненно наибольшим «авторитетом» у фашистов пользуется немецкая средневековая мистика.

¹ Heinz Heimsoeth, Die sechs grossen Themen der abendländischen Metaphysik und der Ausgang des Mittelalters, Junker und Dünhaupt, Berlin 1934, S. 310.

² Meyer, Wissenschaftslehre des Rh. v. Aquin, 1934; Sauter, «Süddeutschen Monatshefte», 1935, H. 9, S. 586.

«День 30 января 1933 г. впервые позволил заняться очищением германской крови от неарийских примесей и на этой основе очищением истории германской философии от плевел и мусора»¹, — писал Герман Шварц.

Философия отождествляется фашистами с «учением» о божестве, с «мистикой». «Бог не есть, но становится, — пишет Шварц. — Он становится в себе: таков Николай Кузанский. Он становится в душе: таков Экхарт. Он возникает в природе: таков Бруно. Он возникает во всем: таков Беме». Творцами «истинного германского» мировоззрения объявляются «неразвращенные интеллектуализмом XIX в.» Мейстер Экхарт, Николай Кузанский и Яков Беме.

Мейстер Экхарт провозглашается первым представителем немецкого идеализма². Более того, мы читаем у Розенберга, что Экхарт дал философское «обоснование идеальности пространства, времени и причинности лучше, чем это смог сделать четыре века спустя глубоко ущербленный естественнонаучной и философской схоластикой Кант»³. Мейстер Экхарт — «прообраз германского духа, позволивший нам проникнуть в религиозное содержание национал-социализма»⁴, — это «именно тот, кто впервые открыл немецкую душу»⁵.

Так фашистские «теоретики» выбрасывают из исторического прошлого немецкой философии все великое и прогрессивное. «Если немецкая классическая философия сыграла какую-либо роль, — писал Г. Шварц, — то именно постольку, поскольку она возрождала старую немецкую мистику. Фихте возрождал Мейстера Экхарта, Гегель — Николая Кузанского, Шеллинг — Беме»⁶.

Мейстер Экхарт — немецкий мистик-проповедник, живший во второй половине XIII в. Мы не будем рассматривать проповедей Экхарта о «мистическом созерцании бога» и «непосредственном единстве живого бога и человека». Предоставим лучше слово одному из вождей фашистской философии, Г. Шварцу, излагающему Экхарта. «Чему учит немецкая мистика? Для немецкой мистики бог означает не духовное существо где-то в голой бесконечной длительности, но сверхличную жизнь, сосудами которой ста-

¹ Schwarz, Nationalsozialist. «Weltanschauung», 1933, S. 13.

² Roschke, Meister Eckhart, «Nationalsozialistische Monatshefte», 1934, H. 2, S. 139, 147.

³ Rosenberg, Der Mythos des XX Jahrhunderts, 1931, S. 211.

⁴ Schwarz, Christentum, Nationalsozialismus und deutsche Glaubensbewegung, 1934, S. 16.

⁵ Otto Dietrich, «Völkischer Beobachter», 16 November 1934.

⁶ Schwarz, op. cit., S. 12.

новимся мы: это божественная жизнь в нас самих»¹. «Бог вне всякой природы и сам не природа», — говорит Экхарт; «божественное естество изливается во все творения», «для созерцания бога необходима самоотрешенность человека». И Герман Шварц выдвигает на этой основе всемирноисторическую «альтернативу»: «большевизм *или* религиозная автономия немецкой души»²; «принять идеал экхартовского человека, отрешившегося от своей воли и погрузившегося в сверхличное ощущение бога, *или* скатиться к материализму, либерализму, большевизму — последний путь есть путь от безбожного «я» через безбожное большинство к безбожной массе»³. Экхартовская мистика, продолжает фашистский философ, доказывает неприемлемость «всякой демократии с ее понятиями свободы, равенства и братства». «В самоотречении религиозно автономного человека уже дано господство бога, которому он подчиняется; демократический же человек не хочет подчиняться... Так же непримиримо (с мистикой Экхарта. — Г. Б.) понятие равенства»⁴.

Тот факт, что против «материализма и большевизма» фашистская философия выдвигает в качестве орудия борьбы средневековую мистику, ярчайшим образом иллюстрирует, до какой степени идейного маразма и гниения пала теоретическая мысль буржуазии.

Что касается Николая Кузанского, то фашистские «философы» сознательно извращают исторический облик этого мыслителя. Николай Кузанский — немецкий мыслитель XV в., открывающий собой плеяду мыслителей эпохи Возрождения, находившийся во власти богословия, но в то же время отразивший первые шаги пробуждающегося духа научного исследования; в его лице мы имеем первое, пусть все еще смутное и беспомощное, выступление против феодального мировоззрения. В Николае Кузанском борются две тенденции — христианско-мистическая и стихийно-материалистическая. Фашистский философ Г. Шварц использует в своих целях именно эту двойственность Кузанского, полностью отрицая его исторически прогрессивное значение в борьбе против господства феодального мировоззрения.

Идеалом фашистской историографии является таким образом средневековая мистика. Ослепленные ненавистью ко всякому проявлению прогресса, унифицированные философы, историки, естествоиспытатели, математики зовут «на-

¹ Schwarz, op. cit., S. 23—25.

² Ibid., S. 33.

³ Ib dem.

⁴ Ibidem.

зад, к первобытной религии». Гитлер и есть воплощение первобытной германской религиозности, читаем мы в одном журнале. «Первобытная религия, которая бурлила ярким пламенем в груди нашего истинно германского Мейстера Экхарта, обретена теперь немецкой народной душой и воплощена в Адольфе Гитлере», — писал М. Циннер в журнале «Обновление Германии»¹.

IV

Откровенная защита средневековой мистики проходит красной нитью через «ученые» труды гитлеровских профессоров и по истории *новой философии*.

Высказывания их по этой части не блещут ни глубиной, ни остроумием, ни оригинальностью, и напрасно мы бы искали у них какой-либо связности и единства. Сквозь контрреволюционную софистику и ужасающее невежество все же отчетливо вырисовывается основная «идея» фашистской «истории» немецкой философии — пропаганда не только буржуазного национализма, но и звериного шовинизма.

Главная «идея»: немецкая философия есть самобытное, оригинальное творение «германского духа», испорченное «выродками из других рас». Философия рассматривается как исконное и неистребимое свойство именно германского национального духа, а не, скажем, французского или английского. Отрицание классового характера «немецкой» философии, бешеная ненависть к революционной идеологии пролетариата, вскрывающей классовые корни борьбы направлений и школ в немецкой философии, — таковы характерные черты этой «истории философии».

Вторая «идея» фашистской «философии истории» — это отрицание преемственности и внутренней связи в истории философии, борьба против принципа *развития* в применении к философскому познанию.

Наконец третья «идея» фашистской «методологии» «истории» философии — это борьба против рационализма в истории философии, в частности толкование немецкого классического идеализма как одной из форм мистицизма и иррационализма.

Начнем с главной «идеи». Истинная философия — это «германская философия», и единственная нация, способная философствовать, — это германская нация, твердят на все лады фашистские «историографы».

¹ Zinner, «Die Deutschlands Erneuerung», Mai 1934, H. 5, S. 274.

Немецкая философия была испорчена «расово чуждым» влиянием выродившихся соотечественников. Начало грехопадения фашисты считают с 1789 г., с того принесшего неисчислимый вред бедствия, которое именуется Великой французской революцией. Разрушение «иерархического порядка» средневековья означало гибель и «истинно германской» философии. Унифицированные профессора не скрывают своей ненависти к буржуазной французской революции за то, что она положила начало «идеям прогресса», рационалистическому духу критики и «интеллектуальной распущенности».

«Французская революция, — пишет католический поп профессор Ф. Шнабель, — означала разрыв с прошлым, поскольку она уничтожила старые формы жизни и сокрушила тысячелетние установления»¹. Шнабель оплакивает потерю политических прав знати.

«Иерархический порядок» политического строя средневековья должен быть восстановлен для спасения капитализма, болтают идеологи фашизма. Этому должна помочь «национал-социалистская философия». Задача немецкой философии — восстановить немецкую расу, очистить немецкую «кровь и землю» и философию от чуждых германской расе влияний. Эти «расово чуждые влияния» фашистские историки называют «западными», «восточными», «южными». Но с ними должно быть наконец покончено. Корни германской культуры, германской философии лежат не на юге, а на севере. Прирожденные свойства, весь «душевный стиль» северной расы — вот что является истинным источником германской философии, ее своеобразия и величия. Геннинг делает гениальное «открытие»: «Северный человек одарен от природы способностью к абстракции»². В северном человеке глубоко внедрилось «оценочное» отношение к миру, естественная склонность к «душевной сфере», а потому он и приходит «к трансцендентальной философии или идеализму»³. Поэтому истинная философия — это немецкая философия, подобно тому как единственной призванной к великой миссии мирового господства нацией является немецкая нация. В самой «крови» немца заложена потребность в философии.

«У какого народа еще в самой *крови* столь же глубоко заложены философская потребность и философский талант, как у нашего народа, — спрашивает проф. Глокнер. — Где

¹ Franz Schnabel, B. I, S. 108—109.

² Hans Henning, Ursprung der nordischen Philosophie, S. 42, 69.

³ Ibid., S. 67, 69.

еще так ожесточенно, уже на ученической скамье, заучиваются и дискутируются метафизические вопросы, как в Германии?.. Разве Христиан Вольф, наш первый школьный учитель философии, не имел почти беспримерного наплыва воодушевленных слушателей?.. Нас недаром называют народом поэтов и мыслителей... Больше чем где-либо философия есть у нас дело всей нации»¹. Глокнер утверждает, что все истинные философы в истории были немцами и что философия вообще вытекает из... «крови» «северного человека».

Трескучая болтовня фашистских мракобесов об избранной «нации» и господствующей расе, их «философский» шовинизм, их жалкая демагогия о «народности» — все это представляет собой одно из средств идеологической подготовки войны и борьбы с революционным интернационализмом пролетариата.

Расовый шовинизм сознательно искажает подлинную историю философии. Великие системы индусской философии, философии древнего Китая, Индии, Египта и наконец великие философские системы древней Греции — ведь они созданы были тогда, когда о германских племенах еще ничего не было известно, когда последние подобно многим современным европейским народам были варварами и пребывали в дикости. Но фашистский «историограф» не обязан считаться с фактами и излагать объективную истину, к выгоде «противника», т. е. марксизма, материализма. Пропаганда шовинизма требует сознательной лжи.

С философским шовинизмом тесно связана демагогия насчет «народности» и «надклассовости» немецкой философии. Теоретические оруженосцы фашизма прекрасно учитывают классовое значение философии, они прекрасно отдают себе отчет в том, что философия — орудие классовой борьбы, и именно поэтому лезут из кожи, чтобы доказать «надклассовость» немецкой философии. Наши философы вышли из народа и обращаются к своему народу, заявляет Герман Глокнер. «Немецкая философия больше, чем какая-либо другая, происходит из народа и связана с народом. В то время как большинство английских и французских философов — я назову Монтеня и Бэкона, Декарта и Юма, Шефтсбери и Монтескье — были крупными собственниками, большей частью дворянского происхождения, немецкий философ почти без исключения происходит непосредственно из плодородных недр безыменного народа»². И Герман Глок-

¹ *Glockner, Deutsche Philosophie, «Zeitschrift für deutsche Kulturphilosophie», 1:34, Н. 1.*

² *Ibidem.*

нер далее приводит «факты», якобы «убийственные для марксистской догмы». Христиан Вольф был сыном дубильщика, Кант — сыном мелкого седельных дел мастера, Фихте — сыном ткача, Лейбниц — сыном университетского учителя, Гегель и Герbart вышли из чиновничьего сословия. «Все это — дух народа, — восторгается «ученый» фашист, — и здесь этот дух прекрасно воплощен, сгустившись в единичных личностях. Кто посмеет после этого утверждать, что немецкая философия — достойные только очень небольшого круга для «образованных»? Разве не принадлежит она всей нации как общее дело наших немецких поэтов, художников и музыкантов?..» «Ведь наши немецкие ученые и прежде всего философы слишком часто боролись с нуждой, а богатыми людьми они были в очень редких случаях», — заявляет господин профессор¹.

Господин Глокнер использует очевидные исторически сложившиеся факты мелкобуржуазного происхождения многих представителей немецкой философии, чтобы философски «обосновать» фашистскую демагогию. Какова истинная цена фашистского «толкования» «народности» и «надклассовости», будет видно, если обратиться к историческим условиям развития Германии.

В то время как в Англии и Голландии буржуазные революции уже прошли более ста лет назад, а французская буржуазия быстро шагала к революции 1789 г., Германия представляла собой страну с очень отсталой экономикой. «Характерно, что полотняная мануфактурная промышленность, т. е. производство с помощью самопрялки и ручного ткацкого станка, приобрела в Германии некоторое значение как раз к тому времени, когда в Англии эти неуклюжие инструменты были уже вытеснены машинами»². Германские страны в XVIII в., удаленные от мировых торговых путей, разделенные политически и экономически, лишены были сконцентрированного в городах населения, находились еще на стадии феодального развития. «В то время как французская буржуазия благодаря колоссальнейшей революции, какую только знает история, достигла господства и завоевала европейский континент, в то время как политически уже эмансипированная английская буржуазия революционизировала промышленность и подчинила себе Индию политически, а весь остальной мир коммерчески, — в это

¹ *Glockner*, Deutsche Philosophie, «Zeitschrift für deutsche Kulturphilosophie», 1934, Н. 1.

² *Маркс и Энгельс*, Немецкая идеология, Соч., т. IV, изд. 1933 г., стр. 174—175.

время бессильные немецкие бюргеры дошли только до «доброй воли». Кант успокоился на одной лишь «доброй воле», даже если она остается безрезультатной, и перенес *осуществление* этой доброй воли, гармонию между нею и потребностями и влечениями индивидов, в *потусторонний* мир. Эта добрая воля Канта вполне соответствует бессилию, придавленности и убожеству немецких бюргеров»¹...

Экономическая отсталость помешала немецкой буржуазии достигнуть такого политического господства, каким английский буржуа постоянно пользовался уже с 1688 г. и какое французский буржуа завоевал в 1789 г. Развитие классового самосознания буржуазии, ее основных политических и экономических интересов тормозилось «политическими порядками страны: ее безрассудным распылением между тридцатью шестью государями со сталкивающимися интересами и капризами; феодальными узами, сковывающими сельское хозяйство и связанную с ним торговлю; назойливым надзором, которому невежественная и надменная бюрократия подвергала все ее дела»².

Отсюда вытекают *особенности* буржуазной философии немцев в отличие от формы идеологии буржуазных революций в Англии и Франции. В то время как во Франции накануне революции 1789 г. революционная по тому времени буржуазия создала боевую революционную теорию в лице французского *материализма* и *атеизма*, у немецкой буржуазии с самого начала обнаружился особенно резкий отрыв теории от практики, перенесение практических революционных битв в область «чистой мысли». Революционные битвы буржуазии против феодального режима перенеслись в сферу философии (Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель) и литературы (Лессинг, Гете, Шиллер). В основе культивирования «чистой мысли» в Германии рассматриваемой эпохи лежат таким образом не «расовые» особенности «крови и земли», а определенные социально-экономические условия развития германской буржуазии, ее бессилие и политическая трусость в борьбе с феодализмом, юнкерством, бюрократическим, сословно-полицейским режимом.

Кант, Фихте, Гегель были идеологами буржуазии в специфически немецких условиях развития последней и на разных стадиях формирования ее классового самосознания. Именно этими исторически сложившимися условиями развития и объясняется своеобразие классической немецкой фи-

¹ Там же, стр. 174.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. VI, стр. 18—19.

лософии и ее представителей. «...Со времени реформации немецкое развитие приняло совершенно мелкобуржуазный характер. Старое феодальное дворянство было большею частью уничтожено в крестьянских войнах; остались либо имперские мелкие князьки, которые постепенно добыли себе некоторую независимость и подражали абсолютной монархии в крошечном и провинциальном масштабе, либо мелкие помещики, которые, спустив свои последние крохи при маленьких дворах, жили затем на доходы от маленьких мест в маленьких армиях и правительственных канцеляриях, — либо, наконец, захолустные дворянчики (Krautjunker), которые вели такой образ жизни, которого устыдился бы самый скромный английский сквайр или французский gentilhomme de province (провинциальный дворянин)»¹. Таким образом тот факт, что многие немецкие философы вышли из средних слоев населения, но стали идеологами буржуазии, всецело обусловлен мелкобуржуазным характером развития Германии со времени Реформации и тридцатилетней войны (1618—1648 гг.). Вот почему не выдерживает ни малейшего соприкосновения исторической критики фашистская демагогия о «всемирности» и «надклассовости» германской философии.

Следует помнить, что, несмотря на всю трусливость и непоследовательность, идеологи буржуазии предреволюционной эпохи были прогрессивной силой, боролись против феодализма, выдвигали идеи просвещения, развития, науки. «...Всякий новый класс, который ставит себя на место класса господствовавшего до него, уже ради осуществления своих задач вынужден изобразить свой интерес как общий интерес всех членов общества... Класс, совершающий революцию, — уже по одному тому, что он противостоит классу, — с самого начала выступает не как класс, а как представитель *всего общества*... Происходит это оттого, что вначале его интерес *действительно* более связан еще с общим интересом всех остальных, не господствующих классов, не успел еще под давлением отношений, существовавших до тех пор, развиться в особый интерес особого класса»².

Следовательно так называемые лозунги «народности», «единства народа» и пр. в начальный период развития буржуазной идеологии имели некоторое, разумеется, относительное, но тем не менее историческое оправдание. По выражению Маркса, это — «иллюзия *общих* интересов. Вна-

¹ Маркс и Энгельс, Немецкая идеология, Соч., т. IV, изд. 1933 г., стр. 174.

² Там же, стр. 38 (подчеркнуто мною. — Г. Б.).

чале эта иллюзия правдива»¹. Так обстоит дело с передовыми идеями буржуазии в эпоху ее подъема.

Совершенно иную картину на идеологическом фронте мы застаем в эпоху упадка и загнивания капитализма. Ученые приказчики финансового капитала спешат на помощь демагогии фашизма о «народном единстве». Звериная ненависть к революционному пролетарскому учению о классах и классовой борьбе лежит в основе этого лозунга. Он объединяет профессоров философии с философствующими баронами, банкирами и пушечными королями. «Почему же до сих пор, — в негодовании восклицает Герман Глокнер, — забывают, что наша так называемая «интеллигенция» связана с народом? Потому что примешивают хозяйственные и социальные вопросы классовой ненависти и классового сознания». Итак, все зло в «классовой догме»! Борьба против революционного пролетариата и его философии — главная цель фашистских «профессоров» и в области истории философии; фашистская, шовинистическая философия «расового превосходства», «народного единства», «надклассовости», «национализма» предназначена для обмана мелкобуржуазных масс, для борьбы с пролетарской философией диалектического материализма.

Разоблачая классовый характер шовинистических теорий о «национально-расовом духе» немецкой философии, решительно и последовательно борясь с буржуазным национализмом в философии, везде и во всех случаях вскрывая и конкретно доказывая, что фашистская буржуазия под маской защитника общенациональных интересов ведет политику угнетения и эксплуатации собственного народа, пролетариат отнюдь не становится спиной к историческому прошлому своей страны. «Нас касается всякий важный вопрос не только настоящего и будущего, но и прошлого нашего собственного народа», говорил т. Димитров в докладе VII Всемирному конгрессу Коминтерна. «Мы, коммунисты, — непримиримые принципиальные противники буржуазного национализма во всех его разновидностях. Но мы не сторонники национального нигилизма и никогда не должны выступать в качестве таковых»².

Развитие философии принимает в разных странах различные формы в зависимости от исторических, социальных и экономических условий, от национальных особенностей культурного развития данной страны.

¹ Там же.

² Димитров, Наступление фашизма и задачи Коммунистического интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма, Партиздат, 1935, стр. 75.

В Германии философия действительно сыграла в определенный исторический отрезок времени совершенно особую роль, отличную по форме от роли французской и английской философии.

Пролетарский интернационализм революционной, диалектическо-материалистической философии Маркса — Ленина — Сталина воспринимает лучшее, что имеется в национальных формах пролетарской классовой борьбы и рабочего движения в отдельных странах.

«В Германии до 1848 года особенно выдвигалось философское формирование марксизма, в 1848¹ году — политические идеи марксизма, в 50-ые и 60-ые годы экономическое учение Маркса. В России до революции особенно выдвинулось применение экономического учения Маркса к нашей действительности, во время революции марксистская политика, после революции марксистская философия. Это не значит, что позволительно когда бы то ни было игнорировать одну из сторон марксизма; это значит только, что не от субъективных желаний, а от совокупности исторических условий зависит *преобладание интереса* к той или другой стороне»¹.

Ленин показывает, почему это своеобразие путей развития марксистской философии на русской почве нельзя правильно объяснить, не изучая особенностей исторического прошлого русской философии: «В передовых течениях русской мысли нет такой великой философской традиции, какая связана у французов с энциклопедистами XVIII века, у немцев с эпохой классической философии от Канта до Гегеля и Фейербаха. Поэтому философская «разборка» именно для передового класса России была необходима, и нет ничего странного в том, что эта запоздавшая «разборка» наступила после того, как этот передовой класс вполне созрел во время недавних великих событий для своей самостоятельной исторической роли»².

Только коммунистическая партия — авангард революционного пролетариата — способна подлинно научно, исторически правильно — в ленинско-сталинском духе — освещать перед трудящимися массами историческое прошлое философии их собственного народа, чтобы «увязать», — как сказано в резолюции VII Всемирного конгресса Коминтерна по докладу т. Г. Димитрова, — свою теперешнюю борьбу с *революционными традициями прошлого*»³.

¹ Ленин, Наши упразднители, Соч., т. XV, стр. 88.

² Там же, стр. 88—89.

³ Резолюция VII Всемирного конгресса Коммунистического интернационала, Партиздат, 1935, стр. 20 (подчеркнуто мною. — Г. Б.).

В статье «О национальной гордости великороссов», написанной в 1914 г., которую цитировал на VII конгрессе Коминтерна т. Димитров, Ленин дал образец правильного подхода к вопросу о национальных чувствах. Ленин писал:

«Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы *ее* трудящиеся массы (т. е. $\frac{9}{10}$ *ее* населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больше всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызвали отпор из нашей среды, из среды великороссов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика.

Мы помним, как полвека тому назад великорусский демократ Чернышевский, отдавая свою жизнь делу революции, сказал: «жалкая нация, нация рабов, сверху до низу — все рабы». Откровенные и прикровенные рабы-великороссы (рабы по отношению к царской монархии) не любят вспоминать об этих словах. А, по нашему, это были слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения. Тогда *ее* не было. Теперь *ее* мало, но она уже есть. Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация *тоже* создала революционный класс, *тоже* доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм, а не только великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое раболепство перед попами, царями, помещиками и капиталистами»¹.

Ленин, оценивая Льва Толстого, говорил, что в его наследстве есть то, что «принадлежит будущему», и что «это наследство берет и над этим наследством работает» пролетариат. Эти замечательные слова выражают самую суть, живую душу единственно правильного подхода к историческому прошлому данного конкретно определенного народа.

Германский рабочий класс берет из великого прошлого

---

¹ Ленин, О национальной гордости великороссов, Соч., т. XVIII, стр. 81.

своей философии то, что принадлежит будущему, чтобы увязать свою теперешнюю борьбу против фашистской идеологии с революционными традициями в прошлом. Германский рабочий класс гордится тем, что немецкая нация дала замечательные образцы борьбы за материализм и свободу мысли.

Германский рабочий класс гордится тем, что, несмотря на ужасающее тупоумие, ханжество, филистерство, у главных направлений передовой общественной мысли Германии была солидная материалистическая традиция уже в XVII в.

Пролетариат может гордиться тем, что, несмотря на мещанскую ограниченность и тупость прусской монархии, наложивших сильную печать на философию Канта, Фихте и Гегеля, в их философских системах были сформулированы идеи, прогрессивные для своего времени, отражавшие *на немецкой почве* идеологию Великой французской революции, европейских буржуазных революций. Эти системы отражали восходящую линию развития капитализма. В самом деле, «каждое замечательное произведение этой эпохи проникнуто духом протеста, возмущения против всего тогдашнего немецкого общества. Гете написал «Гецца фон-Берлихингена», драматическое восхваление памяти революционера. Шиллер написал «Разбойников», прославляя великодушного молодого человека, объявившего открытую войну всему обществу»¹. Это был мощный разбег мысли. И сейчас его памятники оставляют ощущение исполинского напряжения мысли, ни перед чем не останавливающейся теории.

После революции 1848 г. положение изменилось. Буржуазная интеллигенция Германии «поумнела» и распрощалась с теорией, взявшись за практическую деятельность. Ее до смерти напугали «безумный» 1848 год, революционное выступление немецкого пролетариата и Парижская коммуна 1871 г.

Когда Германия снова появилась на всемирном рынке после франко-прусской войны, когда «спекуляция, покидая кабинеты философов, воздвигала себе новый храм на бирже, интеллигентная Германия забывала великий теоретический интерес, составлявший немецкую славу даже во время самого сильного политического упадка, — интерес к чисто научному исследованию, которое было дорого само по себе, совершенно независимо от вопроса о том, будет ли оно иметь какие-нибудь, и какие именно, практические результаты и не противоречит ли оно полицейским предписа-

---

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. V, стр. 7.

ниям... Что же касается исторических наук, до философии включительно, то здесь, вместе с классической философией, совсем исчез старый дух ни перед чем не останавливающегося теоретического исследования. Его место заняли бессмысленный эклектизм, забота о доходных местечках, об успехах по службе и даже самое низкое лакейство. Официальные представители этой науки стали откровенными идеологами буржуазии и существующего государства, в то время как и та, и другое вступили в открытую борьбу с рабочим классом»¹.

С тех пор как Энгельс написал эти слова, процесс деградации и гниения буржуазной теоретической мысли сделался уже органической болезнью исторически обреченной буржуазии.

Современный идеализм — это идеализм эпохи упадка и загнивания капитализма: он берет из прошлого лишь то, что в нем было *реакционного*. Как раз то, что составляет всемирноисторическую заслугу немецкой философии, фашистские «историки» философии усиленно вытравливают, третируют как «расово чуждое». Немецкий классический идеализм, являясь идеологией буржуазии в эпоху ее подъема, разрабатывал диалектику, т. е. *идею развития*, в наиболее всестороннем, наиболее богатом содержанием виде. Правда, эта диалектическая идея развития была мистифицирована идеализмом, но идею диалектического развития основоположники марксизма считали величайшим приобретением немецкой классической философии. Фашистские «теоретики» это величайшее приобретение классического идеализма извращают и фальсифицируют в своих реакционных целях, превращая диалектику в контрреволюционную софистику.

Германский рабочий класс может гордиться тем, что немецкая классическая философия имеет действительно величайшие заслуги, заслуги всемирноисторического масштаба, что она явилась исторически одним из источников марксизма.

Наследником немецкой классической философии явилось немецкое рабочее движение. «Только в среде рабочего класса продолжают теперь жить старые немецкие теоретические интересы. И отсюда их ничем не выживешь...»².

«И если школьные учителя немецкой буржуазии утопили память о великих немецких философах и выработанную ими диалектику в болоте безотрадного эклектизма, — утопили

¹ Энгельс, Людвиг Фейербах, Соч., т. XIV, стр. 677.

² Там же.

до такой степени, что мы вынуждены призывать современное естествознание в свидетели того, что диалектика подтверждается в действительности, — то мы, немецкие социалисты, гордимся тем, что мы ведем свое происхождение не только от Сен-Симона, Фурье и Оуэна, но также и от Канта, Фихте и Гегеля»¹.

Разоблачая классовый характер звериного шовинизма фашистов, рабочий класс, опираясь на теорию Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, отстаивая интернационализм, выступает со всей силой и против национального нигилизма.

Обратимся ко второй «идее» фашистской концепции истории философии — к отрицанию преемственности и прогресса в философском мышлении.

Отрицание преемственной связи в развитии философии вытекает из реакционной сущности фашизма. Единственно правильное, единственно научное понимание истории — исторический материализм — рассматривает общество в его развитии, в революционной смене и преемственной связи общественно-экономических формаций. «...каждое последующее поколение находит производительные силы, добытые прежними поколениями, и эти производительные силы служат ему сырым материалом для нового производства, — благодаря этому факту образуется связь в человеческой истории, образуется история человечества...»². Так создается объективная основа внутренней связи и в развитии философской мысли. Одно философское учение становится необходимой ступенью для другого, более развитого, если оно в теории отражает практику передового, революционного класса данной эпохи. Ступеням развития производительных сил и практики классовой борьбы соответствуют выражающие их и вырастающие на их основе путем переработки предшествующего идейного материала новые философские учения.

Идеологи фашизма, представители загнивающего капитализма, под флагом «борьбы с расово чуждыми влияниями в германской философии» хоронят, сжигают, громят все лучшее, что создано до сих пор человечеством под гнетом рабовладельческого, феодального и буржуазного общества, и берут от идеологов прошлых эпох все самое реакционное, оправдание рабства и эксплуатации во всех ее формах.

Вожди и вдохновители унифицированного философского «фронта» вопят о «выродившихся соотечественниках и вредителях из чуждых рас», например об «иудейском неокан-

¹ Энгельс, Предисловие к первому немецкому изданию брошюры «Развитие социализма от утопии к науке», Соч., т. XV, стр. 625.

² Маркс, Письмо к Анненкову от 28 декабря 1846 г., Соч., т. XXV, стр. 22.

тианстве», о «чуждом германской народности руководстве» философией¹.

Первым проявлением влияния «вредителей» из чуждой расы объявляется Декарт. Рационализм Декарта и материализм картезианской физики, по мнению фашистских «теоретиков», — источник неисчислимых бедствий. «С Декарта начинается роковое отщепление интеллекта от души и от остальной природы»².

«Тридцатилетняя война вместе со всей остальной культурой уничтожила расцвет немецкого духа. Декарт своим понятием о субстанции ворвался в германское мышление... тем легче, чем более шел навстречу церковному учению о боге и душе. Даже гениальный Лейбниц не мог выпутаться из столь чуждых объятий. Только Кант вырвал из германской почвы чуждые ей корни и выполол сорную траву, после чего вновь расцветает германская метафизика, метафизика Фихте, Шеллинга, Гегеля»³.

К плеведам и мусору после Декарта прусские фельдфебели относят конечно и Спинозу: именно от спинозизма в первую очередь должна быть очищена почва немецкой философии. «Спинозизм — самый значительный противник и враг немецкой философии», — говорит Герман Глокнер⁴. «Немецкий дух», по словам Глокнера, постоянно борется с безличностью рабского, иудейского спинозизма. Более того, по мнению Глокнера, «истинно немецкий» характер философии определяется тем, насколько последняя критикует Спинозу.

После того как буржуазной философией испробованы все средства, чтобы превратить Спинозу из атеиста и материалиста в мистика и идеалиста, приходят фашисты и третируют Спинозу, как дохлую собаку, только потому, что он «не ариец».

Ненависть фашистских историков к Спинозе — это ненависть мракобесов к революционеру мысли. Спиноза не был последовательным материалистом, он остался метафизиком, но своим определением бога как протяженной, т. е. материальной, сущности он нанес смертельный удар по схоластике, религии, этим основам феодального мировоззрения. Фашисты не могут примириться с мыслью, что Спиноза положил начало исторической критике так называемого святого

¹ Heyse, Kant und wir, «Nationalsozialistische Monatshefte», H. 55, S. 895.

² Sauter, «Süddeutsche Monatshefte», 1935, H. 9, S. 575.

³ Schwarz, «Nationalsozialistische Weltanschauung», S. 12—13.

⁴ Glockner, Deutsche Philosophie, «Zeitschrift für deutsche Kulturphilosophie», 1934, H. 1.

писания. В «Богословско-политическом трактате» Спиноза шаг за шагом подвергает тщательной теоретической критике библию, разоблачая невежественность написавших ее людей и высмеивая распространяемые на этот счет глупости. Христиане «аргументируют одними чудесами, т. е. невежеством, которое есть источник всякой злобы и низости», — писал Спиноза Ольденбургу в ноябре 1675 г.

И Декарт и Спиноза, крупнейшие и оригинальные умы, отнесены к «нечистотам» истории только потому, что они были первыми великими провозвестниками борьбы против средневековой тьмы, религии, феодализма. Расовая фразеология Глокнера — только жалкая дымовая завеса демагогии, прикрывающая служебную роль «философии истинно немецкого духа» по отношению к гитлеровскому режиму.

Но факты — упрямая вещь. Влияние Спинозы в немецкой философии не подлежит никакому сомнению. Его не может скрыть и Глокнер.

Глокнер указывает на противоположность философии Фихте и Спинозы, но разве эта противоположность не подготовила в историко-философском смысле замечательный синтез Гегеля? Не сохранились ли в абсолютном духе Гегеля черты и спинозовской «субстанции» и фихтевского «субъекта»? И действительно, «пораженная французским просвещением, и в особенности *французским материализмом, метафизика XVII столетия праздновала свою победоносную, полную содержания реставрацию в лице немецкой философии*, а именно в *спекулятивной немецкой философии XIX столетия*»¹.

В припадке фельдфебельского усердия Глокнер выбалтывает тот «теоретический» принцип, которым руководствуются фашистские «философы» при очищении истории немецкой философии от «плевел и мусора». Речь, видите ли, идет не только о чистоте расы. Задача состоит еще в том, чтобы философски обосновать не более не менее, как «принцип вождя» (точнее, «абсолютный принцип вождя»). «Абсолютный индивидуализм немца Лейбница, а не безличная субстанция еврея Спинозы, может помочь нам соединить принцип абсолютного вождя с принципом абсолютной общности»².

Более того, фашистская униформа оказывается также выводом из... монадологии Лейбница, из единства отдельного и общего в монаде. «Немец, — пишет Глокнер, — всегда

¹ Маркс и Энгельс, Святое семейство, Соч., т. III, изд. 1929 г., стр. 154.

² Glockner, op. cit.

должен быть скрыт в униформе, потому что он сам представляет собою униформу».

Комментарии излишни. Поистине надо дойти до последней грани лакейского усердия, чтобы монадологией великого Лейбница «обосновать» «принцип» «вождя» и прусской казармы, а заодно и необходимость фашистского мундира.

Бешеная борьба против материализма, пропаганда иррационализма, борьба против рационального знания — такова третья основная «идея» фашистской «истории» философии.

Фашистская история философии насквозь идеалистична и реакционна. Здесь мы имеем самый реакционный идеализм, жалкое эпигонство, эклектизм и контрреволюционную софистику. Все это прикрыто однако фразами против «абстрактного идеализма». Характернейшими чертами этого идеализма как идеализма эпохи упадка и загнивания капитализма являются иррационализм, «актуализм» и мистика. Глокнер пишет, что немцы, зажатые в тиски «между рациональным Западом (Франция) и иррациональным славянским Востоком (Россия), вынуждены примирять обе стороны». И тот же Глокнер перекраивает историю немецкой философии именно под углом зрения мистики, иррационализма, всяческого «фетишизирования» «инстинкта», «воли» и «интуиции».

Для Германа Глокнера вся немецкая философия волюнтаристична. «Никогда мы не задерживались долго, — говорит Глокнер, — на интеллектуалистической по преимуществу системе; всегда действовали более сильные факторы — страсть, желание, воля, решимость». «Через всю немецкую философию проходит волюнтаристическая черта. Монады Лейбница исполнены одним стремлением; этика Канта покоится на учении о доброй и злой воле; так называемое наукоучение Фихте есть философия решимости и воли. Гегель всю свою систему излагал не только как логику, но и как учение о свободе; центральное понятие его философии — это воля. Немецкая философия стремится быть объективной, но без исключения личности. Спиноза, объективнейший из всех философов, исключает личность. Немецкая же философия считает вместе с Лейбницем, что безличная субстанция пуста и мертва. Абстракция — не источник и не результат философии. Немецкая философия не интеллектуалистична, но духовна, интуитивна»¹.

«Установив» таким образом волюнтаристическую, «иррационалистическую сущность истинно немецкой философии», Герман Глокнер предоставляет уже другим делать соответ-

¹ Glocker, op. cit.

ствующие «выводы» по части фашистского препарирования истории немецкой философии отдельных исторических эпох или отдельных философов. Тут и антирационализм в духе Ницше и антирационализм в духе мистики германского средневековья. Все это становится наиболее распространенным орудием «пересмотра истории» немецкой философии.

Но какими бы ярлыками ни прикрывались продажные лакействующие философы Третьей империи, боязнь рационального познания определяет каждое движение их «мысли».

Задаёт тон в этой свистопляске Розенберг. В своем «*Der Mythos des XX Jahrhunderts*» Розенберг посвящает немало восторженных страниц метафизику и мистику Шопенгауэру, этому философу юнкерской реакции в Германии. Артур Шопенгауэр все явления мира сводит к объективизации некоей сверхмировой божественной воли, борется против идеи развития в науке и защищает витализм вкупе с антисемитизмом и бесправием женщины. Неудивительно, что Розенберг, захлебываясь от восторга, восклицает: «Шопенгауэр — наш». Мир есть воля, но пожалуй, добавляет Розенберг, не бессознательная воля, не стихийная, а сознательная, и в качестве таковой она — «основа северного жизнепонимания»¹.

Борьба против науки и рационализма — основная тема писаний Шпенглера. Он объявляет врагом человечества человеческий разум. Следовательно надо бить по всем продуктам рационалистического способа мышления. Шпенглер отвергает как рационалистические не только учения XVIII в. По Освальду Шпенглеру, уже со времени Великой французской революции «рационалистическая критика, которая гордо называла себя философией просвещения, начала свою разрушительную работу»².

С циничной откровенностью Шпенглер выбалтывает феодальные мотивы этой проповеди иррационализма. Для Шпенглера все, что наступило после крушения феодализма, явилось одинаково исчадием ада. Буржуазный либерализм и марксизм, идеализм и материализм одинаково рационалистичны. Рационалистическим оказывается у него вообще все духовное развитие последних двух столетий. Он заявляет, что «Кант не меньше, чем Вольтер и Гольбах, Новалис не меньше, чем Прудон, являются идеологами освободительной войны, так же как и Маркс»³. Именно благодаря своему рационалистическому духу последние столетия европейской культуры принесли неисчислимые бедствия человечеству.

¹ *Rosenberg*, *Der Mythos des XX Jahrhunderts*, 1931, S. 324.

² *Spengler*, *Jahre der Entscheidung*, 1933, S. 66—75.

³ *Ibid.*, S. 5.

«Мирное завоевание Европы при помощи техники в хозяйстве, капиталистическое формирование хозяйства, образование государств, армия, право, империализм, мировой обмен и мировое хозяйство — все это неразрывно связано с рационализмом, чистейшим и совершенным выражением которого были наука и философия этих столетий»¹. Первым провозвестником нового «рационального» метода, обобщавшим руководящий исходный пункт всей эпохи вплоть до современности, является Кант, и с Канта именно и начинаются неисчислимы бедствия. Давно пора, писал Эрнст Крик, кликнуть клич: «С суеверным рационализмом покончено». Правда, он невнятно бормочет что-то против другой крайности, против «иррационализма», но тут же еще и еще раз подчеркивает, что *«вместе с рационализмом должен быть отброшен взгляд, будто история есть прогрессивное поступательное движение вперед»*². «Пошлая, бессмысленная вера в прогресс» только мешает возврату к средневековью³.

Для оценки фашистской «концепции» немецкого классического идеализма надо понять, чем диктуется этот смертельный страх перед всем рациональным, эта неистребимая боязнь всего прогрессивного.

Рационализм, даже буржуазный, идеалистический, неприемлем для современной буржуазии. Рационализм Декарта, Лейбница, равно как и материализм Бекона, Гоббса, Гасенди, Спинозы, французских материалистов XVIII в., тесно связан с одним из наиболее блестящих периодов в развитии естествознания. Он абсолютно неприемлем для фашистских мракобесов, вызывая в них бешеную ненависть. И философские оруженосцы фашизма в десятках воинственных книг, брошюр, статей предают анафеме разум, интеллект, рациональное познание и призывают вернуться к звериным инстинктам, слепой воле, мистической «интуиции», словом, к «иррациональному».

Когда-то Гегель писал, что «человек есть мыслящее существо и именно мышлением он отличается от животного»⁴. Маркс и Энгельс раскрыли буржуазную ограниченность этого взгляда, доказав, что не мышление, а труд, производящий орудие труда, отличает человека от животного. Но достаточно сопоставить взгляд старика Гегеля с фашистскими восхвалениями «инстинкта», «крови» и «земли», чтобы

¹ Ernst Kriek, Wissenschaft, Weltanschauung, Hochschulreform, 1934, S. 1.

² Ibid., S. 2—3.

³ Hans Thomas, Das Ende des «Fortschritts», «Die Tat», 1933, S. 361.

⁴ Hegel, Vorlesung zur Philosophie der Weltgeschichte, Ausgabe Lasson, S. 1.

видеть, как низко упала буржуазная мысль в фашистской Германии. Надо вернуться к животному инстинкту. «Долой разум!» — провозглашают трубадуры фашистского варварства. Мышление развратило человека, сделало его самонадеянным, непослушным, неверующим. Уничтожайте же мышление, оно стало опасным!

Так «мышление» буржуазии превратилось в оковы для дальнейшего развития рационального знания. Интерес к теории, некогда отличавший идеологов восходящей германской буржуазии, уступил место безидейному эклектизму, контрреволюционному «волюнтаризму» и софистике.

V

Остается показать, как относится фашистская «историография» к отдельным представителям немецкого классического идеализма.

«Теоретики» так называемого «национал-социалистского мировоззрения» искажают подлинный облик отдельных представителей классического идеализма, чтобы сделать их «приемлемыми» для фашизма. Чрезвычайно характерна при этом разноголосица, отражающая внутренние противоречия в лагере фашизма. Идеологи Третьей империи никак не могут сговориться, как должен выглядеть унифицированный Кант, как должны выглядеть унифицированные Фихте и Гегель, что «принять» и что «отвергнуть». Розенберг приемлет из Канта априоризм, субъективизм¹ и кантовский дуализм — деление мира на мир вещей в себе и мир явлений. Но Кант — идеолог либерализма, он под влиянием идей эпохи Просвещения. Эта сторона в Канте конечно для Розенберга неприемлема. Неприемлемы для него и кантовская идея вечного мира народов и пацифистские идеи. В отношении к Гегелю обнаруживается еще больше разноголосицы, разброда. С одной стороны, фашиствующие неогегельянцы (Кронер, Биндер, Глокнер и т. п.) всячески размазывают реакционные стороны философии Гегеля, особенно его философию государства и права, доказывая, что Гегель мистик, иррационалист и т. д. Шпанин превозносит гегелевское положение о государстве как «шествии бога в мире». С другой стороны, «расисты», например Боймлер, доказывают, что Гегель неприемлем как идеолог либерализма, зараженный идеями просвещения.

Во всех рассуждениях фашистов сквозь софистику и жалкое эпигонство выступает своя логика: заплевать все,

¹ *Rosenberg, Der Mythos des XX Jahrhunderts, 1931, S. 211.*

что возвышало Канта, Фихте и Гегеля над уровнем крепостнических порядков в Германии и, напротив, увековечить в них все, в чем они сходились и примирались с феодальным мировоззрением и поповщиной во всех ее видах и формах. Философия буржуазного либерализма не может удовлетворить идеолога финансового капитала в эпоху упадка и загнивания капитализма. Поэтому фашистская фальсификация философии Канта заключается в том, что из его философии вытрапливается все, что было материалистическим, рациональным, прогрессивным, все, что наносило удары по средневековой, все, что имело хоть какое-то отдаленное отношение к эпохе Просвещения. Именно таково отношение фашистов к Канту, как оно изложено в «Der Mythos des XX Jahrhunderts».

Прежде всего фашистам здесь приходится разделяться с неокантианством. «Неокантианство, — пишет Заутер, — характерно для эпохи либерализма в философии. Последнее слово мудрости неокантианства состоит в том, чтобы уничтожить и выбросить из философии все естественное, человеческое, душевное и кровное. Неокантианцы позволяли говорить только о методологии, о логическом субъекте, но не о действительном, живом человеке; это оказывало губительное и роковое воздействие на расовые силы человека и народа и отталкивало его к одной из форм культуры — большевизму. Необходимо преодолеть Канта неокантианцев», — заключает Заутер¹.

Той же задаче «преодоления Канта неокантианцев» посвящена статья ректора Кенигсбергского университета Гейзе в центральном «теоретическом» органе национал-социалистской партии под выразительным заглавием «Кант и мы»². Гейзе по-антисемитски возмущается «неарийской» интерпретацией Канта. «История кантовской философии в XIX и XX столетиях — яркий пример того, — пишет он, — как немецкий дух под чуждым немецкому народу руководством становится чуждым себе и как в толкованиях Канта подлинно кантовское постепенно заменялось иудейским неокантианством».

Как же выглядит не опошленный «иудеями», так сказать, «арийский» Кант? Препарированный под «арийца», Кант превращается в заурядного иррационалиста и мистика. Дипломированные специалисты препарируют Канта в духе «теории расовых душ», послушно выполняя приказ своего шефа — Розенберга.

¹ Sauter, «Süddeutsche Monatshefte», 1935, H. 9, S. 575.

² Heyse, Kant und wir, «Nationalsozialistische Monatshefte», H. 55, S. 895.

В Канте, видите ли, борются две расовые души: северная, немецкая, и другая, расово чуждая немецкому духу. Кант уступил второй, расово чуждой душе, жившей в нем, и стал рассматривать человека абстрактно как «разумное существо», чрезвычайно много внимания уделил «разуму» и вместо «северной этики как этики борьбы дал нам этику, не борьбы, а рабства». Северная же кровь выражена у Канта в учении об абсолютном долге, в абсолютном «ты должен»¹.

«Северный дух достиг философского самосознания в лице Канта, существенным делом которого было последовательно проведенное наконец разграничение политики, религии и науки. Религия отныне стала иметь дело только с «царством божием внутри нас», подлинная же наука — только с «механистской» физикой, химией, биологией. В этом критическом разграничении Розенберг видит «первую предпосылку, для специфической северной культуры»².

Это «критическое разграничение» понадобилось Розенбергу конечно не для того, чтобы объявить борьбу против религии. Наоборот, задача философии, по словам Розенберга, состоит в том, чтобы установить «согласие воли и познания, религии и науки»³. Противореча себе и окончательно запутываясь в собственной лжи, философствующий вдохновитель еврейских погромов подчиняет науку религии и располагает Канта в мировой перспективе «Der Mythos des XX Jahrhunderts» по одной линии с индийским Варуной, с греческим Ураном, с отцом богов Зевсом, с богом неба Вотаном и Аполлоном.

Превратив Канта в одного из отпрысков бога Вотана, фашисты не могут обойти молчанием, что Кант каким-то образом «причастен» к эпохе Просвещения. Но фашистские профессора философии считают, что настало время переосмотреть «либерально-буржуазное» толкование Канта и по этой линии. «Толкование Канта в духе либерализма, — пишет Гейзе, — исторически выводит Канта из немецкого, в конечном счете следовательно также из французского и английского, просвещения». Предшествующие интерпретации Канта сходятся на том, что кантовская «Критика чистого разума» теоретически рассматривается как обоснование новейшего естествознания и тем самым современной науки; что Кант закладывает основы этического и политического либе-

¹ Garbe, Die zwei Weltenlehre Kants v. Standpunkte der Rassenseelenkunde, «Rasse», 1933, H. 6, S. 223—231.

² Rosenberg, Der Mythos des XX Jahrhunderts, 1931, S. 138.

³ Ibid., S. 325.

рализма; что «философия религии» Канта формируется на почве Реформации, следовательно и религия получает «рациональное истолкование»¹.

В этом заключается, по мнению ректора Кенигсбергского университета, «опошление» Канта «неарийцами».

Задача «Критики чистого разума», по мнению фашистских историков, ни в коем случае не заключается в том, чтобы продолжить хотя бы в одном каком-либо смысле философию просвещения. Философия просвещения, заявляет Гейзе, состоит в том, что ко всякому явлению подходят с критерием рассудка, подчиняют его разуму, но именно Кант разбивает такое воззрение. Исходя из глубокого сознания «живых расовых сил», Кант, напротив, оспаривает как раз то положение, что всякое бытие и явление должны быть рационально определены. Основная задача философии Канта — преодолеть «просвещение», писал в той же статье Гейзе. Кант был и остался иррационалистом, обосновавшим религию на законе нравственности.

Другой признанный «вождь» фашистской философии, Герман Шварц, «развивает» те же взгляды. Герман Шварц в отличие от Гейзе признает наличие у Канта сильной струи рационализма, но критикует Канта именно по этой линии. Рассудок у Канта действительно является законодателем природы, писал Шварц, но он оторван от чувства, а это приводит к недооценке «душевных сил», что совершенно чуждо германскому духу. В этом он видит слабую сторону Канта. Но и Гейзе, и Шварц, и Заутер хвалят Канта за то, что он не отверг религии. Самым ценным у Канта Шварц считает знаменитый тезис из «Критики чистого разума»: «Я должен был ограничить знание, чтобы очистить место вере»². Этот «тезис» был признанием трусливой немецкой буржуазии в своей неспособности последовательно бороться с феодальным мировоззрением, это была откровенная защита религии, и именно за это хвалят Канта фашисты, именно это делает в их глазах Канта подлинным «арийцем».

Кант, правда, потеснил науку, чтобы очистить место вере, но оставил все же место науке и высмеивал духовидцев. Фашистские философы этим недовольны. «Неужели философия одного из подлинных немцев ничего другого не означает кроме оправдания «просвещения», т. е. западного мировоззрения?» — вопрошают с негодованием философствующие черносотенцы на страницах своего центрального

¹ Heyse, Kant und wir, S. 118, 138.

² Schwarz, National sozialistische Weltanschauung, Verlag 1933, S. 80; Sauter. «Süddeutsche Monatshefte», 1935, H. 9, S. 585.

«теоретического» органа¹. Нет, «немецкий идеализм должен быть связан с немецким социализмом», — заявляет Шварц, подчеркивая особо, что «немецкий социализм» конечно «ничего общего с коммунизмом не имеет»². Кантовская этика в изображении Гейзе выглядит прямо как оправдание концентрационного лагеря и казармы, то бишь «прусского социализма». У Канта Гейзе ищет оправдания «прусской казарменной дисциплины, послушания, верности целому»³.

Пролетариат — единственный последовательно революционный класс. В учении Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина он имеет научную идеологию, революционную философию диалектического материализма. Лишь марксизм-ленинизм дает исторически правдивую и глубокую оценку, всего предшествующего развития философской мысли. Немецкий классический идеализм, несмотря на весь радикализм мышления, в специфических немецких условиях всегда оставался по-буржуазному непоследовательным, нерешительным выступлением против феодального мировоззрения. И это относится прежде всего к Канту. Но в идейном наследстве великих прогрессивных завоеваний человеческой мысли пролетариат выделяет отрицаемую и всячески замалчиваемую фашистами прогрессивную сторону философии Канта. Германский рабочий класс гордится тем, что немецкий народ выдвинул Канта-просветителя, поднявшего на немецкой почве знамя борьбы против феодальной идеологии. Подчеркивая всю ограниченность и непоследовательность Канта в борьбе с феодальным мировоззрением, революционный рабочий класс разоблачает стремление фашистов использовать именно отражение феодально-крепостнического влияния в философии Канта, чтобы причесать Канта на расистский лад и попытаться «историко-философски» «обосновать» возврат к средневековой поповщине.

В отношении *Фихте* фашистские «историки» преследуют несколько иную цель. Общая установка остается прежняя — вытравить все рациональное, все прогрессивное. Но выдвигается и новая задача: прикрыть мистику и иррационализм криками о борьбе против абстрактного идеализма, об активизме и волюнтаризме. На первый план поэтому выдвигается социальная философия *Фихте*. В *Фихте* апологеты Третьей империи видят одного из духовных отцов германского национализма, «корпоративного», или «тоталитарного», государства, политики автаркии и империалистических захват-

¹ *Heyse, Kant und wir*, «Nationalsozialistische Monatshefte», H. 55, S. 896.

² *Schwarz*, op. cit., S. 79.

³ *Heyse*, op. cit., S. 898.

нических войн. Задачей настоящей статьи не является анализ отношений фашистов к «философии истории» классического немецкого идеализма, в которой фашизм особенно использует реакционные стороны учения Фихте о «замкнутом торговом государстве». В то же время фашисты борются с Фихте, как с живым, во всех случаях, когда они уже не могут обойти молчанием замечательные суждения Фихте о Великой французской революции, о революционной критике феодализма, его суждения, клеймящие жалкую немецкую действительность и трусливую, ленивую немецкую буржуазию.

Фихте пишет полные страстного революционного убеждения статьи о «Востребовании свободы мысли» и об «Исправлении суждений публики о французской революции». Со своей идеалистической точки зрения Фихте ставит вопрос о правомерности революции вообще и французской революции в частности. Нет неизменного государственного строя, заявляет Фихте: дурной должен быть изменен, хороший изменяется сам; хорошим является тот государственный строй, который отвечает нравственной цели, нравственная же цель состоит в прогрессирующем развитии и свободе. Фихте клеймит дворянство как тупое, невежественное и низменное сословие и провозглашает принципы буржуазного общества. Франц Меринг правильно указывает на революционное значение знаменитого тезиса Фихте: «Право должно осуществляться во что бы то ни стало, и кто не понимает этого сам, того следует принудить». Идеализм Фихте оправдывает далее принцип буржуазной собственности: государство должно обеспечить гражданину собственность, труд и жизнь, а так как право есть природное свойство человеческого духа, то и право собственности вытекает из естественных, неотчуждаемых свойств человеческого духа. Неразвитость буржуазных отношений, экономическая и политическая отсталость Германии, филистерская ограниченность, дряблость и трусость буржуазии — все это наложило отпечаток на философию Фихте. Буржуазно ограниченный мыслитель, он не мог, разумеется, вскрыть истинных законов буржуазной революции. Он искал оправдание революции в нравственном законе, но одновременно не допускал и мысли о правомерности политической эмансипации евреев.

В своих попытках вытравить из философии Фихте революционные мысли, прогрессивное содержание, например критику феодализма, фашисты доходят до того, что критикуют Фихте с позиций феодально-крепостнической поповщины. Г. Шварц нападает на Фихте за то, что тот, видите ли, не понял, что возрождение подлинно германского

духа несет немецкий средневековый мистик Мейстер Экхарт¹.

Фашистские «историки» философии много внимания уделяют не только национализму и принципу автаркии в учении Фихте о «замкнутом торговом государстве». Фашистская «историография» паразитирует и на субъективном идеализме. Маркс писал в «Тезисах о Фейербахе», что действительная сторона в противоположность материализму развивалась идеализмом, но только абстрактно, так как идеализм, разумеется, не знает действительной, чувственной деятельности. Эти слова Маркса особенно ярко характеризуют своеобразие фихтевского субъективного идеализма. Фихте несомненно ярче и последовательнее, чем Кант, подчеркивал активную, действительную сторону познания. Не бытие определяет сознание, а, наоборот, сознание как субъект, как «я», определяет собой бытие и не только явлений, но и «вещей в себе». Но Фихте не знает конкретно-исторической общественной деятельности. Субъективно-идеалистический характер активизма Фихте и используют фашистские философы. Но в то время как активизм Фихте дышит пафосом надвигающейся революции и обрушивается гневом на дряблые, реакционные сословия феодального государства, «актуализм» фашистской философии выражает бешенство контрреволюции.

Обратимся теперь к Гегелю. Историческая связь, существовавшая между Гегелем и Марксом, и революционные выводы, которые сделал Маркс из диалектики Гегеля, заставили известную часть философствующих «теоретиков» фашизма отбросить Гегеля в сторону. Фашистская концепция истории философии не может примириться с тем, что немецкий классический идеализм обосновал революционную идею — *идею диалектического развития*. Фашистская концепция истории философии не может примириться с тем, что немецкий классический идеализм создал идеи, послужившие теоретическими опорными вехами на пути выработки революционной идеологии пролетариата — марксизма. Унифицированный католический профессор Шнабель с пеной у рта возмущается тем, что «мальчики из гегелевской философской школы — Карл Маркс и Фердинанд Лассаль — из обломков германской философии выхватили все мысли своего учителя, которые могли быть использованы для пролетариата. В марксизме диалектический метод доведен до исторических последствий... Маркс наполнил другим

¹ Schwarz, Christentum, Nationalsozialismus und die deutsche Glaubensbewegung, 1934, S. 7.

содержанием гегелевское понятие о государстве, и таким образом была найдена формула «диктатура пролетариата». Путем диалектики из монизма Гегеля родился «научный социализм»¹.

Один из титулованных фашистских теоретиков права, Карл Шмитт, считает Гегеля «пустым и лживым», «беспутным и безотрадным». Карл Шмитт третирует Гегеля за то же, за что против него негодует и Шнабель: за то, что «Гегель через Карла Маркса, — как он говорит, — перешел по наследству к Ленину и перекочевал в Москву»². Когда же запылал подожженный гитлеровцами германский рейхстаг, Карл Шмитт патетически воскликнул: «В этот день можно наконец сказать: Гегель умер»³.

Едва ли можно с большим цинизмом разоблачить свою классовую сущность, чем это делает сей новообращенный апостол фашизма. Фашистские «философы» понимают, что недостаточно жечь на кострах негодные книги и стерилизовать представителей чуждых рас — необходимо какой угодно ценой фальсифицировать всю историю философии. И Шнабель, германский историк, вместе с титулованным фашистским «правоведом» Карлом Шмиттом отрекается от великого прошлого, с глубоким презрением говорит о немецком классическом идеализме и Гегеле только потсм, что тот подготовил дорогу Марксу. В этой нелюбви к Гегелю есть своя логика исторически обреченного класса. Беря на себя обязанности похоронить марксизм, могучую теорию революционного рабочего движения, Франц Шнабель и Карл Шмитт третируют Гегеля как «дохлую собаку», выливают на великого мыслителя грязный ушат пустых и злобных ругательств именно потому, что Гегель развил теорию диалектики, хотя и на ложной, идеалистической основе. Германский рабочий класс, наоборот, полон чувства национальной гордости, ибо из среды немцев вышел мыслитель, который «через Карла Маркса перешел к Ленину и перекочевал в Москву».

Но сказанное еще не характеризует полностью отношения фашистов к Гегелю. «Сам Гегель, несмотря на нередкие в его сочинениях взрывы революционного гнева, вообще склонялся преимущественно к консервативной стороне»⁴, пока наконец революционная сторона не была задушена «под тяжестью непомерно разросшейся консер-

¹ Schnabel, B. III, S. 27.

² Karl Schmitt, Der Begriff des Politischen, 3 Aufl., 1933.

³ Karl Schmitt, Staat, Bewegung, Volk, S. 32.

⁴ Энгельс, Людвиг Фейербах, Соч., т. XIV, стр. 641.

вативной стороны»¹. В «Философии права» Гегель прямо объявил, что абсолютная идея должна осуществиться в ограниченной сословным представительством прусской монархии.

Идеологи монополистического капитала не могут отказаться от этих реакционных сторон гегелевского наследства.

Фашистскую интерпретацию Гегеля можно в общем и главном свести к двум «идеям»: во-первых, препарирование диалектики на расистский лад и, во-вторых, откровенное использование реакционных взглядов «Философии права» в целях «обоснования» хищнической, империалистической политики, звериного шовинизма и бешеного наступления на рабочий класс.

Вышедшее у Феликса Мейнера собрание цитат из Гегеля² составлено таким образом, чтобы не было и намека на то, что у Гегеля вообще встречалось слово «диалектика». Диалектика у Гегеля — это выдумки зловредного большевистского материализма. Гегель — интуитивист и иррационалист. Таков один ход фашистских «интерпретаторов» диалектики Гегеля.

Фашистская интерпретация диалектики Гегеля подготовлена фашизацией буржуазно-эпигонского неогегельянства, получившей яркое выражение в книге Рихарда Кронера³, и еще раньше, в связи с разложением кантианства, усилившимися попытками сочетать Канта с Гегелем⁴. «Открытие» молодого Гегеля в работе Вильгельма Дильтея⁵ и опубликование богословских работ Гегеля⁶ положили начало откровенно религиозному толкованию Гегеля, и именно оно становится наиболее близким, наиболее нужным для «духовного возрождения» Третьей империи. Рационалистически-гносеологическое толкование Гегеля в духе неокантианства сходит со сцены. Так называемая «философия жизни», т. е. иррационализм и интуитивизм в духе Ницше, Бергсона, Дильтея, О. Шпенглера, отрицавших возможность какого бы то ни было «рационального» (т. е. естественнонаучного!) объяснения жизни, сделалась в руках фашистских «теоретиков» — Эрнста Крика, Меллера ван ден Брука и др. — единственным критерием для оценки Гегеля, а белогвардейский профессор

¹ Энцельс, Людвиг Фейербах, Соч., т. XIV, стр. 639.

² «Hegel heute», Eine Auswahl aus politischer Gedankenwelt, F. Meiner, Leipzig 1934.

³ Kroner, Selbstverwirklichung des Geistes, Tübingen 1928.

⁴ Marck, Kant und Hegel, Tübingen 1917; Die Dialektik in der Philosophie der Gegenwart, Tübingen 1929—1931.

⁵ Dilthey, Die Jugendgeschichte Hegels, 1913.

⁶ Nohl, Hegel theologische Jugendschrift, Berlin 1907.

философии Лосский, совсем распоясавшись, превращает Гегеля в самого заурядного интуитивиста и ближайшего предшественника Лосского¹.

Самое «живое» в Гегеле — это религия и мистика. Философия Гегеля оказывается разновидностью иррационализма. Это «доказывается» и исторически, «показом» всего пути от «Канта к Гегелю» как пути от рационализма к иррационализму, это доказывается и в многочисленных монографиях, статьях, брошюрах, специально посвященных Гегелю.

Не надо быть особенным знатоком Гегеля, чтобы знать, что Гегель был враждебен мистическому интуитивизму. Гегель разошелся с Шеллингом потому, что диалектика Шеллинга была слишком мистична, слишком иррациональна. Гегель дал убийственную критику романтическому иррационализму Шлейермахера. Гегель всегда боролся с субъективным, «плоским», как он его называл, идеализмом, интуитивизмом, с расплывчатостью «философии чувства». Почему обо всем этом молчат философские глашатаи фашизма? Почему это скрывают все кликушествоующие в философии фельдфебели и ефрейторы? Потому, что в философии Гегеля слишком много потенциальных революционных, взрывчатых веществ, потому, что с Гегелем (и Фейербахом) заканчивается период восходящего развития буржуазной философии. Фашисты стараются умертвить в нем прогрессивное для его эпохи и увековечить реакционное. Фашистское отречение хватает за полы великого мыслителя; оно ненавидит его за то, что он прочистил дорогу материалистической, революционной диалектике, но и отказать от него оно не может. Поэтому фашисты мошенничают и лгут.

Но хотят эти господа или нет, Гегель — диалектик. Скрыть этот факт все-таки трудновато. Тогда фашисты выпускают на сцену «неогегельянцев».

Неогегельянец Гартман недоволен тем, что диалектика внутренней борьбы противоречий у Гегеля имеет объективное значение: «Противоречие есть нечто целиком принадлежащее к области мысли и понятий. К *противоречию* принадлежит *речь*, следовательно суждения. Противоречия и суждения могут конечно противоречить друг другу... Но вещи, явления, реальные отношения, строго говоря, — нет. В объективном мире никаких противоречий не существует»². «То, что в жизни и действительности обозначается в переносном смысле как противоречие, есть на самом деле

¹ Lossky, Hegel als Intuitivist, «Blätter für deutsche Philosophie», 1935, H. 1.

² Hartmann, «Blätter für deutsche Philosophie», H. 1, S. 15.

не противоречие, а несовместимость. Во многих областях действительности можно наблюдать столкновение сил, ударов, тенденций, даже разных закономерностей, но несовместимость их есть реальное столкновение и отталкивание, которое может принять форму конфликта, даже открытой борьбы. Но это ничего общего с противоречием не имеет»¹.

Итак, диалектика, другими словами, возможна только в мыслях, и если, несмотря на это, мышление подходит диалектически к реальному миру, то оно извращает знание уже в самом подходе, в самом принципе². Белогвардейский профессор «философии» В. Сеземанн вторит Гартману: явления противоречивы постольку, «поскольку мы их переводим на логический язык», поскольку они «берутся в логической транскрипции»³.

Но эта, с позволения сказать, «теория» уже свыше пятидесяти лет назад была подвергнута уничтожающей критике не кем иным, как Энгельсом. Пошлый вздор о немыслимости «логических» противоречий в «объективном» мире списан слово в слово у... Евгения Дюринга. «Противоречивое, — писал Евгений Дюринг, — это — категория, которая возможна только в комбинации мыслей, но не в действительности. В вещах нет никаких противоречий... Антагонизм сил, противоборствующих друг другу в противоположном направлении, есть даже основная форма всех действий в природе и в ее проявлениях. Но эта борьба направлений сил элементов и индивидов даже в отдаленнейшей мере не совпадает с идеей абсурдного противоречия».

Таким образом то, что нам предлагает Николай Гартман под видом самоновейшей «интерпретации» Гегеля, представляет собой старый, шестидесятилетней давности хлам.

Фашистское толкование социальной философии Гегеля подготовлено «гештальт-теорией», «универсализмом» Отмара Шпанна, даже «феноменологией» изгнанного Гуссерля. Целое есть нечто самостоятельное и истинное, а не часть, не индивид. Целое предшествует индивиду. В социальной теории Шпанна под этим «целым» выступает «народ» как «биологически чистое единство», не допускающее никакого расчленения на классы⁴.

Мы уже видели выше, как мало апологеты загнивающего капитализма имеют право ссылаться на Гегеля, призывая назад к иррационализму, к мифологии, к средневековой мистике в целях сочетания Гегеля с расовой теорией. Но они

¹ Hartmann, «Blätter für deutsche Philosophie», H. 1, S. 25.

² Ibid., S. 26.

³ Sesemann, «Blätter für deutsche Philosophie», S. 19, 53, 60.

⁴ Spann, Gesellschaftslehre, 3 Aufl., 1.30, S. 99.

могут подбирать реакционный хлам в философии Гегеля. Изменяя идею развития, диалектике и примиряясь с жалкой прусской действительностью, Гегель «обосновывал» наследственные права монарха, сверхъестественность и незыблемость государства, стоящего «выше природы», примат государства перед индивидом, необходимость «войны» вообще, буржуазный национализм, сословный строй, буржуазную собственность, полицейско-бюрократическую машину абсолютизма. Государство, по Гегелю, есть «дух, стоящий в мире и реализующийся в нем сознательно»¹, «некое земно-божественное существо»². Фашисты Шпенглер, Шпанн, Кронер, Биндер хватаются за эти положения Гегеля, выдвигая их на первый план.

Единственными факторами развития философии являются «биологические» факторы, говорят фашистские «теоретики» Гюнтер, Трота, Рутковский и др. Необходимо бороться против привилегий рассудка, логики, точной науки. Мир существует объективно, но он существует постольку, поскольку человек самим своим «существованием» преодолевает его, заботится о нем, сомневается в нем, беспокоится о нем, оспаривает его, борется с ним, покоряет его. Это и есть пресловутый «экзистенциализм», «идеализм дела». Мир, оказывается, есть нечто обусловленное деятельностью, волей, делом субъекта. Немецкая философия — это «идеализм дела», само собой «дела» фашистского, контрреволюционного.

Немецкая философия стремится быть идеалистической, заявляет Герман Глокнер, но без абстракций. «Теоретический человек — это фикция, — пишет Боймлер, — человек — прежде всего политическое, а не мыслящее существо, оно не причастно к какому-то высшему, «духовному миру», а активно в самом непосредственном смысле, это — действующее существо»³. Долой гуманистический идеализм — мы живем «не для образования, — вторит Боймлеру Эрнст Крик, — а для дела», «жизнь — продукт не духа, а крови и земли»⁴. «Мы живем не в эпоху образования, культуры, гуманности, чистого духа, но под знаком борьбы, политической действительности, солдатчины...»⁵.

Эрнст Крик спешит объявить, что с установлением «фашистской диктатуры» бегство немцев в область *теории* «закончилось». Он говорит: когда-то мы, немцы, бессиль-

¹ Гегель, Философия права, Соч., т. VII, стр. 268.

² Там же, стр. 294.

³ Ba umler, in Jännerbund und Wissenschaft, 1934, S. 94.

⁴ Ernst Kriek, «Volk im Werden», 1933, H. 3, S. 1.

⁵ Ibidem.

ные перед действительностью, выражали свою силу главным образом в области теории. Но бегство от действительности в область идеального закончилось, заветы великого немецкого классического идеализма выполнены только в настоящее время. «Немецкий идеализм между 1750 и 1850 гг. был точно так же по своей основе обращенным в потустороннее и аполитичным: он стремился в царство чистого духа, царство идеи, гуманности и образования... Можно ли иначе столь же ярко охарактеризовать все бессилие немецкого идеализма, чем этим бегством Гегеля и Гете из действительной истории»¹.

Классовую сущность подобного «реализма» разоблачают сами же философствующие штурмовики. «Антиидеализм» вытекает, видите ли, из «принципа» вождя. «Не «идеи» должны быть правилами вашего существования, — поучает студентов Мартин Гейдеггер, — но один вождь и только вождь *есть* теперешняя и будущая немецкая действительность и ее закон»².

Этот «реализм» и «активизм» выражают собою бешенство контрреволюции. Люди действуют, но они не знают (и не должны знать, если речь идет о массах), ради чего они действуют.

Боймлер цинично предостерегает: совсем не обязательно знать, *ради чего* надо действовать³. Фашисты отбрасывают массы на положение животных, а «экзистенциальный антропологизм» Гейдеггера и «героический реализм» Боймлера набрасывают на всю систему политического бандинизма философский плащ. Рассудок развенчан, и теперь оказывается, что и поведение людей должно быть лишено сознательной цели. И все это называется «героическим», «решительным» реализмом.

Но это — для массы, а не для собственного употребления. Вожди фашизма прекрасно знают, ради каких целей они действуют и какова истинная природа их «героического реализма». Это — хищный «реализм» эксплуататоров, готовящих новую империалистическую бойню, нападение на Советский союз, оплот мировой революции. Это — циничный «реализм» террористической расправы с рабочим классом, это — кровавый «реализм» застенков, провокаций и пыток в отношении рабочего класса.

Хозяева Третьей империи — Тиссен и Круппы — мало

¹ Ernst Kieck, Wissenschaft, Weltanschauung, Hochschulreform, 1934, S. 71—72.

² Heidegger, «Freiburger Studentenzeitung», 3/XI 1933.

³ Baumeier, Mannesbund und Wissenschaft, 1934, S. 108.

интересуются бесплотным «логическим» духом; когда дело идет о терроре против рабочего класса, их не трогают ни напыщенные заклинания о духе, ни философия чистого разума, ни романтические сентенции об идее и духовности, которые звучат торжественно, но которых никто из них не берет всерьез. Что же удивительного, если теперь пишутся монографии, чтобы доказать, что Гегель «отошел в область прошлого»¹. «Для решения проблем, которые ставит перед нами наша жизнь, философия Гегеля нам мало может помочь», — пишет Фаренхорст. Гегель, оказывается, несправедливо отнесся к расистскому бреду, и этого фашисты ему не могут простить!

По словам Фихте (в его знаменитых «Речах к немецкому народу»), государство должно быть «ведомо духом и идеей». Боймлер «поправляет» Фихте. Было бы «неполитично» говорить, заявляет он, «о господстве духа и идеи, а не о господстве Адольфа Гитлера и Хорста Весселя»². Идея, продолжает он, воплотилась в Гитлера, и «далеко не безразлично, как говорят, — Гитлер или идея, ведь Гитлер значит больше, чем идея, ибо он действительно существует».

Решимость в этой напускной героике есть решимость агонии. Реализм фашистского идеолога, лицемерный и лживый «реализм» — это кровавый «реализм» открытой диктатуры крупного капитала.

Когда из-под класса уходит историческая почва, его идеологи прибегают к последнему средству — они прыгают в царство чистой «воли», «субъективности» и «инстинкта».

Вместо истории философии — подтасовывание фактов и уничтожение всего, что было в прошлом прогрессивного. Вместо идеологии — выцветшее тряпье, подобранное в хлам средневековой мистики и расовой психопатологии. Это ли история философии? Нет. Это — ложь. Это — фашизм.

Буржуазия демонстрирует свою слабость в борьбе с надвигающейся революцией не только кровавой расправой с пролетариатом, усилением фашистского террора, но и полной бесперспективностью мысли, идейным разбродом, растерянностью и диким разгулом мракобесия.

Они еще скрипят перьями, эти «просвещенные» жулики, но в их борьбе против научного знания заложено еще одно выражение исторической обреченности класса, которому эти господа служат.

---

¹ *Fahrenhorst, Geist und Freiheit im System Hegels, Leipzig—Berlin 1934, S. 1.*

² *Baumler, Männerbund und Wissenschaft, 1934, S. 126.*

«Так фашизм, появившись в результате упадка капиталистической системы, действует в конечном итоге как фактор *ее дальнейшего разложения*. Так фашизм, беря на себя обязанности похоронить марксизм, революционное движение рабочего класса, сам в результате диалектики жизни и классовой борьбы ведет к дальнейшему *развитию тех сил*, которые должны быть его могильщиками, могильщиками капитализма»¹.

---

¹ *Дим тров*, Наступление фашизма и задачи Коммунистического интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма. Доклад VII Всемирному конгрессу Коминтерна, 1935, стр. 26.

Ницшеанство в идеологии фашизма

I

Фашизм — это диктатура; беспощадная, кровавая, «открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала»¹.

Фашизм — это насилие, зверское, жестокое, ни перед чем не останавливающееся насилие, которое применяют представители загнивающего класса против революционного движения пролетариата в капиталистических странах и его авангарда — коммунистических партий.

Но фашизм означает вместе с тем и обман, самый наглый, беззастенчивый, не стесняющийся в средствах обман, которым пользуются представители и агенты крупного капитала, чтобы увлечь за собой массы мелкой буржуазии.

В противовес марксистско-ленинскому мировоззрению, которое широко распространилось по всему земному шару и воспитывает миллионные массы пролетариев, беднейших крестьян и трудящихся колоний в духе непримиримой ненависти к эксплуататорам, организует и сплачивает могучие колонны бойцов за пролетарскую революцию, фашизм пытается создать свою идеологию, которой он стремится одурманить широкие массы трудящихся и затемнить их классовое сознание.

Фашизм, наиболее ярко выражающий интересы и стремления хищников финансового капитала, с бесстыдной циничностью заявляет, что его целью является защита «общих», «национальных» интересов.

Фашизм разоблачают его же собственные дела. Три с лишним года пребывания у власти фашистов в Германии и тринадцать лет властвования фашистов в Италии с достаточной наглядностью показали, насколько служат защите

---

¹ Из резолюции XIII пленума ИККИ.

«общих» интересов эти представители крупной буржуазии. Уменьшение заработной платы, расширяющаяся сеть концентрационных лагерей, ограбление мелкобуржуазных слоев населения, поверивших фашистской демагогии, — вот что принес фашизм трудящимся Германии.

Но этой практике соответствует и определенная идеология. Загнивающий класс, идущий к гибели, неспособен выработать нового мировоззрения, отражающего объективное развитие действительности. На это неспособны заплочных дел мастера. Фашизм использует те отрепья старого реакционного одеяния, в которое облачались до него различного рода эксплуататорские группы с целью обмана широких трудящихся масс. Выработывая свою идеологию, фашизм заимствует идеи у самых различных философских и политических систем, сплошь и рядом соединяя самые разнообразные, друг другу противоречащие теории. Но все это подчинено одной цели — оправданию террористической диктатуры финансового капитала.

Философия Ницше является одной из такого рода систем, откуда фашизм черпает свою мутную, ядовитую идеологическую отраву. В официальных фашистских журналах, в высказываниях фашистских руководителей она превозносится как чуть ли не основной источник, откуда фашисты должны заимствовать положения для создания своей идеологии. Как в Италии, где Муссолини себя открыто признает учеником Ницше, так и в Германии, на родине философа, сочинения Ницше широко распространяются фашистами.

Ницше является одним из наиболее реакционных и пожалуй самым откровенным среди многих других мыслителей эксплуататорских классов. Ницшеанство в идеологии фашизма и буквальное повторение целого ряда высказываний Ницше обнажают истинные намерения тех, кто пытается свои реакционные цели прикрыть лживыми фразами о «социализме».

Идеология Ницше, написавшего свои главнейшие произведения в период после франко-прусской войны 1870—1871 гг., может быть понята только в том случае, если мы примем во внимание своеобразие развития капитализма в Германии. В Германии дворянское землевладение не было уничтожено целиком капиталистическими формами хозяйства. Помещики вращались в новый строй, медленно к нему приспособляясь, сохраняя свое значение в общественно-политической жизни страны. Философия Ницше была продуктом германских отношений, где реакционное юнкерство тесно срослось с крупной буржуазией.

Основным положением, которое служит исходным пунк-

том философии Ницше, является его знаменитое утверждение: «Глубочайшая сущность бытия есть воля к власти»¹. Несомненно, что основные волюнтаристические положения выработаны у Ницше под влиянием Шопенгауэра. Однако он заявляет, что «воля» у Шопенгауэра — только «пустое слово», необоснованное обобщение. Воли вообще не существует, так как самое характерное для нее — это направленность. Воля к жизни — только частный случай воли к власти.

Эту волю к власти Ницше возводит в принцип всего космоса: «Всякое стремление есть не что иное, как стремление к власти... Воля к накоплению сил есть специфическое свойство явлений жизни, питания, рождения, наследственности, общества, государства, обычая, авторитета. Не в праве ли мы в таком случае принять и в химии эту волю в качестве движущей причины и в космическом порядке?»².

Если этот принцип признается Ницше универсальным, то тем более он доминирует при его попытках объяснения человеческой жизни, о которой главным образом и пишет Ницше. «*Желание сделаться сильнее* (подчеркнуто Ницше. — Б. Б.), присущее всякому центру силы, является единственной реальностью — не самосохранение, а желание *присвоить, стать господином, стать больше, сделаться сильнее*»³ (подчеркнуто мною. — Б. Б.).

Отсюда и вывод. Люди не равны: их разделяет неодинаковая воля. Нет равных людей: в действительной жизни существуют только сильные и слабые. Сильные люди проявляют себя в том, что они властвуют, требуют подчинения, они — вся надежда и счастье человечества. Слабые жалки и завистливы; это они выдумали сострадание и жалость, они требуют нивелировки, равенства. Сама природа требует, чтобы человечество создало все условия для воспитания сильных и властных людей.

Общество — это пирамида, основанием которой являются посредственности. «Человечество, — пишет Ницше, — несомненно скорее средство, чем цель. Дело идет о типе: человечество — просто материал для опыта, колоссальный излишек неудавшегося, поле обломков»⁴.

Отсюда понятно, утверждает Ницше, что рабство, тяжелая жизнь, полная труда и лишений, для большинства оправданы. Это все необходимо для выработки высшего типа человека. И таковым является сверхчеловек. К нему

¹ Ницше, Воля к власти, Полн. собр. соч., т. IX, § 693, Московское книгоиздательство, 1910.

² Там же, § 689.

³ Там же.

⁴ Там же, § 713.

обращена вся надежда Ницше. Сверхчеловек — это тот, который отличается от современных людей, как последние отличаются от обезьян. Это высшее средоточие власти. Это смысл и красота жизни.

Но для того чтобы сильные и властные могли выжить, необходим такой общественный строй, который бы обеспечил их появление и сохранение. В ряде своих сочинений Ницше заявляет, что идеалом общественной жизни является кастовый строй. Только там действительно обеспечено существование «высших» людей. Строгое разделение людей по обособленным группам — кастам — Ницше возводит в закон природы.

Центральным пунктом всей философии Ницше является его учение об иерархии. Сильные и слабые, высшие и низшие должны быть разделены. Ошибкой является утверждение, что Ницше — идеолог свободы личности «вообще». Мелкобуржуазные идеологи поднимают на щит Ницше, видя в нем защитника «свободной» личности, которая рвет со всеми теми узами и запретами, которые налагают на личность общество и государство. Это неверно. Это противоречит всей сущности его философии. Ницше открыто заявляет: *«Моя философия направлена в сторону иерархии, а не в сторону индивидуалистической морали»*¹.

Игнорируя это положение, нельзя правильно понять идеологию Ницше. Сочинение, которое по справедливости считается «пролегоменами» к его философии, — «По ту сторону добра и зла» — все пронизано этой мыслью о рангах, различиях, ступенях, которые отделяют господствующие классы от угнетенных. «До сих пор всякое возвышение типа «человека», — пишет Ницше, — было делом аристократического общества, такого общества, которое верит в длинный ряд рангов и различий людей между собой по их достоинству и считает необходимым рабство в каком бы то ни было отношении»². И он добавляет, что «без сознания расстояния, вытекающего из закоренелого различия сословий, из постоянного смотрения вниз господствующей касты на подчиненных...», не может быть осуществлено создание высшего типа человека. Различие между рангами так определено и резко выражено, что Ницше часто говорит о «пропасти рангов». Какой бы вопрос ни освещал Ницше, он ставит его в связь с этой проблемой рангов. Так, говоря о том вопросе, к которому он неоднократно возвращался и который был одним из основных в его произведениях — о

¹ Ницше, Воля к власти, § 287.

² Ницше, По ту сторону добра и зла, § 237.

существующей морали, — он указывает, что необходимо заставить всякую нравственность преклоняться перед порядком рангов. То, как люди воспринимают все окружающее, зависит от их ранга. Те или иные идеи, та или иная постановка вопроса о научных или философских системах зависит от того, к какому рангу относится человек.

Со смертельной ненавистью говорит Ницше об «уравнителях» и «нивелировщиках», «рабах демократического вкуса», одним словом, обо всех тех, которые, по его мнению, являются сторонниками социализма. По мнению Ницше, осуществление социализма было бы гибелью человечества, превращением людей в маленькие существа, имеющие только «животные права и желания».

Чего хотят социалисты, это, по мнению Ницше, «счастья, зеленого пастбища для стада с безопасностью, удобством и облегчением жизни для каждого»¹. Ницше больше всего возмущается тем, что находятся люди, которые считают, что всем может быть доставлена возможность жить обеспеченной жизнью. В социализме, заявляет он, плохо спрятана «воля к отрицанию жизни».

Он утешает себя тем, что социализм не будет осуществлен. *«Собственников всегда будет более чем достаточно* (подчеркнуто мною. — Б. Б.), *что помешает социализму принять характер чего-либо большего, чем приступ болезни...»*². Эти собственники, как один человек, держатся той веры, «что надо иметь нечто, чтобы быть чем-нибудь. И это старейший и самый здоровый из всех инстинктов»³.

Так разоблачает себя Ницше. Оказывается, социализм опасен для собственников, а воля к собственности — это самый «здоровый инстинкт», который вытекает из стремления жизни к росту. Ведь в этом, заявляет он, сама жизнь.

В тесной связи со всем этим Ницше решает «рабочий вопрос». Он возмущается тем, как это можно было бы допустить даже постановку вопроса о рабочих. Он пишет: «Я совершенно не понимаю, что хотят сделать с европейским рабочим, после того как из него сделали вопрос. Он чувствует себя слишком хорошо, чтобы не спрашивать все более и более, все с большей нескромностью. В конце концов он имеет на своей стороне великое множество. Совершенно исчезла надежда, что тут слагается в сословие скромная и довольная собой порода человека, тип китайца,

¹ Там же, § 44.

² *Ницше*, Воля к власти, § 125.

³ Там же.

а это было бы разумно, это было бы именно необходимо. Что же сделали? Все, чтобы уничтожить в зародыше даже предпосылку для этого, — инстинкты, в силу которых рабочий возможен как сословие, возможен для самого себя, — разрушили до основания самой непростительной бессмыслицей. Рабочего сделали воинственным, ему дали право союзов, политическое право голоса: что же удивительного, если рабочий смотрит нынче на свое существование уже как на бедствие (выражаясь морально, как на несправедливость). Но чего хотят? Спрашиваю еще раз. Если хотят цели, то должны хотеть и средств. *Если хотят рабов, то надо быть дураками, чтобы воспитывать их для господства*¹ (подчеркнуто мною. — Б. Б.).

Я привел эту длинную цитату для того, чтобы показать, насколько Ницше был откровеннее тех, которые, с полным правом считая себя его учениками и последователями, в то же время называют свою партию «социалистской» и «рабочей».

Ницше выступает как враг буржуазной демократии. Он клеймит ее как господство посредственностей, которые стремятся всех уравнять. Это, по его мнению, «историческая форма упадка государства»². Он повторяет это определение в «Сумерках кумиров» и разъясняет, что демократия отрицает волю, инстинкт, императив, авторитет — все то, что связывает поколения. «Господству толпы» он противопоставляет волю отдельных сильных личностей, в которых накопилась сила целого ряда поколений. Демократия пытается утвердить равенство всех перед законом, управление без повеления, говорит Ницше, а это противоречит самой форме жизни. На повелевающих и повинующихся делятся люди согласно законам жизни, по мнению Ницше. Самую свободу воли он понимает как сознание превосходства по отношению к тем, кто должен повиноваться. «Кто может повелевать, находит таких, которые должны подчиняться: я имею в виду например Наполеона и Бисмарка»³.

В целом ряде своих произведений, Ницше не устает повторять свои злобные выпады против Руссо. Последний для него идеолог равенства, демократии, провозвестник французской революции, «этой ужасной и совершенно излишней шутки» (Ницше). Руссо, по мнению Ницше, плебей, который разжигал низменные инстинкты толпы, мстительную злобу черни. Большинство, масса, о которой не устает

¹ Ницше, Сумерки кумиров, § 40.

² Ницше, Человеческое и слишком человеческое, § 472.

³ Ницше, Воля к власти, § 128.

с презрением твердить Ницше, должны повиноваться. Только сильные и властные должны управлять; для этого «высшие люди» должны упражнять свою волю. А это последнее предполагает борьбу с препятствиями. Чем сильнее препятствие, тем больше закаляется воля. Отсюда в философии Ницше такое большое место занимает *культ войны*. Надо ценить такое положение, учит Ницше, когда имеешь врагов. Тогда ты постоянно на-чеку, вечно полон сил. Это можно целиком применить к политике... То же самое можно сказать и о большой политике, подчеркивает Ницше. *«В особенности новое создание, например новая империя, нуждается более во врагах, нежели в друзьях»*¹. Тихая, мирная жизнь делает народ слабым и безвольным: «Отказываешься от великой жизни, если отказываешься от войны»². Конечно, заявляет он, война возвращает к варварству, но за это он и ценит больше всего войну. Война пробуждает в нас первобытные инстинкты, они волнуют и разжигают кровь, они требуют борьбы. Война «превращает людей в варваров, делает стало быть их более естественными, — и это говорит в пользу ее»³. «Нежные луга культуры» сносятся войной, но зато она же пробуждает новые силы к творчеству. Для того чтобы укрепить свои силы, люди придумывают различного рода испытания для себя, «...Несомненно, — пишет Ницше, — будет изобретено много подобных суррогатов войны, но может быть именно благодаря им созреет убеждение, что такое высококультурное и оттого по необходимости утомленное и вялое человечество *нуждается не только в войнах вообще, но в величайших, ужасающих войнах, следовательно и во временных возвратах к состоянию варварства; в противном случае оно из-за средств культуры может заплатить самой культурой и своим существованием»*⁴ (подчеркнуто мною. — Б. Б.).

Величайшие войны — вот что может излечить и спасти человечество, заявляет Ницше. Важнейшую свою задачу Ницше видел в переоценке моральных ценностей. Мораль сострадания, любви и жалости к людям выдумана больными и слабыми. Только те, кто не может проявить свою силу, нуждаются в сострадании. В течение тысячелетий господствует христианская мораль, она заглушила голос природы, перевернула вверх дном все те оценки, которые должны существовать. Нет единых моральных оценок. Нет единой

¹ Ницше, Сумерки кумиров. Мораль как противоестественность, § 3.

² Там же.

³ Ницше, Человеческое и слишком человеческое, § 444.

⁴ Там же, § 477.

нравственности. Сильные и слабые, господа и рабы имеют каждые свою мораль, свои оценки. Сильным все позволено, вернее, им не надо позволять, они берут все, что им надо. Здесь не может быть каких-либо рамок и ограничений. Слабые — а это синоним рабов, по Ницше, — должны себя ограничивать. Они не могут тратить те жалкие крохи сил, которые у них имеются. Отсюда они заинтересованы в смягчении жестокостей жизни, в регулировании отношений между людьми, в идеалах доброты и сочувствия. Сильные могут считаться только с сильными, по отношению к слабым не может быть никаких норм. Исходя из подобного рода положений, Ницше открыто утверждает право эксплуатации, заявляя, что оно является сущностью самой жизни.

«Эксплуатация, — пишет он, — принадлежит не испорченному или несовершенному и примитивному обществу: она принадлежит к существу живого как органическая основная функция, она есть следствие настоящей воли к власти»¹. Он предвидит, что некоторые будут удивляться такой постановке вопроса, и поэтому здесь же добавляет, что только в теории подобная постановка вопроса есть нововведение, а в практике тут ничего нового нет — это ведь коренной факт всякой истории. Исходя из существования эксплуатации, Ницше делает вывод, что ее следует признать основным и вечным условием жизни. И это с полной логичностью вытекает из той системы, которая считает неизбежным существование господ и рабов.

С исключительной откровенностью утверждает Ницше *право на ложь*. Он издевается над теми, кто говорит правду. Лжи боятся только трусы. Для того чтобы отважиться на ложь, нужно быть сильным. Отсюда утверждение беспринципности. Только узкие и слабовольные люди ограничивают себя какими-то заранее данными рамками, властным натурам чужд «формализм». Они нарушают все законы и принципы, включая и те, которые ими же установлены.

Ницше заявляет, что толпа уважает и считается только с силой. Его совет: «Будьте насильником, корыстолюбцем, вымогателем, интриганом, льстецом, низкопоклонником, гордецом и, смотря по обстоятельствам, даже совмещайте в себе эти качества»².

Ницше стоит целиком на позициях прагматизма. Всякое рассмотрение гносеологических проблем имеет для него последнее основание в полезности: «Сознание... — заявляет

¹ Ницше, По ту сторону добра и зла, стр. 259.

² Ницше, Человеческое и слишком человеческое, § 460.

он, — присутствует лишь постольку, поскольку оно полезно»¹. Категории разума, логики доказывают лишь проверенную на опыте полезность их для жизни. И как высший критерий всей своей системы познания, как центральный пункт своей гносеологии он выдвигает положение «*познание работает как орудие власти*»². Его прагматизм находит лучшее выражение в этих словах. И ложь и «истина» служат одинаково практике, которая направляется, по учению Ницше, «волей к власти».

Что представляет собой деятельность философов? «...Их познание есть творчество, их творчество есть законодательство, их стремление к истине есть стремление к власти»³.

Требуется ли познание как орудие воли к власти познания действительного мира? Ницше дает отрицательный ответ. Действительный мир — это вообще гипотеза. «Вещественность создана лишь нами»⁴. Объект создан субъектом. Но нам и неважно узнать, существует ли мир. Заниматься изучением действительности, искать критерий истины в реальности значит обманывать себя. В действительности, заявляет он, «критерий истины представляет биологическую полезность системы фальсификаций»⁵.

Настоящей истины, отражающей реальность, не существует. Мир сам по себе ложен. Все дело в том, какая иллюзия полезна для жизни, способствует укреплению воли к власти. Ницше протестует против тех, которые не хотят быть обманутыми. «Почему мир, который нас касается, не может быть фикцией... Почему же и не быть обманутым? Это никак не больше, чем нравственный предрассудок»⁶. Ценность разума теряет все свое значение в свете этих положений. Определить причину — это значит вывести ее из субъективных представлений. «Закон, цель, идея», говорит Ницше, здесь всюду допускается одна и та же ошибка, фикции приписывается мнимая реальность.

Но если разум и в соответствии с этим наука отступают на задний план, то на передний выдвигается инстинкт. «Воля к власти» определяет себя через инстинкт. Та или иная картина мира определяется инстинктом роста, могущества. «Борьба систем, не исключая и гносеологического скептицизма, является борьбой вполне определенных инстинктов (формы жизнеспособности, упадка сословий, рас,

¹ Ницше, Воля к власти, § 545.

² Там же, § 430.

³ Ницше, По ту сторону добра и зла, § 211.

⁴ Ницше, Воля к власти, § 269.

⁵ Там же, § 584.

⁶ Ницше, По ту сторону добра и зла, § 304.

и т. д.)»¹. Поэтому высшая цель познания, по Ницше, — следовать инстинкту. Только инстинкт гарантирует правильное представление о мире. Различные «типы» людей создают себе представление о мире в зависимости от наличия воли. «Наибольшей реальностью» обладает тот мир, который создан более могущественной «волей к власти».

Такова система Ницше. Исходным положением ее является учение о воле к власти. Теория познания, которая должна была бы обосновать это положение, в конце концов снова сводится к нему же. Круг замкнут. То, что требуется доказать, становится постулатом.

Несомненно, что в творчестве этого поэта-философа, который не дал систематического изложения своих взглядов, сочинения которого представляют собой собрание отдельных отрывков и афоризмов в художественной, а подчас и символической форме, имеется много противоречий. И Ницше имел свой период становления, который чреват был рядом зигзагов, недомолвок, колебаний. Но совершенно неверно было бы на основании этого считать, что у Ницше нет определенной системы взглядов, в основе которой лежит единая классовая линия. Тот, кто внимательно изучит его произведения, особенно так называемого «третьего периода», когда его идеи приобрели наибольшую отчетливость, убедится, что реакционные взгляды Ницше красной нитью проходят через все его сочинения. Он не устает повторять свои идеи десятки раз, он делает их основным стержнем своих, казалось бы, не связанных между собой художественных отрывков.

Один вывод напрашивается уже при ближайшем знакомстве с философией Ницше: она антинаучна и абсолютно недоказуема. Недаром Ницше пришлось стать на почву иррационализма, чтобы создать видимость теории познания. Правда, Ницше пытается основные свои идеи — волю к власти, иерархию и пр. — доказать ссылками на законы той универсальной «природы», которая во все времена служила «якорем спасения» всех тех систем, которые никак нельзя было доказать. Но Ницше сам не придает значения доказательствам. В большинстве случаев он выдвигает свои идеи в виде постулатов, облачая их только в художественную форму. Да и иначе он поступать не мог. Идеолог юнкерства и наиболее реакционных кругов немецкой буржуазии, ставших на путь империалистической политики, он создал одну из наиболее реакционных систем, которые когда-либо существовали в истории классового общества.

---

¹ *Ницше, Воля к власти, § 423.*

Эта философия не могла быть доказана, да она и не нуждалась в доказательствах.

Ницше называл свою философию несвоевременной. И действительно, буржуазия во времена Ницше еще широко пользовалась демократией для обмана масс. Сейчас, в эпоху общего кризиса капитализма, когда революционное знамя пролетариата победоносно развевается на одной шестой части земного шара и мощная волна революционного движения растет во всем мире, подобная игра опасна для буржуазии. Она переходит к методам прямого террора и насилия.

Связь философии Ницше с фашистской идеологией не приходится доказывать. Сами вожди и руководители фашистского движения открыто заявляют, что Ницше является их учителем.

В странах, где фашизм призван буржуазией к власти, преклонение перед философией Ницше превращают в своего рода культ. В Германии и Италии в последние годы издан ряд статей и книг, где имя Ницше превозносится как имя величайшего гения, освещающего путь человечеству на столетия.

Так, в официальном органе германского фашизма «Nationalsozialistische Monatshefte» в юбилейный год со времени рождения Ницше (1844—1934 гг.) была помещена на первом месте статья известного сторонника и проповедника ницшеанских идей берлинского профессора Альфреда Боймлера «Nietzsche und der Nationalsozialismus», где Ницше оказывается величайшая честь, которая только возможна в фашистской Германии: он сравнивается с вождем германского фашизма Гитлером.

В мае 1934 г. в Веймаре в помещении архива Ницше состоялось специальное совещание комиссии при Академии прусского права, на котором со вступительной речью выступил «идеолог» германского фашизма Розенберг. Он заявил, что узнать «характер и задачи германского человека можно только после глубокого ознакомления с тем мыслителем, возрождение которого начинается только в наши дни, — с Фридрихом Ницше»¹. Указывая на то, что Ницше часто извращали его мнимые последователи, он говорит: «Сейчас наступило время вырвать Ницше из когтей этих ничего не стоящих людей и увязать его учение с миссией нового немецкого движения наших дней». «Мы, национал-социалисты, — заявляет Розенберг, — не смеем отвергнуть такого смелого мыслителя, как Фридрих Ницше. Мы возьмем

¹ «Völkischer Beobachter», 4/V 1934.

из его пламенных идей все то, что может нам дать новые силы и стремления».

На этом же совещании выступил директор Академии немецкого права, фашистский комиссар юстиции Франк, заявивший: «Связь с Ницше — это наша обязанность...» «И здесь, возле Рихарда Вагнера и других исследователей расовых особенностей немецкого народа, — говорил Франк, — мы должны прежде всего указать Ницше — этого пророка авторитарного героического духа, который провел немецкий народ через испытания мировой войны и этим самым подготовил ему под руководством Гитлера ведущую роль среди других молодых арийских народов»¹.

Известный предтеча германского национал-социализма Меллер ван ден Брук в своей книге «Führende Deutsche» одним из пяти человек, которых он относит к великим немцам, считает Ницше. «Мы получили Ницше, — пишет он, — и я верю, мы можем в Германии только радоваться и быть горды тем, что мы получили его таким, каким он есть... Те положения, которые он выдвигал, являются идеями будущего. Критика, им проведенная, содержит требование жизни всего XX столетия и быть может еще целого ряда грядущих столетий»².

В «Nationalsozialistische Monatshefte» один из фашистских идеологов, Фриц Пейкерт, в своей статье о Хаустоне Чемберлене и Ницше говорит, что «Ницше сейчас актуальнее, чем когда-либо... В этот момент Чемберлен и Ницше для нас великие предтечи новой Германии»³. Вождь и основатель итальянского фашизма Муссолини заявляет открыто, что он является учеником Ницше и что под влиянием его философии он вступил на путь фашизма. Так признают Ницше своим учителем руководители и вожди фашистского движения и за ними хором повторяют это же десятки лиц, занятых в Германии и Италии выработкой фашистской идеологии. Почти нет ни одной книги или статьи, которая была бы посвящена выяснению основных положений фашистской идеологии и которая бы обошла молчанием вопрос о философии Ницше.

II

Зачем же нужна философия Ницше фашизму? Какие выводы он делает из этого реакционного учения?

¹ «Völkischer Beobachter», 5/V 1934.

² Moe ler van den Bruck, Führende Deutsche, S. 201.

³ «Nationalsozialistische Monatshefte», 1934, H. 49, S. 302—305.

Прежде всего необходимо указать, что фашизм использует для построения своей идеологии основное положение философии Ницше — о «воле к власти». Так, Боймлер заявляет: «Вместо этической философии буржуа Ницше утверждает *«философию воли к власти, т. е. философию политики»*¹.

Стремясь разгромить растущее коммунистическое движение в капиталистических странах, фашизм заинтересован в установлении сильной власти, которая беспощадно подавляла бы революционное движение. Лозунг «воли к власти» как нельзя более соответствует стремлениям этих оголтелых защитников крупной буржуазии, стремящихся утопить в крови малейший протест против власти капитала.

Но не только для внутреннего употребления пригодился фашистам лозунг Ницше. Он является также лучшим выражением их внешней политики. Фашисты важнейшей частью своей политики ставят новый передел мира путем войны — в первую очередь против СССР. Разжигая националистические и шовинистические идеи, возбуждая звериную ненависть к людям других наций и стран, фашисты проводят политику усиленной милитаризации, стремясь в крови новых войн утопить революционное движение. Для этого как нельзя более соответствует лозунг «воли к власти».

Муссолини пишет: «Фашистское государство есть воля к могуществу и властвованию. Римская традиция является в данном случае идеалом силы... *Для фашизма стремление к властвованию и к экспансии есть проявление жизненной силы*, его противоположность... есть знак слабости. Народы, которые впервые или вновь поднимаются, есть империалистические, другие народы есть отрেকেшие... Но властвование требует дисциплины, координации усилий, долга и жертвенности, что объясняет многие стороны практических действий власти, направление многих усилий государства, необходимую суровость против тех, кто собирается противиться этому, неожиданному и фатальному движению Италии»².

Лучшей иллюстрацией реального содержания этих «идей» является кровавый фашистский режим, начавший грабительскую войну против слабой Абиссинии во имя колониальных завоеваний.

Германские фашисты считают, что властвовать над всем миром должна «северная раса», в то время как итальянские

¹ Baeumler, Nietzsche und der Nationalsozialismus, «Nationalsozialistische Monatshefte», S. 206.

² Mussolini, Fascismo, Enciclopedia Italiana, v. XIV, Milano 1932.

фашисты заявляют свои права на мир, считая, что они «прямые потомки» древних римлян.

«Воля к власти» связывается германскими фашистами с основным для них понятием — с расой. «Воля к власти» изображается ими как воля к могуществу рас. Так, Меллер ван ден Брук пишет, что основная идея Ницше — «воля к власти расы» — в наши дни снова возрождается¹.

Боймлер связывает лозунг «воли к власти» с идеей реванша, заявляя, что «воля к власти» означает борьбу «за свободу». «Свобода понимается как положительная власть, как воля к власти»², и это, подчеркивает он, огноситься как к отдельным личностям, так и к обществам.

Степень свободы есть степень достигнутой воли к власти, заявляют национал-социалисты. И во имя этой «воли к власти», которая отождествляется ими со «свободой», они делают рабами миллионы трудящихся, пытаются создать из них автоматы, лишённые собственной мысли, собственной воли. Во имя «воли к власти» они пытаются навязать свою волю другим народам, подчинить их, сделать безвольными данниками германского капитала.

С таким ожесточением распространяемый лозунг «воли к власти» означает однако, что власть капитала колеблется, что буржуазия уже не в силах управлять старыми методами и нуждается в откровенно террористических формах господства, чтобы попытаться хоть как-нибудь ее укрепить. Для обоснования этих террористических методов господства как нельзя более подходит ницшеанский лозунг «воли к власти».

III

Использование основного положения Ницше — «воли к власти» — фашизм увязывает с чрезвычайно близким к нему ницшеанским культом войны. Прежде всего обращает на себя внимание восхваление германскими фашистами войны 1914—1918 гг. Несмотря на то жестокое поражение, которое потерпела Германия, Боймлер пишет, что в первые годы после войны только немногие поняли, что означал для немецкого народа день 1 августа. С «великой» войной, говорит он, произошло то же, что с вершиной большой горы. Только на известном расстоянии можно ее увидеть. «Но кто понял сущность великой войны, — пишет он, — тот

¹ *Moeller van den Bruck*, *Führende Deutsche*, S. 223.

² *B. eumler*, *Niet sche und der Nationalsozialismus*, «Nationalsozialistische Monatshefte», S. 297.

понял также Ницше и национал-социализм. Потому что из огня и крови великой войны родился национал-социализм»¹. Ницше, оказывается, был тем мыслителем, который задолго предсказал это грозное явление, пробудившее в народе «жертвенную готовность». Подобный панегирик империалистической войне характерен для всей фашистской литературы.

Такое отношение к империалистической войне со стороны фашизма понятно. Он заинтересован в организации новых войн, он стремится превратить города и села в военные казармы, он хочет в гражданскую жизнь внести слепую дисциплину. Он прославляет войну, чтобы психологически подготовить к ней массы.

Первая мировая империалистическая война для фашистов — только прообраз той чудовищной схватки, которую они готовят. Вооружая за счет ограбления миллионов трудящихся свои войска, они вместе с тем заражают массы идеями необходимости войны. Философия Ницше для них оказывается сокровищем мудрости.

Для фашистов, так же как и для Ницше, пацифизм — дело слабых и жалких. Сильные — это герои, те, которые преисполнены жертвенной готовностью умереть на войне. Фашисты пытаются воодушевить молодежь идеями героизма и жертвенности во имя империалистических грабежей, разжигая шовинизм и национализм. Фашизм выступает против буржуазного пацифизма. Фашистам пацифистский обман не подходит. Они открыто обрабатывают массы для войны. Им нужны идеи, обосновывающие их откровенную империалистическую политику войны.

Так, Муссолини заявляет: «Когда два элемента сталкиваются, разрешение дает только сила. Никогда в истории не было и не будет другого разрешения»².

О том, что фашизм ищет таких столкновений, которые могут разрешиться только силой, достаточно красноречиво говорит вся политика фашистской Италии, которую сам Муссолини определяет словами: «Фашизм должен воспринять дух и славу империалистического Рима»³. Во славу этого империалистического Рима рабочие и крестьяне Италии посланы завоевывать Абиссинию, проливать кровь для увеличения прибылей итальянских империалистов.

Германский фашизм вместе с японским является глав-

¹ Ibid., S. 289.

² Цит. *E. Rosen, Der Faschismus und seine Staatsidee*, 1933, S. 75.

³ Ibid., S. 71.

ным поджигателем войны. Распространение власти «северной расы», т. е. германского капитала, обосновывается философией Ницше. Так, Боймлер в своей книге «Nietzsche der Philosoph und Politiker» весь германизм Ницше рассматривает под этим углом зрения. Боймлер подчеркивает, что для Ницше пацифизм — форма рабской морали¹. В борьбе узнается кто багороден. «Вследствие прирожденного мужества господин становится господином, а лень делает раба рабом»².

Но немецкий народ, уверяет Боймлер, — это образец воинственности и храбрости: «Право и война — две стороны его жизни»³. По мнению Боймлера, Ницше призывал немцев стать господами Европы⁴.

Германский фашизм готовится к войне не только путем вооружения новейшими танками, аэропланами и газами, он отравляет мелкобуржуазные массы идеологическим ядом — ницшеанским культом войны.

IV

Если ницшеанские «воля к власти» и культ войны вошли в арсенал фашистской идеологии главным образом для оправдания внешней политики, то для обоснования внутренней политики широко используется учение Ницше *об иерархии*.

То, против чего боролись буржуазные мыслители в ту пору, когда капитал только пробивал себе дорогу к власти, сейчас становится знаменем времени. Феодальные идеи о рангах между людьми выдвигаются как идеал общественного устройства. Пора либеральных лозунгов о равенстве и свободе, несмотря на всю обманчивую мишуру, последних, отходит в прошлое. Даже формальная, буржуазная демократия, служащая маской для того, чтобы скрыть имущественное неравенство, опасна сейчас для буржуазии.

Установить террористическую власть, организовать общество по принципу строгого подчинения командующим, разбить людей на группы в соответствии со степенью их подчинения так, чтобы трудящиеся находились на самом

¹ Baeumler, Nietzsche der Philosoph und Politiker, Verlag von Philipp Reclam, Leipzig 1931, S. 172.

² Ibid., S. 67.

³ Ibid., S. 92.

⁴ Ibid., S. 165.

низу общественной лестницы, — такова цель фашистской буржуазии.

В области идеологии такое стремление находит свое обоснование в реакционнейшей критике демократии и в превозношении неравенства и иерархии. Ницше — борец против демократии, против нивелировки и равенства людей, — так именно и воспринимают его фашистские идеологи. Последовательно защищая вполне в ницшеанском духе идею иерархии, они подвергают критике представление о равенстве людей. Равенство — это чума Европы, провозглашают идеологи фашизма, это «сумасшедшее учение, которое грозит обратить население Европы в чернь». Оказывается, «ложное представление о равенстве есть угроза всей жизни нации, культуре, морали»¹.

Чрезвычайно показательны высказывания фашистских идеологов о массе. Подобно тому как для Ницше масса была чем-то низшим, презренным, недостойным названия людей, для фашистских идеологов — это синоним грубой нечужестранной толпы.

Идею «ранга», идею открытой диктатуры финансового капитала фашистские идеологи выдвигают на место демократии. Так, Шпанн в своей книге «Kategorienlehre» буквально в духе Ницше превозносит порядок рангов. Он пишет: «Равенство есть конец жизни; только ранг, различия означают жизнь. Без различия по рангу не может существовать мир... Порядок рангов есть необходимое противопоставление такому порядку, который означает равенство ценностей»².

По мнению Шпанна, идеал равенства, представление о «всеобщем блаженстве людей — фальшь и бессмыслица». Шпанн понимает, что понятие иерархии и ранга может показаться странным в наш век. Но он заверяет, что только ограниченная мысль боится переступить порог этих обыденных представлений. «Ранг как категория — это может звучать чуждо для нашего времени, — пишет он. — Но как соответствует это понятие неестественной мысли! Это настолько естественно, что мы считаем ранг изначальным понятием мышления о всех вещах, когда мы хотим узнать действительность»³.

¹ Lenze, Das Ende des politischen Liberalismus, seine Ueberwindung durch den Nationalsozialismus. Gegenwartskritik des politischen Liberalismus, Münster 1934, Regenbogen'sche Verlagsbuchhandlung, S. 55—56.

² Prof. Dr. Spann, Kategorienlehre, Verlag von Gustav Fischer, Jena 1924, S. 151—155.

³ Ibid., S. 150.

Так превращается эта идея о рангах, которая нужна буржуазии в период загнивания и гибели капиталистического строя, во всеобщее универсальное понятие. Шпанн предлагает отбросить старые представления о средневековой иерархии. Он пытается «обосновать» «теоретически» эту иерархию. Мы видим в природе, — говорит он, — человека и шимпанзе, льва и шакала, кристаллы и аморфную массу — ведь они все не одинакового ранга, занимают не одинаковое место на лестнице вселенной, даже в языке есть подлежащее и сказуемое¹. Кто может сомневаться после таких «доказательств» в необходимости этой иерархии?

Суть иерархии объясняют следующие слова Шпанна: «В духовных и действующих сообществах мы снова видим активных и пассивных, руководителей и руководимых; первые суть охранители целого, поэтому они существеннее и благороднее других»². Оказывается, капиталисты благороднее рабочих, фашистские начальники, генералитет, правительство состоят также из весьма благородных людей. Самыми благородными конечно объявляются вожди фашизма. Масса же трудящихся должна скромно подчиняться, знать свое место в этом мире, где все подчинено порядку ранга, должна беспрекословно подчиняться «благородным» эксплуататорам.

Шпанн думает так же, как и Ницше, что «посредственность находит удовлетворение в исполнении своих обязанностей и подчинении высшим кастам». Он уверяет, что исполнители сами стремятся к подчинению — таково их глубочайшее стремление. «...Отсюда возникает стремление у низших, которые ищут высшего, чтобы ему подчиниться, ему отдаться, почитать его и просить. Он (низший) это делает в соответствии с глубочайшим стремлением жизни... Человек чувствует, что только через подчинение высшим он находит свое настоящее место, настоящую ценность и ранг»³. Такое стремление надо приветствовать, заявляет Шпанн. Напрасно ограниченные люди считают, что в таком стремлении содержится что-то рабское. Всюду низшее стремится к почитанию высшего, будь это служение царю, народу, природе, вплоть до служения богу⁴.

Учение об иерархии и господстве «благородных» в трудах и выступлениях вождей и руководителей фашистского движения находит полное признание. Так, Гитлер

¹ Prof. D-r *Spann*, *Kategorienlehre*, Verlag von Gustav Fischer, Jena 1924, S. 150.

² *Ibidem*.

³ *Spann*, *Kategorienlehre*, S. 155.

⁴ *Ibidem*.

в своей книге «Mein Kampf» заявляет: «Было бы сумасбродством разделять людей по их ценности в расовом смысле, этим объявляя войну марксистскому положению «человек равен человеку», не делая из этого последовательных выводов». Каковы же эти выводы? «Последовательность требует, чтобы признание значения крови и отсюда расовых основ было перенесено на отдельных людей. Положение о том, что народы в связи с их расовыми особенностями имеют различную ценность, должно быть перенесено на людей внутри народ¹». И дальше он разъясняет: «То мировоззрение, которое, отрицая демократическое учение, стремится за лучшим народом и значит за лучшими людьми утвердить мир, должно с полной логичностью внутри народа следовать *аристократическому принципу*»² (подчеркнуто мной — Б. Б.). И он неоднократно повторяет это положение, подчеркив я, что «аристократический принцип» есть принцип самой природы.

Сподвижник Гитлера Розенберг стоит на тех же позициях. Он заявляет, что все немецкое должно основываться на понятиях Ницше об иерархии. И он восхваляет Ницше за то, что тот против «...схоластики и нигилизма все уравнивающей демократии в одиночку выступил на борьбу за новую иерархию ценностей. Он (Ницше. — Б. Б.) этим не только указывает на центральное место философии, но и на центр всего правового мышления»³.

Утверждение о необходимости господства аристократического принципа проводит Розенберг и в своем главном сочинении «Der Mythos des XX Jahrhunderts», выдвигая идею создания нового дворянства⁴. Упомянутый выше фашистский «правовед» Франк в одном из своих выступлений заявлял, что Ницше является высшим авторитетом в области права в современной Германии.

Но признать Ницше учителем в области права — значит признать такой строй общественной жизни, где в строгом разделении и соответствующем расстоянии друг от друга находятся отдельные группы людей: властвующие и подчиненные, руководители и исполнители. Признать учение Ницше основным принципом в области права — значит объявить основной задачей государства защиту небольшой группы «избранных».

Ницше открыто выступал против социализма. Фашистские же идеологи, зная широкую популярность идей со-

¹ Hitler, Mein Kampf, B. 2, 2 Aufl., 1929, S. 80.

² Ibid., S. 81.

³ «Völkischer Beobachter», 4/V 1934.

⁴ Rosenberg, Der Mythos des XX Jahrhunderts, S. 528—559.

циализма среди масс, прикрываются демагогически маской мнимо «социалистических» лозунгов. Насколько лживы фашистские «социалистические» лозунги, подтверждают писания самих фашистов, а не только их контрреволюционные дела. *«Наше право должно быть правом господ, а не правом рабов»*, оно и не должно ставить себе целью защиту слабых. *«Силу — сильным, свободным — свободу, — вот цель нашего права»*¹ (подчеркнуто мною — Б. Б.), — возвещает в открыто ницшеанском духе Франк. Если бы он добавил вполне последовательно: капиталы — капиталистам, власть — их представителям и агентам — фашистам, то этим была бы ясно очерчена вся программа национал-«социализма».

Муссолини также объявляет себя сторонником учения об иерархии. Муссолини, оказывается, озабочен тем, что «человечество устало от свободы»².

Иерархия вместо буржуазной «свободы» — идеал общественного устройства фашистов. Замкнуть людей в строго обособленные группы по образцу сословий, заставить работающих беспрекословно повиноваться работодателям, так организовать отношения людей, чтобы никто из подчиненных не мог возмущаться против «руководителей», — такова цель тех, которые выступают против великого освободительного движения мирового пролетариата.

V

Учение о существовании высших и низших людей, властвующих и подчиненных, понимание общества как пирамиды связано у Ницше с его учением о морали. Властвующие имеют право на лучшее из всего того, что создано жизнью; благодаря своей силе они сами берут все то, что им нужно; они должны быть тверды и безжалостны; слабые — завистливы, они выдумывают различные противоестественные идеи добра, жалости, сострадания, человечности.

Фашистская идеология в этом отношении вполне последовательна. Учение об иерархии, господстве «благородных» и «высших» дополняется фашистскими теоретиками совершенно недвусмысленными высказываниями в духе ненависти и презрения к буржуазному гуманизму, который раньше, в период, когда буржуазия шла к власти, был ее идеологией. Уничтожение слабых, культ силы и насилия империалистов — излюбленная тема фашистских писателей. Оправданием подобного рода положений здесь, так же как и в целом ряде других вопросов, служит идея «расовой чистоты».

¹ «Völkischer Beobachter», 5/V 1934.

² Rosen, Der Faschismus und seine Staatsidee, 1933, S. 72.

Высшая раса, заявляет Боймлер, — это синоним всего сильного, здорового, и только устранение слабых и больных может сохранить ценность расы. Сама природа, подчеркивает он, показывает нам пример в этом отношении. Уничтожение слабых, несчастных, вырождающихся — закон самой жизни¹.

Ницшеанский лозунг «падающего подтолкни» находит самое широкое применение в фашистской практике. Причем под падающим и вырождающимся понимается все то, что в какой бы то ни было степени не угодно фашизму. Все то, что составляет препятствие для достижения его целей, все теории, организации, партии, отдельные люди, выступающие против фашизма, объявляются чем-то низшим, мешающим истинному росту сильной расы и потому обреченным на гибель и уничтожение.

Проводя физическое истребление авангарда рабочего класса, ведущего в самых тяжелых условиях героическую борьбу против террористической диктатуры финансового капитала, фашисты заявляют, что они производят «очищение расы» от всех неустойчивых и малоценных в «расовом» отношении людей.

Фашизму нужны люди для беспощадного и жестокого подавления революционного движения. Пусть голод царит в рабочих жилищах, пусть плачет мать над больными, иссохшими детьми, пусть томятся тысячи трудящихся в концентрационных лагерях — штурмовик не должен знать пощады. Он должен вырвать из своего сердца самую мысль о сочувствии. Воспитание в духе беспрекословного подчинения дополняется ницшеанской идеей безжалостности по отношению к человеку не своего ранга, т. е. не своего класса.

Широкой известностью пользуется высказывание Ницше о так называемой «белокурой бестии». Под этим именем Ницше понимает ту силу «свободной стихии», которая таится в «благородных расах». Это — бешеная сила, которая вырывается время от времени наружу, производит опустошения, грабит, насилует и предает огню и мечу вражеские поселения. Эта особенность свойственна была героям, викингам, дворянам всех рас. Но по существу своему она древнегерманского происхождения. «Глубокое ледяное недоверие, — пишет Ницше, — возбуждаемое немцем в настоящее время, как только он захватывает власть, является отражением того

---

¹ *Baeumler, Nietzsche und der Nationalsozialismus, «Nationa sozialistische Monatshefte», S. 296.*

неугасимого ужаса, с каким Европа в течение столетий смотрела на неистовства белокурой германской бестии»¹.

Параллельно с тем, что во всей своей деятельности фашизм по сути дела ведет себя, как воинственная разбойничья, не знающая удержу «белокурая бестия», и в «теоретических» высказываниях фашиствующих идеологов мы находим восхваление ее. В книге «Духовные основы национал-социализма» автор ее Карл Циммерман, выдвигая Ницше на первое место среди тех, у кого учился германский фашизм, подчеркивая, что в Ницше возмущается германская кровь против «рабской морали», пацифизма и сострадания, пишет: «Он (т. е. Ницше. — Б. Б.) понял, что пролетарская этика сострадания означает конец жизни, и противопоставляет сытым, ленивым и стремящимся к покою людям вырождающейся цивилизации... пышущую здоровьем белокурую бестию»².

Все самое отталкивающее из системы Ницше получает признание в идеологии фашизма.

«Этика» Ницше — это этика господ, как он сам об этом заявляет. И поэтому он отбрасывает все те этические нормы, которые могут стеснить какой-либо произвол или насилие над людьми другого «ранга». «Этика» фашизма — это этика загнивающей буржуазии, которая в момент революционных потрясений сбрасывает фиговые листочки либерализма, гуманизма первых периодов развития капитализма. Буржуазный гуманизм всегда был лицемерен в той или иной мере. Но в период массовой безработицы и жалкого уровня зарплаты, обострения классовой борьбы и угрозы пролетарской революции в капиталистических странах и этот гуманизм отказывается служить буржуазии. Оправдание подавления и насилия, превозношение зверской жестокости, восхваление «солдатской души», слепое повиновения — такова этика загнивающего класса.

VI

«Философия» фашизма и Ницше чрезвычайно близки. В этом нет ничего странного. Фашизму, как и Ницше, приходится обосновывать совершенно абсурдные, реакционные положения, ставящие вверх дном те материалистические положения и истины, которые прочно установлены развитием науки в течение столетий.

Фашистские идеологи, так же как и Ницше, выступают

¹ Ницше, Генеалогия морали, т. I, стр. 11.

² Zimmermann, Die geistigen Grundlagen des Nationalsozialismus, S. 16—17.

яростными противниками установления истин посредством разума. Против разума выдвигается целый ряд самых тяжких обвинений. Разум, оказывается, является разрушителем общества, покоящегося на иерархическом принципе, который, как мы видели, является единственно приемлемым для фашизма. «Рациональное мышление, — заявляет Ленц, — отрицает основы жизни, разрушает кровь и тот святой порядок, который основан на неравенстве людей и который ничего общего не имеет с порядком нашего времени... Этот чрезмерный рационализм ведет к разрушению общества и тех сил, которые в нем кроются»¹.

Разум умерщвляет жизнь — в этом пункте сходятся все фашистские идеологи. Шпенглер в своем столь шумевшем произведении «Закат Европы» объявляет решительную борьбу разумному объяснению жизни: он считает его плоским, поверхностным, не охватывающим сути мира. Шпенглер, так же как и Ницше, которого он открыто признает своим учителем, считает, что причина и следствие произвольно устанавливаются людьми. Причинное объяснение, понимаемое им только в механистическом смысле, по его мнению, убивает все живое, стремясь на место последнего установить неподвижное, застывшее. Но он отрицает и телеологию. Идея ценности так же неверна, как идея причинности. Весь мир — субъективное переживание. «Природа — это функция соответствующей культуры», — заявляет он². Каждая картина мира, которую создают себе люди разной культуры, произвольна. Существует столько же миров, сколько и людей.

Философии, основывающейся на разуме, фашизм противопоставляет познание мира посредством инстинкта. Полнейший иррационализм, мистические теории судьбы, провозглашение голоса крови единственным критерием — вот чем пытаются заменить голос разума фашистские «идеологи».

Розенберг доказывает, что познание мира есть голос крови, инстинкт. В полном соответствии с прагматизмом Ницше критерием истины он выдвигает ценность той или иной идеи или теории для укрепления жизни «расы»³.

Боймлер, указывая на приоритет бессознательного над сознательным в теории Ницше, подчеркивает, что бессознательное у него означает полноту жизни организма, «великий разум тела»⁴.

Шпенглер пишет, что каждая из великих культур обла-

¹ *Lenz*, Das Ende des politischen Liberalismus etc., S. 52.

² *Шпенглер*, Закат Европы, т. I, стр. 179.

³ *Rosenberg*, Der Mythos des XX Jahrhunderts, S. 642.

⁴ *Baumler*, Nietzsche und der Nationalsozialismus.

дает ей одной свойственным языком и понять ее может только тот, кто близок к ней по крови.

Вполне в духе Ницше устанавливается произвольность любой картины мира. Последняя — только результат чувствования, «проникновения в тайну», и если существует различное представление о мире, то это результат различной «крови», различных инстинктов. Если, по Ницше, познание работает как орудие власти, то, по мнению идеологов фашизма, истинная картина мира та, которая узнается «голосом крови» «высшей расы» и «нации».

Фашистская «гносеология» стоит целиком на позициях иррационализма, и это не может быть иначе. Тот класс, который ходом истории должен уступить свое господство, вполне естественно будет в своих «теоретических» построениях антиисторичен. Класс, обреченный на гибель, утешает себя иллюзиями и готов всю действительность объявить иллюзией. И если разум доказывает неизбежность конца буржуазного строя, то идеологи буржуазии отказываются от самого разума. Принять то положение, что инстинкт дает истинное познание, значит пытаться укрыться от бурь действительности в мир фантазий, произвольных, ничем не обоснованных построений.

VII

В последние годы своей жизни Ницше начал развивать так называемую идею «вечного возвращения». Эту мистическую теорию Ницше пытался «научно» обосновать посредством законов механики, рассуждая, что сумма сил, которая проявляется в воле к власти, ограничена, а время проявления сил безгранично. Отсюда с необходимостью вытекают «повторения». Ницше считал свою теорию вечного возвращения «великой» мыслью, долженствующей служить целям отбора. Те «расы», которые не сумели бы вынести мысли о возвращении, должны погибнуть и уступить место тем, которые радостно приветствуют его. Эта мистическая идея, которая еще в глубокой древности была изложена Пифагором, служила Ницше средством борьбы с идеей постоянного становления и общественного прогресса.

Идеологи загнивающего капитализма целиком повторяют мистические бредни Ницше, отвергая теорию развития. «Прогресса в том смысле, как это представляет либерализм... — совершенно нет. Мысль о развитии является фальшью... нет никакого прогресса в истории»¹. Ленц приводит мнение

---

¹ *Lenze, Das Ende des politischen Liberalismus etc., S. 56.*

ряда фашистских теоретиков, которые не допускают мысли о подобном «оптимизме». Прогресс превращается в орудие распада, раздробления. «Прогресс в настоящее время означает самоубийство», — заявляет безапелляционно Ленц, не подозревая, что он этим невольно разоблачает тайну отрицания прогресса идеологами гибнущей буржуазии.

Что же противопоставляет фашизм прогрессу? Шпанн авторитетно разъясняет, что целое не повторяется в расчленении, оно также не варьирует в механистическом смысле, не приспособляется, как учит Ламарк, но оно хочет в беге времени остаться целым. «Хозяйство, государство и вся культура могут от периода юности перейти в состояние зрелости и наконец в состояние старчества, но не может произойти то, что не содержалось в первой целостности»¹. Доказательства Шпанн приводит из всех областей жизни. В природе, говорит он, повторяются времена года, происходит круговорот воды, химия доказывает периодичность системы элементов, в органической жизни мы наблюдаем биеение сердца и дыхание, сон и бодрствование, в языке — периоды, в поэзии — ритм, в хозяйстве — круги денежного обращения, кредита. Таким образом все совершается в пределах кругооборота. Нет ничего выходящего за рамки повторения. Периодичность, говорит он, является необходимой категорией действительности. Учение о прогрессе, вечном движении вперед, появлении новых форм, по мнению Шпанна, чуждо нашему времени. Он пишет, что Дарвин и Маркс своим «механистическим» пониманием нанесли удар культуре. От этой теории вечных кругов Шпанн приходит к идее судьбы. «Развертывание целого в порядке кругооборотов и ступеней есть только выполнение его собственной сущности. В этом пункте сосредоточена вся жизнь целого в ее собственном понятии, и это мы называем судьбой»². Отсюда вытекает следующее положение: «Целое раньше частей, логически зрелость прежде юности, дерево прежде деревца»³.

Налицо полное повторение теории «вечного возвращения» Ницше. Те, которые переживают старческий период, не любят думать о прогрессе, о вечном движении вперед, о новых формах. Гораздо ближе им теория повторения, кругооборота.

Класс гнивающий не может выдвигать или поддерживать учение о прогрессе. Мысль о прогрессе, признание прогресса означает для буржуазии признание собственного

¹ *Spenn, Kategorienlehre*, S. 218.

² *Ibid.*, S. 213.

³ *Ibid.*, S. 216.

банкротства. Поэтому и теория «вечного возвращения» приобрела популярность в современной буржуазной идеологии. Буржуазия пытается' идеей «вечного возвращения» скрыть свой ужас перед надвигающейся на нее катастрофой. В период надвигающейся революции ей приятно помечтать о возвращении снова периодов юности и зрелости. Но никакие мечты не могут спасти от суровой действительности. История имеет свои закономерности, но не возвращения, а вечного движения вперед. И по этим законам буржуазия, несмотря на свои идеи вечного возвращения, обречена на окончательную гибель, которая будет означать уничтожение гнета и эксплуатации человека человеком.

VIII

Наш анализ ницшеанства в идеологии фашизма был бы не полон, если бы мы не рассмотрели «германизм» Ницше, которому уделяет так много внимания фашистская литература. В статьях и книгах немецких фашистов, посвященных Ницше, подчеркивается, что Ницше был германским гением и все его творчество пронизано восхвалением «истинно германского» духа. Ницшеанец Боймлер во всей своей книге «Ницше — философ и политик» проводит мысль, что ницшеанская философия по самому своему существу служит идеям укрепления германской расы. Учение Ницше о воле к власти, героизме, превозношение твердости, мужества — все это объявляется типично германской чертой¹. Для Боймлера Ницше — великий пророк нынешней Германии, которая преследует цель возрождения господства «германской расы», «северной крови».

Все заседание Прусской академии права, происходившее в помещении архива Ницше, было пронизано мыслью о Ницше как об учителе нового германского права. Розенберг в своей речи подчеркивал, что именно учение Ницше определяет характер и задачи «германского» человека. И если сейчас, указывает он, устанавливается новое германское государство, «то образом борца неслыханной смелости за него был Ницше». Министр юстиции Франк говорил на заседании, что Ницше был философом той воли господ, которая сейчас стремится установить «крепкое, героическое, авторитарное» государство. Подобные примеры можно было бы умножить, потому что нет буквально ни одного высказывания фашистских идеологов о Ницше, где бы ни подчеркивался его германизм.

¹ *Basumler, Nietzsche der Philosoph und Politiker, S. 17, 67, 122.*

Ницше действительно был сторонником расовой теории. Все важнейшие вопросы его философии связаны у него с расовой проблемой. Многие критики пытаются указать, что высказывания Ницше о расах являются случайными и несущественными для его идеологии. Это неверно. Идеи расизма играют существенную роль в идеологии Ницше. Неравенство людей, сильная и слабая воля в конечном счете определяются, по Ницше, происхождением и «ценностью» человека в «расовом» смысле. Достаточно известна история обоснования Ницше своей этики господ различного рода лингвистическими упражнениями, имевшими целью доказать связь первоначальных моральных понятий с мнениями и потребностями знатных, могучих, высокопоставленных людей высших рас. Происхождение государства и культуры он также объясняет завоеванием одних рас другими.

У Ницше имеется целый ряд высказываний, где он объявляет «арийскую», «белокурую» расу высшей. Основная мысль Ницше — это идея иерархии, существование властных, сильных, господствующих за счет слабых, подчиненных посредственностей, и его заветным стремлением, о котором он неоднократно писал, было создать касту высших европейцев, которая бы господствовала над всем миром.

Мы находим у Ницше ряд высказываний, направленных против национализма немецких буржуазных либералов. Германский национализм, по его мнению, объясняется тем, что немцы еще не окрепшая раса. Он говорит о припадках оглушения, которое часто называет то «антифранцузской», «антисемитской», «антипольской», то «тевтонской», то «прусской» глупостью, он называет «тупоумными головами» Зибелей и Трейчке. Деля народы на творческие и передающие культуру, он причисляет немцев ко вторым. Он восхваляет Французов за их легкость ума, живость мысли, чуткость души и противопоставляет им глупость и тяжеловесность немцев. В одном случае он говорит о немцах как о наиболее рьяных распространителях алкоголя в Европе. Наконец он выдвигает по их адресу самое страшное обвинение, заявляя, что они «народ чудовищного смешения рас, даже с перевесом доарийского элемента, народ середины»¹. Но все это в сущности направляется против германских трудящихся, а не против благородных господ «чистой арийской расы».

¹ Ницше, По ту сторону добра и зла, § 244.

Отзываясь с восторгом о древних германцах, он говорит, что они не имеют ничего общего с современными. Так, восхищаясь «белокурой бестией», которая, по его мнению, является порождением германской расы, он заявляет: «Между древними германцами и теперешними немцами едва ли имеется и родство понятий, не говоря уже о кровном родстве»¹.

Это обстоятельство доставляет большие затруднения современным последователям Ницше в Германии. Они стараются изо всех сил затушить эти высказывания, указать на их случайный, несистематический характер. Так, в официальном органе национал-социализма «*Völkischer Beobachter*» в мае 1934 г., после заседания Прусской академии права, некий доктор Артур Ратге написал статью «Что означает гнев Ницше против немцев»², где пытается сгладить впечатление от отрицательных высказываний Ницше о немцах. Подчеркивая противоречия философии Ницше, он говорит, что Ницше считал немцев не созревшим еще народом и поэтому полагал, что в них кроются большие возможности, чем у других народов. Однако он обманулся в своих надеждах главным образом благодаря последствиям франко-прусской войны. Он указывает, что «во Второй империи, которая в отношении принципа силы была организована только внешнеполитически, но не служила для внутренней организации народа, не мог произойти духовный рост немецкого человека в его народно-культурном сознании»³. Германия времен Бисмарка успокоилась на достижении определенных хозяйственных задач, но не заботилась о восстановлении древнего эллинизма, о борьбе против цивилизации и новом торжестве немецкого духа. «Мечта Ницше о синтезе греко-германской культуры была обманута»⁴. В заключение автор заявляет, что то, о чем мечтал Ницше, осуществляет только гитлеровская Германия. Подобного рода высказывания, направленные к объяснению выступлений Ницше против германцев, мы находим и у Боймлера и у Меллера ван ден Брука. Боймлер все это объясняет тем, что в современной ему Германии господствовали демократические тенденции.

Несомненно, что германизм Ницше получает в руках германских фашистов более резкие — «гитлеровские» и погромно-черносотенные — черты, но суть их одна и та же.

¹ Ницше, Генеалогия морали, т. I, § 11.

² Dr. Rätge. Was bedeutet Nietzsches Deutschenhass, «*Völkischer Beobachter*», 25/V 1934.

³ Ibidem.

⁴ Ibidem.

Фашисты с полным правом называют Ницше своим пророком и учителем. Учение этого, одного из самых циничных, мыслителя эксплуататорских классов действительно является главным источником их идеологии.

Они руководствуются учением Ницше не только в идеологии, но и во всей своей кровавой практике.

Разве беспощадное, жестокое подавление революционного движения пролетариата — погромы, издевательства, убийства из-за угла — не соответствуют полностью ницшевской «морали господ»? Разве открытая подготовка войны, жестокое преследование национальных меньшинств, открытое провозглашение права так называемой «высшей» расы на подчинение себе «низших» рас не в духе учения Ницше о воле к власти?

Фашисты объявляют себя учениками Ницше — и это верно. Ради кучки магнатов финансового капитала, утопающих в роскоши и бездельи, они учреждают режим самого зверского террора. Ради интересов группы «избранных» господ они не останавливаются перед самыми жестокими мерами подавления громадного большинства населения. В тогу защитников мелких собственников рядятся в целях обмана эти представители и агенты финансового капитала, исходя из ницшевского положения, что только слабые боятся лжи и обмана.

Но историю обмануть нельзя. Никакая воля к власти не поможет фашистским палачам. Победа фашизма в некоторых странах, как указал товарищ Сталин в своей речи на XVII партсъезде, есть признак слабости буржуазии.

Фашизм — это террор. Но никогда ход истории нельзя было остановить какими бы то ни было пытками и издевательствами над революционным классом, как бы жестоки и бесчеловечны они ни были.

Фашизм — это насилие. Но перед героической борьбой пролетариата, его железной сплоченностью и стальной волей не устоят никакие преграды.

Фашизм — это обман. Великой правдой марксизма-ленинизма он разоблачается до конца.

Фашизм и теория литературы в Германии

Для фашизма характерны ликвидация всяких реалистических тенденций в литературной теории и полное изгнание их из литературной практики. Насквозь проникнутый ложью, национал-«социализм» борется против правдивого воспроизведения действительности в литературе. Фашизм — партия наиболее реакционных, империалистических и шовинистических элементов финансового капитала. Чтобы завоевать массы, он прибегает к самой беззастенчивой и лживой демагогии. Демагогия, которой национал-«социализм» придерживается в своей пропаганде, применяется и в области художественной литературы, чтобы вводить в заблуждение массы трудящихся. Фашистские литературные заправилы вынуждены свою прямую вражду к реализму в литературе облекать в *псевдореалистические* одежды. Но как раз в литературной области эта маскировка чрезвычайно прозрачна. Национал-«социализму», особенно после захвата власти, все менее и менее удается создать своей демагогией видимость правдивого художественного отображения действительности: слишком бьет в глаза противоречие между национальной и социальной демагогией германского фашизма, с одной стороны, и простейшими фактами повседневной жизни рабочих и трудящихся — с другой. Сюда присоединяется еще и то обстоятельство, что германский фашизм в своих литературно-теоретических воззрениях выступает в качестве преемника длинной полосы развития буржуазной теории литературы в сторону *антиреализма*. В Германии давно уже нет буржуазного реализма в качестве господствующего или значительного течения в литературной теории и практике. Писателям-реалистам левобуржуазного лагеря приходится бороться за самое существование своего направления; подлинно реалистическое движение представлено в Германии одними революционными писателями из

пролетарского лагеря. Национал-«социалистские» потуги в области литературы тесно примыкают к целой полосе то открыто антиреалистического, то псевдореалистического движения буржуазной литературы эпохи империализма. Литературная «теория» национал-социализма, как и «теории», развиваемые им в других областях, являются не чем иным, как эклектическим соединением всех самых реакционных тенденций империалистической эпохи, периода всеобщего кризиса капитализма в особенности. В применении к литературе это означает эклектическое соединение всех антиреалистических и псевдореалистических тенденций, прикрытых демагогией в ее самой варварской и грубой форме. Поэтому, если мы хотим правильно понять и оценить реакционные домыслы фашистских литераторов, мы должны сначала обратиться к развитию литературной теории в эпоху империализма, к происходившему в то время внутреннему разложению реалистической теории искусства.

* *
*

В конце XIX в. литература Германии переживает в своем развитии этап так называемого «натурализма», ярким представителем которого является Гергардт Гауптман. Общеизвестен тот факт, что эта последняя волна реалистического движения в буржуазной литературе уже не могла подняться до той жизненной правдивости, смелости и глубины, чем отличались более ранние реалистические направления. Особенно это нужно сказать о Германии, где натурализм по смелости и уменью раскрывать большие общественные проблемы оказался значительно ниже того уровня, которого достигла литература других стран (Франции, Скандинавии). К тому же германский натурализм был кратковременным литературным направлением. Он зарождается в 80-е годы, между 90-м и 93-м годом достигает кульминационного пункта (в «Ткачах» Гауптмана) и затем начинает быстро двигаться к самоупряднению. Натурализм переходит в импрессионизм, импрессионизм — в полурелигиозный и мистический символизм (религиозно-мистическая и символическая «Ганнеле» Гауптмана появилась вскоре после «Ткачей»). С этого момента в немецкой литературной теории господствует более или менее откровенная вражда по отношению к реализму. Быстро сменяющие друг друга литературные направления начала XX в. (неоромантизм, неоклассицизм и т. д.) являются открыто антиреалистическими. Экспрессионизм доводит эти тенденции до крайности. Совершенно отсутствуют какая бы то ни

была теоретическая защита реализма в литературе и какое бы то ни было литературное движение, которое шло бы под знаком реализма, если не считать провинциально-реакционного «искусства родины» («Heimatskunst»), опирающегося на полуреалистические традиции позднего романтизма. Лишь в послевоенное время, в период относительной стабилизации капитализма, выступает на смену одно направление псевдореалистического характера, так называемая «новая предметность» («neue Sachlichkeit»).

Само собой разумеется, что в течение всего этого времени появляются *отдельные* писатели, которые в своей практике выступают как представители более или менее реалистических тенденций. Но, во-первых, они не создают и не вызывают ни своей практикой, ни своей теорией реалистического литературного движения. Во-вторых, и теория и практика этих писателей делают крупнейшие уступки антиреалистическим тенденциям эпохи. Гергардт Гауптман колеблется между продолжением своей натуралистической линии и различными антиреалистическими литературными направлениями (символизм, неоромантизм и т. д.). Другие писатели, у которых подобные колебания не воплотились в произведениях, пытаются ввести антиреалистические тенденции в теорию литературы. При этом они развивают еще дальше то, что является общей слабостью стороной натурализма вообще. Уже у самого значительного представителя европейского натурализма, у Золя, изображение общественных противоречий часто заменяется фаталистическим символизмом «сил природы». В Германии такое уклонение литературы от освещения крупных общественных проблем современности проявляется в замене картины общественного развития мистикой наследственности («Будденбухи» Томаса Манна), мистикой сексуальности как роковой «власти природы» (Ведекинд) и т. п. Таким путем реальным движущим силам общественной жизни придается характер мистических «космически вечных» сил. Под общим натиском реакционных тенденций эпохи империализма реализм в буржуазной литературе отходит в прошлое.

Это направление развития является неизбежным следствием загнивания буржуазной культуры во всех областях. В среде самой германской буржуазии не могло возникнуть мало-мальски серьезное оппозиционное движение против германского империализма. По мере развития империалистические, милитаристические, шовинистические идеи все больше распространяются в буржуазной литературе. Победа реформистских тенденций в социал-демократической партии, их перерастание в социал-империализм, орга-

низационная и идеологическая слабость левой оппозиции в германской социал-демократии — все это мешало отдельным представителям мелкобуржуазных оппозиционных тенденций в литературе развиваться в сторону сближения с революционным рабочим движением. (Меринг с известным основанием указывает, что натурализм своими наиболее существенными положительными сторонами был обязан именно такому сближению оппозиционной части мелкой буржуазии с рабочим движением.)

В теории литературы антиреалистические тенденции получают свое выражение в форме отрицания теории «*подражания*» действительности. Борьба против реализма и против теории подражания направляется не против *ограниченности и недостатков* буржуазного реализма и теории «*подражания природе*», разрабатываемой уже древними мыслителями. Эта борьба заострена прежде всего против *всякого реализма*, против основ *материалистической теории познания*, против *отражения искусством действительности*. В Германии эта тенденция к ликвидации основного положения реализма имеет длинную историю. В рамках настоящей статьи, разумеется, невозможно подробно останавливаться на этой истории. Мы должны ограничиться лишь анализом тех теорий, влияние которых существенным образом сказалось именно в империалистическую эпоху. Такой теорией является в первую очередь теория «*вчувствования*», которая представляет собой общую литературно-теоретическую и философскую основу всех буржуазных и мелкобуржуазных художественных направлений в империалистической Германии вплоть до экспрессионизма, т. е. вплоть до совершенно откровенных антиреалистических направлений (школа поэта Георге, неоклассицизм). Решающим в этой теории является то положение, что ни познать, ни отобразить действительность такой, какая она есть, мы не в состоянии: все, что, как нам кажется, писатель дает в качестве *отображения* действительности, все то, что нам представляется человеческим восприятием предметов природы в отличие от самих предметов, является не чем иным, как *вкладыванием* человеческих мыслей, чувств и т. д. во «внешний мир». Родство этой литературной теории с «интроэкцией» Маха — Авенариуса очевидно.

Эта теория сложилась в процессе упадка гегельянства и превращения гегелевского объективного идеализма в агностический субъективный идеализм, и именно у наиболее влиятельного германского теоретика искусства из гегельянской школы Ф. Т. Фишера. Фишер развил свою теорию вчувствования в 60—80-х годах прошлого века. Таким об-

разом теория Фишера явилась предшественницей позднейших антиреалистических тенденций в теории литературы империалистического периода. Через ряд звеньев эта теория оказала влияние на современные фашистские течения в области литературы. Теория вчувствования получила в империалистическую эпоху широкую популярность в психологической эстетике. Приведем для ее характеристики отрывок из Фишера, так как у него основная философская тенденция — отход от теории «подражания» и переход к сознательному «мифотворчеству» — проявляется в более открытой форме, чем у его преемников, которые затушевывают проблему психологизированием. Эстетической теории Фишера ставили в упрек, будто «она дает простое зеркальное отображение жизни в духовном мире» художника и что она таким образом делает слишком большие уступки теории подражания. Пересматривая свои старые позиции в 70-х годах, на «новом» этапе своего развития, Фишер признает правильность указанного упрека и следующим образом формулирует позиции художника по отношению к действительности: «Идеальное созерцание вносит в объект то, чего в нем нет»¹. Агностический и идеалистический характер этой эстетической концепции очевиден сам собою. Сюда следует лишь добавить, что у Фишера характерный для эпохи империализма переход агностицизма в мистику обнаруживается уже в совершенно ясной форме. Прекрасное, по Фишеру, выражает «мечту о совершенной жизни», в искусстве мы «пребываем в идеальной области, где мы ищем утешения, возвышения над... злом»². Эта основная тенденция искусства является переходом к мифу. Миф, писал Фишер, «имеет своей основой вкладывание человеческой души в безличное... Акт одушевления остается свойством, неотъемлемо присущим человечеству от природы и тогда, когда оно давно выросло из мифа; только теперь необходима оговорка в том смысле, что приписанное безличной природе личное бытие не становится еще божеством... не возникает никаких мифов, — обычно возникает нечто им подобное»³. И вот этот акт «одушевления», этот акт символики Фишер называет «вчувствованием».

Правда, в натурализме как таковом продолжают существовать, по крайней мере инстинктивно, тенденции к от-

¹ Vischer, Kritische Gänge. Neue Ausgabe, München 1922, B. IV, S. 225—226. О возникновении теории вчувствования Фишера ср. мою статью «Карл Маркс и Ф. Т. Фишер», «Литературное наследство», стр. 15.

² Vischer, Das Schöne und die Kunst, Vorträge herausgegeben von R. Vischer, München 1898, S. 143, 162.

³ Vischer, Kritische Gänge, B. IV, S. 434—435.

ражению действительности. Но эти тенденции, с одной стороны, базировались на механистическом вульгаризировании «теории подражания», поскольку они видят отображение действительности в одном только голом фотографическом воспроизведении внешних сторон жизни. Эта вульгаризация теории подражания натуралистическим направлением властвует над литературной теорией на всем протяжении империалистической эпохи. Всякая открытая полемика против старой, идущей еще от греков теории «подражания природе» обрушивается обычно на фотографическое подражание внешним сторонам жизни и оставляет в стороне большую реалистическую практику старого искусства и то положительное, что было в эстетической теории подражания. С другой стороны, в натуралистическую теорию подражания уже проникают различные элементы теории вчувствования (приобретающей характер мистической «философии жизни»). Конечно в большинстве случаев это происходит бессознательно. Руководящий теоретик натуралистического движения Арно Гольц думал превзойти Золя в смысле радикальной формулировки теории натурализма, говоря: «Искусство имеет тенденцию снова стать природой». Но благодаря этой «радикальной» формулировке он не только оставил без внимания различие между искусством и природой (фотографический натурализм), но и подошел к прямому отрицанию принципа *отражения* природы в искусстве. Такая позиция уже содержит в себе сильные элементы теории «вчувствования», поскольку художественная переработка действительности понимается как нечто равное природе, а не как отображение художественным сознанием независимо от художника существующей действительности. Все эти тенденции по мере упадка натурализма усиливаются и постепенно переходят в открытый мистицизм. Эти переходы как в теории, так и в практике чрезвычайно подвижны: обозначить точно поворотный пункт от натурализма к импрессионизму столь же трудно, как и переход от импрессионизма к символизму. Однако чрезвычайно характерным является именно тот факт, что теория вчувствования может дать теоретическую базу для всей антиреалистической линии развития литературы и что основная тенденция к мистицизму обнаруживается в литературе в текущих, разнообразных переходных формах.

Так все более и более исчезает из литературной теории и практики всякий объективный критерий действительности. Мнимое преодоление натурализма в буржуазной философии искусства империалистической эпохи заключается в том, что литература «сублимируется», искусственно

противопоставляется подражанию природе, которое все время понимается в смысле фотографического подражания. Ницше, который приобретает все большее влияние по мере развития империализма, смело сделал все выводы из теории вчувствования. В области теоретико-познавательной Ницше исходит из мистических предпосылок, заставляющих вспомнить о Фишере («мечта», «утешение» и т. д.). Но в уходе от действительности, в уничтожении всяких остатков теории подражания он идет значительно дальше Фишера. Полемизируя с классической немецкой эстетикой, Ницше говорит о задаче искусства следующее:

*«Выдумывание и оформление мира, которым мы утверждаем самих себя в наших глубочайших потребностях. Краски, тона, образы, движения — здесь действует бессознательная память, которая удерживает полезные свойства этих вещей (или ассоциаций). Диктуемое сильнейшей, ни перед чем не останавливающейся заинтересованностью оформление вещей. Существенное искажение, устранение именно только констатирующего, познающего, объективного разума»*¹. Здесь антиреализм уже выступает в открытой и циничной форме. Для такого открытого цинизма у идеологов империалистической эпохи редко хватает мужества.

Невозможность в силу классового положения художников правдиво изображать действительность в ее наиболее значительных типах и конфликтах делает искусство все менее содержательным, все более пустым. Литература и литературная теория, как и вся империалистическая идеология этой эпохи, ищут новую форму апологетики.

Само собой разумеется, что указанный поворот осуществляется не только сознательными защитниками капитализма. Некоторые теоретики и писатели думают, что они критикуют современность. Но так как эти люди не могут подняться над буржуазным горизонтом эпохи империализма, они в идеологическом отношении неизбежно приходят к оправданию, к прикрашиванию капитализма. В их протесте против распада художественной культуры в буржуазном обществе сохраняются все отрицательные черты этого распада: мистицизм, агностицизм и т. п.; остается также отрицание всякой формы художественного воспроизведения действительности, и это отрицание доводится иногда до крайности.

Ярким примером подобной мнимой критики буржуаз-

¹ Nietzsche, Kunst und Künstler, Kröners Taschenausgabe, B. XI, S. 5. Об эстетике Ницше ср. мою статью «Ницше как предшественник фашистской эстетики», «Литературный критик», 1934.

ного искусства эпохи упадка и сопровождающей его эстетики «вчувствования» является так называемая *«теория абстракции»* Воррингера. Она возникла в области изобразительного искусства, но получила исключительное значение и в теории литературы. Воррингер заявляет, что он резко расходится с теорией «вчувствования». Эта теория для него слишком «натуралистична» и покоится на слиянии с объектом, как он есть. Она относится, по его мнению, к искусству греков, эпохе Ренессанса и т. д. В противоположность этому искусству искусство первобытное и восточное (особенно египетское искусство и т. д.) имеет другую тенденцию: оно отстраняет все несущественное, все поверхностное и направляется прямо к «сущности» вещей. Очень характерно, как Воррингер определяет это «существенное» и путь к нему.

«Чем менее человек сближался с явлением внешнего мира силой своего духовного познания, чем менее интимна была его связь с ним, тем могущественнее была динамика, из которой получается та высшая абстрактная красота, к которой мы стремимся... У первобытных людей весьма сильно инстинктивное чувство «вещи в себе» (у Воррингера это понятие равнозначно *непознаваемой* вещи в себе. — Г. Л.). Чем больше человек овладевал внешним миром и свыкался с ним, тем больше притуплялся, затуманивался этот инстинкт. Лишь после того как человеческий дух в своем тысячелетнем развитии прошел весь путь рационалистического познания, в нем снова *пробуждается*, как его последнее подчинение сущности, чувство вещи в себе. То, что было раньше инстинктом, является теперь последним продуктом сознания. *Сброшенный с горделивых высот знания, человек стоит перед картиной мира таким же затерянным, таким же беспомощным, как и первобытный человек*»¹.

Этот взгляд на искусство в последние годы перед войной кристаллизуется в форме нового литературного течения — экспрессионизма, приобретшего широкое распространение в Германии в период войны и после нее. Однако еще до появления экспрессионизма подобные воззрения приобретают все большее и большее значение, отчасти под влиянием самого Воррингера или его предшественников в теории искусства — Ригля и др. Важнейшими представителями этих открыто антиреалистических течений являются историк литературы Фридрих Гундольф, теоретический глава школы Стефан Георге и драматург Пауль

¹ Worringer, *Abstraktion und Einfühlung*, München 1909, S. 16—18.

Эрнст, вождь неоклассического направления (оба эти направления в послевоенное время вливаются в фашизм). При всех различиях методов эти направления взаимно сближаются на почве романтической «критики» современности. Оба направления пытаются представить себя борцами против капитализма, «механизирующего» повседневную жизнь, борцами против декаданса, который порождается капитализмом во всех областях. Как метод, так и содержание этой «критики» представляют собой типичные формы проявления *идеологии империализма* и как таковые в философском отношении являются продуктом влияния самых реакционных тенденций философии и в первую очередь философии Ницше. Уже Ницше направляет свою фразеологию против упадочного характера «современной эпохи». Широкое распространение оценки этой эпохи как эпохи декаданса, само собой разумеется, является отражением объективного процесса упадка буржуазии. Все антиреалистические течения (экспрессионизм и т. д.) выступают с критикой декадентства — упадочнического характера всей буржуазной идеологии. Они критикуют явления упадка буржуазии. Но эта критика носит, так сказать, паразитический характер. Они критикуют буржуазный декаданс, оставаясь или на империалистических (у Ницше это имеет и характер демагогический), или на мелкобуржуазных позициях.

С одной стороны, эта мнимая критика проявляется в самодовольном кокетничании с декадентством, поскольку в декадентской утонченности видят высшую форму жизни по сравнению с обычной удовлетворенностью среднего человека (в Германии в период борьбы с натурализмом это играло большую роль); с другой стороны, декадентство рассматривается как зло, как специфическая временная болезнь капитализма, которой объявляется «борьба» (у Ницше можно найти оба эти момента).

В этой «критике» декадентства содержится сознательная или бессознательная апологетика империализма. С одной стороны, декадентство декларативно объявляется продуктом капитализма и создается видимость критического отношения к последнему. Но это только видимость критики капитализма, ибо она не направляется против капиталистической эксплуатации и паразитизма, против общественных основ, порождающих декадентство. Напротив, «критика» капитализма превращается здесь в реакционную критику либерализма и демократии. И здесь идеологическим предшественником этой критики является Ницше. В качестве выхода эта критика указывает на путь идеализма, возвышающегося якобы над экономическими нуждами, над индивидуальными

интересами и т. д. В период предвоенного империализма основной тон и объективное классовое содержание подобной «критики» заключается в прославлении паразитической «свободы» рантье.

Необходимым следствием этой общей установки является то, что и Гундольф и Пауль Эрнст критикуют в литературе чрезмерное с их точки зрения распространение общественной тематики, а не плоскую и поверхностную разработку общественных тем. Критикуя натуралистическое изображение повседневной действительности, они настаивают на том, что главная задача литературы заключается в изображении «существенного». «Существенное» превращается у них однако в аристократический «миф» паразитарантье. У Гундольфа эстетика базируется на противоположности «исконного переживания» («Urerlebnis») «культурному переживанию», причем под «исконным переживанием» он понимает нечто «космически вечное», нечто принципиально потустороннее по отношению к общественной жизни. У Пауля Эрнста классическая «вечная» форма этого исконного переживания приобретает религиозный привкус и прославляется как результат *аристократического* непонимания. «Необходимо себе уяснить, — пишет Эрнст, — что само по себе большое произведение искусства обязательно идет против инстинктов масс»¹ (подчеркнуто мною. — Г. Л.).

Такому «вечному», большому искусству противостоит «низменное» искусство толпы с ее экономическими и повседневными нуждами. С точки зрения мистической «философии жизни» и аристократизма Гундольфа всякое серьезное искусство асоциально и даже более того — антисоциально. Он² говорит о творчестве Гете, что в глубинной основе своей оно антисоциально, как и у всякого человека, проникающего в сущность вещей. Для Гундольфа общество — это только понятие, а не действительность, и к тому же понятие, которое люди низшей природы перенимают от других. Над этой ограниченностью он поднимается с бергсоновским «исконным переживанием». Гундольф последовательно противопоставляет друг другу настоящую поэзию и обыкновенную литературу, причем с точки зрения содержания требованием «истинной» поэзии является именно отсутствие в ней социальных проблем.

Пауль Эрнст, который во многом другом отличается от Гундольфа, в этом вопросе проводит ту же линию.

¹ Paul Ernst, Ein Credo, B. I, Berlin 1912, S. 183—187.

² Gundolf, Goethe, 12 Aufl., Berlin 1925, S. 279.

С той же последовательностью Гундольф трактует вопрос о литературной форме. Здесь водоразделом является вопрос об отображении действительности искусством. «Одно из различий между поэзией и литературой заключается в том, что поэзия есть выражение собственной (der eigenen) действительности художника, независимой от готового мира; литература же является отображением, последующим снимком с готовой действительности»¹. И Пауль Эрнст, тесно примыкая к тем же взглядам, пишет: «В эстетике господствует в настоящее время мнение, будто искусство возникло путем последующего отображения действительности... Я думаю, что оно возникло из страха перед действительностью... Человек создал искусство для того, чтобы из беспокойной, бессмысленной, опасной и темной действительности перейти в какой-то мир спокойного, ясного и осмысленного. Таким образом последняя цель, которую ставит себе искусство, — это освобождение от действительности»². Здесь с большой последовательностью осуществлялось перерастание теории вчувствования в радикальный и открытый отказ от *отображения* действительности в литературе. История литературы покажет, насколько велико влияние этих антиреалистических теорий на мышление и практику виднейших немецких писателей. Здесь же мы можем иллюстрировать этот процесс лишь на одном примере. Литературная практика самого выдающегося реалиста этой эпохи Томаса Манна идет от туманного изображения общества к чистому мифу его романа «Яков, и его братья». Его литературно-теоретические воззрения развиваются в сторону отказа от «поверхностных» законов общественного развития в пользу «вечно космических» норм. Так, он пишет о Гауптмане, что последний, «несмотря на социализм «Ткачей» или «Крыс», в сущности чувствует себя дома больше в «бесконечно космическом», чем в мире общества»³. И в этом смысле он сравнивает Золя с Рихардом Вагнером: «Ведь оба они принадлежат к одному и тому же направлению... то, что их связывает... это прежде всего натурализм, который возвышается до символического и перерастает в мистическое. Ибо кто не признает в эпосе Золя символизма и мистического влечения, которое подымает его образы в мир сверхдействительного? Разве эта Астарта Второй империи, называемая Нана, не символ и не миф?»⁴.

¹ *Gundolf*, Gothe, 12 Aufl., Berlin 1925, S. 12.

² *Paul Ernst*, Ein Credo, B. I. Berlin 1912, S. 183—187.

³ *Thomas Mann*, Neue Rundschau, April 1933.

⁴ *Ibidem*.

Антиреалистическая тенденция германского импрессионизма становится в дальнейшем еще сильнее в экспрессионизме. Экспрессионизм отличается от рассмотренных до сих пор течений тем, что он является оппозиционным движением. Его идеология включает элементы анархизма и идеологии немецких «независимцев». Для нашего сжатого анализа антиреалистических тенденций предвоенного времени достаточно заметить, что у экспрессионистов эта «антибуржуазная» фразеология носит более политический характер, чем у Гундольфа или Эрнста. Экспрессионисты пытаются выдавать себя за революционеров. Но эти старания напрасны. Экспрессионисты также не уясняют себе социальных основ капиталистического общества, и для них буржуа является не продуктом экономического развития, не классом, а «вечным типом».

Уже это понимание «буржуазности» показывает, что экспрессионисты разделяют все теоретические предпосылки уже ранее нами разобранных направлений в литературной теории. Они лишь делают из тех же предпосылок противоположные выводы: выводы мелкобуржуазных идеологов, взбесившихся от бедствий кризиса. Их литературная теория представляет доведение до абсурда той теории искусства, с которой мы уже встретились у Воррингера. Для экспрессионистов мир также представляет собой иррациональный хаос. В искусстве этот хаос может быть преодолен путем радикального уничтожения всех связей между вещами, только усиливающих хаос. Экспрессионисты стоят на позициях отрицания причинности и делают из этого соответствующие теоретико-литературные выводы. Весь пафос экспрессионизма заключается в отбрасывании всякого литературного воспроизведения предметов и объективных связей между ними. Так, один из руководящих теоретиков экспрессионизма, Макс Пикар, пишет: «Надо преобразить картину так, как будто она никогда не находилась в связи с другими вещами хаоса. Надо быть абстрактным, надо типизировать, для того чтобы достигнутое никогда не соскользнуло обратно в хаос»¹. Таким образом экспрессионисты уничтожают всякую связность явлений и изолированные взрывы творческого «я» ставят рядом друг с другом несвязанными. Борьба против всякой разумной связи заходит так далеко, что отдельные теоретики экспрессионизма выдвигают в качестве основы художественного выражения

---

¹ Picard, Im Sammelbuch, «Die Erhebung», Berlin, S. 333.

иволированное слово в противоположность предложению, как чему-то чисто логическому и неиррациональному.

Борьба против причинности есть борьба против детерминизма в учении о человеческой воле, крайний субъективизм и волюнтаризм. Экспрессионисты «борются» не против империалистической войны, а против войны «вообще», не против реакционного насилия, а против насилия «вообще». В действительности же они выступают против революционного насилия трудящихся над своими угнетателями. Ополчаясь против «необходимости» вообще, экспрессионисты «отрицают» законы экономического развития капитализма. Капитализм принимает в их головах мистифицированную форму ложного и дурного мира необходимости, которому они противопоставляют свой «ничем не связанный» активизм. Поэтому другой из руководящих теоретиков экспрессионизма, Пинт, облекает законы общественного развития в мистифицированную форму мыслительных «детерминант». Он пишет: «Таким образом говорить в пользу будущего означает объявить войну этим детерминантам, призывать к их преодолению, проповедывать антидетерминизм»¹. Мы увидим дальше, что эти идеалистические фразы об отмене необходимости составляют то наследство, которое фашизм принимает от экспрессионизма, чтобы создать систему своей демагогии. (Отметим одновременно, что лучшие писатели из лагеря экспрессионизма, как Бсхер и др., искренно ненавидевшие капитализм, перешли в лагерь революционного пролетариата, коммунизма.)

Обрисованная нами линия развития литературной теории предвоенной империалистической Германии является неполной постольку, поскольку она относится преимущественно к литературе крупных городов, признанной решающими слоями буржуазии. Наряду с этой литературой в Германии всегда существовала открыто реакционная литература буржуазии деревни и провинции.

Правда, империалистическое развитие втягивает оба эти течения в орбиту империализма, однако их раздельность сохранилась. Литература и литературная теория открыто реакционной и отсталой мелкой буржуазии используются фашизмом и подчиняются его влиянию. Главный представитель этих тенденций историк литературы Адольф Бартельс играет в нынешнем национал-«социалистском» движении роль почтенного ветерана. Особой, цельной и оригинальной теории Бартельс не имеет. Основная тенденция у него — реак-

¹ *Pinthus*, S. 402—403.

ционная переработка и модернизация полуреалистических тенденций мелкобуржуазной литературы немецкой провинции. Подобно тому как эта последняя путем восприятия определенных элементов натурализма была модернизирована в «искусстве родины» («Heimatskunst»), то же самое произошло и с теорией Бартельса. Эта теория в политическом отношении восходит к старому гогенцоллернскому патриотизму, и после войны почти целиком вливается в идеологию германских националистов («дейчнационале»).

Наиболее ярким проявлением идеологии последних в области теории литературы является антисемитизм. Писатели исследуются со стороны их еврейского происхождения, и еврейские или полужеврейские писатели из истории литературы изгоняются. Так, Бартельс в первую очередь борется против памяти Генриха Гейне. Бартельс пытается путем стилизации всех слабых сторон выдающихся писателей середины прошлого столетия (Гёббель, Отто Людвиг, Келлер) сконструировать «серебряный век» германской литературы, «послеклассический век», который выставляется как образец для современности. Основной тенденцией Бартельса, выступившего в литературе в 90-х годах, была проповедь «умеренного реализма», т. е. воспевание патриархально-лирических черт провинциальной жизни. Бартельс также выступал против декадентства, он боролся против него с точки зрения «здорового от природы» мелкого буржуа. В числе явлений декаданса он называет наряду с социал-демократией и растущей силой еврейства «возрастающую страсть к наслаждениям, материалистическое воззрение на жизнь также и у образованных людей»¹. По Бартельсу, эти явления представляют собой «последствия капитализма, которые я однако не делаю ответственными за все...» С непоследовательностью мелкобуржуазного эклектика Бартельс рассматривает прославленный «серебряный век» германской литературы одновременно как период раннего декадентства. Точно так же в Шопенгауэре, Вагнере и Ницше он видит, с одной стороны, декадентов, с другой — значительные фигуры в деле обновления «германского духа». Таким образом противоречия германской литературной истории, которые у фашистов эклектически склеиваются, у Бартельса наивно выступают рядом друг с другом. Его борьба против «поэзии асфальта» крупных городов льет воду на мельницу литературной агитации Розенберга и К^о. Но то, что у Бартельса было отчасти мелкобуржуазной иллюзией, отчасти тупой реакционностью,

¹ *Bartels, Die deutsche Dichtung von Hebbel bis zur Gegenwart* B. I, S. 80.

становится у Розенберга сознательно рассчитанной ложью и беззастенчивой демагогией в интересах самых реакционных элементов монополистического капитала.

Развитие литературной теории в послевоенное время по существу принесло с собой лишь дальнейшее расширение уже знакомых нам тенденций. Единственное литературное течение, получившее известное распространение, — «новая предметность» («neue Sachlichkeit») — покоится на весьма эклектическом фундаменте.

Буржуазная литературная теория послевоенного времени приносит с собой нечто новое лишь в том смысле, что она в возрастающей мере фашизируется. Эта фашизация обнаруживается в развитии уже знакомых нам фигур предвоенной эпохи (Стефан Георге, Гундольф и Пауль Эрнст), которые быстро перерабатывают свои теории в направлении фашистского «активизма», а также в эволюции ряда буржуазных философов, которые столь же быстро из неокантианцев преобразуются в фашистских неоромантиков (Боймлер) или неогегельянцев (Глокнер).

Крайне важно также понять, какую роль играют многие из мелкобуржуазных писателей молодого поколения в отношении этого процесса фашизации буржуазной литературы в Германии. Здесь на сцену выступает новый тип идеологов и писателей. Тов. Куусинен в своей речи на XIII пленуме ИККИ правильно обратил внимание на то обстоятельство, что широкие слои германской буржуазии и мещанства благодаря войне и послевоенному кризису потеряли свои материальные, а потому и старые идеологические устои. Эти слои в довоенное время жили в обеспеченных условиях и сохраняли традиционную консервативную идеологию (малые чиновники, служащие, студенты). В этих слоях теперь идет глубокий процесс брожения. Их старый, «прочный», скрепленный традициями мир в период кризиса распался. Послевоенный капитализм наполняет их отвращением и ужасом. Однако единственная общественная сила, которая в состоянии поставить на место загнивающего капитализма новый общественный строй — пролетариат — из-за того, что он был расколот социал-демократией, не смог завоевать мелкобуржуазные массы на свою сторону. Социал-демократия своей политикой прокладывания пути фашистской диктатуре возвела барьер между мелкой буржуазией, с одной стороны, и революционным пролетариатом — с дру-

гой. Общественное бытие мелкобуржуазной интеллигенции, естественно, приводит к тому, что она легко поддается националистической демагогии. Ниболее высокая в интеллектуальном и моральном отношении часть этого слоя усваивает идеологию пролетариата и входит в революционное движение (Шерингер, Людвиг Ренн и др.). Значительная часть остается в плену своей старой идеологии, мечтает о возврате «золотого» времени Гогенцоллернов и примыкает к каждому новому реакционному течению. Но между ними остается широкий слой колеблющихся, которые мечутся между буржуазией и пролетариатом. Эрнст фон Саломон в своем романе «Die Geächteten» дает интересное описание этого слоя и его колебаний. Бодо Узе, бывший приверженец союза «Oberland», ставший затем национал-социалистским редактором, а ныне коммунист, ярко вскрывает в своем автобиографическом романе «Soldner und Soldat»¹, какие препятствия общественного и идеологического характера мешали даже субъективно наиболее честным представителям этого слоя присоединиться или хотя бы близко подойти к революционному рабочему движению. С такой же ясностью он указывает, каким образом эти затруднения и колебания могли быть преодолены.

Из реакционного слоя помещичье-буржуазной интеллигенции в значительной мере рекрутировались в послевоенный период руководящие элементы появлявшихся в изобилии фашистских групп и группок («союзов»). Слои колеблющейся мелкобуржуазной интеллигенции поставляют «массы» в эти группы. Окрашенные в самые различные цвета, одни из них эволюционируют к фашизму, другие ищут путей к пролетариату. Наполовину или целиком интеллигентские фашистские секты играют очень большую роль в выработке фашистской «теории» литературы. Эти фашистские и полуфашистские группы до начала мирового экономического кризиса — за некоторыми исключениями — не примыкали к национал-социализму. После прихода Гитлера к власти эти группы в большей своей части примкнули к национал-«социалистам».

Характерной внешней особенностью идеологии фашистских и полуфашистских групп является их стремление к «синтезу» обоих течений реакционной литературной теории довоенного периода, о которых мы уже говорили выше: к соединению Бартельса со Стефаном Георге, запахов про-

¹ Bodo Use, Soldner und Soldat, Paris 1935.

винциального хлева и берлинских духов, к «синтезу» отсталости и упадка.

По рождению и воспитанию эта часть идеологов мелкой буржуазии принадлежит к тем слоям, с которыми было связано идеализированное Бартельсом провинциальное отсталое «искусство родины». Потеря ими в результате войны и послевоенного кризиса прежней социальной почвы приводит их в соприкосновение с господствующими направлениями литературного развития больших городов, с экспрессионизмом, с «новой предметностью» и др. Стремление к этому «синтезу» отражает состояние социального пессимизма, отчаяния, свойственного представителям этих слоев.

Период общего кризиса капитализма характеризуется ростом недовольства мелкобуржуазных масс эксплуатацией и угнетением их монополистическим капиталом. В период экономического кризиса ограбление масс крупным капиталом проявилось в особенно отвратительных и беспощадных формах. Фашизм спекулирует на этом возмущении. Он развивает безграничную национальную и социальную демагогию для уловления масс. Фашизм умело использует возмущение масс мелкой буржуазии крупным капиталом и факт национального унижения Германии Версалем. Товарищ Димитров говорит в своей речи на VII конгрессе Коминтерна:

«Фашизму удастся привлечь массы потому, что он демагогически апеллирует к их *особенно наболевшим* нуждам и запросам. Фашизм не только разжигает глубоко вкоренившиеся в массы предрассудки, но он играет и на лучших чувствах масс, на их чувстве справедливости и иногда даже на их революционных традициях»¹.

Мелкобуржуазные массы не в состоянии самостоятельно, без руководства и помощи пролетариата, разобраться в истинных причинах своих страданий и в подлинных основаниях своего возмущения и разглядеть своих действительных врагов. Найти *самостоятельно* выход из капиталистического рабства мелкая буржуазия и ее идеологи не в состоянии.

Эрнст Юнгер в своем автобиографическом романе является собой пример шатаний мелкобуржуазного интеллигента. Он отвергает литературу довоенного периода. «Но что нам предлагалось в те годы, когда наша душа испытала первое чувство голода, удовлетворение которого дает содержание всей дальнейшей жизни... Кто указал нам тот великий мар-

---

¹ Димитров, Доклад VII конгрессу Коминтерна, стр. 12.

шрут, по которому мы должны были пойти? Разве немецкое искусство нашего времени выполнило свой долг перед нами?»¹. Повсюду господствовал разум, он господствовал и в искусстве. Но это был тот разум, «который при этом никогда не направлялся на целое». Юнгер прославляет посредственного поэта «искусства родины» Германа Ленса. О его образах Юнгер говорит: «Все глубже, все мечтательнее мы погружаемся в сказки жизни. Мы понимаем, что с нами происходит, как будто мы обрели камень мудрости». Юнгер прославляет настроение деревенской идиллии. С другой стороны он резко отвергает всякий реализм. В «Крестьянах» Бальзака он видит «животную и отталкивающую картину». Точно так же отвергает он и натурализм, добавляя: «Единственное извинение для времени Золя заключается в том, что тогда жил также Гюисманс». Мы видим здесь новый «синтез»: ограниченного, провинциального и реакционного «художника родины» Ленса и рафинированного, кокетничающего католицизмом декадента большого города Гюисманса. Подобный же эклектизм, хотя и менее рельефно выраженный, мы находим и у других писателей этого направления.

Это эклектическое соединение двух реакционных направлений литературы является попыткой части деклассированной мелкобуржуазной интеллигенции разделаться с проблемами гниющего буржуазного общества. В основе этого стремления субъективно лежит отрицание современной культуры капитализма. Но это субъективное отрицание остается целиком в рамках буржуазной идеологии. В области литературной теории этот мнимый радикализм выступает в виде так называемого «разрыва с прошлым». Эти люди воображают, что они уже преодолели капиталистическую идеологию, если выступили со своими фразами за ликвидацию литературного наследия прошлого. Декларируя разрыв с «традиционными» литературными формами, они прокламируют в качестве новой формы, в качестве будто бы уже небуржуазного способа выражения псевдореалистический творческий метод эпохи относительной стабилизации капитализма — «новую предметность».

Эта идеология широко распространена среди «взбесившихся» мелкобуржуазных литераторов как левых, так и правых (она характернее всего выражена в книге Бернгарда фон Брентано «Капитализм и художественная литература»). Юнгер, который в политическом отношении стоит близко

¹ *Junger, Das Waldchen, Berlin 1925, S. 151—157.*

к Шауверкеру¹, перенимает у экспрессионизма эту теорию «новой предметности» и ликвидации старых форм. Он пишет: «Роман», «комедия», «новелла» — эти твердые формы поэтического творчества — должны быть в настоящее время ликвидированы... Письмо, диалог, дневник, собственное переживание в концентрированной форме, сообщение, доклад — во всей этой совокупности получает свое разрешение калейдоскоп нашей жизни... Другими словами, отныне роман не может обладать никакой твердой формой, он не может носить характера крепко сложенного, последовательно развиваемого рассказа».

Этот литературный бунт отдельных мелкобуржуазных писателей используется фашизмом, подчиняющим их своему влиянию. Конечно в период относительной стабилизации, до наступления мирового экономического кризиса, большая часть мелкобуржуазной интеллигенции была, как и другие мелкобуржуазные слои, охвачена иллюзиями и надеждами о возможности улучшения положения страны в рамках Веймарской республики. Эти надежды подогревались стабилизацией марки, улучшением положения германской промышленности, притоком американских кредитов. С началом мирового экономического кризиса эти иллюзии быстро рассеялись. Начало экономического кризиса характеризуется быстрым ростом массового влияния национал-«социализма» среди мелкой буржуазии. Но и в период расцвета иллюзий насчет того, что помощь американского дядюшки улучшит положение Германии, часть мелкобуржуазной интеллигенции начинает тяготеть к фашизму. В области литературы это и находит свое специфическое выражение в распространении псевдореалистических форм под флагом борьбы с традиционными буржуазными литературными формами. Фашизм тянет литературу дальше, в сторону мифологического псевдореализма и антиреализма, прославления реакции и варварства, сознательного или бессознательного маскирования реакции и варварства мифом «национальной революции». «Всякий предчувствует, — писал Шауверкер, — но никто не знает. Всякое знание обманывает, всякое предчувствие гарантирует»².

В процессе фашизации литературной теории особую роль играют те мнимо радикальные принципы, которые были выдвинуты буржуазным искусством в период его разложения.

¹ *Schauwecker*, *Nation und Glaub* schaffen das Werk, *Die Brücke* Beibl. der «*Berliner Tageblatt*», 25/IX, 1932.

² *Schauwecker*, *Einheit aus Gegensatz*, «*Die Literatur*», Juli 1933.

Послушаем например, как Ганс Иост, прежний экспрессионист, а в первый период Гитлера главный директор берлинского государственного театра, обосновывает теорию «радикально новой» драмы. Назначение этой новой драмы Иост видит в том, чтобы устранить старую созерцательную драму и обосновать драму «революционной активности». Прежняя драма — при этом Иост всегда имеет в виду реалистическую драму — была «независима от переживания общности зрителей, или, как я предпочел бы сказать, «зрителей...». «Минна фон Баргельм», «Эгмонт», «Коварство и любовь», «Возчик Геншель» — здесь в реторте театра зрители видят правильно развивающиеся до конца процессы жизни. Сказав «да» после первой сцены, они должны как люди, наделенные логикой, как характеры следовать за всем развитием драмы... Театр прошлого столетия, начиная с Лессинга, был построен на плоской основе рационализма. Театр возбуждает, театр дает вариации к жизненной действительности... Во всяком случае последние слова событий на сцене театра служили последними камнями совершенно законченной, во всем отделанной постройки. Я же выдвигаю требование, чтобы *последний акт грядущей драмы разыгрывался не реалистически*, не субстанционально, не прямолинейно, я вижу драму, которая несет в себе силу, душевную и духовную, способную так овладевать всеми участвующими лицами, чтобы для зрителя конец драмы не был концом, чтобы эта драма начинала в нем действовать подобно элексиру. Чтобы на его переживание упала тень от встречи с *чем-то метафизическим*, которое настойчиво обращается к его личности, требует от него оправдания и не дает ему покоя, пока он не достиг, не нашел разрешения этой встречи и своего освобождения»¹ (подчеркнуто мною. — Г. Л.). Таким образом Иост борется против всей реалистической драмы прошлого, борется за драму, которая требует от зрителей не «одобрения», а «активного участия», которая радикально ликвидирует «буржуазное наслаждение искусством». Существенным содержанием этой «новой» драмы являются смирение и набожность. Окончательное действие новой драмы заключается, по Иосту, в следующем: «Знание вокруг человеческой игры и отклика на нее умолкает, и заговаривает моральное чувство на своем собственном языке, беззвучном, неуловимом и освобожденном от всякой художественной формы, который доступен в одинако-

¹ Johst, Vom neu n Drama im Sammelband «Des deutschen Dichters Sendung in der Gegenwart», herausgegeben von H. Kidermann, Leipzig 1933, S. 206—209. Сборник вышел в свет после прихода Гитлера к власти, но почти все статьи были написаны раньше.

вой мере и ребенку и старику, мудрецу и глупцу, если только в них пробуждена добрая воля. Спасти чистоту и наивность этой доброй воли от глубокого сна, остановить на несколько часов ложь нашей эпохи, чтобы развязать порыв в высь, — вот к чему стремится современный драматург»¹.

Переход от этого «радикального» мистицизма к фашистским мотивам представлен ясно уже Эрнстом Юнгером. Он также исходит из самого радикального иррационализма. Юнгер проповедует «активизм», высшим проявлением которого является война. На основе иррационалистического «активизма» он строит сектантскую «теорию» (на которую оказали сильное влияние социал-демократические «теории» планового хозяйства) о царстве «рабочего как образа», о рождающемся «ландшафте мастерской» и сменяющем его «ландшафте плана». В своем мнимом разрыве с миром «буржуа» он декларирует разрыв со всем прежним искусством. «Без всякого сомнения, — говорит он, — какое-нибудь расписание поездов имеет в настоящее время большее значение, чем новейшее размазывание однажды пережитого в буржуазном романе»². Он отбрасывает не только современное искусство, он отвергает также искусство прошлого как нечто музейное, как «исторический фетишизм». Юнгер выступает с проповедью жертвы и смирения, с требованием иерархии. «Отсюда мы вступили в ландшафт мастерских, который требует от поколения, истощающего в нем свои силы, *жертвы и смирения*. Поэтому необходимо осознать, что в тех формах, которые теперь выступают, нет твердой и недвижной меры и ее не может быть по той причине, что пока идет работа над созданием средств и инструментов, а не форм. Мы пребываем в борьбе и вынуждены заниматься мероприятиями, цель которых *господство*, т. е. *создание иерархического порядка*, законы которого теперь только предстоит развить. Это состояние предполагает простую и ограниченную деятельность, во время которой ценность средств определяется тем, в какой мере они пригодны для борьбы в самом широком смысле слова»³. В полном соответствии с этой концепцией Юнгер рассматривает всякое занятие искусством прямо как государственную измену. Сожжение книг национал-социализмом еще до захвата последним власти

¹ *Johst*, Vom neuen Drama im Sammelband «Des deutschen Dichters Sendung in der Gegenwart», herausgegeben von H. Kindermann, Leipzig 1933, S. 212.

² *Junger*, Der Arbeiter Herrschaft und Gestalt, Hamburg 1932, S. 141.

³ *Ibid.*, S. 208.

уже выдвигалось Юнгером в качестве теоретического требования. «Поэтому в Германии можно с полной уверенностью встречать этих людей искусства в тесном контакте со всеми теми силами, которые носят на лице своем открытую или прикрытую печать измены. К счастью среди нашей нынешней молодежи можно встретить все растущее чутье по отношению к такому контакту, и у нас уже начинают догадываться, что в этом кругу применение абстрактного духа уже носит характер изменнической деятельности»¹. Восхваление варварства прошедшего, настоящего и будущего, начатое Ницше, выступает в фашистской концепции Юнгера как теория варварства. Гитлер и Геббельс дополняют Юнгера тем, что сооружают костры для книг и застенки для писателей,² а также тем, что сектантский фашизм Юнгера у них уступает место декларативно-помпезной и лживой демагогии, имеющей целью удержать массы в колеснице монополистического капитала.

Исходной точкой у всех без исключения фашиствующих групп является «переживание войны». Они прославляют империалистическую войну, поэзию боя, требуют полной милитаризации Германии, «полной мобилизации» (Юнгер). Этот призыв к «активности» контрреволюционных сил прикрывается идеалистической шарлатанской фразой о преодолении «вещественных сил» в капиталистической экономике, оставаясь на почве частной собственности. Пробужденная кризисом капиталистической системы ненависть мелкого буржуа к монополистическому капиталу отводится фашистскими демагогами в русло не опасных для буржуазии и направляемых против коммунизма lamentаций по адресу экономики как «материального воплощения бездушного механического материализма». Эрнст фон Саломон вкладывает в уста героя своего уже ранее цитированного романа следующие слова: «Одной тирании мы никогда не можем подчиниться — тирании экономики; так как она совершенно чужда нашему существу, мы не можем в ней окрепнуть. Здесь мы имеем критерий, который следует знать, не требуя доказательств».

Потерявшего почву мелкого буржуа фашистские демагоги направляют против пролетарской революции. Изолгавшиеся в конце Гитлер, Розенберг и Ко используют именно эти настроения отчаяния мелкого буржуа, раздувая в нем страх перед пролетарской революцией. Этот страх фашизм использует в интересах монополистического капитализма. Для этого фашизм бросает демагогические лозунги «народного единения», которое призвано якобы уничтожить «принци-

¹ Ibid., S. 226—227.

жающее господство экономики». Фашизм использовал растерянность мелких буржуа для того, чтобы на вербовать из них армию наемников, предназначенную для подавления трудящихся монополистическим капиталом. Шатания и колебания мелкобуржуазных идеологов улавливаются идеологами и политиками фашизма посредством звонких демагогических фраз о «стальной романтике» (Геббельс), о «героическом реализме» (Боймлер) и т. д.

Некоторые представители литературной теории послевоенной Германии до мирового экономического кризиса идут еще дальше в прославлении крайне иррационалистической романтики. Если немецкие историки литературы довоенного времени видели в Шлегеле и Новалисе типичных романтиков и следовательно находили в них прообразы неоромантического литературного движения, то Боймлер рассматривает уже эту фазу как рационализм, как поздний отзвук XVIII в. Подлинных романтиков он видит в позднейших чистейших иррационалистах и обскурантах — в Адаме Мюллере и Герресе.

Буржуазная литературная теория на этой ступени своего разложения еще решительнее отвергает теорию «подражания природе». Фашистская демагогия включает в себе и разнос реализма. Реализм в поэзии, поэтическое отображение действительности, рассматривается как противоположность истинной поэзии. Известный новеллист Вильгельм Шефер¹ видит в реализме источник или по меньшей мере главное средство распространения крупнейшего зла в области литературы, «обуржуазивание» ее, превращение в товар. Литератор капиталистической эпохи «изготавливает свою мнимую поэзию, как товар, и превращает ее в современное предприятие для извлечения прибыли... Чтобы прикрыть свое коммерческое предприятие, он делает смелое применение из формулы датского принца: оно должно сделать для нас приемлемым и его плохо перебродившие вина». Намеком на датского принца заканчивается polemica Шефера против идеи поэтического отображения действительности, которую Шекспир устами Гамлета формулирует следующими словами: «Держать перед собой зеркало, отражающее природу». Шефер видит в этой формуле опасное посягательство на свободу поэта «петь подобно птице». Он противопоставляет шекспировской формуле свою собственную: «Итак, мы можем попытаться заменить неправильную и опасную формулу Шекспира своей собственной формулой: не зеркало держит в своей руке поэт, чтобы показать поколе-

¹ Schafer in Kindermanne Sammelband, S. 45.

нию своей эпохи в нем отраженный образ, но в нем действительно проявляется творческая воля народа к заполнению чувственными образами своей жизненной сферы»¹.

Отвергая всякое поэтическое отображение действительности, современные реакционеры от литературы отвергают и актуальность в литературной тематике. Так например вышедший из круга Гауптмана и чествуемый фашизмом новеллист Герман Штер отвергает всякую актуальность в литературе. «Истинный поэт, — пишет Штер, — не общественный критик, не революционный рапсод или драматург».

На почве «антиэкономического» идеализма у более молодых писателей реакционного лагеря складывается уже прямо национал-«социалистская» идеология. По мнению например Фридриха Шрейфогеля, не «последующий рассказ о происходящем», но «предвосхищенное переживание грядущего» — вот в чем заключается задача поэзии. Из отбрасывания реализма, всякой конкретности и актуальности выводится затем полное подчинение воле фашистского диктатора, «вождя». «Его (поэта) актуальность, — пишет Шрейфогель, — поэтическая актуальность, есть не отображение актуального, не рассказ об актуальном, а своевременное предчувствие... Поэзия никогда не питается тем, о чем все говорят, она одушевляется тем, что вдохновляет вождей как предчувствие будущего. Настоящее переживается как отображение и действительность, будущее — как надежда и мечта»² (подчеркнуто мною. — Г. Л.). С такими воззрениями эти литераторы становятся в ряды «национал-социалистской революции». Вражда к трудящимся — характерная черта фашистской идеологии, — вот что пронизывает приведенные нами положения этих, как и многих других, фашиствующих писателей.

Кризис послевоенного капитализма вызвал, как мы видели, большое брожение в литературе и литературной теории Германии. *Героическая борьба, которую ведет под руководством германской коммунистической партии революционный пролетариат, находит свое отражение в литературе в виде роста и укрепления пролетарской революционной литературы, оказывающей все большее и боль-*

¹ Ibid., S. 13—14.

² Schreyvogel, S. 260—261.

шее влияние на лучшие элементы из мелкой буржуазии. Однако более значительная часть приведенной в движение мелкобуржуазной интеллигенции колеблется и попадает в сети фашистской идеологии и демагогии. Общий процесс фашизации Германии является вместе с тем процессом фашизации литературы и литературной теории. Это выражается не только в усиливающемся стеснении всякого свободного выражения мысли (постановления о печати, преследования, изгнания, заключение в тюрьмы оппозиционных писателей и пр.), но вместе с тем и в фашизации идеологии, в фашизации литературы как со стороны содержания, так и со стороны формы. Литературная политика реакционных теоретиков и вождей социал-демократии содействует этому процессу фашизации, как и во всех других областях.

Литературные теоретики и критики из социал-демократов на всем протяжении послевоенного периода, как и раньше, плетутся в хвосте у теоретиков и критиков буржуазного направления. Критикуя и фальсифицируя учение марксизма, внося в рабочее движение дух филистерства, мещанства, измены коренным интересам пролетариата, подавляя революционную инициативу и героизм масс, эти реакционные теоретики социал-демократии расчищали почву фашистской демагогии против марксизма.

Самый обскурантский фидеизм и агностицизм, выпренный и лживый культ вождей фашизма, дикий шовинизм, проникающий во все области идеологии наряду с самой бесшабашной социальной демагогией, — вот что несет с собою фашистская реакция в области идеологии вообще и в области литературы в частности. Фашистская реакция несет ликвидацию лучших традиций и достижений литературы, борьбу против остатков буржуазного реализма и развивающегося социалистического реализма.

Официальная литературная «теория» германского фашизма выступает в качестве наследника всех реакционных тенденций, всякого обскурантизма, реакции и варварства. Поэтому литературная «теория» германского фашизма не создает никаких «новых идей», лишь эклектически соединяя обломки старых «теорий». Характер фашистской реакции в литературе определяется историческими условиями возникновения фашизма, реакционной ролью фашизма в истории.

«Приход фашизма к власти, — говорит т. Димитров, — это не обыкновенная замена одного буржуазного правительства другим, а смена одной государственной формы классового господства буржуазии, буржуазной демократии, другой его формой — открытой террористической диктату-

рой»¹. Из этого основного тезиса безусловно должна исходить критика фашистской литературной теории. Но этим тезисом, разумеется, не снимается связь между пришедшим к власти фашизмом и теми реакционными течениями прошлого, которые подготовили ему путь. Тов. Димитров указывает также, что «...до установления фашистской диктатуры буржуазные правительства обычно проходят через ряд подготовительных этапов и осуществляют ряд реакционных мероприятий, помогающих непосредственно приходу фашизма к власти»². Такой же процесс подготовки протекает и в литературе и литературной теории.

Фашизм как открытая террористическая диктатура финансового капитала использует отчаяние потерявшей почву мелкой буржуазии как рычаг для организации армии наемников в целях подавления революционного рабочего движения и подготовки новой мировой войны. Идеологи фашизма используют в целях контрреволюции смутные надежды и иллюзии мелких буржуа о выходе из капиталистической нищеты и морочат их лживым призраком Третьей империи, «народного единения», «немецкого социализма». Они используют частнособственнические инстинкты, религиозные, а не истинно шовинистические предрасположения и мелких буржуа и направляют их против революционного рабочего движения, демагогически и лживо изображают марксизм «продуктом капитализма» и возлагают на него ответственность за веймарский режим, за Версальский мир. Они, как указывал т. Димитров, пытаются играть и на лучших чувствах масс, на их ненависти к капитализму и т. д. Для этой цели они собирают и приводят в систему все методы буржуазного обмана и создают «систему» своей демагогии.

Как и в других идеологических областях, работу по созданию фашистского «мировоззрения» в области теории литературы и эстетики взял на себя главным образом идеолог германского фашизма Розенберг. И так же как в других областях, его «вклад» заключается лишь в том, что он эклектически склеивает самые реакционные буржуазные и помещичьи идеи в нацистско-«социалистскую» расовую «теорию».

Никакой научной литературной теории Розенберг не создает и создать не может. Как и в других идеологических областях, Розенбергу принадлежит лишь то, что он вводит

---

¹ Димитров, Наступление фашизма и задачи Коммунистического интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма, Партиздат, 1935, стр. 10.

² Там же, стр. 11.

в эстетику расовую «теорию» и кладет ее в основу всего истолкования литературы и искусства. Мы уже видели, что открытый антисемит Адольф Бартельс также орудовал расовой теорией. Но для нужд фашизирующей буржуазии бартельсовские воззрения были слишком элементарны, простоваты. Тут требовалась гораздо большая доза лжи, коварства и яда, по сравнению с которой довоенный антисемитизм был недостаточным средством. Поэтому Розенберг был вынужден, с одной стороны, поддержать и сохранить эту концепцию Бартельса в ее примитивной грубости, так как это отвечало уровню шовинистически настроенного мелкого буржуа, но вместе с тем и соответствующим образом модернизировать ее на основе пройденного буржуазной философией процесса фашизации (Шпенглер, Клагес, Боймлер и др.). При этом были позаимствованы некоторые принципы из экспрессионизма, «новой предметности». Так возникла у Розенберга «система», которая еще более эклектична и просто бессвязна и отличается еще большей реакционностью, чем те тенденции его предшественников, которые он объединяет.

Исходным пунктом розенберговской «эстетики» является «расовый» идеал красоты. Этот идеал он рассматривает как новое открытие национал-«социализма». Он говорит: «Почти все философы, которые писали об эстетическом состоянии или об оценках в искусстве, прошли мимо факта существования расового идеала красоты в физическом смысле и связанной с расой же высшей духовной ценности»¹. Ссылки на роль расы в истории идеологии однако совсем не новость. Еще Плеханов указывал, что эти ссылки — старый хлам и используются для того, чтобы прекратить «...исследование как раз там, где оно должно было бы начаться. Отчего история французской поэзии непохожа на историю поэзии в Германии? По очень простой причине: темперамент французского народа был таков, что у него не могло быть ни Лессинга, ни Шиллера, ни Гете. Ну, благодарим за объяснение; теперь мы все понимаем»².

Рассуждения фашистских расовиков в Германии ниже уровня даже и подобного рода объяснения, представляя самый махровый антисемитизм. Вновь обретенный Розенбергом ключ к разрешению всех загадок искусства и литературы прошлого и настоящего он иллюстрирует тем примером, что у Гомера и в других произведениях греческой поэзии герои и боги представлены в виде блондинов.

¹ *Rosenberg, Der Mythos des XX. Jahrhunderts*, S. 263.

² *Плеханов, Соч.*, т. VIII, стр. 256.

«Но в лице Терсита появляется враждебный «светло-волосому герою» мрачный и безобразный предатель, явное воплощение шпиона Передней Азии в греческом войске. Это — предшественник наших берлинских и франкфуртских пацифистов»¹.

Вся история человечества изображается фашистами в извращенном виде, в виде расовой борьбы. Для того чтобы возмущение мелких буржуа не обратилось против их действительного врага, против монополистического капитализма, их натравливают против «евреев», в действительности против всех трудящихся, против пролетариата. «Евреями» фашисты, раскрывая тем самым классовый характер своей демагогии и лжи, объявляют прежде всего марксистов, коммунистов, тех, кто за диктатуру пролетариата.

Решающим признаком еврейской «расы» по этой «теории» является, разумеется, материализм. «Еврейское искусство» никогда не являет собой ни личного, ни действительно предметного стиля, а обнаруживает только техническое умение и субъективную шноровку, ориентированную на внешнее действие: оно в большинстве случаев связано с грубо чувственными воздействиями, если не целиком проникнуто безнравственной установкой»². Примером служит литература всех евреев, «...начиная... с дышащих местью псалмов, которые только благодаря поэтической обработке Лютера часто звучат так красиво... и кончая подлым Генрихом Гейне».

Эта черносотенно-погромная антисемитская «эстетика» «расовой красоты» с помощью совершенно софистических приемов пристегивается к кантовской эстетике. Само собою разумеется, что крайний субъективист и мистификатор Розенберг в искустве не в состоянии увидеть ничего объективного; он исследует только всеобщую значимость суждений вкуса и при этом присоединяется к некоторым положениям Канта. Он принимает кантовскую «целесообразность без цели», формулируя ее гораздо формальнее и субъективнее, чем это делает сам Кант, и присоединяя в качестве «реальной основы» расовый момент: «Из кантов-

¹ Rosenberg, Der Mythos des XX Jahrhunderts, S. 267.

Для характеристики наезднического невежества и безграничного нахальства, с которым Розенберг разрешает исторические проблемы, приведем здесь место, где он объявляет Сократа... интернациональным социал-демократом: «Сократ жил после крушения афинской расовой демократии, следовательно он был интернациональным социал-демократом того времени» (ibid., S. 260).

Таковыми перлами кишит вся книга Розенберга. Она — показатель того уровня, на котором находится вся фашистская литература.

² Rosenberg, Der Mythos des XX Jahrhunderts, S. 344—345.

ского основоположения вытекает сейчас для нас следующий конечный вывод: притязание на «всеобщую значимость» суждения вкуса вытекает лишь из расового народного идеала красоты и распространяется лишь на те круги, которые сознательно или бессознательно несут в своем сердце одинаковую идею красоты»¹.

Розенберг развивает Канта в направлении обскурантского мистического релятивизма. Уже неокантианство, как это неоднократно доказывал Ленин, «очистило» Канта от всех его колебаний в сторону материализма. Розенберг же облачает Канта в коричневый мундир.

Но в границах единственно способного к творчеству «арийского культурного мира» Розенбергу необходимо еще отвести особое место для немецкого искусства и литературы. Он это делает посредством грубо эклектического объединения и вульгаризации буржуазных теорий искусства империалистической эпохи. Это сводится у него кратко к следующему: «Красота, обусловленная расой как внешняя статика северной расы, — это греческий мир; красота собственно расовая как внутренняя динамика — это запад севера»². Здесь «объединены» «теория» готики Воррингера и «фаустовский круг культуры» Шпенглера. К единственному духовному достоянию самого Розенберга относится лишь тот поистине шутовской пример, которым он иллюстрирует противоположность в рамках «расовой красоты севера». «Лицо Перикла и голова Фридриха Великого — это два символа диапазона расовой души и идеала красоты, первоначально тождественного в расовом смысле». Розенберг не нашел ничего лучшего, чем физиономия «старого Фрица», для того чтобы охарактеризовать свой «германский» идеал красоты.

Розенберг берет в качестве основы эстетики «эстетическую волю». «Отрицание этой воли является может быть самой позорной страницей немецкой эстетики»³. Эта теория воли, с одной стороны, позволяет ему найти у Канта романтическую теорию полярности и ведет его через теорию «полярности субъекта и объекта» (концепция, которая сближает Розенберга также с махизмом) назад к Шопенгауэру. Само собой разумеется, что «душе» Розенберга весьма близка гносеология субъективного идеализма, как и мистико-рационалистическая теория воли. Но интересно то, что Розенберг при анализе теории воли Шопенгауэра

¹ Rosenberg, Der Mythos des XX Jahrhunderts, S. 285.

² Ibid., S. 276.

³ Ibid., S. 297.

наталкивается на трудности, возникающие для фашистской «теории активности». Исходя из потребностей фашистского террора и демагогии, Розенберг подчеркивает значение воли, активности, динамики. Однако он прекрасно понимает, что действительная активность масс неизбежно принесла бы в конце концов смерть фашизму. Поэтому он исправляет Шопенгауэра, различая волю и влечение. Воля — это нечто идеалистически сверхчувственное, влечение — это нечто чисто чувственное. И человек — полярное единство этих двух принципов. «Воля является всегда противоположностью влечению и с ним не *идентична*»¹.

Воля представляет собою противоположность всякому стремлению, направленному единственно к самосохранению, напротив, инстинктом «обозначается сущность эгоизма». Здесь мы опять встречаемся с известной схемой фашистской демагогии. Розенберг различает волю и инстинкт, подобно тому как он проводит различие между «творческим» и «хищническим капиталом», между арийцем и сирийским человеком низшей породы, между национал-«социалистской» «народной общностью» и «иудейско-либеральным марксизмом». «Эстетика» Розенберга возвеличивает сверхчувственную волю как основу «героического реализма», жертвенной преданности «народной общности». Фашизм борется огнем и мечом, с помощью застенка и концентрационного лагеря с «эгоизмом», с «чисто чувственным инстинктом масс», т. е. с их сопротивлением наемному рабству. Фашизм вопит демагогически о «жадности рабочих» (как выражается Лей), подавляя борьбу рабочих против снижения и без того нищенской заработной платы. Фашизм хочет бросить трудящихся в мясорубку новой империалистической войны и заставить их жертвовать собой для увеличения прибылей финансового капитала. Отсюда фразы о героизме и т. д.

У Розенберга нигде нет и тени научного метода доказательства, ибо науку он заменяет «мифом». Следуя общим агитационным приемам фашизма, он облачает свои «теории» в формы высокопарных прокламаций. Функция воли, пишет Розенберг, заключается в разрешении центральной проблемы «национал-социалистской эстетики»: «пережить миф и создать новейший тип человека»². Таким образом, по фашистскому рецепту, одна недоказуемая бессмыслица счастливо «доказывается» с помощью другой бессмыслицы.

Весьма характерно, что Розенберг пытается найти у Шопенгауэра орудие для маскировки фашистской лжи в

¹ Ibid., S. 316.

² Ibid., S. 454.

искусстве под реализм. «Шопенгауэр стоит между догматическим реализмом и догматическим идеализмом; он не исходит ни исключительно от субъекта и ни исключительно от объекта»¹. Далее Розенберг заявляет о своем намерении бороться как против идеализма, так и против натурализма. «Принятое деление на идеалистический и натуралистический стиль не выясняет формальной стороны и не является плодотворным в каком-либо другом отношении. Ибо германское искусство всегда было и тем и другим... Европейское искусство никогда не было «идеализацией»... вернее сказать, путь формирования западных художников шел *через самую природу*. Еще до того как природа была преодолена, она получила свое выражение»². Эта псевдо-реалистическая маскировка реакционного идеализма у Розенберга очень прозрачна. Она покоится на мистическом отождествлении искусства и природы в духе «философии жизни», первые следы которого встречались уже в воззрениях представителей немецкого натурализма. Приобретший впоследствии большое влияние фашистский идеолог Меллер ван дер Брук уже в довоенное время формулирует этот философский поворот к псевдореализму, который вместе с тем является законченным мистицизмом. «Активизм», мифотворчество, социальная и национальная демагогия фашизма неизбежно приводят к тому, что центральным лозунгом, выдвигаемым Розенбергами и Геббельсами для искусства, становится «динамическое» воплощение мифа, «стальная романтика».

«Эстетика» Розенберга представляет собой пропаганду расового шовинизма и империалистической идеологии, использование для этого старого доморощенного антисемитизма Бартельса и крайне субъективистских современных литературных теорий деклассированной интеллигенции послевоенного времени. В его «концепции» северогерманского искусства перемешиваются откровенное признание современного декадентства и пошло лицемерное восхваление древнегерманских добродетелей, мужества, героизма, чести и верности, истерическое восхваление религиозного характера искусства.

Поэтому нас не может удивить тот факт, что Розенберг, почти так же как либерально-буржуазные литераторы, с которыми он в других случаях ожесточенно борется, видит сущность германского искусства в чувстве одиночества. Он пишет: «Чувство одиночества и бесконечности несом-

¹ Rosenberg, Der Mythos des XX Jahrhunderts, S. 305—306.

² Ibid., S. 328.

ненно также является признаком западного духа»¹. Отсюда он приходит к исключительно восторженной оценке типов Достоевского. Но среди этого упоения он внезапно открывает, что эти герои и их поступки вовсе не отвечают «расовому» северогерманскому идеалу, отнюдь не являются воплощением идеала «чести и верности». Он спасается от этого противоречия тем, что без оглядки бросается в теорию «искусства ради искусства». Так, он следующим образом резюмирует свои мысли о Достоевском: *«Однако мы должны почувствовать не отдельных героев или жертвы, но ту силу, которая их создала... Алеша, Дмитрий или Иван Карамазовы не интересуют меня как сила; меня интересует не та субъективная цель, которая двигает каждого из них на его чрезвычайно запутанных путях, а внутреннее органическое творчество, которое становится видным сквозь человеческое существо поэта и таким образом прокладывает путь к нашему сердцу. Нужно ли рассматривать самые образы как жизненные идеалы — это совсем другой вопрос»*².

Это признание Розенберга ярко разоблачает всю лживость его «эстетики». Во-первых, оказывается, что вся его так называемая борьба против «буржуазного декадентства» литературы больших городов является лишь демагогической фразой, так как он сам со всей своей эстетикой по уши погряз в том же декадентстве и является его типичным представителем. «Борьба» Розенберга против «буржуазного декадентства» является «образцом» фашистской «антикапиталистической» фразеологии. Эта фразеология является по сути дела защитой загнивающего монополистического капитализма с помощью маскарада «критики» культуры. Во-вторых, указанное признание разоблачает ценность розенберговской «эстетической воли»: как только Розенберг обращается к какому-либо конкретному явлению из мира искусства, он вынужден прибегать к той же реакционной и весьма вульгарной концепции искусства ради искусства, которой он вначале объявляет самую «решительную» войну. В-третьих, это собрание поверхностно склеенных противоречивых утверждений является неизбежным идеологическим костюмом фашистской идеологии: «германский реализм», «германская честь и верность» воителей в будущей империалистической войне лучше всего расцветают в этом мистическом, непроницаемом для мысли тумане. «Героический реализм» в литературной области является прежде всего фразой, затемняющей сознание масс пропагандой слепой покорности и готовности стать жертвой новой крова-

¹ Ibid., S. 366.

² Ibid., S. 386.

вой империалистической бойни, подготовляемой германским фашизмом. «Политический солдат» Боймлера — это тот же воспитанный в слепой дисциплине прусский солдат, обработанный национальной и социальной демагогией и взнузданный для выступления против собственных интересов. Разница лишь та, что идеологическая его обработка производится, в соответствии с изменившимися условиями, новыми методами. «Героизма» фашизм требует от трудящихся масс и в повседневной жизни: «героически» работать на капиталистов, не волноваться из-за заработной платы, налогового бремени и других подобных вульгарных вещей, достойных лишь «человека низшей природы», подчинять «личную пользу» «общей пользе», а в действительности классовые интересы трудящихся интересам монополистического капитала, — такова классовая суть фашистских фраз о «героизме». Гимн, воспеваемый Розенбергом кулацкому роману Кнута Гамсуна «Благословение земли», — пример пропаганды подобного рода «героизма». «Неведомо зачем крестьянин Исаак с таким трудом раскорчевывает кусок за куском землю в забытой богом стране. Но Исаак следует какому-то неизъяснимому закону, он несет плодотворный труд, будучи движим мистической древней волей, и, стоя у последней грани своего существования, наверное сам с удивлением оглядывается на плоды своего труда. «Благословение земли» — это современный большой эпос северной воли в ее вечной форме, это героизм, творимый также за деревянным плугом, это плодотворность каждого напряжения мускулов, это прямолинейность, устремленная в неизвестную конечную точку»¹.

Все противоречия розенберговской «теории эстетики» находят у него весьма простое «разрешение» в требовании религиозного характера искусства. Он снова совершенно забывает о своих собственных чисто эстетических увлечениях и выносит следующий «приговор» всему развитию искусства новейшего времени. «Так пошла Европа и физически подчинила мир и вселенную. Но духовное искание, которое могло быть не религиозным, а только римско-иудейским, перенесло центр тяжести с религиозной на художественную волю». Стремление спастись из этого положения яснее всего, как думает Розенберг, у Рихарда Вагнера, который отчасти достиг спасения. «Вагнер тосковал о народном искусстве, как о символе. Общность истока разобщенных искусств возвещала ему новую эпоху... Искусство в качестве религии — вот чего желал некогда Вагнер. Рядом с Ла-

¹ *Rosenberg, Der Mythos des XX Jahrhunderts, S. 414—415.*

гардом он один боролся против всего буржуазного, проникнутого духом капитализма мира Альберихов, и он чувствовал в себе вместе с талантом также и миссию служения своему народу... Он хотел создать новый мир и предчувствовал утреннюю зарю вновь зарождающейся жизни¹. Таким образом реакционная романтика Вагнера, которую в свое время даже Ницше сильно осмеивал, становится для Розенберга высшей точкой всего предыдущего развития европейского искусства и вместе с тем предшественницей фашистского религиозного искусства.

Фашизм и здесь объединяет все самые реакционные тенденции предшествующего периода развития буржуазного искусства, превращая их в варварское фиглярство. Самые безобразные сцены из представлений «Парсифаля» в вагнеровском театре в Байрейте² далеко превзойдены обскурантской театральной инсценировкой Третьей империи.

С позиций расизма и махрового антисемитизма Розенберг отвергает современную литературу. Его «критика», как мы уже могли видеть из его замечания о Гейне, составляет часть социальной демагогии германского фашизма. «Мировой город начал свое дело уничтожения расы. Ночные кафе человека асфальта превратились в мастерские художников, теоретическая ублюдочная диалектика сделалась молитвой, сопровождающей все нарождающиеся «течения». Вертелся хаос из немцев, евреев, отчужденных от природы людей улицы. Результатом было искусство метисов»³. С этой «позиции» Розенберг отвергает все современное литературное развитие — Томаса Манна, Гергардта Гауптмана и др. Но очень характерно, что его безусловный приговор осуждения относится только к натурализму и к позднейшим наслоениям реалистической литературы. Правда, у него встречаются фразы, направленные против экспрессионизма, но при этом он признает в нем «честное искание».

А для «новой предметности» он находит даже патетические фразы, видит в ней начало нового стиля. С другой стороны, он перенимает у Бартельса идеализацию позднейшей провинциальной романтики — Раабе, Шторм, Мерики и др. Положительный отзыв он дает лишь о трех современных писателях — о германских фашистах Гансе, Гримме и Е. Г. Кольбенгейре, а также, как мы упоминали выше, об иррационалистическом и кулацком романе Кнута Гамсуна «Благословение земли».

¹ Ibid., S. 419.

² После франко-прусской войны Вагнер основал собственный театр в Байрейте, маленьком городке Баварии, где ежегодно ставил свои оперы.

³ *Rosenberg, Der Mythos des XX Jahrhunderts*, S. 280 — 281.

Эта эклектическая смесь противоречивых тенденций и идей отражает разнородность массовой основы фашизма. Демагогические попытки свести противоречивые классовые интересы агитаторскими приемами к одному знаменателю составляют к настоящему моменту единственный «теоретический вклад» германского фашизма. Достигший власти гитлеровский фашизм довел до последней черты реакции и мракобесия буржуазную теорию литературы. Противоречивые идеи, которые Розенберг склеил вместе, в отдельных дискуссиях часто вступали в резкое взаимное столкновение. Особенно сильная борьба шла вокруг вопроса о ценности экспрессионизма как полученного фашизмом наследства. Мелкобуржуазная молодежь, недовольная тем, что гитлеровский режим не выполнил своих шарлатанских обещаний, подчас видела в экспрессионизме средство для выражения своих обманутых надежд, для выражения мелкобуржуазной идеологии «второй революции». Розенберг однажды назвал сторонников экспрессионизма молодчиками Отто Штрассера в искусстве. Однако общая линия литературной теории и здесь идет в направлении софистического «примирения» и «разрешения» противоречий. Официальный фашистский историк литературы Линден желает в экспрессионизме резко разделить «духовно здоровых вроде Тракля, Штадлера, Геймеля от ненастоящих заик и людей притворного экстаза»¹. Точно так же профессор Шардт борется против всякого реализма как ненемецкого явления и спасает экспрессионизм тем, что превращает его в вечную категорию «готически-фаустовской воли к бесконечному». Линия этого экспрессионизма идет от Вольтера фон Фогельвайде и наумбургской пластики через Грюневальда к Стефану Георге, Нольде и Барлаху. Линден также увековечивает экспрессионизм и разжигает его своей «теорией» литературы: «Поэзия — это преображенное выражение переживания общности, вытекающего из религиозного источника»². Поэт — пророк человечества и в особенности пророк своего народа; его определяющим внутренним переживанием является встреча с великими судьбами его народа и открывающимся в них божественным духом мира.

Отход от реализма проявляется здесь в самой крайней степени; художественное изображение действительности уступает место крикливой и лживой фашистской пропаганде, и вся история и литература извращаются в духе это-

¹ *Linden, Aufgaben einer nationalen Literaturwissenschaft, München 1933, S. 52.*

² *Ibid., S. 19.*

го «расового искусства» «германского мира». К такому же эклектическому решению приходит Геббельс. Он подходит к вопросу «исторически». «Экспрессионизм имел здоровые наслонения, так как самая эпоха имела в себе нечто экспрессионистское»¹. Геббельс находит кое-что правильное в «новой предметности». Он также отбрасывает целиком только натурализм, который «выродился в изображение среды и в марксистскую идеологию». Таким образом в фашистской литературной теории и литературной практике господствует *варварская беспринципность*, при которой однако политическую линию выдает полный *отказ от всякого реализма*, растущий страх перед всяким литературным выражением недовольства обманутых масс и *истерическая национальная и социальная демагогия*.

Но характерно то, что экспрессионистское наследство воспринимается, хотя и условно, лишь теми вождями национал-«социализма», которые сами вышли из деклассированной интеллигенции послевоенного периода. Позиция самого Гитлера отличается еще более грубо воинственным примитивизмом и варварством. Гитлер во всех направлениях современного искусства видит исключительно декадентство, упадок, «большевизм в искусстве»².

В то время как у идеологов типа Геббельса преобладают фразы об «обновлении культуры» национал-«социализмом», которые, правда, быстро истощаются, по мере того как среди введенных в заблуждение масс возникает какое-либо серьезное движение (идея «второй революции»), Гитлер в своей книге цинично проповедует диктатуру монополистического капитализма, господство прусско-юнкерской «традиции» и слепую покорность. Варварству настоящего должно, по мнению фашистов, в точности соответствовать варварство в прошлом. Фашистские «историки» литературы угрожают «заново» написать историю немецкой и даже всемирной литературы и показать при этом такой путь развития, который с самого начала телеологически ориентировался бы на появление освободителя северогерманской расы — Адольфа Гитлера. При этом перенимаются чисто прусские приемы фальсификации и лжи, свойственные уже истории литературы бартельсовского типа. Простое вычеркивание неудобных прогрессивных или революционных писателей (Гейне, Георга Форстера и др.) оказывается уже недостаточным. Одновременно делаются попытки превратить в предшественников фашистского иррационализма тех пи-

¹ Геббельс, Речь к писателям и художникам 9 мая 1933 г.

² Hitler, Mein Kampf, B. I, München 1934, S. 287.

сателей, которые имели хотя и путанную в соответствии с уровнем развития тогдашней Германии, но прогрессивную или революционную идеологию. Так, национал-«социалисты» пытались опозорить своими восхвалениями память о Фридрихе Гельдерлине и Георге Бюхнере (извращая Гельдерлина, фашистская «история» литературы идет по следам Дильтея и Гундольфа и рассматривает его как предшественника Ницше). У историка литературы Цизарца Шиллер оказывается исходным пунктом процесса преодоления рационализма — процесса, который достиг высшей точки в лице Ницше; а другой историк литературы, Фабрициус, уже прямо делает из Шиллера предшественника Гитлера.

Но центральным пунктом в фальсификации истории литературы фашистскими историками литературы являются выявление и пропаганда всех реакционных тенденций, которые когда-либо выступали в истории немецкой литературы и особенно в послевоенный период. Линден только продолжает разработку теорий Боймлера, когда противопоставляет раннему романтизму романтизм в его высшей форме, «высокий романтизм» периода 1802—1816 гг., т. е. периода самых худших сикофантов реставрации — Адама Мюллера и Герреса, которые по своему духовному уровню стояли намного ниже французских и английских идеологов реставрации. «Этот высокий романтизм... борется за новое обоснование немецкого духа в национально-религиозном смысле. Этот романтизм борется за новую общественную форму. Своим острым разумом, ясно проникающим в действительность, он видит, что старый общественный порядок — накануне своего разрушения, что растущее развитие техники и капитализма грозит полностью обезличить и обездушить машинного человека, осужденного на разделение труда. С неумолимой резкостью он констатирует механизмирующее влияние голого экономического образа мышления, в котором гибнут все истинные человеческие ценности. Этим самым романтизм борется за *органические религиозные ценности человечества*, идейную систему которых создал немецкий идеализм, исходя из подлинно германского духа. Новая форма общественной связи — *социализм, основанный на религии* и коренящийся во всей целостности народа, — подготовлена в произведениях Адама Мюллера, Арнима, Баадера... В этой государственной и общественной системе романтизма, в его высшей форме, немецкий идеализм поднялся на вершину своего духовного значения»¹ (подчерк-

¹ Linden, Aufgaben einer nationalen Literaturwissenschaft, München 1933, S. 48—49.

нуто мною. — Г. Л.). Итак, Геррес и Адам Мюллер — это телеологическое завершение «еще не раскрытых» Гете и Шиллера (о Лессинге Линден даже не упоминает). Точно так же, делая «всемирноисторический» обзор, Линден видит в Муссолини осуществление дантовской мечты «об избавителе Италии, который железной рукой выметет с гумна мякину выродившихся соотечественников и построит новое царство силы и справедливости»¹. По Линдену, всемирная история обнаруживает два противоположных течения: для западно-европейского духа — это Ренессанс и Просвещение; западно-европейский дух через Просвещение попадает в «болото» рационализма. На эти два течения «немецкий дух» ответил по-германски, иррационалистически — ответил Реформацией и немецким идеализмом, который согласно «теориям» фашизма достигает своей вершины в самом обскурантском, реакционном «высоком романтизме». История литературы фальсифицируется и изображается как предистория Третьей империи.

Чем сильнее выступают наружу существенные черты фашизма как открытой террористической диктатуры наиболее реакционных элементов буржуазии, тем бессодержательнее становятся демагогические фразы фашистской литературы и ее литературной «теории». Было бы конечно ошибкой думать, что вследствие обостряющихся противоречий фашистской диктатуры, саморазоблачения фашизма и роста революционных настроений в массах последний утратил способность к литературному маневрированию. Попытки подобного маневрирования не прекращаются, и литература широко используется в социальной демагогии фашизма. Пример этого мы видим в романе Караша «Партийный товарищ Шмидеке» («Parteigenosse Schmidecke»), в котором изображен один из заводов в Третьей империи. Здесь показывается, что «капиталистический дух» еще живет в отдельных капиталистах и что это приводит к несправедливому обращению с рабочими. Но достаточно было только появиться сыну директора, фашисту, чтобы директор осознал свои обязанности как уполномоченного «народной общности», чтобы дурные надсмотрщики были уволены, чтобы «капиталистический дух» был изгнан с завода и появилось «новое» правление, в которое вошли новообращенный директор, его сын-«избавитель» и «пролетарский борец» Шмидеке. От описания того, как выглядит завод после пришествия «немецкого социализма», автор воздерживается.

При сравнении этого демагогического лубка с теми произведениями, которые были написаны писателями напо-

¹ Hitler, Mein Kampf, B. I, München 1934, S. 24.

ловину или вполне фашистскими до захвата власти Гитлером (с произведениями Фаллада, Саломона и даже с романом Гримма «Народ без пространства» — «Volk ohne Raum»), нетрудно увидеть, что всеобщая варваризация убивает даже фашистскую литературу или литературу, сочувствующую фашизму.

Эта литература занималась реальными проблемами общественной жизни Германии, хотя часть писателей (Фаллада, Саломон и др.) трактовала их путанно, а часть (Гримм) демагогически извращала их. Особое положение германского предвоенного империализма, не получившего при грабеже колоний такой «доли», которую он в 1914—1918 гг. надеялся получить военной силой, разгромив империализм Англии, Франции и России, было одной из важнейших причин войны. Но поражение германского империализма в 1918 г. нанесло удар этим мечтам. Этим проблемам посвятил Гримм свой роман «Volk ohne Raum» (1926 г.). Демагогия заключается уже в самом названии романа и проходит через весь роман. Гримм изображает поражение Германии в войне и Версальский договор единственной причиной безработицы, кризиса мелкого крестьянства, разорения ремесленников и т. д. Чтобы ликвидировать все это, надо, оказывается, спасти германский империализм и устранить классовую борьбу пролетариата. Немцы, буржуазия и пролетариат одинаково, в изображении Гримма, — «пролетарская нация», англичане, опять-таки как буржуазия, так и пролетариат, — буржуазная нация. Здесь нет никакой классовой борьбы, там ее не может и не должно быть. На этой демагогии Гримм строит весь свой роман и, естественно, должен переходить от одной лжи к другой. Гримм внимательно проследил оппортунистическое развитие германской социал-демократии и использует для своих реакционных целей противоречие между радикально звучащими фразами и реальными делами оппортунистических социал-демократических политиков, разочарование честных рабочих в этой политике и т. д. *Так возникает роман, живой в основе, но детали которого часто придают этой лжи обманчивую видимость изображения действительной жизни.* Конечно эта ложь проникает сильнее всего части романа, которые задуманы как наиболее «поэтические». Гримм горделиво полагает, что он придумал трогательную поэтическую фабулу и в своем герое и героине изобразил «истинно немецких» людей, действительных представителей «пролетарской нации». Но скрыть ложь своей концепции ему не удастся: «поэтическое» превращается в слащавую сентиментальность, в показной героизм.

Нечто другое представляют писатели вроде Фаллада и Саломона. Это были честные, сбитые с толку мелкобуржуазные интеллигенты. Они пытались честно изобразить жертвы экономического кризиса из мелкобуржуазной и пролетарской среды (Фаллада — «Kleiner Mann, was nun?»¹) или судьбу интеллигентов, выбитых из их социальных позиций войной и восстающих против Версальского мира (Саломон — «Презренные», «Город»). Но в общей конструкции, в фабуле и судьбе героев всегда получает свое выражение путанность их концепции. «Унификация», проведенная фашистами, погубила их обоих как писателей. Они не выступили пока с открытым прославлением Третьей империи. А если бы им и пришлось выступить в этой жалкой роли, то ничего значительного они создать не могли бы. Оба капитулировали перед гитлеризмом, оба ищут спасения в изображении чисто личной судьбы отдельного человека и отказываются от всякой попытки изображения реальных и типических характеров.

Официальная фашистская публицистика переполнена жалобами по поводу количественного и качественного регресса литературной продукции. «Классик» фашистской Третьей империи Ганс Гримм вынужден был при одном распределении премий за фашистские романы заявить, что ему не попадала в руки ни одна рукопись, которая была бы достойна премии, за исключением книги бывшего социал-демократа Виннига. Но и эта книга не могла быть премирована, так как она представляла собой мемуары, а не роман. И Геббельс предостерегает своих литературных молодцов от прямого и грубого внесения в литературу фашистской идеологии, от механического проведения «унификации умов». Необходима, дескать, «душевная унификация».

Но все эти ухищрения не помогают. Основой живого искусства является жизненная правдивость. Основой фашистской литературы является лживая сказка о «немецком социализме». В литературе эта грубая ложь может быть подана самое большее в форме демагогического лубка, как мы это уже показали выше. Поэтому все призывы Геббельса и прочих фашистских златоустов к «душевной унификации» имеют лишь один социальный смысл: пишите ложь, пишите неправду. А на этой основе немецкая литература и ее теория могут лишь глубже погружаться в варварство, в варварство умирающего монополистического капитализма, из которого есть только один спасительный выход: победа пролетарской революции.

---

¹ Есть русский перевод «Что же дальше?», изд. «Время», 1934 г.

Нет ничего случайного в том, что именно уроки захвата власти Гитлером и гитлеровского режима дали сильный толчок к полемизации самых выдающихся писателей капиталистических стран. Наиболее честным и лучшим писателям капиталистического мира становится все яснее не только то, *откуда* идет угроза для культуры, а вместе с тем и для литературы, но также, *откуда* должно прийти спасение от угрожающей фашистской варваризации мира.

Андре Жид в своей речи на Парижском конгрессе защиты культуры полемизировал с одним французским фашистским писателем, который с редкой откровенностью заявил, что в основе цивилизации лежит ложь. Жид отвечает: «Нет! Я не могу поверить, чтобы фундаментом цивилизации неизбежно должна была оказаться ложь. Такая искусственная цивилизация, которая хочет быть искусственной и даже декларирует это, является достойным отражением и продуктом лживого социального строя и несет в себе зародыш смерти. Произведения, которые она еще создает, полумертвы, точно так же как и общество, которое их приемлет. И если мы не сумеем стряхнуть все это, нам крышка»¹.

Фашизм борется против всяких достижений культуры. Фашизм своей ложью и террором *хочет задушить культуру*.

Андре Жид хорошо видит, где следует искать спасения от фашистского похода на культуру, спасения от фашистского варварства. Успехи социалистического строительства в Советском союзе, культурный подъем масс, восходящая линия литературного развития, результаты борьбы за социалистический реализм оказали величайшее влияние на его воззрения (как и на воззрения Мальро, Ж. Р. Блока, Генриха Манна и др.). Андре Жид говорит: «СССР для нас теперь небывалое зрелище неожиданного, беспредельного значения и, я осмелюсь прибавить, пример. Это страна, где писатель может вступить в непосредственное общение со своими читателями. Вместо того чтобы плыть против течения, как вынуждены это делать мы, он может отдаться течению. Он может найти в окружающей его действительности и вдохновение, и помощь, и непосредственный отклик на свое произведение»².

На одной стороне — действительность, в которой со

¹ Андре Жид, Защита культуры, «Литературный критик» № 8, 1935, стр. 26.

² Там же, стр. 28.

всей мощью проявляется великий героизм трудящихся масс, в которой каждая фаза общественного развития порождает все новые и новые типы подлинного величия, подлинного героизма без фраз, действительность, которая требует лишь правдивого изображения. Здесь писатель должен напрягать всю силу своего таланта, чтобы не остаться далеко позади красоты и величия действительности. На другой стороне — насилия над трудящимися, грязь и ложь загнивающего капитализма и кровавого фашистского террора. Здесь писателю господствующие классы предъявляют требование изображать порабощение масс как «народное единение», жестокость слуг монополистического капитализма — как подлинный героизм, нищету масс — как благосостояние нации, отчаяние озлобленных трудящихся масс — как счастье и воодушевление.

Налицо два мира. Пишите правду художественно, ярко, смело, по-революционному, по-большевистски — таков лозунг социалистического реализма. Пишите ложь — таково требование фашистов, прикрывающихся лживой вывеской «героического реализма».

Лучшие писатели капиталистического мира все яснее и яснее понимают, что нельзя колебаться между этими двумя мирами. При выборе между фашистским варварством, с одной стороны, и пролетарским гуманизмом и социалистической культурой, с другой, не может быть колебаний у подлинных мастеров культуры, если они не хотят изменить культуре. Фашизм — могильщик культуры, подлинного искусства, литературы.

Социализм вызывает великий расцвет нового искусства и литературы. Это искусство усваивает все великое прогрессивное наследие культурного развития человечества. Критикуя недостатки и ограниченность буржуазного реализма и натурализма, пролетариат овладевает великими произведениями искусства и литературы прошедших эпох и создает свое искусство и свою литературу на основе социалистического реализма как творческого метода.

Социалистический реализм развивается на основе практики классовой борьбы пролетариата за социализм, на основе социалистического строительства, ликвидации классов, уничтожения эксплуатации человека человеком. Социалистический реализм своим основным принципом имеет требование марксизма-ленинизма дать глубокое, правдивое, художественное изображение действительности в ее революционном развитии.

В СССР литература растет под знаменем великих идей Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, применяя творческий

метод социалистического реализма. Перед литературой в СССР широчайшее и свободное поле деятельности. Литература СССР — это литература народов, освобожденных от буржуазно-помещичьего гнета и эксплуатации. Это литература, освобожденная от развращающего подчинения грязным интересам капитала. Это литература подлинно свободная, которая не нуждается в том, чтобы писать эзоповским языком, ибо может сказать правду полным голосом. Литература СССР — это подлинно народная и интернациональная по своему духу, национальная по форме и социалистическая по содержанию литература. От нашей литературы трудящиеся требуют лишь правдивого изображения своей великой, подлинно героической борьбы за социализм. В СССР, где труд стал делом чести, доблести, геройства и славы, где жить и работать становится все радостней и веселее, где созданы все условия для проявления массовой инициативы и талантов народа, где имеется бесконечное количество живых, ярких типов, смелых и великих характеров, — перед литературой и искусством открыты величайшие перспективы развития.

Перед нашей литературой стахановское движение поставило новые проблемы. Своим гениальным взором товарищ Сталин вскрыл в нем явление, подготовляющее условия перехода от социализма к коммунизму. Пролетарии других стран создают единый пролетарский и народный фронт против фашизма. В этом фронте почетное место мастеров культуры, «инженеров человеческих душ», должны занять и займут все пролетарские и революционные писатели, связанные с трудящимися массами. Лживым фашистским писаниям они противопоставят великую правду трудящихся масс, правду Великой пролетарской революции. Только на этом пути литература добьется своего расцвета и выполнит свою великую роль.